

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

**Вестник Ассоциации российских
географов-обществоведов**

2018

№ 7

Учредитель:

Ассоциация российских географов-обществоведов (АРГО)

Главный редактор:

А. Г. Дружинин, д.г.н., профессор, Президент Ассоциации российских географов-обществоведов (АРГО)

Редакционный совет:

Бакланов П. Я. (председатель), Герасименко Т. И., Гладкий Ю. Н., Зубаревич Н. В., Зырянов А. И., Каледин Н. В., Колосов В. А. (заместитель председателя), Мажар Л. Ю., Нефедова Т. Г., Разумовский В. М., Сысоева Н. М., Фёдоров Г. М. (заместитель председателя), Шарыгин М. Д., Щитова Н. А.

Редакционная коллегия:

Бабурин В. А., Дружинин А. Г. (председатель), Катровский А. П., Пилясов А. Н., Трейвиш А. И., Чистобаев А. И. (заместитель председателя), Шувалов В. Е. (заместитель председателя), Шупер В. А.

Выпуск данного номера подготовлен при научно-организационной и финансовой поддержке Ростовского регионального отделения АРГО и Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета.

Подписано в печать 25.05.2018. Выход в свет 25.06.2018.

Формат 60x84 1/8. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 30,5.

Тираж 100 экз. Заказ № 25/01

Адрес редакционной коллегии: 344006, Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160
vestnikargo@yandex.ru

Отпечатано: ЗАО «Центр Универсальной Полиграфии»
344006, Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 140, офис 201

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ:
ВЕСТНИК АССОЦИАЦИИ
РОССИЙСКИХ ГЕОГРАФОВ-ОБЩЕСТВОВЕДОВ**

Научный журнал

Основан в апреле 2012 г.

Включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Сайт журнала www.vestnik-argo.sfedu.ru

Сайт Ассоциации российских географов-обществоведов (АРГО)

www.argorussia.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКСПЕРТНЫЕ РАЗРАБОТКИ И МНЕНИЯ

Нефедова Т. Г. Факторы и тенденции изменения сельского расселения в России.....	4
Чистобаев А. И. Сюжеты из практики управления развитием территорий в СССР и современной России.....	21
Гладкий Ю. Н. Капитализация урбопространства как ключевой вектор жилищного строительства в современной России.....	33
Дружинин А. Г. Общественно-географические «скрепы» современной России.....	43
Герасименко Т. И., Родоман Б. Б. Этноконтактные зоны как вид этнокультурных регионов.....	55

ИССЛЕДОВАНИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ ПАРТНЕРОВ АРГО

- Зеканович И.** Воздействие глобальных геополитических процессов в западном балканском пространстве на межрелигиозные отношения и геополитическую стабильность Боснии и Герцеговины..... 68
- Трифуневич М., Гнято Р.** Общественная география между идейными, идеологическими и практическими требованиями..... 80
- Хосе Мануэль Матео Родригес, Ю. С. Гринфельдт.** Понятия «пространство» и «территория» в географии Латинской Америки..... 90
- Федорко В. Н.** Административно-территориальный подход к исследованию пространственной структуры природопользования (на примере Республики Узбекистан)..... 100
- Подосян А. А.** Характерные черты сельских местностей и расселения в Республике Армения (как горной страны)..... 111
- Кудерин А. А., Тулетаев А. Б., Омаров А. Н.** Загрязнение земель сельскохозяйственного назначения Кызылординской области: ландшафтно-экологические и социально-экономические факторы..... 123

КУЛЬТУРНАЯ ГЕОГРАФИЯ

- Калуцков В. Н.** О москвоцентричности российского пространства..... 132
- Дирин Д. А.** Концепт «геокультурное пространство» в общественной географии..... 146
- Любичанковский А. В.** Ментальные факторы культурного регионализма..... 155

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Батоцыренов Э. А., Тукачева В. М.** Прибайкалье в травелоге врача О. О. Ремана..... 167
- Чугунова Н. В., Комкова А. И.** Пространственное неравенство в регионе высокого уровня социально-экономического развития (Белгородская область)..... 175

Преображенский Ю. В. Формирование осей развития как результат поляризации социально-экономического пространства.....	184
Гуров С. А. Территориальная рекреационная система «сельского зелёного туризма».....	195
Роготень Н. Н., Адашова Т. А., Крейденко Т. Ф. Социально-экономические последствия реформирования ОПК Сибири и Дальнего Востока.....	202

ДИСКУССИИ

Бочарников В. Н. Метафора ойкумены и концепт дикой природы: географическое постижение и визуализация соотношения знания и незнания.....	213
Гонтарь Н. В. Рыночные механизмы сглаживания пространственной социально-экономической асимметрии.....	223

СЛОВО МОЛОДЫМ УЧЁНЫМ

Васильев А. П. Пространственные закономерности эволюции административно-территориального деления Хорватии.....	237
Кузин В. Ю. Экономическая и социальная поляризация регионов России: некоторые тренды.....	249

ХРОНИКА, ИНФОРМАЦИЯ

Дружинин А. Г. Азербайджано-российская конференция географов-обществоведов «Общественная география в Азербайджане и России: приоритеты развития в XXI столетии» (10–14 мая 2018 г., Баку, Азербайджан).....	260
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	262

ЭКСПЕРТНЫЕ РАЗРАБОТКИ И МНЕНИЯ

УДК 910.1+913

Т. Г. Нефедова¹
T. G. Nefedova

ФАКТОРЫ И ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ СЕЛЬСКОГО РАССЕЛЕНИЯ В РОССИИ

FACTORS AND TRENDS OF THE STRUCTURE OF RURAL SETTLEMENTS IN RUSSIA

В статье рассматривается региональная специфика сельского расселения и факторы, влияющие на тенденции его изменения: урбанизация, соотношение естественного движения и миграций, административные преобразования, удаленность от больших городов, инфраструктурная обустроенность, институциональные и экономические изменения, в т.ч. в сельском хозяйстве, интенсивность трудовых и дачных возвратных миграций. Выявляются основные риски сохранения и развития современного сельского расселения. Подчеркивается усиление поляризации сельского расселения и его тесная связь с экономическими и институциональными изменениями. Статья сопровождается картами и графиками.

The article discusses the regional specificity of the rural settlements structure and the factors influencing their trends: urbanization, natural increase or decrease and migration, administrative reforms, remoteness from big cities, infrastructure, institutional and economic changes, including in agriculture, intensity of labor and dacha migrations. It identifies the main risks to the conservation and development of the modern village settlements and emphasizes the increasing polarization of the rural settlement and its close linkages with economic and institutional changes.

Ключевые слова: сельское расселение, урбанизация, депопуляция, миграции, инфраструктура, занятость, сельское хозяйство, административные преобразования, поляризация, трудовые миграции, дачи.

Keywords: rural settlement structure, urbanization, depopulation, migration, infrastructure, employment, agriculture, administrative reforms, polarization, labor migration, dachas.

Введение. Под сельским расселением обычно понимается распределение населения по территории и населенным пунктам (СНП) разного типа и размера. При всей условности такого подхода это позволяет пользоваться официальной статистикой Росстата, хотя и требует корректировок, учитывающих континуальность сельско-городского континуума [1]. Около трети российского населения постоянно живет как бы «между городом и

¹ Нефедова Татьяна Григорьевна, главный научный сотрудник Института географии РАН, главный научный сотрудник Совета по изучению производительных сил при Минэкономразвития России, доктор географических наук, г. Москва.

деревней» [2], то есть формально считаясь городским, проживает практически в сельских условиях в малых городах, пгт и на дачах со значительной ролью сельскохозяйственных занятий. Наоборот, считаясь сельским, население зачастую живет в многоэтажных домах, имеет типичную для городов занятость и набор услуг. С увеличением пространственной мобильности населения России подходы к сельскому расселению меняются. Не только численность сельского населения, но и сама сеть обитаемых населенных пунктов пульсирует по сезонам года и даже дням недели [3].

С.А. Ковалев [4], А.И. Алексеев [5] и другие исследователи обращали внимание, прежде всего, на зональность особенностей расселения, связанную с вариациями природных условий жизни населения и предпосылок его деятельности, особенно сельского и лесного хозяйства. Урбанизация XX века и демографический переход сильно сократили численность сельского населения и изменили рисунок расселения благодаря миграциям между регионами и стягиванию населения и сельской экономики ближе к городам. И, наконец, само состояние экономики, изменение специализации в постсоветское время, влияющие на занятость и доходы сельского населения на разных территориях оказывают заметное влияние на его распределение. Поэтому при исследовании сельского расселения, как географического явления, необходим комплексный подход, предполагающий изучение влияния на него самых разных факторов: институциональных, экономических, социальных, в т.ч. этнических.

Цель данного исследования – выявление современных тенденций трансформации сельского расселения посредством анализа пространственной вариации влияющих на него факторов. Основными материалами исследования послужили статистические данные Росстата по регионам России и по некоторым муниципальным районам. Автор опиралась также на собственные многолетние исследования сельской местности в разных регионах России.

Результаты исследования

Современное сельское расселение. Главный тренд в структуре сельских населенных пунктов, отмечавшийся исследователями еще в советское время – усиление их поляризации, рост числа и доли малых населенных пунктов и концентрация населения в крупных селах – продолжается и в постсоветское время [6, 7, 8]. При этом число средних СНП и население в них уменьшались быстрее всего, в основном, за счет их перехода в группу малых (рис. 1).

Наиболее устойчивыми Н.В. Зубаревич [7] считает СНП с числом жителей более 2000 человек. Однако рост этой группы был связан во многом с преобразованием после 1990 г. в СНП поселков городского типа, в т.ч. из-за ряда льгот сельским жителям по выделению земельных участков, по налогам и т.п. Исследования разных регионов России показывают, что функции опорного каркаса могут выполнять СНП разного размера. Например, в Нечерноземье в позднесоветское время центрами сельскохозяйственных предприятий с необходимым набором социальных услуг, были СНП с числом жителей от 200

до 500 или от 200 до 1000 человек. В постсоветское время, в связи с кризисом сельского хозяйства и оттоком населения в этих регионах, они стали терять «местообразующую» функцию, ее сохраняли лишь более крупные СНП. В целом для современной России можно с определенной долей уверенности говорить об относительной устойчивости СНП с населением свыше 1000 человек. Тем более что федеральный закон «Об общих принципах местного самоуправления РФ» именно им рекомендует образовывать самостоятельный муниципалитет [9].

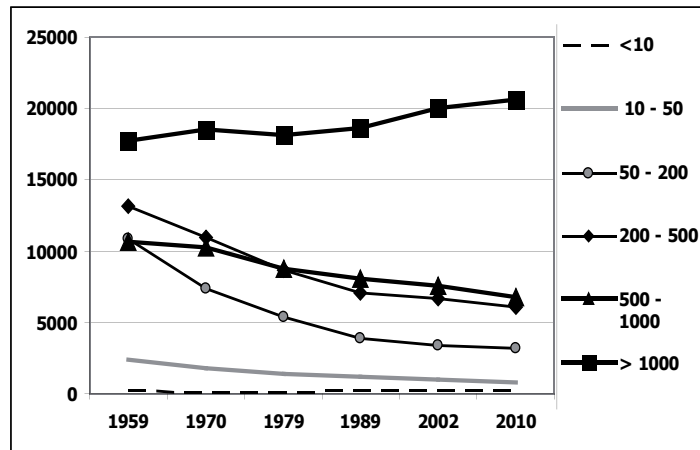

Рис. 1. Изменение численности населения в сельских населенных пунктах разного размера с 1959 по 2010 гг., тыс. человек

Региональное распределение крупных СНП, помимо концентрации в Московской и Ленинградской областях, имеет четко выраженные зональные черты. Их плотность достигает максимума в южных регионах. Помимо Юга выделяются районы нового освоения (рис. 2). Если в советские годы это служило фактором притяжения населения, то в настоящее время размер СНП на севере и востоке страны уже не служит сдерживающим фактором при миграционном оттоке населения.

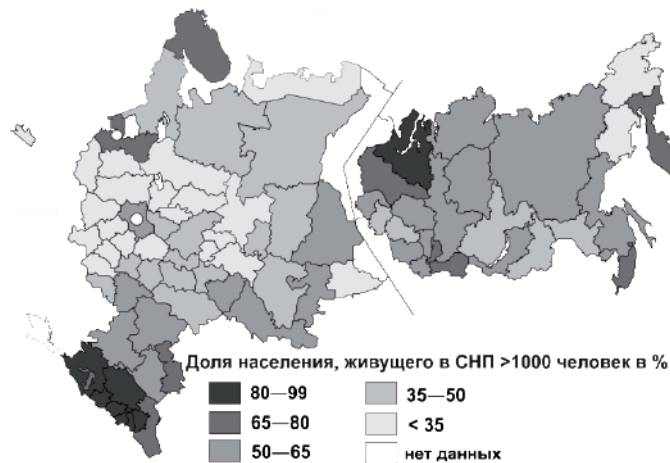

Рис. 2. Доля населения, живущего в крупных сельских населенных пунктах > 1000 человек (по данным Всероссийской переписи населения, 2010)

Доля СНП с населением менее 50 человек достигает максимума в районах Нечерноземья, для которых характерна наиболее сильная депопуляция (рис. 3). Мелкоселенность здесь была изначально задана спецификой освоения лесных территорий и мелкоконтурностью угодий и только усилена в процессе депопуляции. А повышенная доля малых деревень южнее Московской области – результат урбанизации и депопуляции при большей площади обрабатываемых земель.

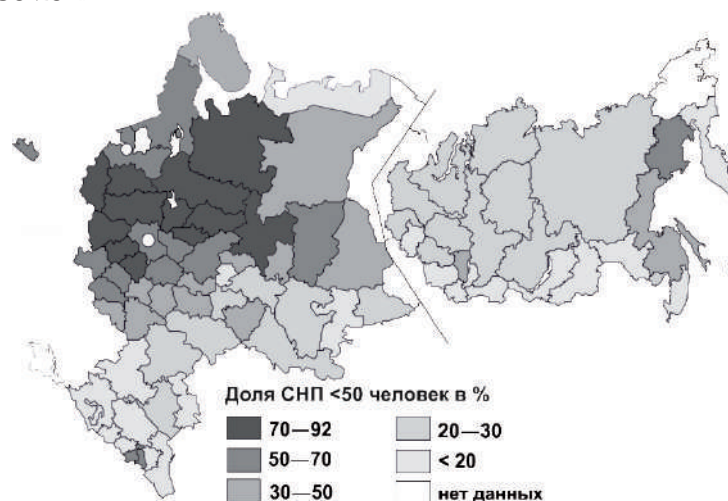

Рис. 3. Доля малых сельских населенных пунктов в регионах (по данным Всероссийской переписи населения, 2010)

Основные факторы, влияющие на изменения сельского расселения

Помимо зональных природных условий на характер сельского расселения и его изменение влияет множество факторов, имеющих четкие пространственные различия:

- накопленные последствия урбанизации и сельской депопуляции;
- соотношение естественного движения и миграций, зависящее от специфики современных региональных процессов урбанизации и этнических факторов;
- институциональные и административные изменения;
- рост больших городов и степень удаленности от них;
- степень инфраструктурной обустроенности сельской местности;
- трансформация и состояние сельской экономики;
- уровень жизни сельского населения, в т.ч. по сравнению с городским;
- интенсивность трудовых возвратных миграций сельского населения;
- дачные возвратные миграции горожан в сельскую местность.

Накопленные последствия урбанизации и сельской депопуляции

Если оставить в стороне исторические этапы освоения территории и катастрофы первой половины XX века и рассмотреть период после переписи 1959 г., то даже за этот промежуток времени перераспределения сельского населения были весьма значительными (рис. 4). Наиболее сильные потери сельского населения произошли в советское время в 1959–1989 гг., когда оно

уменьшилось на 30%, а в регионах нечерноземной части Европейской России более чем наполовину, хотя работали сельскохозяйственные предприятия, а зарплата в сельском хозяйстве к концу советского периода почти сравнялась со средней по экономике. В 1990-х гг. к ним добавился отток сельского населения из северных и восточных регионов, в т.ч. в связи с уменьшением северных льгот и инфляцией.

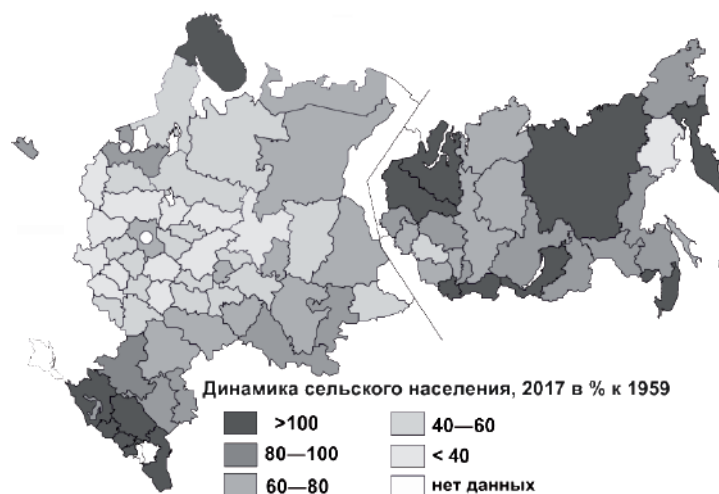

Рис. 4. Динамика сельского населения, 2017 г. в % к 1959 г.
(данные Росстата)

Урбанизация в России не завершена (рис. 5). После небольшого перерыва в 1990-х и в начале 2000-х гг. рост крупнейших городских центров за счет миграций и отток населения из сельской местности возобновились. К нему все больше добавляется отток населения из малых городов и прекращение роста средних городов, что указывает на возвращение к крупногородской стадии урбанизации, пролонгированной спецификой институциональных и экономических условий современной России [10].

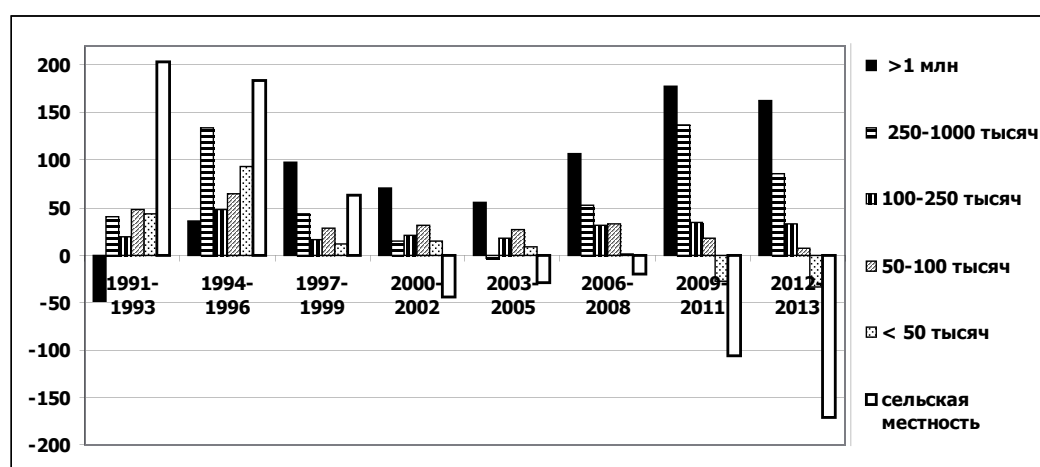

Рис. 5. Миграционная привлекательность городов разного размера и сельской местности, по трехлетиям с 1991 г., тыс. человек в год
(данные паспортов городов)

Демографические и этнические факторы сельского расселения

Катастрофическая естественная убыль сельского населения в последние годы продолжает наблюдаться на значительной территории Центральной России (рис. 6). Она тесно связана с демографическим перекосом в сторону старших возрастов, низкой рождаемостью и повышенной смертностью, в основном, мужчин, в том числе от внешних причин. Это косвенно указывает на деградацию социальной среды в тех районах, где в течение нескольких поколений происходил отток молодой и наиболее активной части сельского населения.

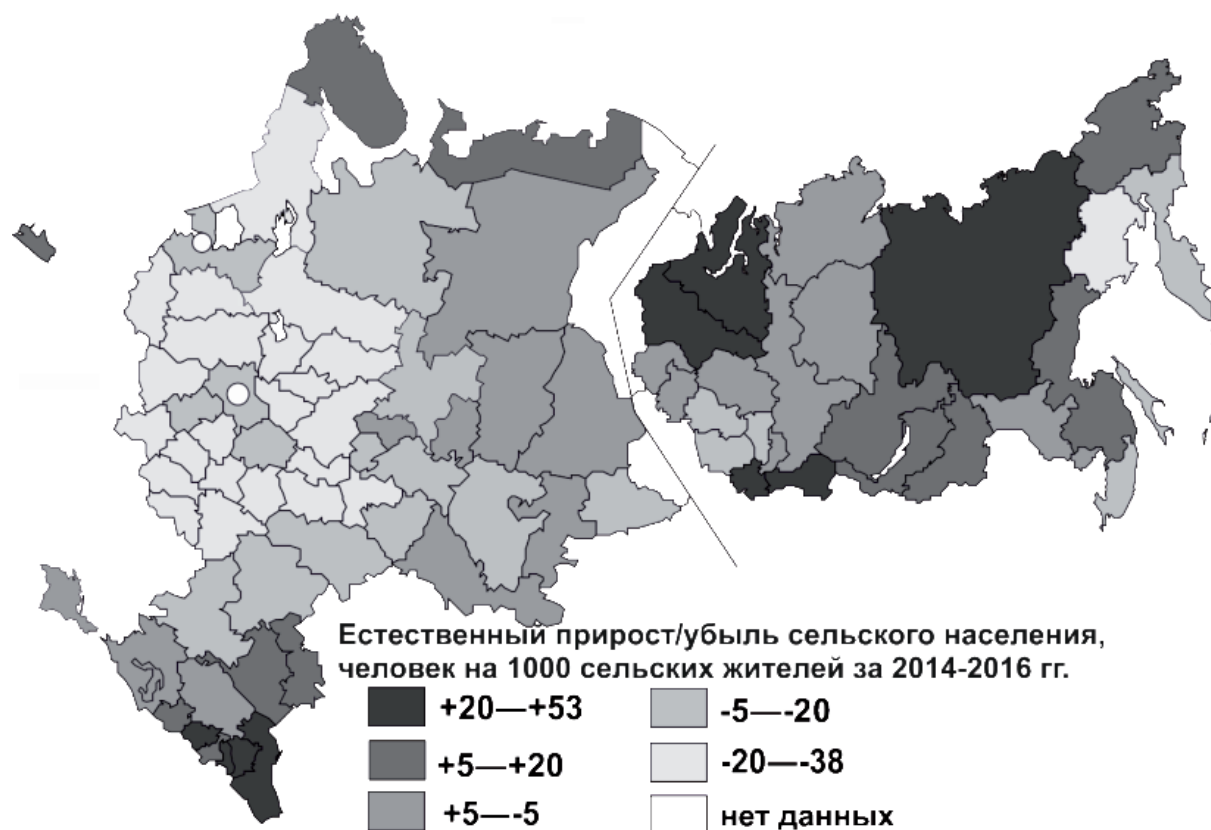

Рис. 6. Баланс рождаемости и смертности за 2014–2016 гг.
(данные Росстата)

Наиболее благоприятные перспективы сохранения сложившейся системы расселения по соотношению естественного и миграционного балансов сельского населения имеют три типа регионов: 1) Московская и Ленинградская области, где приток мигрантов заметно перекрывает убыль стареющего населения (отчасти это характерно и для Ярославской и Калужской областей); 2) Краснодарский край, а также Самарская область; 3) некоторые республики, где естественный прирост все еще перекрывает усиливающуюся миграционную убыль населения (рис. 7, таблица). В этих трех типах регионов живет 8 млн сельских жителей.

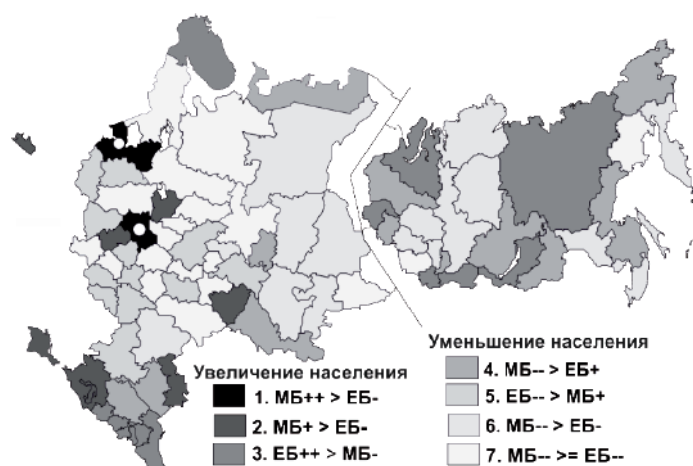

Рис. 7. Типы регионов по соотношению миграционного баланса (МБ) и естественной убыли/прироста (ЕБ) на 1000 жителей за 2014-2016 гг.: ++ и - - сильный прирост/убыль, + и – слабый прирост/убыль

Таблица. Характеристики миграционного и естественного балансов по выделенным типам убыли/прироста сельского населения за 2014–2016 гг. на 1000 жителей*

	Миграционный баланс (МБ)	Естественный баланс (ЕБ)
МБ++ > ЕБ-	53,3	-11,2
МБ+ > ЕБ-	14,7	-5,6
ЕБ++ > МБ-	-14,7	27,7
МБ-- > ЕБ+	-32,8	7,4
ЕБ-- > МБ+	5,0	-23,9
МБ-- > ЕБ-	-24,1	-4,3
МБ-- >= ЕБ--	-28,4	-20,4

* Рассчитано автором по «Численность населения», 2015, 2016, 2017 гг.

В регионах с наиболее уязвимым типом расселения, где отрицательные миграционный баланс и естественная убыль сельского населения имеют синергетический эффект, живет 14 млн. человек. Все эти процессы, хотя и касаются только сельского населения, идут в общем русле региональной динамики населения в целом [11].

Внутрирегиональные пригородно-периферийные различия

Пригородно-периферийные различия для обширной страны со сравнительно разреженным населением и редкой сетью больших городов служат ключевым параметром организации сельской территории. Наиболее сильное положительное влияние города оказывают на экономическое состояние и социальные процессы сельской местности пригородов [12, 13]. В более освоенной Европейской части России в пригородах живет 15% сельского населения, а в Нечерноземье – 27% с плотностью 23 чел./кв. км.¹ Еще 24% живет в районах-соседях второго порядка от большого города (полу-

¹ В Московской области к пригородным отнесены муниципальные районы 1–3 порядка соседства со столицей.

пригород). А почти половина сельского населения Нечерноземья испытывает все тяготы жизни на периферии и полу-периферии регионов, где плотность населения уменьшается в среднем до 4–6 человек/кв. км. Причем за последние 20 лет ситуация ухудшилась, в т.ч. из-за массовых потерь периферией сельской молодежи [14]. В южных регионах с более плотным сельским расселением пригородно-периферийные различия играют не столь важную роль. Но и там они концентрируют 12% населения на 6% территории. В регионах с запаздывающей урбанизацией, в т.ч. в некоторых республиках, происходит активная концентрация сельского населения в пригородах и формирование особой полугородской - полусельской среды [15].

Отличается и структура расселения в пригородах и на периферии. В Нечерноземных пригородах в СНП с населением > 1000 человек живет около 2/3 сельского населения, на периферии – менее четверти. Но и контрастность сети расселения в пригородах выше. Устойчивость мелких СНП вблизи города связана с тем, что в них живут либо маятниковые мигранты, работающие в городе, либо дачники.

Пригороды – муниципальные районы-соседи города первого, иногда второго порядка занимают, как правило, 5–10% территории регионов. Если учесть, что население более 100 тыс. жителей имели в РФ всего 164 города, то при среднем расстоянии между большими городами даже в Европейской России 190 км (без Московской области) и среднем радиусе пригородов в 30–40 км, огромные пространства сельской местности оказались вне экономического и демографического влияния городов, прежде всего в Нечерноземье, а также в ряде северных и восточных регионах.

Недостаточная инфраструктурная обустроенность

В России каждый пятый сельский населенный пункт не имеет связи по дорогам с твердым покрытием [16]. Особенно сложно с внутренними дорогами в сельских поселениях, протяженность которых с 2000 г. сократилась почти в 3 раза. Лишь 88 тысяч из 153 тысяч СНП обслуживаются общественным транспортом, при этом длина автобусных маршрутов в сельской местности достигает 969 км.

Отделения почтовой связи базируются лишь в 30 тыс. СНП. Еще около 5 тыс. обслуживаются передвижными отделениями. Телевидение добралось практически до каждого сельского дома, им охвачено 96% населения (там же), правда, это чаще всего две программы: Первый канал и Россия-1. Остальные массовые каналы могут принимать от 8 до 30% сельских жителей.

Жилищные условия в сельской местности в последние годы несколько улучшились, в т.ч. за счет ФЦП «Социальное развитие села». Однако сельскохозяйственная перепись в 2016 г. выявила, что только 41% сельских домохозяйств подключены к сетям газоснабжения и 45% к сетям водоснабжения. При этом географические различия огромны: сельская местность на юге европейской части России, включая республики, с одной стороны,

и в староосвоенном Нечерноземье и на востоке, с другой, – это разные миры (рис. 8, 9).

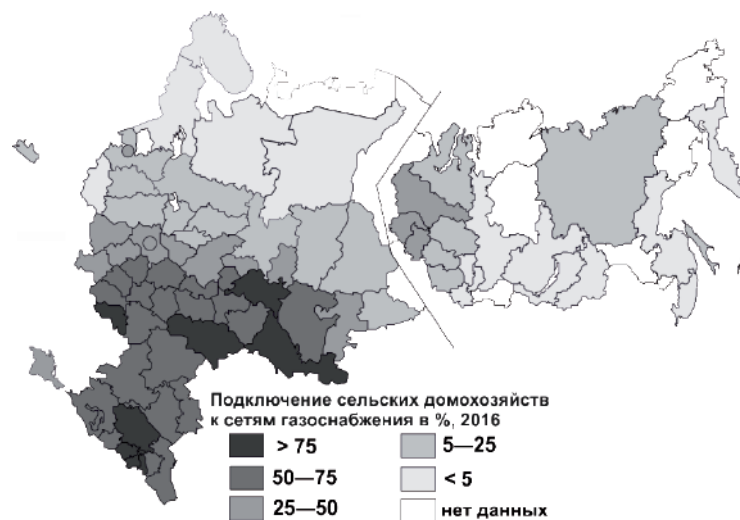

Рис. 8. Обеспеченность сельских домохозяйств сетевым газом в % (Всероссийская сельскохозяйственная, 2017, т. 2)

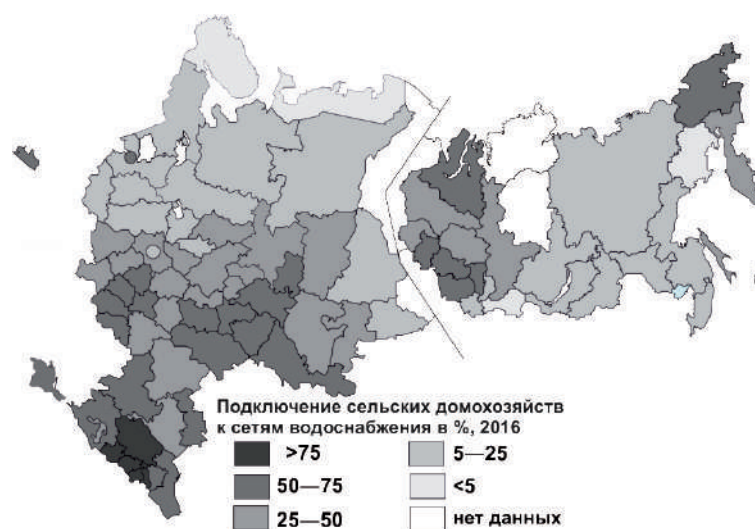

Рис. 9. Обеспеченность сельских домохозяйств водопроводом в % (Всероссийская сельскохозяйственная, 2017, т. 2)

Треть сельских домохозяйств использует печное отопление. Правда, расширяется применение автономных источников теплоснабжения (32% индивидуальных хозяйств) и водоснабжения (29%) [16], однако это чаще встречается в пригородах крупных центров. В современный век электроники – телевизора уже недостаточно, а к сети интернет подключены лишь 24% сельских домохозяйств и даже к мобильной сотовой связи – 76%. Факторы бытового обустройства жизни в сельской местности приобретают гораздо большее значение, чем в XX веке, особенно для молодежи, которая не желает жить в таких условиях.

Пониженный уровень жизни в сельской местности

С 2000 г. уровень ресурсов на душу сельского населения ни разу не перешел планку две трети от уровня городских домохозяйств [17]. В постсоветские годы отраслевые и региональные различия в оплате труда усилились. Особенно заметно отстали зарплаты в сельском хозяйстве. В 1980-е гг. они были на среднероссийском уровне, в начале 1990-х – около 15% этого уровня, а сейчас составляют лишь половину средних по России зарплат. К тому же кризис многих предприятий привел к усилению сезонности сельскохозяйственных работ: большую часть года работники, хотя и числятся официально, получают мизерную зарплату или не получают ее вовсе.

И хотя доля расходов на питание понизилась, она все еще выше, чем у городских домохозяйств, в 2015 г. на питание в городах тратилось 31,7% всех расходов домашних хозяйств на конечное потребление, в сельской местности – 43,5% [18]. В сельской местности повышена доля бедных, здесь живет до 40% бедных страны при доле сельского населения в 26%, причем 2/3 бедных – это семьи работающих людей [17]. Все это на фоне гламурных представлений о больших городах, которые люди получают из телевизоров, стимулирует миграционный отток из сельской местности.

Административные факторы и муниципальные преобразования

Помимо размера СНП устойчивость сельского расселения в регионах зависит от его административного статуса, который всегда в России играл важную роль. Наличие сельских населенных пунктов во главе районов обычно связано с повышенной ролью сельского хозяйства. Однако в Нечерноземных и восточных регионах повышенная доля СНП как центров муниципальных районов может свидетельствовать о недоразвитости системы расселения [19]. Чаще они встречаются на периферии регионов.

Роль административных преобразований пгт в села в некоторых регионах в постсоветские годы была настолько велика, что динамика численности населения перестала показывать реальные тренды [20]. Благодаря только административным преобразованиям сельское население увеличилось между переписями 1989 и 2010 г. на 2,4 млн. человек, что как бы «замедлило» процесс убыли сельского населения.

Особая проблема возникла к настоящему времени на более низком иерархическом уровне – сельских поселений (бывших сельских администраций или сельсоветов). Несмотря на то, что прекращение советской государственной поддержки сельскохозяйственных предприятий почти обрушило сельскую экономику во многих регионах, социальная инфраструктура в первой половине 1990-х гг. продолжала поддерживаться государством. Однако в результате уменьшения населения, особенно молодежи, и некомплектности школ и медицинских учреждений многие сельские поселения оказались «в фокусе противоречивых требований: с одной стороны, необходимость обеспечивать определенный уровень услуг всем гражданам страны и поддерживать

бюджетную сеть «любой ценой», с другой, необходимость эффективного использования ресурсов» [21]. Выбор был сделан в пользу объединения сельских поселений. В результате кампании закрывались средние школы, сельские больницы, клубы и т.п., особенно в поселениях, состоящих из 10–15 СНП, общей численностью менее 500 постоянных жителей. Доля таких поселений особенно велика в Нечерноземье и на востоке страны.

По данным Министерства здравоохранения РФ число больничных организаций в сельской местности с 1995 по 2014 г. сократилось в 5,5 раз, число амбулаторно-поликлинических организаций – в 3 раза, число сельских участковых больниц – в 30 раз, правда, при расширении районных больниц в 1,5 раза. Количество сельских школ с 2000 г. уменьшилось с 45 до 26 тысяч. Доступность образования достигалась созданием системы «школьных автобусов» и расширением сети интернатов [7]. При недостаточности дорожной инфраструктуры, общественного транспорта и больших расстояниях между деревнями это привело к существенному ухудшению доступности школ и больниц, включая скорую помощь, и усилению оттока из малых деревень [22, с. 73–123]. Эта кампания, не учитывающая специфику местных условий, только усилила поляризацию сельской местности. Оптимальный путь социального обеспечения сельского населения так и не был найден.

Трансформация сельской экономики, занятость и отходничество

В постсоветское время занятость в сельском хозяйстве, особенно на предприятиях, уменьшалась стремительно, что было связано с трансформацией самого сельского хозяйства в новых институциональных и экономических условиях. Закрытие многих убыточных сельскохозяйственных предприятий в районах со сложными природными условиями и сильной депопуляцией сельского населения стало отражением нормального для рыночных институтов территориального разделения труда. В современных условиях сельскохозяйственный бизнес стремится в регионы, лучше обеспеченные природными и трудовыми ресурсами; туда же стягиваются и капиталы [13]. Кроме природных условий на состояние сельского хозяйства влияют большие города, стягивая в пригороды не только население, но и инвестиции. Наряду с южными регионами, пригороды больших городов стали основными производителями сельскохозяйственной продукции. Уменьшение занятости было связано и с модернизацией агропромышленного комплекса в относительно успешных районах, с появлением агрохолдингов и фермерских хозяйств. Повлияла также смена специализации южных сельскохозяйственных регионов на менее трудоемкое растениеводство [23].

Сокращение занятости в сельском хозяйстве привело к тому, что в нем в 2015 г. работало лишь 20% всех официально занятых в сельской местности, в т.ч. 7% в растениеводстве и 13% в животноводстве в сочетании с растениеводством. Большая часть официально занятых селян работает в бюджетной сфере.

Выявление возможных трендов изменения занятости в сельском хозяйстве, в значительной степени влияющей на закрепление населения в сельской местности, может основываться на его современных тенденциях. Несмотря на восстановление сельского хозяйства (его валовая продукция достигла уровня 1990 г.), оно идет в значительной степени за счет нетрудозатратного растениеводства. Животноводство удастся восстанавливать в основном агрохолдингам, также требующим меньше занятых. Во многих республиках распространены полуархаичные традиционные формы хозяйства и неформальная занятость. Поэтому общее число занятых в сельском хозяйстве продолжит сокращаться¹ (рис. 10).

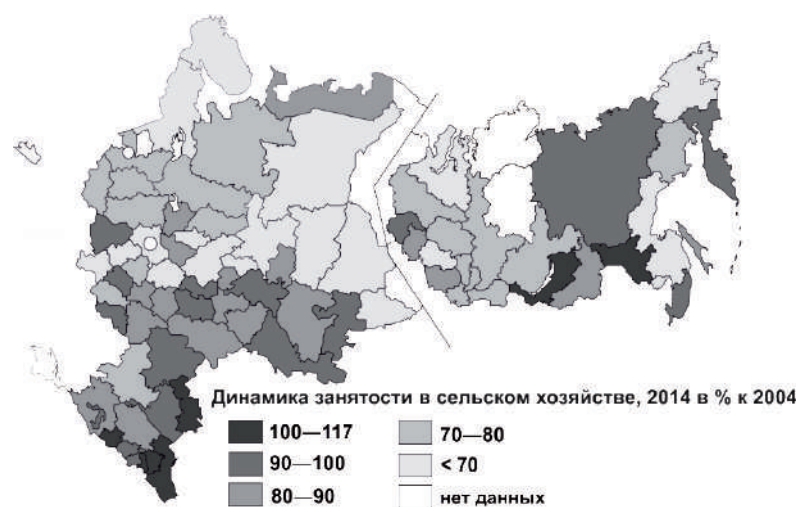

Рис.10. Динамика занятости в сельском хозяйстве; 2014 в % к 2004
(Данные Росстата)

Сильное сокращение занятости в сельском хозяйстве вызвало увеличение реальной безработицы в сельской местности, причем не только в депрессивных, но и в южных благополучных регионах, где крупные сельскохозяйственные «моноселы» составляют не меньшую проблему, чем моногорода. На практике используются два пути выхода из ситуации: массовое отходничество из сельской местности на работу в города и неформальная занятость в месте проживания, в т.ч. в сельском хозяйстве. Эти тенденции в ближайшие годы сохранятся.

Особенно велика доля отходников в регионах окружающих Московскую агломерацию. Отход поглощает в них от 7 до 20% сельского населения в трудоспособном возрасте (рис. 11). Это создает своеобразный парадокс: в регионах с повышенной долей отходников вокруг Московской области

¹ Расчеты прогнозной занятости показали, что при сохранении региональных тенденций на предприятиях она составит к 2030 г. 79% от уровня 2014 г., с учетом занятости в домашних хозяйствах с целью обмена и продажи продукции – 87% [24]. Это согласуется с данными других исследователей, которые прогнозируют падение занятости в сельском, лесном и охотхозяйстве до 85% [25].

вакантные места в бюджетной сфере и в сельском хозяйстве остаются незанятыми [3, с. 162–173].

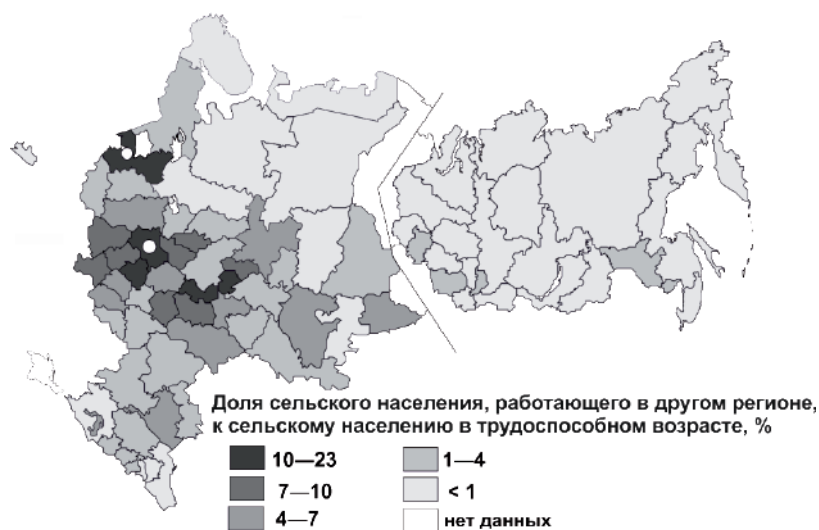

Рис. 11. Интенсивность трудовых миграций из сельской местности, по Всероссийской переписи населения, 2010.

Несмотря на ряд негативных последствий, отходничество способствует на данном этапе сохранению приемлемого уровня жизни населения и сети сельского расселения, поскольку семья отходника остается в деревне. Сменный режим работы способствует сохранению личного подсобного хозяйства, которое также удерживает семью в сельской местности. Однако с точки зрения перспектив расселения, отходничество – это ступень для переезда в город: около половины отходников хотели бы переехать, но их удерживает финансовая недостижимость покупки городского жилья. Многие отходники, особенно если в процесс включаются женщины, перебираются в города или в пригороды крупных центров.

Дачная мобильность горожан и изменение сельского расселения

При уникальной массовости дач в России, несопоставимой с другими странами, и их огромном разнообразии можно выделить три их основные группы: 1) садовые, дачные и огороднические некоммерческие товарищества/объединения (СНТ) – единственный вид дач, по которым есть статистические данные, 2) дачи в деревенских домах, купленных или унаследованных горожанами, также весьма массовые, но невидимые статистикой, 3) дома в коттеджных поселках, пригодные для круглогодичного проживания, но часто используемые сезонно как дачи [26]. СНТ могут находиться на территории городов или сельских поселений, но большинство расположено вне границ населенных пунктов. При этом они концентрируют в летний период сотни и тысячи человек, хотя и не имеют официального поселенческого статуса. Более того, средняя численность летнего населения в одном СНТ в областях Нечерноземья выше, чем население в сельских населенных пунктах (рис. 12).

Рис. 12. Сравнение средней численности населения в летний сезон в дачных, садовых товариществах и коттеджных поселках вне населенных пунктов со средней численностью населения в сельских населенных пунктах в некоторых регионах Нечерноземья, человек [3, с. 364]

В результате не только в пределах городских агломераций, но и за их пределами сформирована параллельная сеть сезонного расселения горожан. Не все СНТ активно используются, есть заброшенные участки. В других живут несколько поколений. Но даже если условно принять, что в летний сезон на участке могут находиться хотя бы 2 человека, то плотность городского дачного населения в сельской местности в ряде муниципальных районов, в т.ч. за пределами Московской области, превышает плотность местного сельского населения.

Особое влияние на сельское расселение оказывают горожане-дачники, купившие или унаследовавшие дома в деревнях. Они готовы преодолевать большие расстояния до деревень, удаленных на 700 и более км. Особенно много их между Москвой и С.-Петербургом [27]. Такие дачники тяготеют к небольшим деревням (рис. 13), выполняя очень важную функцию сохранения малых сельских населенных пунктов, а тем самым – освоенности территории и сложившейся сети расселения, численность населения которой пульсирует по сезонам года. Горожане обеспечивают занятость части местного населения, поддерживают налогами местные бюджеты, создают новую социальную среду.

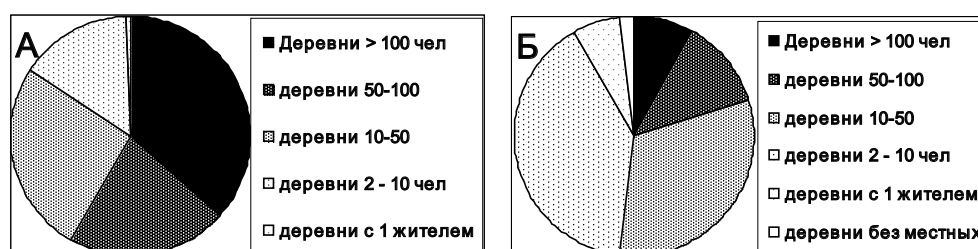

Рис. 13. Особенности расселения местных жителей (А) и горожан-дачников (Б), купивших или унаследовавших дома в деревнях (Плисская волость Невельского района Псковской области), в 520–530 км от Москвы и от С.-Петербурга [3, с. 405].

Исследования показывают, что процесс покупки вторых домов, в т.ч. в удаленных деревнях, для сезонного времяпровождения не затихает, хотя число горожан, переехавших на постоянное место жительства на среднеудаленные и дальние дачи – на порядки меньше, чем дачников.

Заключение

Главные риски сохранения и развития современной сети сельского расселения можно свести к следующим.

Географические и инфраструктурные: 1) исторически сложившаяся затянутость сельского населения в районы с неблагоприятными природными условиями; 2) редкая сеть больших городов, оказывающих положительное влияние на развитие сельской местности; 3) инфраструктурная необустроенность, особенно в Нечерноземье и на востоке страны.

Демографические и социальные: 4) накопленные итоги депопуляции; 5) незавершенная урбанизация и продолжение отъезда сельского населения в большие города; 6) более высокий уровень бедности сельского населения по сравнению с городами, особенно большими; 7) усиление возвратной трудовой мобильности населения.

Экономические и институциональные: 8) изменение структуры сельской экономики в постсоветское время, сокращение занятости и усиление безработицы в сельской местности; 9) концентрация финансовых ресурсов в крупных центрах и неблагоприятные институциональные условия для развития малого и среднего бизнеса в сельской местности; 10) централизация бюджетной политики, лишаящая регионы и муниципальные районы свободы распоряжения средствами.

Значительная часть южных регионов России характеризуются более устойчивым сельским расселением при сохранении существенной роли сельского хозяйства в развитии сельской местности, сопровождаемой его модернизацией, но нуждается в усилении полифункциональности. Нечерноземье – наиболее депрессивные сельские территории с накопленными итогами депопуляции и разрушающейся сетью малых и средних населенных пунктов, где главным ограничителем развития служат трудовые ресурсы и социальная среда. Внутрирегиональные различия здесь, как правило, сильнее межрегиональных и связаны с размером и степенью влияния больших городов на сельскую местность. На менее освоенных территориях со сложными природными условиями и очаговым развитием продолжается миграционный отток, расплывающий сеть крупных и средних населенных пунктов.

Расселение и экономика тесно взаимосвязаны. В целом можно отметить постепенное преобразование крупноареальной системы сельского расселения в более очаговую урбанистическую при значительных различиях между регионами. Можно отметить ключевые меры, без которых любые частные попытки совершенствования сельского расселения не приведут к успеху.

1. Изменение институциональных условий в сторону большей инициативы региональных и местных властей.

2. Сочетание федеральных и региональных программ развития сельской местности и ее экономики с поддержкой инициатив экономических субъектов и населения «снизу», особенно малого бизнеса и средних предприятий.

3. Финансирование социальной и сохранение дорожной инфраструктуры в сельской местности, исходя не только из численности современного постоянного населения, но и мобильного, всячески содействуя расширению дачного использования горожанами деревенских домов с учетом их влияния на сохранение и развитие сельских населенных пунктов и в целом освоенности территории, в т.ч. и в периферийных районах. Осознание роли горожан в сельской местности появилось и на уровне разработки стратегии ее развития [35].

Главное, не допускать унификации подходов в разных субъектах РФ и разных муниципальных районах, учитывать их природные, социально-демографические и экономические ограничения и преимущества.

Данное исследование проводилось в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 53 «Пространственная реструктуризация России с учетом геополитических, социально-экономических и геоэкологических вызовов на 2018–2020 гг.», проект № 0148-2018-0030 П «Эволюция и адаптация основных типов местности России к современным вызовам в разных географических условиях». Результаты использованы для разработки предложений по формированию положений стратегии пространственного планирования РФ в части определения проблем и направлений совершенствования системы расселения на территории РФ.

Литература

1. Трейвиш А.И. Сельско-городской континуум: региональное измерение // Проблемы регионального развития России. Вопросы географии. 141. М.: Изд. Дом «Кодекс». 2016. С. 51–72.
2. Нефедова Т.Г. Большой, средний, малый город и село в России // География, градостроительство, архитектура: синтез наук и практик. Смоленск: Ойкумена, 2013. С. 171–191.
3. Между домом и... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / ред. Нефедовой Т.Г., Аверкиевой К.В., Махровой А.Г.. М.: Новый Хронограф. 2016. 504 с. <http://ekonom.igras.ru/data/bhah2016.pdf>
4. Ковалев С.А. Сельское расселение. Географическое исследование. М.: Изд-во Московского университета, 1963.
5. Алексеев А.И. Многоликая деревня: население и территория. М.: Мысль, 1990.
6. Лухманов Д.Н. Эволюция сельского расселения // Город и деревня в Европейской России: 100 лет перемен / Под ред. Т. Нефедовой, П. Поляна, А. Трейвиша. М.: О.Г.И., 2001. С. 240–272.
7. Зубаревич Н.В. Трансформация сельского расселения и сети услуг в сельской местности // Известия РАН, сер. Геогр. № 3. 2013. С. 26–38.

8. Изменение сельского расселения в России в конце XX – начале XXI века // Вестник Моск. Ун-та. Сер. 5 География 2015. №2. С. 66–76.
9. Вайнберг Э.И., Глезер О.Б. Пространство жизнедеятельности населения и расселение как факторы и условия модернизации России // Регион: экономика и социология. 2013. № 3(79). С. 21–38.
10. Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Перестройка расселения в современной России: урбанизация или дезурбанизация? // Региональные исследования. № 2 (56). 2017. С. 12–24.
11. Бородина Т.А. Типология региональной динамики населения России в постсоветский период // Проблемы регионального развития России. Вопросы географии. 141. М.: Изд. Дом «Кодекс». 2016. С. 191–209.
12. Иоффе Г.В., Нефедова Т.Г. Центр и периферия в сельском хозяйстве российских регионов // Проблемы прогнозирования. № 6, 2001.
13. Нефедова Т.Г. Основные тенденции изменения сельского пространства России // Изв. РАН. Сер. Геогр. 2012. № 3. С. 7–23.
14. Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Роль миграции в усилении контрастов расселения на муниципальном уровне в России // Известия РАН, Сер.геогр. 2016. №5. С. 46–59.
15. Бреславский А.С. Незапланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост Улан-Уде в постсоветский период. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 2014. 192 с.
16. Всероссийская сельскохозяйственная перепись 2016 года. Том. 2. Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года по субъектам РФ. М.: ИИЦ «Статистика России». 2017. 1111 с.
17. Овчинцева А.А. Человеческий потенциал и развитие инфраструктуры сельских территорий // Научно-методические основы устойчивого развития сельских территорий. Вып. 41. Москва: ВИАПИ им. А.А. Никонова. 2015. С. 110–130.
18. Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств во II квартале 2015 г. (по итогам выборочного обследования домашних хозяйств). М.: ФСГС, 2016.
19. Гунько М.С., Глезер О.Б. Малые районные центры и окружающие территории в Центральной России в 1970–2010 гг.: динамика и распределение населения // Известия РАН. Сер. Геогр. № 1, 2015. С. 64–76.
20. Назаров В.С., Зубаревич Н.В., Нефедова Т.Г., Полякова А.Г. Типы расселения в России и развитие социальных институтов и социальной инфраструктуры. М.: РАНХиГС, 2014. 94с.
21. Стародубровская И.В. Социальная политика на периферийных территориях. Актуальные проблемы. Научные доклады РАНХиГС. № 3. М.: Издат. Дом «Дело», 2014.
22. Потенциал Ближнего Севера: экономика, экология, сельские поселения. К 15-летию Угорского проекта/ ред. Н.Е. Покровского, Т.Г. Нефедовой. М.: Логос. 2014. 495 с.
23. Нефедова Т.Г. Двадцать пять лет постсоветскому сельскому хозяйству России: географические тенденции и противоречия // Известия РАН. Сер. Геогр., № 5. 2017. С. 7–18.
24. Нефедова Т.Г., Мкртчян Н.В. Региональные различия размещения и прогноза трудовых ресурсов сельского хозяйства России // Проблемы прогнозирования. 2018. № 1.
25. Коровкин А.Г. Динамика занятости и рынка труда в перспективе до 2030 г.// Проблемы прогнозирования. 2013. № 4. С. 79–95.
26. Нефедова Т.Г. Российские дачи в разном масштабе пространства и времени // Демоскоп-Weekly, № 657–658. 5–18 октября, 2015.
27. Путешествие из Петербурга в Москву. 222 года спустя. Книга 1. Два столетия российской истории между Москвой и Санкт-Петербургом/ ред. Т.Г. Нефедовой, А.И. Трейвиша. М.:URSS-ЛЕНАНД, 2015.

28. Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года. Министерство сельского хозяйства РФ. М.: ФГБНУ Росинформагротех, 2015. 76 с.

УДК 910.1+913

А. И. Чистобаев¹

A. I. Chistobaev

СЮЖЕТЫ ИЗ ПРАКТИКИ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ ТЕРРИТОРИЙ В СССР И СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

STORIES FROM THE PRACTICE OF TERRITORIAL DEVELOPMENT IN THE FORMER USSR AND MODERN RUSSIA

В статье анализируются последствия игнорирования географических знаний при управлении развитием территорий. Приводятся примеры проявления географического индетерминизма со стороны государственных чиновников. По мнению автора, повинны в этом и географы, зачастую уклоняющиеся от взаимодействия с лицами, принимающими решения. Отмечается, что развитию прикладных исследований не способствует оценка труда ученых по количеству публикаций, а не по внедрению результатов исследований в практику.

The article analyses the consequences of ignoring geographical knowledge in managing territorial development. Examples of the manifestation of geographical indeterminism by state officials are given. According to the author, geographers are also guilty of this, often evading interaction with decision-makers. It is noted that the development of applied research is not due to the evaluation of the number of scientific publications, but to the implementation of research results into practice.

Ключевые слова: географическая наука, географический индетерминизм, региональные проекты, экономика, политика, государственное управление.

Key words: geographical science, geographical indeterminism, regional projects, economics, politics, public administration.

Введение. В профессиональной среде географов бытует такое изречение: глубина географии – в широте. Его можно воспринимать и в шутку, и всерьез. Об этом свидетельствует история становления и развития нашей науки. Под «нашей» автор понимает то, что вошло в название научной специальности 25.00.24 – экономическая, социальная, политическая и рекреационная география, а также и ряд других научных дисциплин, не вошедших в название специальности. Давно назрела потребность в другом названии специальности [1], но, как говорится, «а воз и ныне там». В научных публикациях все чаще

¹ Чистобаев Анатолий Иванович, доктор географических наук, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный профессор СПбГУ, профессор Кафедры региональной политики и политической географии СПбГУ, Санкт-Петербург.

присутствуют слова «общественная география» [2, 3, 4 и др.], наряду с ними употребляются и другие, например, «гуманитарная география» [5]. В принципе, оба приведенных названия отражают суть нашей науки и, надо полагать, одно из них будет, наконец, закреплено в паспорте специальности. Для этого нужна чья-то инициатива (очевидно, экспертов ВАК, представляющих в данной структуре интересы специальности), но ее пока нет. В условиях происходящего ныне расчленения прежде единой системы аттестации кадров высшей категории рассчитывать на решение данного вопроса, увы, не приходится.

Лицам, принимающим управленческие решения на стыке взаимодействия природы и общества, важно «вписаться» в интегративные процессы познания, иначе не избежать ошибок. Однако пришедшие к управлению в последние два десятилетия «эффективные менеджеры» зачастую не способны глубоко вникнуть и познать суть принимаемых решений в области природопользования и доводят дело до абсурда. Для них географическое пространство – это инвестиционная площадка, целевая функция которой состоит в достижении максимальной прибыли в минимально короткие сроки. Закономерностей развития и территориальной организации производительных сил они не знают.

В задачу географов-обществоведов входит не только получение объективных знаний о природно-общественных системных образованиях, а и о доведении их до органов власти и бизнеса. Однако некоторые коллеги заняты поиском абстрактных теорий, которые без участия творцов вряд ли когда-либо заинтересуют не имеющих географического образования управленцев. Об этом свидетельствует накопленная в СССР и в современной Российской Федерации практика принятия опрометчивых решений.

Примеры проявления географического индетерминизма в СССР.

Пример первый – распашка целинных земель. В середине 50-х годов прошлого века по призыву партии и комсомола молодые энтузиасты и завербованные властями опытные механизаторы колхозов и совхозов Российского Нечерноземья направились в алтайские, оренбургские и северо-казахстанские степи поднимать целину. По радио звучали призывные песни, свой клич к молодым обращали газеты и журналы. Вспоминаю, как на этом фоне учитель математики и физики Иван Иванович Михайлов, вернувшийся с войны инвалидом первой группы, объяснял нам, сельским школьникам-пятиклассникам, что распахать открытые для ветров степи в Казахстане нельзя, поскольку суховеи неизбежно унесут плодородный почвенный слой. Сельский учитель, не имеющий высшего образования, оказался провидцем: на третий год распаханые почвы оскудели, степные просторы снова покрылись ковылем. Что говорили по этому поводу профессиональные географы по причине моего тогдашнего малолетства и отсутствия в то время в деревне доступных средств массовой информации – мне не известно. Попытки отыскать в более позднем возрасте публикации по этому поводу в научной литературе оказались безрезультатны. Культ личности

к тому времени еще не был развенчан, но уже проявилось новое явление – волюнтаризм.

Пример второй – насаждение посевов кукурузы на нечерноземные поля центральных и северо-западных территорий России. Инициатором и этого проекта был тот же государственный деятель, который поднимал народ на освоение целины. Ему во время визита в США показали фермерское хозяйство в Айове [6], где вскормленные на кукурузе коровы давали молока втрое-вчетверо больше, чем в колхозах и совхозах страны Советов. Не вникая в особенности географических условий, тот деятель, вернувшись домой, повелел вместо ржи, овса, ячменя и гороха засеять поля кукурузой. Партийцы, не долго раздумывая, рьяно взялись за воплощение в жизнь идеи вождя. Активизировались журналисты и кинодокументалисты – кукуруза стала для них главной темой. Как раз в те дни меня принимали в комсомол. В райкоме ВЛКСМ мне, школьнику седьмого класса, задали единственный вопрос: сколько гектаров отведено под кукурузу в нашем колхозе? Сверив ответ с планом и, по-видимому, удовлетворившись им, секретарь райкома объявил о приеме меня в комсомол.

Крестьяне в успех «кукурузного» почина не поверили и, как могли, сопротивлялись – на самых отдаленных от деревни участках сельскохозяйственных угодий высевали традиционные для этих мест культуры. Строптивых колхозно-совхозных руководителей за непослушание снимали с должности, исключали из партии, но в отличие от предшествующих лет на поселение в Сибирь и на нары не отправляли – в этом вопросе наметился определенный прогресс!

Проявленный «верхушкой» географический нигилизм сказался на жизни народа: спустя год страна вынуждена была закупать зерно за рубежом, очереди за хлебом в булочную горожане занимали с вечера. В результате бескормицы сократилось поголовье скота, вследствие чего обострилась проблема обеспечения населения молоком и мясом. Инициатора «целинного» и «кукурузного» проектов, по совокупности его деяний, с высокой должности сняли, однако субъективизм и волюнтаризм в принятии управленческих решений сохранился.

Пример третий – проекты поворота северных рек. Их разработка велась на протяжении более двадцати лет – с 1963 по 1985 годы. Сначала внимание проектировщиков было приковано к Вычегде, Печоре и Каме. В срединных частях первых двух рек намечалось воздвигнуть огромные плотины. Из образовавшихся таким образом водохранилищ воду по каналам предполагалось передавать в Каму и далее в Волгу, в Каспийское Море. Объем перебрасываемой воды огромен – 42 кубических километра в год. Физики предложили на Камско-Вычегодско-Печорском водоразделе создать канал с использованием подземных атомных ракет. В этих целях были произведены ядерные взрывы, последствия которых проявляются до сих пор [7].

В 1964–1966 гг. в Коми филиале АН СССР, где мне довелось в то время работать, проводились научные исследования по прогнозу возможного воздействия Камско-Вычегодско-Печорского водохозяйственного комплекса на природу и народное хозяйство Республики Коми. По результатам этих работ, выполненных под руководством Л.А. Братцева, В.А. Витязевой и В.П. Подоплелова, в 1967 г. в Ленинградском отделении издательства «Наука» вышла в свет коллективная монография [8], в которой содержался однозначный вывод о недопустимости реализации проекта. Спустя год, эта книга была переиздана в Канаде на английском языке. Поскольку советские идеологи всячески стремились уберечь коммунистический строй от негативных оценок, то, возможно, и по этой причине от проекта переброски вод из Вычегды и Печоры отказались.

Напористые специалисты московского института «Гидропроект» обратились к другим водным объектам: Белому озеру, реке Онеге, Белому морю. Беломорский вариант переброски оказался, пожалуй, самым фантастичным: намечалось отделить плотиной южную часть беломорской акватории от океана, опреснить воду и направить ее в Волжский бассейн. Среди разработчиков проекта были и географы, но они будто не замечали абсурдности принимаемых решений. Книги из-под их пера, подобные той, что создали ученые Коми филиала АН СССР, не выходили.

Главную лепту в прекращение проектирования и проектно-изыскательских работ на водоразделах бассейнов северных рек и Волги внесли все-таки не ученые, а журналисты. Широкую известность получила книга писателя Сергея Залыгина «Поворот», ее читали студентам, обсуждали на научных семинарах в академических учреждениях, в популярной в то время телевизионной передаче «Взгляд». Все это, вместе взятое, способствовало принятию правительственного решения о прекращении проектирования переброски северных вод. О том, какие средства были затрачены на этот авантюрный проект, в постановлении не говорилось.

Другие примеры – передача Крыма из России в Украину, отделение плотинной залива Кара-Богаз-Гол от остальной части акватории Каспия, непомерный забор вод из Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи для орошения хлопковых полей и исчезновение вследствие этого деяния Арала, прокопка канала Волга – Чограй и многое, многое другое.

Примеры проявления географического индетерминизма в современной России. *Пример первый* – принятая в начале 1990-х годов программа переселения населения из северных регионов. Это было одно из первых решений «младореформаторов» ельцинского призыва. Они считали, что Север перенаселен, что производство там затратно. В принципе, сама идея не лишена смысла. Мне самому приходилось обращаться в соответствующие инстанции с докладными записками о недопустимости строительства, в частности, швейных фабрик в Воркуте и Мурманске. Ответы были такими: в советской стране каждый имеет право на труд, а в северных городах «вторые члены

семей» (в Воркуте – жены шахтеров, в Мурманске – жены рыбаков и военных моряков) не могут трудоустроиться. Фабрики построили, но жены высокооплачиваемых мужей не захотели на них работать, они предпочли бы трудиться в музыкальных училищах и в подобных им заведениях. Поскольку таковых на Севере мало, образовалась незанятая общественно полезным трудом часть женского населения. Однако ввод в строй швейных фабрик не решил данный вопрос – на вновь введенные в эксплуатацию объекты пришлось вербовать девушек из Иванова.

«Младореформаторы» 1990-х годов нужной информацией, очевидно, не обладали, они выплатили «подъемные» всем, кто пожелал покинуть высокодоходный в недалеком прошлом северный край. Надо ли говорить о том, что среди переселенцев оказалась в основном креативная часть экономически активного населения?! Эти люди при государственной поддержке получили рабочие места в более комфортных для проживания районах, сильно сократив, тем самым, наиболее производительную часть занятых работников на северных объектах. Численность населения северных городов и городских поселений за короткое время уменьшилось в 2-3 раза. Опустили оборудованные всеми видами услуг жилые дома, разрушилась инфраструктура.

Пример второй – изменение числа часовых поясов на Российском пространстве. Этот проект по своей нелепости не имеет себе равных. Против него «выступило» даже коровье поголовье: из-за изменения биологического ритма сократились надои молока. Дискомфорт почувствовали и люди.

Мне неизвестно, привлекались ли коллеги по географии к предварительной экспертизе данного решения, принятого на верхнем уровне власти? Скорее всего «да»! И если это действительно так, то пусть данный эпизод останется на их совести. Власть все-таки осознала ошибку – часовые пояса были «восстановлены». Однако, и на этот раз «географические нигилисты» не сделали должных выводов.

Пример третий – прозвучавшие по средствам массовой информации предложения высокопоставленного лица сформировать на территории страны не менее двадцати агломераций с численностью жителей порядка пяти миллионов человек. Проведем простое арифметическое действие: $20 \times 5 = 100$. Сто миллионов человек! Вспомним, что на две агломерации – Московскую и Санкт-Петербургскую – уже сейчас приходится около 20 млн жителей. Следовательно, названное должностным лицом число агломераций будет иметь суммарную численность населения 110 млн человек. В стране насчитывается более тысячи городов и столько же поселков городского типа, а численность населения составляет около 147 млн человек. Так что же получается – подавляющая часть городов не имеет шансов на выживание?! Интересная арифметика!

Пример четвертый – обострение проблем монопрофильных городов и предложения переселения жителей из «неперспективных городов». Оценка этой проблемной ситуации и предложений по ее элиминированию прекрас-

но даны в статье нашего патриарха общественно-географической науки Г.М. Лаппо. К изложенному в статье материалу нечего добавить, поэтому ограничусь ссылкой на источник и процитирую несколько строк. «Больными и страждущими монофункциональные города, как и многие российские города других типов и категорий, являются потому, что больна и неблагополучна страна. <...>. Если не добиться оздоровления России, очищения ее от всякой скверны <...>, то и всякого рода полезные рекомендации, даже облаченные в форму умных законов, никакого действия не окажут» [9]. Лучше не скажешь!

Среди «умных» рекомендаций со стороны чиновников бывают и такие: «Превратим наш город во второй Детройт». Эти услышанные мною по телевидению и дословно приведенные здесь слова принадлежат бывшему руководителю Правительства Санкт-Петербурга. Они были произнесены по возвращении губернатора из поездки в США, которая состоялась спустя полвека после визита в ту же страну другого, еще более высокопоставленного чиновника, приказавшего своим подданным заимствовать американский опыт выращивания кукурузы. Вопреки поговорке, время не лечит!

Пример пятый – «захват» городскими агломерациями пригородных высокопродуктивных мелиорированных и обогащенных гумусом сельскохозяйственных угодий. Такие земли в советские годы были созданы (пишу без кавычек) вокруг всех крупнейших, крупных и больших городов. Затраты окупались с лихвой – не нужно было тратить средства на доставку издалека таких скоропортящихся, малотранспортабельных видов сельскохозяйственной продукции местного ассортимента как капуста, картошка, морковь, а также зерно на фураж и другие виды продукции для скота. Свежее молоко и мясо, молочная и мясная продукция местного производства были в магазинах вне конкуренции с привозными. Продуктивность растениеводства и животноводства совхозов в пригороде Ленинграда («Ленсоветовский», «Детскосельский», «Федоровское», «Ждановский» и др.) была сопоставима с аналогичными показателями хозяйств Черноземной зоны страны [10]. Сегодня на тех землях – многоэтажное жилье и коттеджные поселки. Картофель, морковь, молоко, мясо до введения санкций привозили в город из дальних стран, а теперь везут из отдаленных южных регионов.

В разных городах и регионах «новой» России мне приходилось наблюдать, как занятые в аграрном секторе люди пытались защитить свои земли – главный природный ресурс, источник жизни. Да куда им! Ведь «против лома нет приема». С вилами, косами, лопатами в руках сельские труженики вынуждены были отступить под напором наделенных полномочиями властей.

Сочувствую жителям Новой Москвы, да и всем москвичам: двукратное увеличение площади столицы лишит в скором времени бывших сельских жителей привычных для них мест приложения труда, а жителей Старой Москвы – привычных мест отдыха и притока свежего воздуха с пригородных южных лесов. Но главная беда состоит в том, что дальнейшая концентрация населения

в столичных городах еще больше увеличит диспропорции в территориальном размещении населения России. И здесь уместно привести русскую поговорку: «свято место пусто не бывает».

Значимые разработки российских экономико-географов. В бывшем СССР экономико-географы участвовали в разработке важнейших государственных проектов. Первым среди них явился план ГОЭЛРО. Справедливости ради, надо заметить, что сама идея разработки этого грандиозного плана возникла еще в Российской империи, но была реализована при советской власти. Такая преемственность стала возможной благодаря тому, что главный идеолог плана Г.М. Кржижановский признал новую власть и продолжил разработку плана. Вместе с ним трудился И.Г. Александров – один из авторов идеи о формировании территориально-производственных образований вокруг ядер – электрических станций; крупнейшая из них, ДнепроГЭС, стала ядром Запорожского промышленного комплекса. Другой комплекс, Волховский, возник при одноименной ГЭС; этот проект был разработан и реализован под руководством Г.О. Графтио. В общении с этими людьми зрел талант Н.Н. Колосовского, создавшего позднее стройную теорию энерго-производственных циклов и территориально-производственного комплексообразования [11, 12]. В той же компании набирался опыта В.М. Четыркин, который создал позднее теорию проблемного районирования [13, 14], реализованную в период управления промышленностью и строительством по территориальному принципу (1956–1965 гг., период совнархозов) и при новом освоении восточных и северных районов страны в 1960–1980 годы.

В современной экономико-географической литературе, к сожалению, не получил достаточной оценки опыт формирования транспортно-экономических связей и транспортной сети, накопленный в Институте комплексных транспортных проблем (ИКТП) при Госплане СССР, особенно в тот период, когда директором этого института был доктор географических наук И.И. Белоусов. Всплеск этих исследований пришелся на упомянутый выше «совнархозовский» период. Главная идея состояла в обеспечении взаимообусловленного развития производства и транспорта в целях обеспечения сокращения дальности перевозок дорогим железнодорожным транспортом, организации смешанных железнодорожно-водных сообщений. Вместе с И.И. Белоусовым трудились такие видные экономико-географы, как Н.Н. Казанский, В.С. Варламов, П.Е. Семенов и др.; они оставили после себя значимые опубликованные научные труды [15, 16], в которых заложены фундаментальные идеи решения транспортных проблем регионов страны, получившие дальнейшее развитие в трудах последователей научной школы ИКТП [17].

Не приходится сомневаться в том, что практика управления региональным развитием еще не раз обратится к советскому опыту программно-целевого планирования, не реализованного в полной мере до начала объявленной в

СССР «перестройке». Это – опыт формирования в европейской части РСФСР Оренбургского и Тимано-Печорского территориально-производственных комплексов (ТПК), в восточной части РСФСР – Средне-Обского и Нижне-Обского, Южно-Якутского, Канско-Ачинского ТПК, а также ТПК в зоне Байкало-Амурской магистрали; в Казахстане – Павлодаро-Экимаустузского и Мангышлакского ТПК, в Таджикистане – Южно-Таджикского ТПК.

Автору этих строк довелось участвовать в научном обосновании проекта Тимано-Печорского ТПК [18, 19] и Двино-Печорского районного производственного комплекса [20]. Нефть и природный газ, каменный уголь, горючие сланцы, бокситы и титановые руды, алмазы и золото, полиметаллы, каменная и калийная соли, лесные и водные ресурсы – все эти виды природных богатств увязывались нами в единую технологическую цепь: отходы одного производства давали начало новому циклу. Однако осуществить данный проект при плановой советской системе не успели, а частному капиталу поднять столь масштабный проект оказалось не под силу. Как результат, благоустроенные северные города, не получая подпитки от дополнительных производственных звеньев экономики (замечу: именно в этом и состоит нынешняя проблема монопрофильных городов), деградируют. Не исключено, что некоторые из обустроенных в недавнем прошлом городов могут вообще исчезнуть.

В силу субъективных действий чиновников союзного уровня осталась не реализованной предпринятая нами в 1974–1980 гг. попытка осуществить в Ленинграде и Ленинградской области переход от централизованного планирования на региональный уровень. Коллектив Северо-Западного филиала Центрального экономического научно-исследовательского института (ЦЭНИИ) при Госплане РСФСР наполовину состоял из экономико-географов, выпускников Ленгосуниверситета. Наша идея была предельно ясна: осуществлять планирование на региональном уровне не от «достигнутого», как было в то время, а от возможностей человеческого и природно-ресурсного потенциала территории. Казалось бы, нет нужды доказывать правомерность такого подхода к управлению региональным развитием, но наши потуги оказались тщетными – столичные чиновники не желали поделиться своей властью с местными управленцами. Еще до падения СССР упомянутый филиал ЦЭНИИ закрыли, а в занимаемое им здание въехали шустрые «младореформаторы». По слухам, они проявили интерес к нашим разработкам, использовали их при подготовке собственных проектов реформирования страны.

Географы в государственной власти. Наиболее ярким примером участия географов в работе государственных властных структур является П.П. Семенов-Тянь-Шанский. Обычно его имя связывают с пионерным исследованием горных территорий, в меньшей мере – с экономическим районированием, крупномасштабным описанием районов Российской империи [21]. Но есть еще одна важная составляющая деятельности этого выдающегося ученого – он стоял во главе Государственного статистического комитета, входил в состав

Государственного совета. На картине И.Е. Репина «Горжественное заседание Государственного совета 7 мая 1901 г.» ученый представлен в составе высших сановников во главе с императором и великими князьями (Государственный Русский музей).

В первые годы советской власти проявили себя как государственные деятели уже упомянутые выше специалисты в области энергетики и территориальной организации производства Г.М. Кржижановский и И.Г. Александров. Они трудились в Государственной плановой комиссии (Госплане), возглавляли Комиссию по электрификации России, руководили ходом работ по созданию производственных объектов. Во главе «Волховстроя» (первая ГЭС на реке Волхов) стоял инженер-энергетик Г.О. Графтио, который также внес вклад в территориальную организацию производственных процессов.

В разработке плана ГОЭЛРО, а затем и в руководстве разработкой районного тома первого пятилетнего плана участвовал Л.Л. Никитин. Он был председателем Комиссии при Совете по труду и обороне, которая осуществляла обследование правлений железных дорог и речных пароходств. Никитин выполнял поручения правительства по экспертизе крупнейших водохозяйственных объектов, курировал работы по тарифам на транспорте. В 1947 г. ему была присуждена ученая степень доктора географических наук без защиты диссертации.

В экономической географии первой половины XX в. хорошо было известно имя Г.Н. Черданцева – организатора и первого ректора Туркестанского (Среднеазиатского) государственного университета, руководителя секции районирования в Среднеазиатском бюро Госплана СССР, организатора АН Узбекской ССР. Его научные труды отводились вопросам энергетики и ирригации, географическим проблемам планирования народного хозяйства, экономической картографии. Черданцев считал себя учеником и соратником В.Э. Дена по экономическому отделению Политехнического института в Петербурге.

Стремительным было восхождение по служебной лестнице экономико-географа В.Ф. Васютина. Сын крестьянина из рязанской деревни входил в ЦК ВЛКСМ, затем стал членом Госплана СССР, директором Института экономических исследований Госплана СССР, заместителем председателя Госплана, являлся членом Совета народных комиссаров и Центрального исполнительного комитета Казахстана. Во время войны Васютин возглавлял комплексную экспедицию по размещению эвакуированных предприятий в восточных районах, в послевоенное время снова стал членом Госплана СССР, председателем Совета по изучению и размещению производительных сил, сочетал эту работу с руководством кафедрами в ряде вузов, с 1959 по 1979 гг. работал профессором кафедры советской экономики в Высшей партийной школе при ЦК КПСС.

Крупным хозяйственным деятелем и ученым был доктор географических наук А.Н. Лаврищев, заслуженный деятель науки РСФСР. В возрасте 27 лет он пришел на работу в Госплан СССР, в 31 год был назначен заместителем председателя Госплана СССР. В период войны выполнял важные задания Государственного комитета обороны в области материально-технического снабжения, много сделал для укрепления военно-промышленной базы на востоке страны. Значителен вклад Лаврищева в укрепление угольно-металлургической базы в Донецко-Приднепровском экономическом районе СССР. В 1949 г. его назначили представителем СССР в Бюро Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ) стран социалистического лагеря, он внес существенный вклад в разработку научных основ экономического и научно-технического сотрудничества социалистических стран.

Блистательно сложилась карьера экономико- и политико-географа, академика АН Украины Н.В. Багрова. В советские годы он был Первым секретарем Крымского обкома КПСС, в постсоветское время – Председателем Верховного совета Республики Крым, затем – ректором Таврического государственного университета имени В.И. Вернадского. Его перу принадлежат многочисленные труды в области политической географии и геополитики.

В должности ректоров университетов трудились географы-обществоведы Л.А. Валесян, В.А. Витязева, В.В. Подколзин и др. По причине большой занятости административной работой не все из них смогли написать монографии и учебники, но и они подняли на пьедестал почета нашу науку, и мы должны их помнить и чтить.

Общественная география в современной России. В последнее десятилетие прошлого века многие экономико-географы, особенно из числа молодого поколения, сойдя с платформы плановой экономики, заимствовали западные теории региональной политики и без каких-либо попыток критического анализа и оценок рекомендовали их к использованию в новых российских условиях. Сегодня бесперспективность такого подражания Западу очевидна, но маховик был запущен, и многие решения все еще принимаются по образцу и подобию несопоставимых в географическом измерении с Россией стран. Но большая часть экономико-географов понимает, что Россия – не Дания, не Люксембург, не соседняя Финляндия, что слепо перенимать их опыт управления региональным развитием может только тот, кто не имеет географического образования, кто находится в противоречии со здравым смыслом.

Ныне географы, расширившие свои функции за счет социальных, политических, рекреационных и многих других аспектов, оказывающих воздействие на территориальную организацию общества, приглашаются на работу в региональные, а иногда и в федеральные структуры государственной власти, некоторые наши коллеги успешно трудятся и в бизнесе. Успех в этих видах занятости сопутствует тем, кто, опираясь на фундаментальные знания,

обращается к прикладным аспектам общественно-географической науки, внедряет полученные результаты в практику управления.

Накопленный автором опыт разработки документов стратегического и пространственного планирования свидетельствует о принадлежности данного вида деятельности к нашей науке, поскольку она опирается на знания природно-ресурсного и человеческого потенциалов, медико-географической среды обитания населения, инфраструктурной обеспеченности территории, этно-конфессиональных особенностей и ментальности социумов. Несмотря на это, в разработке стратегий регионального развития участвуют не столько географы, сколько экономисты, а в разработке схем территориального планирования – преимущественно архитекторы. На мой взгляд, это обусловлено недостаточными знаниями у географов прикладных аспектов, прежде всего в менеджменте, региональном консалтинге. Именно по этой причине ряд функций экономической географии перешел к региональной экономике, а социальной географии – к социологии, политической географии – к политологии и международным отношениям, этнической географии – к этнологии и этнополитике. Не доведенные до управленцев общественно-географические разработки становятся «собственностью» наших смежников, и они, а не мы, получают признание во властных структурах.

Общественная география слабо представлена в географических подразделениях и в научных журналах университетов, институтах географии РАН. Среди созданных при Русском географическом обществе комиссиях преобладают естественно-географические. Бывшие в советское время учебно-методические объединения и научные советы упразднены. В СПбГУ, где зародилась и прошла первые, самые сложные этапы становления и развития географическая наука, ныне нет ни НИИ географии, ни географического факультета.

Само собой разумеется, что многие беды нашей науки являются следствием научно-образовательной политики, осуществляемой в стране на протяжении двух последних десятилетий. До тех пор, пока в наукометрических критериях не будет присутствовать информация о получении нового научного знания (или: нового научного продукта), ни наша наука, ни наука вообще, не займут достойного места в обеспечении устойчивого развития страны, общества.

Заключение. Географическая наука ранее находилась на службе государственной власти, специалисты-географы участвовали в принятии важных государственных решений. Особенно значительным вклад географов-экономистов был внесен в первые годы советской власти. Именно тогда зародились идеи формирования ТПК, программно-целевого решения народнохозяйственных проблем.

Значение общественно-географической науки упало в период процветания волюнтаризма, когда без предварительного научного обоснования

были приняты решения по освоению целины, насаждению кукурузы на поля присеверных регионов, повороту северных рек и другие.

Игнорирование географических знаний со стороны управленцев, включая верхний уровень власти, присуще и современной России. Это проявилось, в частности, при принятии программы переселения части населения северных регионов в центральную и южную части страны, в решениях об изменении часовых поясов, формировании 20-ти крупнейших городских агломераций, об отводе под застройку мелиорированных высокопродуктивных земель на пригородных территориях, о расширении территории Москвы.

Развернувшееся во времена «перестройки» и при внедрении рыночной экономики заимствование зарубежного опыта регионального управления не принесло России ожидаемых результатов. Как показал наш опыт участия в разработке стратегических документов, необходим учет специфики страны, накопленного в прошлом опыта по организации образования и научных исследований.

Литература

1. Трейвиш А.И. Как нас теперь называть (о содержании и наименовании нашей науки) // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2012. №1. С. 5–19.
2. Чистобаев А.И., Шарыгин М.Д. Объектно-предметная и функциональная сущность общественной географии // Вестник СПбГУ. Серия 7: геология, география, 2007, №1. С. 88–92.
3. Пространство современной России: возможности и барьеры развития (размышления географов-обществоведов) / Отв. ред. А.Г. Дружинин, В.А. Колосов, В.Е. Шувалов. М.: Вузовская книга, 2012. 336 с.
4. Шарыгин М.Д. Общественная география в России: тернистый путь развития // Географический вестник = Geographical bulletin. 2017. №2 (41). С. 17–25.
5. Гладкий Ю.Н. Гуманитарная география: научная экспликация. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2010. 664 с.
6. Жить в мире и дружбе! Пребывание Председателя Совета Министров СССР Н.С. Хрущева в США. М.: Изд-во политич. литературы, 1959. 445 с.
7. Чистобаев А.И. Вода рек и озер – богатство России: по поводу статьи А.Г. Исаченко «О необходимости и возможности территориального перераспределения части речного стока между гумидными и аридными регионами» // Изв. РГО. 2009. Т. 141. №3. С. 42–44.
8. О влиянии переброски северных рек в бассейн Каспия на народное хозяйство Коми АССР. Л.: Наука, 1967.
9. Лапко Г.М. Монофункциональные города: состояние и проблемы // Вопросы географии. Сб. 135. География населения и социальная география / Отв. ред. А.И. Алексеев, А.А. Ткаченко. М.: Издательский дом «Кодекс», 2013. С. 160–176.
10. Баженов Ю.Н., Чистобаев А.И. От проблемы – к цели. Горизонты комплексных программ. М.: Мысль, 1987. 239 с.
11. Колосовский Н.Н. Избранные труды. Смоленск: Ойкумена, 2006. 336 с.
12. Калашникова Т.М. Пророчество без чудес (к 90-летию Н.Н. Колосовского). М.: Мысль, 1983. 139 с.

13. Четыркин В.М. Проблемные вопросы экономического районирования / Ред. Б.Н. Семеvский. Ташкент: ФАН, 1967. 156 с.
14. Чистобаев А.И. Владимир Михайлович Четыркин – теоретик проблемного районирования // Изв. РГО, 2008, т. 140, вып. 5. С. 1–8.
15. Белоусов И.И. Основы учения об экономическом районировании. М.: Изд-во МГУ, 1976. 320 с.
16. Транспортные проблемы восточных районов СССР / Под ред. Л.В. Черткова. М.: Транспорт, 1967. 312 с.
17. Чистобаев А.И. Транспортно-экономические связи Европейского Северо-Востока. М.: Наука, 1974. 168 с.
18. Загинайко А.А., Чистобаев А.И. Экономика Коми АССР на новом этапе. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1971. 40 с.
19. Проблемы комплексного развития народного хозяйства Коми АССР // Серия: Научные рекомендации – народному хозяйству / Научн. ред. – А.И. Чистобаев. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1973. 68 с.
20. Казанский Н.Н., Москвин Б.В., Чистобаев А.И. Двино-Печорский районный производственный комплекс // Плановое хозяйство. 1975. №7. С. 63–72.
21. Экономическая и социальная география в СССР: История и современное развитие / Сост. Т.Е. Губанова, 2-е изд., перераб. М.: Просвещение, 1987. 542 с.

УДК 910.1+913

Ю. Н. Гладкий¹
Yu. N. Gladkiy

КАПИТАЛИЗАЦИЯ УРБОПРОСТРАНСТВА КАК КЛЮЧЕВОЙ ВЕКТОР ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

CAPITALIZATION OF URBAN SPACE AS A KEY VECTOR OF HOUSING IN CONTEMPORARY RUSSIA

Рассматриваются отдельные дискуссионные вопросы жилищного строительства в современной России под географическим углом зрения. Делается вывод о том, что частные строительные компании, одержимые получением сверхприбыли, форсируют строительство жилья, прежде всего, в двух столицах и крупнейших городах. Тем самым они способствуют деформации сложившейся в стране системы расселения, перетоку населения в старые промышленные регионы. Утверждается, что неоправданная концентрация населения в центре страны, в конечном счете, грозит обезлюдением периферийных территорий и порождением в недалеком будущем трудноразрешимых геополитических и геосоциальных проблем.

The article deals with some controversial issues of housing construction in modern Russia from a geographical point of view. It is concluded that private construction companies, obsessed with

¹ Гладкий Юрий Никифорович, доктор географических наук, профессор, член-корр. РАО, заведующий кафедрой экономической географии РГПУ им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург).

obtaining super profits, boost the construction of housing, primarily in the two capitals and largest cities. Thus, they contribute to the deformation of the existing system of resettlement, migration of the population to the old industrial regions. It is argued that the unjustified concentration of the population in the center of the country, in the end, threatens to depopulation the peripheral territories and generate in the near future intractable geopolitical and geo-social problems.

Ключевые слова: жилищное строительство, капитализация урбопространства, расселение населения, высотное строительство, геополитические интересы, геосоциальные интересы.

Key words: housing construction, capitalization of urban space, population resettlement, high-rise construction, geopolitical interests, geosocial interests.

Ранее автором уже заострялось внимание на судьбоносных для страны проектах и решениях в области градостроительства, принимавшихся в постперестроечные годы без адекватного научного обоснования, без глубокого анализа возможных геополитических и геосоциальных последствий, при непонятной устранимости ведущих градovedов, в том числе, геоурбанистов [1, 2, 3 и др.]; чего стоит один лишь проект расширения территории столицы примерно в 2,4 раза. Отмечалось, что в условиях неолиберальной урбанизации массовая приватизация сопровождается не только приватизацией жилья, но и широким включением городского населения в кредитные отношения, созданием нового емкого финансового рынка, связанного с ипотекой. В итоге, главное содержание «государственной» жилищной политики стало ассоциироваться с ... всемерной поддержкой частных строительных корпораций, ибо государство практически самоустранилось от жилищного строительства.

Конвертация государственного жилья в частное, как один из ключевых элементов рыночной экономической политики, явление, конечно, неизбежное. Однако для многих неожиданным следствием подобной политики явились признаки начавшегося «парадигмального переворота» в расселении жителей страны, перманентно осуществляемого строительными корпорациями в угоду банковскому сектору, при отсутствии зоркого «государева ока». Приведем широко известные данные Росстата: по итогам лишь 2017 г. около 16% введенного в эксплуатацию жилья пришлось на Москву и Московскую область, треть – на Центральный федеральный округ, что существенно больше доли округа в населении страны. Не нужно прибегать ни к каким скрупулезным расчетам, чтобы прийти к выводу о том, что многие новоселы ЦФО – мигранты из других федеральных округов, что «блажен, кто верует», что «новая» Москва строится для москвичей.

Центральная Россия (как и города «миллионники»), вследствие лучшего состояния инфраструктуры, социальной сферы, более высокой оплаты труда и т.д., непременно будет выигрывать в результате массового жилищного строительства. Она обладает возможностями для интенсивного привлечения капиталов и наиболее профессионально обученной рабочей силы из регионов

депрессивных и отстающих, способствуя тем самым ...запустению периферии и росту социальных контрастов. Строительные компании, подобно насосам, сегодня «стягивают» население в крупные города, содействуя его экономически и социально неоправданной концентрации в центре страны, что, в конечном счете, грозит обезлюдением других территорий и порождением в недалеком будущем трудноразрешимых геополитических и геосоциальных проблем.

Многолетний гипертрофированный «углеводородный крен» в развитии российской экономики привел не только к «свертыванию» прежней промышленной деятельности в большинстве периферийных субъектов Федерации, разрушению внутрирегиональной (внутриобластной) кооперации. Он резко сузил возможности регионов для самодостаточного развития, а местное население – шансов найти достойную работу и воспользоваться услугами «социальных лифтов». В контексте нашей статьи особенно уместна мысль А.Г. Дружинина о повсеместно наблюдающемся в регионах страны эффекте отрыва по основным социально-экономическим индикаторам крупнейших городов от остальной территории (*эффект территориально-социальной сегрегации*) [4].

Приходится констатировать, что не получившая в свое время официального одобрения правительства концепция поляризованного (сфокусированного) развития страны, подготовленная командой младореформаторов и предполагавшая создание нескольких крупных агломераций с многомиллионным населением, которые стали бы новыми центрами трудовой миграции, отнюдь не элиминировалась. Ее живучесть ощущается в стремительном развитии немногочисленных «анклавов», подключившихся к глобальной экономике благодаря реализации первичных энергоресурсов, сервисному обслуживанию финансовых потоков и т.д. Процессы экономического «опустынивания», охватившие многие периферийные регионы вполне соответствует «духу» и «букве» вышеупомянутой концепции.

Вернемся к интерпретации выражения «*капитализация урбопространства*», вынесенного в название статьи. По оригинальному выражению В.Л. Глазычева (авторитетного отечественного исследователя в области теории архитектуры и градостроительства), капитализация – «единственно возможная форма разработки пространственности» [5, с. 104]. Считая для себя выражение «капитализация территории» «непонятным», он полагал, что капитализация возможна лишь в отношении конкретного места или совокупности мест. Эта мысль градооведа, как нельзя лучше, подходит к любому «урбоместу» – хоть в столице с ее окрестностями, хоть в региональном центре или в экономически хиреющем поселке в российской глубинке.

Справедливости ради отметим, что капитализацию «места» в историческом плане упомянутый автор рассматривал не столько с точки зрения его активов и возможности преобразования средств в добавочный капитал, сколько с позиции государственной роли конкретного места. Обращаясь к историческим проектам в области строительства, он в качестве примеров «капитализа-

ции» приводит военные поселения Аракчеева, модель римского лимеса – выстраивания границы как системы расселения, взаимодействующей с варварским миром и т.д. Главная мысль ученого – это «как соединить то, что условно называется экономическим подходом к планированию и проектированию с натуральным подходом... под флагом постижения целостности» [5, там же]. Эту мысль можно понимать и таким образом, что кроме экономической «начинки», добавочного капитала, капитализация содержит и многие другие ингредиенты.

Но экономическая наука считает по-другому, традиционно используя понятие «капитализация» в качестве обобщающего показателя экономического состояния хозяйствующего объекта или как превращение бездоходных ценностей в оборотный капитал. В «Большом экономическом словаре» оно ассоциируется: а) с превращением прибавочной стоимости в капитал; б) превращением дохода в капитал (использованием дохода на расширение предпринимательской деятельности); в) определением ценности имущества в зависимости от приносимого им дохода и т.д. [6]. Естественно, для географов более существенный интерес представляет трактовка термина применительно к конкретному пространству – особенно, региону или месту.

Порожденное в недрах экономической науки выражение «капитализация региона» рассматривается «как стоимость... ресурсов, бизнесов, активов, как машина по производству прибыли, а также систематическая деятельность по превращению ресурсов, фондов и активов в работающий капитал» [7, с. 27], или еще более сжато – «обеспечение роста стоимости совокупных активов, находящихся на территории» [8]. Именно в такой интерпретации термин «капитализация» впервые появляется в начале 2000-х годов в региональных стратегических документах субъектов РФ (Татарстана, Краснодарского края, Новосибирской, Астраханской, Иркутской областей и др.) и связывается с укреплением финансовой устойчивости и конкурентоспособности регионов, улучшением их инвестиционной привлекательности и формированием условий для реализации приоритетных экономических проектов.

Что же касается стратегических документов *федерального* уровня (таких как проекты «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации», «Концепции совершенствования региональной политики в Российской Федерации» и др.), то капитализация региона не только не вошла в число приоритетов развития – о ней нет даже упоминания. Единственный знаковый проект федерального значения, в котором упоминаемому понятию «повезло», был проект «Концепции Стратегии социально-экономического развития регионов РФ», разработанной экспертами Минрегионразвития в 2005 г. Вряд ли можно назвать это случайностью.

Все дело в том, что представители либерального крыла экономистов, готовивших данный проект, исходили из вполне органичной для рыночной экономики концентрации капитала и рабочей силы (гастарбайтеров) в так на-

званных «полюсах роста» («навеянных идеями Ф. Перру и Ж. Будвилля) и регионах опережающего развития. В отстающих в развитии и депрессивных регионах авторами предлагалось вначале осуществить (не ясно за чей счет?) инфраструктурное строительство, с тем, чтобы повысить инвестиционную привлекательность. Для обоснования основных идей данного проекта понятие «капитализация региона», как стоимость его ресурсов, бизнесов, активов, как машина по производству активов в работающий капитал, оказалось вполне функциональным.

Составители же стратегических документов федерального уровня, проигнорировавшие понятие «капитализация», по-видимому, посчитали за благо не давать повода критикам в намерении углублять дальше экономические диспропорции в *федеративной* стране, обеспечивая занятость населения в ареалах его проживания для того, чтобы смягчить последствия наблюдающихся проявлений естественной метрополитанизации, территориальной капитализации и агломерации производства [7, 9 и др.]. Естественно, подобная политика возможна лишь при реализации так называемого рентного подхода, обеспечивающего привлечение стимулирующих инструментов и механизмов не только в «полюсах роста», а туда, где плохо обстоит дело с «капитализацией региона», где столетиями проживает население, остро нуждающееся в новых рабочих местах. Именно благодаря «рентному подходу», часть дохода преуспевающих регионов, приобретенного, в том числе благодаря их географическому положению и фондам, накопленным за предыдущие десятилетия, передается субъектам Федерации, отличающимся невыгодными природными и экономическими условиями [10, 11 и др.].

По замечанию В.М. Ходачека, при анализе многих экономических концепций невольно возникает извечный философский вопрос: должно ли население идти к экономике или экономика должна стремиться к человеку: «Здесь сталкиваются внешне непримиримые интересы собственника (а в России это, прежде всего, крупный собственник, олигарх), который наибольшую прибыль получит именно в полюсе роста, и общественные интересы, выражающиеся в обеспечении стабильного эффективного развития общества, решении проблем занятости, рождаемости, качества жизни, экологии и др. Согласовать эти интересы трудно, но возможно. Ожидать, что реализация интересов собственника в конечном итоге приведет и к соблюдению общественных интересов (как это трактовалось и трактуется в ряде экономических теорий) в нынешних условиях не приходится» [12, с. 142].

Оценку капитализации отдельного региона в условиях РФ логично осуществлять не только с позиций активов (или расходов) и даже доходов, способных генерировать капитал всех хозяйствующих субъектов региона, а с учетом ее влияния на нематериальные активы всей страны, на ее геэкономические, геостратегические и геосоциальные интересы. (Рассуждая о повышении капитализации регионов, уместно привести мысль А.Эйнштейна: «что можно

измерить, то не всегда имеет значение, а что имеет значение, то не всегда имеет значение» [цит. по: 13]).

Когда идет речь о капитализации жилищно-строительного бизнеса, о деятельности по вовлечению в оборот новых средств, то надо иметь в виду два принципиальных обстоятельства: во-первых, трудно определить стоимость активов долгосрочного характера экономических агентов из-за их непрозрачной (часто инорегиональной) юрисдикции; во-вторых, в основе экономических отношений жилищно-строительного бизнеса по поводу накопления капитала лежит стоимость 1 м² жилья, которая, в свою очередь, в огромной мере зависит не столько от его качества, сколько от локации.

Не случайно, оживленная деятельность строительных корпораций в Москве, Петербурге, других городах-миллионниках обусловлена высоким спросом на недвижимость. При этом стабильно высокий спрос на квартиры в городах, далеко не лучших с экологической точки зрения, помогает поддерживать «симбиоз» застройщиков, банков, риелторов и высокопоставленных чиновников. И это притом, что цены на квартиры, например, в столице, с учетом качества жилья, по мнению отдельных аналитиков, занимающихся мониторингом недвижимости в разных странах, завышены в 3–5 раз. На сухом языке науки, речь идет о выгодной *капитализации урбопространства* давно обжитых, освоенных старопромышленных регионов страны, в которых сформировался относительно высокий уровень развития социальной инфраструктуры, существуют возможности делать карьеру, иметь достойный заработок, обеспечить детей детскими садами, спортивными площадками и т.д.

Дальнейшая поддержка государством подобной политики «капитализации регионального пространства» в области жилищного строительства подрывает веру в идею честной конкуренции между регионами в целях активизации экономической деятельности. Вообще, проблема конкурентоспособности регионов выходит далеко за рамки экономических механизмов. Этот аксиоматический вывод отмечался многими отечественным и зарубежными авторами (Б.М. Гринчелем, И.П. Даниловым, П. Кругманом, В.Н. Лексиним, Е.А.Назаровой, Ю.Н. Перским, М. Портером, В.М. Ходачком и др.), что включает автоматический перенос экономической категории конкурентности на отношения между социумами и, следовательно, между регионами.

В данном случае мы абстрагируемся от неконституционных, противоправных нарушений правил свободного рынка и антимонопольного законодательства, от развития агрессивного маркетинга, информационного давления на агентов рынка и т.д., когда честная конкуренция между регионами с преобладанием крайне примитивного рынка, широко открытого для сделок с «грязными» деньгами, просто невозможна. «Цена урбопространства» существенно различается от города к городу, от региона к региону, при этом доходы застройщиков и региональных бюджетов зависят не столько от высокоэффективной деятельности строительных компаний, их «инновационного таланта»,

сколько от величины капитала, *накопленного предыдущими поколениями*. Между тем *ранжирование регионов по их «успешности» в конкурентной борьбе происходит без учета этой важной «детали»*.

Одним из наиболее распространенных способов роста капитализации урбопространства в стране является высотное строительство. Кстати, само это понятие в различных странах толкуется по-разному. В РФ «высотными зданиями» («высотками») многие считают строения высотой более 75 м или более 25 этажей, хотя в градостроительной практике многих стран это понятие ассоциируется с высотой 35–100 м, а далее оно уступает место понятию «небоскреб» (анг. skyscraper). Более логичной нам представляется *географически мотивированная* позиция российского архитектора-градостроителя А.А. Цветкова, относящего к небоскребам здания высотой более 120 м (самые низкие облака обычно встречаются на этой высоте, и именно на ней при проектировании зданий начинают доминировать не вертикальные нагрузки, а горизонтальные силы ветра).

Географам важно учитывать то обстоятельство, что абсолютное большинство небоскребов мира сооружено в зоне *положительных среднемесячных температур наружного воздуха*, где не наблюдается постоянной «пляски» вокруг точки замерзания. В течение десятилетий, а тем более столетий, подобные перепады способны выдержать немногие конструкционные материалы (гранит, высококачественный кирпич, керамзитобетонные панели и др.). В «инсоляционных» условиях нашего (например, петербургского) климата при строительстве стеклянных небоскребов для их отопления жилые этажи, как правило, необходимо перемежать с техническими и, в любом случае, «вместо сверкающей вертикали жители города будут видеть уходящий в облака мрачный бетонный столб» – считает известный отечественный архитектор, лауреат премии Совета Министров СССР Э. Кондратович [14].

Существует немало медицинских противопоказаний для постоянного проживания в покачивающихся от ветра небоскребах (заметные скачки атмосферного давления отражаются на артериальном давлении, возникают различного рода психозы и болезни, вплоть до эпилептоидных состояний). Подобные конструкционные «монстры» резко увеличивают нагрузку на водопроводные и канализационные сети, создают опасность форс-мажорных обстоятельств с вывозом мусора, перебоями в работе вышеупомянутых сетей и лифтов, провоцируют скопление автотранспорта и т.п. Авторитетные эксперты-медики считают выражение «жилой небоскреб» вообще нонсенсом (не случайно в рыночно развитых странах подобные строения часто используют во благо ...неимущих). Некоторые специалисты полагают, что жилье человека должно располагаться вообще не выше высоты деревьев – это 5–8 этажей.

В целом «небоскребная лихорадка» нашей стране не грозит. Пока – речь идет о своеобразном архитектурном «фетишизме», моде на статусные архитектурные объекты повышенной этажности, стремлении государства утвер-

дять себя в мире, воплотить властные амбиции и т.д. В большинстве процветающих государств подобные уникальные архитектурные сооружения играют роль виртуальных акцентов, доминант в панораме города и страны, притягательным местом для туристов. Именно воплощением властных амбиций стали в свое время и сталинские высотки в Москве. Отчасти этим объясняется возвратившаяся мода на строительство «высотных монстров» сегодня, хотя теперь она стимулируется еще и дефицитностью земельных участков и дороговизной «поднебесных» офисов.

Многим памятна идея, одобренная мэром Москвы Ю. Лужковым, о реализации «высотного» градостроительного проекта «Новое кольцо Москвы», предполагавшего строительство 200 небоскребов со средней высотностью 35–40 этажей. Возведя 6 высоток («Эдельвейс» – 43 эт., Давыдовская ул.; Well House – 43 эт., Ленинский пр.; бизнес-центр «Соколиная гора» – 35 эт., Семеновская пл.; жилой комплекс «Континенталь» – 48 эт., пр. Маршала Жукова; бизнес-центр «Преображенский» – 28 эт., Преображенская пл. и жилой комплекс «Диррижабль» – Профсоюзная ул.), власти решили законсервировать проект, как не соответствующий «новой» градостроительной политике. (Здесь можно «потешиться» мыслью, что прежний мэр «начитался» А. Платонова – «Котлован», который «мобилизовал» революционеров и инженеров на рытье котлована для небоскреба, с тем, чтобы «весь местный пролетариат вышел из мелкоимущественного города и занял монументальный новый дом». Как известно, эта идея закончилась чередой гробов на краю котлована).

С учетом того обстоятельства, что подавляющее число российских небоскребов фактически концентрируется в столице (доля Санкт-Петербурга и Екатеринбурга составляет менее 10%), высотное строительство в России предлагается связывать с набирающим обороты возведением *многоэтажных массивов* (20–30 и более этажей), а не небоскребов.

Сторонники интенсивной (хаотической) застройки «многоэтажками» пригородов крупнейших городов РФ нередко апеллируют к принципам градостроительства, разработанным еще Ле Корбюзье и другим архитекторами – в частности, к положению о том, что города с высокой плотностью населения отличаются, дескать, более высокой *экономической эффективностью*. Именно подобная стратегия, дескать, должна стать приоритетом государственной жилищной политики. Трудно сказать, чего больше в таком утверждении – элементарного невежества или прямой демагогии.

Во-первых, как отмечалось выше, утверждать о наличии в стране нормальной государственной жилищной политики в условиях, когда строительство домов фактически отдано «на откуп» частным компаниям, – опрометчиво. Во-вторых, себестоимость квадратного метра в индивидуальном доме существенно выше, чем в многоэтажке (даже не учитывая колоссальных расходов на инженерные коммуникации, сооружение инфраструктурных объектов и т.д.), поэтому высотное строительство – «манна небесная» для строительных корпо-

раций. В-третьих, в условиях России предыдущих лет, когда ее экономика жила на «нефтегазовой трубе», аргументы о «более высокой экономической эффективности» мегалополисов воспринимались экспертным сообществом в качестве «спекулятивной завесы». В-четвертых, предоставляя дорогие земельные участки для строительства высотных массивов, власти, выгодно пополняют бюджеты городов (не без коррупционной составляющей), что приводит к заметному удорожанию жилья. Наконец, в-пятых, высотное строительство реализуют крупные девелоперы (нередко иностранные, не имеющие у себя на родине возможности строить высокие дома), в то время как малоэтажную застройку в состоянии вести средние и даже мелкие девелоперы.

В РФ нет недостатка земли, в отличие от многих других стран. Но даже в обширных по территории странах отказываются от строительства подобных урбанистических «монокультур». Имеются статистические данные, что лишь в США за последние 20 лет снесено около 400 тысяч таких высотных зданий. Аналогичные процессы наблюдаются во Франции и Великобритании, и только Россия и КНР увлечена высотным строительством. При этом происходит социальная дифференциация территорий крупных городов, центральные районы которых приватизируются крупным капиталом, а менее состоятельная часть населения постепенно локализуется в высотных новостройках [15, 16, 17 и др.].

Авторитетный американский архитектор, представитель «нового урбанизма» А. Дуани, ознакомившись с застройкой окраинных районов Петербурга, пришел в ужас. «Крупные компании, которые строят эти высотки, злоупотребляют доверием людей, а расплачиваться будут их дети. Когда эти здания состарятся, их судьба будет очень незавидной» – заявил градовед [18]. Он убежден, что вместо спальных районов необходимо строить новые города, которые больше будут похожи на деревни, но вооруженные всеми современными технологиями. Это не только экологичнее, но и намного безопаснее и дешевле. «Сейчас мы строим в США такие деревни, чтобы они могли пережить XXI век. Вот у чего нет будущего, так это у высотных зданий, потому что достаточно отрубить электричество на 2 часа и там наступает полный коллапс: вода не закачивается, кондиционеры стоят. В деревне же вы просто откроете окошко и пойдете гулять» [18].

Эта, кажущаяся экзотической, мысль в российских условиях нуждается в осмыслении, в то время как неотложная сепарация доходов строительных компаний и соблюдение стратегических интересов российского государства требует не осмысления, а решительных действий властей.

Литература

1. Гладкий Ю.Н. «Жемчужина» ценна своим «ожерельем». В сб.: «Природное и культурное наследие: междисциплинарные исследования, сохранение и развитие». СПб, изд. РГПУ им. А.И.Герцена, 2014. С. 38–44.

2. Гладкий Ю.Н., Гладкий И.Ю., Махова И.П. О пространственных издержках рыночной урбанизации в России // Общество. Среда. Развитие. 2016. № 1. С. 4–9.
3. Гладкий Ю.Н., Гладкий И.Ю., Махова И.П. О рисках трансформации урбанизированной среды России // Общество. Среда. Развитие. 2017. № 1. С. 109–114.
4. Дружинин А.Г. Урбанизация и метрополитизация на Юге России в постсоветский период: факторы, бренды, проблемы // Развитие городов в условиях глобализации. Екатеринбург, 2012. С. 88–101.
5. Глазычев В.Л. Капитализация пространства // Эксперт. 2004. №1. С. 100–104.
6. Большой экономический словарь / под ред. А.Н. Азрилияна. М.: Институт новой экономики, 1999. С. 332.
7. Гонтарь Н.В. Метрополитизация территориальной капитализации как фактор и механизм // Региональная экономика: история и практика. Т.13., вып. 10. 2015. С. 27–36.
8. Глоссарий. URL: [//www.archipelag.ru](http://www.archipelag.ru).
9. Дружинин А.Г. Метрополи и метрополитизация как mainstream территориализации политико-экономической власти: некоторые теоретико-методологические аспекты общественно-географического анализа // Южно-Российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2010. № 1. С. 102–125.
10. Конкурентоспособность регионов России (теоретические основы и методология) / отв. ред. И.П. Данилов. М., 2007. 229 с.
11. Рожков Ю.В., Чёрная И.П. Капитализация в системе целей инновационного развития региона // Инновация. 2009. № 6. С. 82–86.
12. Ходачек В.М. Конкуренция регионов как механизм социально-экономического развития: цели и результаты // Управленческое консультирование, 2012, вып. 2. С. 140–151.
13. Бугроменко В.Н. Повышение капитализации регионов. На основе управления макроэкономическими показателями развития транспорта. URL: <http://www.geogracom.ru/>.
14. Кондратович Э. Петербургский апокалипсис // Новая газета СВ. 14.03.08.
15. Crump J. Deconcentration by Demolition: Public Housing, Poverty and Urban Policy // Environment and Planning D: Society and Space. 2002. P. 581–596.
16. Exploring the Effect of Public Housing on the Concentration of Poverty in Columbus, Ohio // Urban Affairs Review. 1998. P. 767–789.
17. Shatilo D.P. Role of the Residential Real Estate Market in the Ethnosocial Differentiation of European Capitals: London, Paris, Madrid, and Moscow // Regional Research of Russia. 2015. Vol. 5. No. 1. P. 45–57.
18. Дуани А. Будущее за деревнями. Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.dp.ru/a/2012/07/03/Andre_Duani_Budushhee_za.

ОБЩЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ «СКРЕПЫ»
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ²

SOCIO-GEOGRAPHICAL 'BONDS' OF MODERN RUSSIA

Статья посвящена анализу общественно-географических феноменов и структур, выступающих «скрепами» современного российского пространства (центро-периферийные взаимозависимости, транспортно-логистические и производственные структуры, территориальная идентичность, этнолингвистическая структура и др.), оценке их резистентности и способности к генерированию интеграционных импульсов в условиях формирования «Большой Евразии».

The article is devoted to the analysis of social and geographical phenomena and structures which are the 'bonds' of the modern Russian space (center-peripheral interdependence, transport, logistics and production structures, territorial identity, ethnolinguistic structure, etc.). The assessment is given to their resistance and ability to generate integration impulses in the conditions of formation of 'Greater Eurasia'.

Ключевые слова: российское пространство, интеграционно-деинтеграционные процессы, общественная география, «Большая Евразия».

Key words: Russian space, integration and disintegration processes, social geography, 'Greater Eurasia'.

Введение. Территория (понимаемая как ограниченная часть земной поверхности [1, 2]) – важнейший атрибут и субстрат развития общества, продуцент его стратификации (обособления) по природно-ландшафтным, ресурсно-экономическим, социокультурным, этническим и политическим факторам и признакам. Явление это – полимасштабно, многомерно и нестатично, что в каждой конкретной ситуации объективным образом фокусирует внимание на феномене её «континуальности-дискретности» и, соответственно, «целостности территории» как одного из базовых условий устойчивой общественно-географической динамики (воспроизводства территориальных общественных систем) – первоочередной задачи любого государства, включая, разумеется, и Российскую Федерацию.

¹ Дружинин Александр Георгиевич, доктор географических наук, профессор, директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета (Ростов-на-Дону), профессор-исследователь Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград).

² Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ 18-010-00015 «Модели, эффекты, стратегии и механизмы включения западного порубежья России в систему «горизонтальных» межрегиональных экономических связей в контексте формирования «Большой Евразии».

Как прозорливо и мудро подмечал наш выдающийся коллега и Учитель Л.Н. Гумилёв, «навечно закрепленных за каким-то народом земель и территорий не существует» [3, с. 11]. Чёткое осознание этой практически аксиомы, равно как восприятие «целостности территории» в качестве актуальнейшей проблематики, её инкорпорирование в научный и политический дискурс – наблюдается, впрочем, лишь на переломных, критических для страны, этноса, государства хронологических (геоисторических) этапах, на негативных траекториях, зачастую дополняемых столь же неблагоприятно видоизменяющимся внешним контекстом. Симптоматично, что в России вплоть до конца XIX в. во главу угла ставилось исключительно «освоение» обширных (всё прирастающих) контролируемых пространств [4] и лишь на излёте имперского периода нашей национальной истории стали обсуждаться вопросы «единства русской империи» [5], «прочности государственной территории» [6], звучать призывы не отделять (в том числе ментально) «европейскую Россию» от «России азиатской» [7].

Постсоветская трансформация явила не только состоявшееся (загодя предугаданное, предчувствованное отдельными представителями российской интеллектуальной элиты [8]) расчленение единой ранее страны, но и острейшим образом (особенно – в первой половине 1990-х гг. [9]) обнажила проблематику обеспечения территориальной целостности уже в формате собственно Российской Федерации, продемонстрировала фундаментальное (всё возрастающее) влияние на ситуацию глобальных «центров силы» и процессов. Одним из них (в средне- и долгосрочной перспективе, пожалуй, наиболее значимым) выступает формирование «Большой Евразии»; соответствующие тенденции, тем не менее, пока только-только проявляют себя и лишь аспектно рефлексированы [10]. Цель данной статьи – анализ общественно-географических феноменов и структур, выступающих «скрепами»¹ современного российского пространства, оценка их резистентности и способности к генерированию интеграционных импульсов в контексте современных общеевразийских геоэкономических и геополитических трансформаций.

Становление «Большой Евразии»: общественно-географические вызовы и риски для России. Концепт «Большой Евразии» активнейшим образом культивируется в нашей стране с 2016 года (когда соответствующая идея была озвучена Президентом РФ на Петербургском международном экономическом форуме и, тем самым, легитимизирована, официально введена в политический дискурс), последовательно обретая ипостась ключевой категории современной российской геополитики; характерно, что к апрелю 2018 г. библиографическая база E-library вмещала уже более 43 тысяч научных статей с соответствующим словосочетанием. Зачастую о «Большой Евразии» говорят, имея в виду новую геостратегическую реальность, связанную, в том числе, со

¹ Применительно к общественно-географическим реалиям термин «скрепы» ранее удачно использован Ю.Н. Гладким в его фундаментальной монографии «Россия в лабиринтах географической судьбы» [11].

стремительным укреплением геоэкономических позиций КНР и ряда других государств евразийского материка, с наращиванием трансконтинентальных товаропотоков, с углубляющимся конфликтом в системе «Россия-Запад» и др.; часто её соотносят с переходом к многополюсному миропорядку, упоминают в контексте декларируемого Российской Федерацией «разворота на восток», а также расширения стратегического партнёрства с Китаем [12–16]. Превалирует, при этом, общая мажорная тональность: акцентируется позитив ситуации, порождаемые ею для России тактические и стратегические возможности; лишь отдельными экспертами [17] констатируются параллельно возникающие проблемные ситуации и риски, которые, замечу, для России (включая и аспекты обеспечения её «территориальной целостности») весьма и весьма велики.

Нельзя не констатировать, что формирующаяся (в том числе и в ментальной проекции) «Большая Евразия» – иллюстрирует собой, прежде всего, трендовое укрепление в планетарном масштабе позиций континента (экономических и политических), его основных «центров силы» (в том числе и новых, динамично развивающихся). Характерно, что если в 2000 г. на долю совокупности всех евразийских стран приходилось 62% глобального ВВП (по официальному обменному курсу), то в 2015 г. – почти 64 % (суммарный ВВП государств Евразии по ППС эквивалентен, при этом, 69 % от общемирового показателя) [18]. Катализируя интеграционные процессы и стимулируя трансконтинентальные товаропотоки, подобная динамика порождает не только нарастающий дефицит базовых ресурсов (сопровождающийся обостряющейся, зачастую латентной борьбой за территории, сферы влияния), но и инициирует дальнейший рост интереса к доминированию на континенте глобалистских сил, к «сдерживанию» ведущих евразийских геополитических и геоэкономических акторов (включая и Россию), в том числе через механизмы политико-территориальной дезинтеграции.

Отмечу и иное: сопряжённый с выстраиванием архитектуры «Большой Евразии» геоэкономический «сдвиг» на восток и юго-восток (в 2015 г. в совокупном ВВП по ППС стран континента доля «европейского Запада» не превышала 26,8 %, в то время как ШОС с государствами-партнёрами достигла 48,8 %), предоставляя Российской Федерации столь необходимую ей сейчас бóльшую «свободу манёвра», одновременно создаёт предпосылки для возрастания многовекторного «давления» на Россию, причём, практически по всему периметру её рубежей. Множащиеся числом и разнящиеся своей хронологией, интенсивностью, потенциалом идущие извне импульсы по «поглощению» и реформатированию российского пространства, его отдельных региональных сегментов, вступая, с одной стороны, в «конфликт интересов», уравновешивают, «гасят» друг друга, с другой — генерируют пока гипотетическую возможность хозяйственного, инфраструктурного и культурно-ментального «растаскивания» страны, вплоть (при эскалации неблагоприятных факторов) до её фактической дезинтеграции.

В общественно-географическом смысле Россия, конечно же, остаётся «страной-гигантом» [19]; в её «активе» – юрисдикция над обширным сегментом Евразии (31,5 % всей её площади), всё ещё масштабное (частично растраченное в постсоветский период) геоисторическое наследие, вновь усилившееся в последнее десятилетие военно-стратегическое влияние (по оценке С. Караганова, Россия де-факто – крупнейший поставщик безопасности в мире [20]), равно как и усилия (отчасти успешные [21]) по выстраиванию «россицентрированных» межгосударственных интеграционных форматов (ОДКБ, ЕАЭС). Всё это, впрочем, контрастирует с неблагоприятным геоэкономическим и геодемографическим положением страны, создающим условия как для её хозяйственной периферизации, снижения относительной рыночной привлекательности (на фоне динамики иных евразийских государств), так и для гипертрафированной «экстравертности» (в поведенческих реакциях российских хозяйствующих субъектов и активного населения), когда производственные объекты и, особенно, инфраструктура, демографический потенциал «притягиваются» к трансграничным транспортным коридорам, к приморским зонам [22, 23, 24], а соответствующие порубежные территории имплантируются (экономически и ментально) в формирующиеся и «центрированные» отнюдь не на Россию «международные» регионы (на Балтике, в Причерноморье, на Каспии, на Алтае, в Приамурье, в Японском море и др.).

Существенно также, что становление «Большой Евразии» инициирует активно декларируемую в последние два-три года установку на опережающее развитие восточных регионов России [13]; исторически, однако, хозяйственный и селитебный каркас страны «смещён» на запад («европоцентричен» [16]), и именно на территориях западного российского порубежья (за исключением крупнейших городских агломераций) системные риски геополитического и геоэкономического переформатирования евразийского пространства, равно как и «завершения эпического путешествия России на Запад» [25] – могут оказаться наиболее ощутимыми. Это связано не только с усугубляющимся (в том числе и в связи с новыми «восточными приоритетами») дефицитом финансово-инвестиционных ресурсов, но и с присущим российскому порубежью (возросшему после 2014 года) «стрессом соседства» (по терминологии М.П. Крылова [26]), сочетающемуся с инерцией культуры (уже оформившихся её региональных вестернизированных вариантов, наподобие «балтийской идентичности» [27]), подкрепляемой заметно возросшим в последние два-три года информационным, идеологическим воздействием со стороны западных соседей и партнёров.

Продуцируя риски геостратегической неопределённости, поливариантности последующего развития событий, «Большая Евразия» ныне являет собой новую многомерную полиструктурную геополитическую и геоэкономическую реальность, требующую переосмысления, перенастройки всей совокупности факторов и условий (в том числе и общественно-

географических), интегрирующих нашу страну, предопределяющих её территориальную целостность.

«Скреплы» территориальной общественной системы: основы концепции. Что, какие условия, обстоятельства интегрируют общественно-географическое (страновое) пространство, придавая совокупности местностей, регионов (зачастую существенно различающихся своими природными, хозяйственными и культурными характеристиками) ипостась единой территориальной (общественной) системы? Безусловно, это не только Власть и Сила, «историческая колея», привычка, либо конъюнктурная конфигурация интересов глобальных геополитических и геоэкономических акторов (воспринимаемая как «система международных отношений»). Устойчивость к факторам и рискам самораспада (как подмечал И.М. Маергойз, «целостность – это важнейшая проблема для системы» [28, с. 263]) – в существенной мере результирующая собственного состояния (качества, структурных характеристик) территориальной общественной системы (согласно Э.Б. Алаеву, существующей именно благодаря «взаимным связям между составляющими элементами, придающим новое качество целостности» [1, с. 43]), связанного с наличием у неё неких имманентных, «встроенных» в общую общественно-географическую архитектуру и ритмику «скрепов». Понимая под последними *свойства, особенности и характеристики как самой конкретной территориальной общественной системы (ГОС), так и существенные (для поддержания форматов её «территориальной целостности») взаимодействия с сопредельными аналогичными структурами, а также включённость в глобальный контекст*, идентифицируем пять сопряжённых групп общественно-географических «скрепов»:

1. *Коммуникационно-контракционные:* устойчивые «потoki» товаров, финансов, рабочей силы, информации, рекреантов (трансрегиональные и транснациональные); доступность территорий (технически и экономически), их сопряжённость.

2. *Структурно-локализационные:* особенности размещения важнейших ресурсов, производственного потенциала и инфраструктуры, ареалы интереса крупного бизнеса, специфика расселения (в том числе в этническом и этноконфессиональном его аспектах), конфигурация общественно-географических центров и зон их влияния.

3. *Институционально-территориальные:* «привлекательность» конкретных территорий для экономической активности, анклавов федеральной собственности, а также имущественных комплексов трансрегионального (транснационального) бизнеса, общая архитектура федеративных отношений и «особый статус» тех или иных регионов.

4. *Собственно территориальные:* размер, конфигурация и локализация территории (изначально способной «объединять объекты через отношения между последними и самой территорией» [1, с. 45]); в этом плане насыщенная

ресурсами, устойчивая, целостная, «запечатлевшаяся» в сознании, позитивно оцениваемая территория страны – тоже её важнейший «скреп».

5. *Ментально-культурные*: геоконцепты, геообразы, геомифы, «территориально-сфокусированные» ценностные установки, смыслы, восприятия территории, её имидж (в том числе в сопоставлении с иными территориальными системами).

Являя собой важнейшее условие и, одновременно, ключевой аспект общественно-географического системообразования, те или иные конкретные «скрепы» для определённой ТОС – не вечны и не абсолютны; они способны демонстрировать свою эффективность лишь «здесь и сейчас» в совокупности с иными интеграционными факторами и, одновременно, могут (под воздействием различных внешних причин, а также обстоятельств собственной эволюции) утрачивать потенциал и, даже, в отдельных ситуациях, начинать «работать» на деградацию имманентной им территориальной системы. Исторически недолговечны, изменчивы и представления о важнейших, основополагающих для той или иной ТОС её «скрепах». В конце XIX столетия для Российской Империи в подобном качестве виделась, в частности, степень развитости центрального ядра страны (В.И. Ламанский [5]) и, чуть позднее, – его местоположение относительно всего массива государственной территории (Д.И. Менделеев симптоматично стремился определить «центр России» [7], а В.П. Семёнов-Тян-Шанский предлагал «сдвинуть культурно-исторический центр государства ближе к истинному его географическому центру» [6]). В СССР (в русле методологических подходов К. Маркса, Г.В. Плеханова, В.И. Ульянова) акцент делался на географическом разделении труда и экономической взаимозависимости территорий, на «комплексности и комбинировании», на «гармоническом сочетании отдельных производственно-территориальных единиц» [29, с. 52] и, соответственно, «росте взаимообусловленности в отраслях народного хозяйства» [30, с. 171], равно как и на укреплении связи с периферийными районами страны в процессе железнодорожного строительства [31]. Иные детерминанты территориальной целостности (уже на излёте советской эпохи) озвучивались Л.Н. Гумилёвым [32], фиксировавшим внимание на пассионарной энергии, генерирующей, сохраняющей этнос, на комплиментарности этносов.

Общественно-географические «скрепы» постсоветской России: эволюция приоритетов в меняющемся евразийском геополитическом и геоэкономическом контексте. Распад СССР видоизменил и высветил очень многое; в постсоветской России приоритетную роль, при этом, обрели новые общественно-географические «скрепы»; они же всё в большей мере продуцируют и дезинтеграционные риски.

Постсоветский период ознаменован глубинной трансформацией всей территориальной организации российского общества. Распад супердержавы и медленное (но последовательное) нарастание геополитической,

геоэкономической и геокультурной дистанции между большими и малыми её былыми составляющими – не только обнажили ранее латентные дезинтеграционные векторы, но и продемонстрировали хрупкость (и, отчасти, несостоятельность) её общественно-географических «скрепов»: системы экономических районов и межтерриториальных взаимосвязей (включая в прошлом мощные механизмы социально-территориального перераспределения ресурсов), единого лингвистического (и в целом культурного) пространства, практически повсеместно локализованных силовых структур и отраслей ОПК. При возрастающей в условиях глобализации вариативности выбора, множасьихся «позитивных образцов» и притягательных экзогенных городов-метрополий (опоясывающих ныне всё постсоветское пространство) система общественно-географических «скрепов» существенно «сжавшейся» в своих новых границах страны деформировалась, деградировала, испытав, при этом, выраженную эволюцию.

Существенно ослабленными, дезагрегированными оказались, в частности, хозяйственные факторы межтерриториальной интеграции, явившие свои обновлённые форматы (хинтерланды крупнейших морских портов, ареалы локализации интересов ведущих компаний, экспортоориентированные экономические кластеры, транспортно-коммуникационные коридоры), обретшие транснациональный, трансграничный вектор и, в этой связи, всё более неустойчивые, слабо ощутимые поселенческими общностями (из-за резко проявившегося отчуждения основных страт населения от собственности и результатов производства). Резко возросла в постсоветский период и изначально присущая российскому пространству неравномерность в социально-экономическом развитии его региональных составляющих.

В современной России (обретшей ещё более выраженную ипостась «архипелага немногих центров в океане периферии» [33, с. 437]) 34 субъекта Федерации генерируют душевой объём валовой добавленной стоимости ниже среднемирового (эквивалентного \$16400 по ППС в 2016 г. [34]), в то время как в шести регионах страны (включая и Москву) аккумулируемый ВРП сопоставим с показателем США и Швейцарии. Концентрируя 10,3 % населения нашей страны, шестёрка её «высокоразвитых» регионов привлекает (по статистике за 2016 год [35]) 27 % всех инвестиций в основной капитал и располагает 24 % от совокупного объёма доходов бюджетов субъектов Российской Федерации. На этом асимметричном фоне в подавляющей части российских территорий наблюдается отток населения: отрицательное сальдо миграции имеет место во всех без исключения субъектах Дальневосточного федерального округа, в 7 из 12 – Сибирского, 11 из 14 – Приволжского, 6 из 7 – Северо-Кавказского... Пролонгированные процессы экономического «расслоения» территорий лишают подавляющую их часть ресурсов (и перспектив) саморазвития. На этом фоне доминантой российского пространства и его основополагающим «скрепом» (одновременно разрушающим социально-экономическую «ткань» стра-

ны и, соответственно, её целостность) стала столетиями воспроизводимая, но именно в постсоветский период явившая свои наиболее рельефные, гипертрофированные черты система «москвоцентричности».

Уже ко второй половине 1990-х гг. Москва существенно дистанцировалась от «остальной России» по всем важнейшим компонентам уровня и качества жизни. Экономический позитив «нулевых» годов подкрепил эту пространственную мегатенденцию, превратив общенациональную столицу в наиболее динамичный и значимый в масштабе страны рынок рабочей силы, фокус инвестиционной активности, а «среднестатистических москвичей» (при глубочайшей их социальной стратификации [36]) – в получателей сопоставимых со среднеразвитыми европейскими странами доходов, связанных, в том числе, и с обладанием дорожающей собственностью (к 2000 г. почти 52 % всех доходов от собственности, полученных по России, приходилось на жителей Москвы). Ситуация эта напрямую проявила себя в геодемографической ритмике: если в 1991–1995 гг. московское население прирастало в среднем на 13,6 тыс. человек в год, то в 1995–2000 гг. – на 169,4 тыс., в 2000–2005 гг. – 158,8 тыс. В целом же за постсоветский период (на фоне охватившей страну депопуляции, достигшей максимума к началу 2000-х гг.) людность Москвы выросла на 37%, в то время как, к примеру, Санкт-Петербурга – на 11,3 %, Казани – на 11,4 %, Ростова-на-Дону – на 9,4 %.

Укрепив эксклюзивные позиции в стране, концентрируя транспортные потоки и логистику, безраздельно доминируя в информационно-идеологическом поле, поддерживая экспансию «своего» крупного бизнеса в регионы реконструируемой вертикали власти, общенациональная столица (всё более интегрируясь с сопредельными урбанизированными территориями Московской области в единый супергород), как это ни парадоксально, параллельно «приблизила» к себе российские регионы, став для них основным инвестором, потребителем товаров и услуг, арбитром, спонсором, «предложив» новый ментальный образец, мифологизированный социальный трамплин, места престижного трудоустройства, получения образования, проживания.

Взросшая многоаспектная взаимозависимость демографически (и ещё в большей мере – экономически, информационно) «расширившейся» Москвы и её, напротив (!), испытывающей «опустынивание» периферии воплотилась не только в стремительном развитии Московской агломерации (сальдо миграции между Москвой и Подмосковьем увеличилось с 1990 по 2005 г. с 500 до 800 тыс. чел. [37]; на этом фоне последнее десятилетие Московская область уверенно лидирует по коэффициенту миграционного прироста и объёму вводимого жилья [35]), но и в формировании опоясывающего Москву пространства дач [19], а также обширнейшего ареала (за исключением примыкающих к Санкт-Петербургу территорий, – это вся Европейская часть страны [33], а также регионы Украины, Молдова, государства Средней Азии и Южного Кавказа) трудовой миграции преимущественно в форме «отходничества». В итоге,

уже к середине «нулевых» годов «москвоцентричность» стала не просто фундаментальной (как ранее), а главной характеристикой российского пространства; последнее же обрело выраженную «москвозависимость», понимаемую как непосредственное существенное влияние на динамику всех без исключения регионов и городов страны не только федеральных политических, бюджетно-налоговых, инвестиционных решений, либо «поведения» крупнейших корпораций, но и социально-экономического положения собственно Московской агломерации, факторов (в том числе и экзогенных, геоэкономических, геополитических) и перспектив её развития.

Кризис 2014–2016 годов усложнил положение Москвы; на определённое время лимитированными оказались возможности получения Москвой как столичной ренты, так и преференций от геоэкономического взаимодействия и посредничества (показательно, что за 2014 г. сальдированный финансовый результат хозяйствующих субъектов Москвы сократился более чем вдвое [35]). Проявлением кризисных процессов стало, отчасти, и наблюдаемое в последние два-три года сокращение миграционного прироста населения Московского региона (Москвы и Московской области), а также существенное уменьшение доли жителей Москвы в денежных доходах населения РФ, в т.ч. доходах от собственности. В этой связи в экспертном сообществе симптоматично культивируется представление как о практическом исчерпании потенциала центростремительной модели организации российского пространства [14], так и инициированном кризисом дальнейшем перераспределении ресурсов страны в пользу федеральной столицы [38, 39] (чему, замечу, благоприятствует не только неизменно ориентированная на Москву череда «мегапроектов», но и недавние правительственные инициативы по «расширению Москвы», а также реновации столичного жилья). Институционально обусловленное перераспределение ресурсов в пользу московской мегаметрополии (в рамках бюджетного и внутрикорпоративного механизмов, а также ценообразования на олигопольно-монопольных рынках) способно, тем не менее, лишь на какое-то время стабилизировать сложившиеся москвостремительные векторы, одновременно усугубляя положение периферии (включающей ныне также большинство городских агломераций страны), усиливая противоречия в системе «центр-регионы», порождая как электоральные, так и политико-территориальные риски, которые невозможно не учитывать в перманентной (ожесточившейся в последнее время) геоэкономической и геополитической борьбе, в которой Москва (вместе с иным интегрированным с ней российским пространством) не только актер, но и объект.

Ещё в середине «нулевых» годов, когда Российская Федерация была на явном экономическом подъёме, а её основополагающий, связанный с эксклюзивной позицией Москвы общественно-географический «скреп» функционировал достаточно эффективно, отдельными представителями нашего профессионального сообщества справедливо фиксировалось внимание на назревающем «искусственном разрыве между западом и востоком

страны» [40, с. 26], на резко ухудшившемся положении регионов Сибири [41] и Тихоокеанской России [42]. За последующий десятилетний период каких-либо значимых позитивных структурных изменений, к сожалению, не произошло; на фоне пролонгированной (в мировых и евразийских сопоставлениях) депопуляции России и её экономической стагнации подавляющая часть территории страны не привлекательна ни для бизнеса, ни для населения; интегрирующая Российскую Федерацию «москвоцентричность» лишь усугубляет, консервирует эту ситуацию, фактически генерируя условия для превращения (при латентной либо явной поддержке внешних сил) тех или иных компонент российского пространства (в ментальном и далее – в этнополитическом, геополитическом аспектах) в «неРоссию».

Осмысливая гипотетический тренд грядущих метаморфоз, важно осознавать, что под воздействием комплекса причин значение материально-вещественных «скрепов» России ослабевает; одновременно обретают силу (выходя на авансцену) факторы информационные, ценностно-ментальные. Это существенно повышает хрупкость, уязвимость территориальных общественных систем, расширяет возможности их «конструкции-деконструкции».

Как подмечал Л.В. Смирнягин, «нам всё чаще приходится признавать, что в своём поведении люди руководствуются не только и не столько пресловутыми объективными свойствами объективного мира, сколько своими представлениями о них, в сильнейшей мере опосредованных социокультурными факторами» [43, с. 437]. Ни относительная гомогенность современного российского этнолингвистического пространства¹, ни внешне «аспираторная» [44] русская культура и превалирование в этнодемографической структуре подавляющей части российских регионов представителей русского этноса [45] – не должны, в этой связи, вызывать самоуспокоение. Постсоветский опыт свидетельствует, что для радикального реформатирования региональных (и национальных) идентичностей вполне достаточно 1–2 поколений; более того, глубинные пласты национальной истории сохраняют память о жесточайшем противоборстве практически однородных по своей культуре и этнической структуре земель (например Твери и Москвы в XV столетии).

Акцентирую, что отношение человека (территориальной общности) к своему городу, региону, стране – суть проекции отношений человека к человеку; отчуждение «от России» (и соответствующие «россиебежные» поведенческие модели, начиная от миграции и вывоза капитала и вплоть до русофобии в идеологии и политике) – это в огромной мере не только гуманитарная, но и социально-экономическая проблема, базирующаяся как на исторических пластах культуры, так и современных политико-экономических фундаментах. Человек же ныне «отодвинут» на задний план; он не цель и уже, практически (на переходе от сырьевой экономики к её же высокотехнологизированному

¹ Согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 года русским языком владело 99,1 % жителей России и лишь на отдельных «этнических» территориях доля лиц, декларировавших незнание русского языка оказалась ощутимо выше: в Ингушетии – 5,7 %, Дагестане – 6,9 %, Чечне – 7,9 %, Республике Тыва – 13,9 %.

«информационному» инварианту, кода потребность в «факторе труд» ещё меньше) – не средство. И знаменитое «Человека забыли» Н.Н. Баранского звучит ныне всё так же актуально. В этом плане потенциал манипулирования в сфере общественного сознания нельзя ни умалять, ни преувеличивать. Не соревнование «пропагандистских машин», не успехи в военно-технологической области, а именно условия жизнедеятельности широких слоёв населения (минимизирующие действие экзогенных информационных «выбросов», инициирующие устойчивое чувство гордости за страну и себя, свою семью, корпорацию, город, регион – как её неотъемлемую «частичку») выступают ныне всё более приоритетными общественно-географическими «скрепами».

Заключение. «Большая Евразия», её полноформатное становление – это масштабнейший и весьма противоречивый по своим последствиям геоэкономический и геополитический тренд, продуцирующий для России не только новые возможности, но и дополнительные риски, в том числе и дезинтеграционные. Закономерное в данном контексте выдвижение проблематики территориальной целостности страны на авансцену научного (в том числе и общественно-географического) анализа во-многом связано с осмыслением имманентных российскому пространству «скрепов», их идентификацией, выявлением соответствующих детерминант и эффектов, обоснованием приоритетов. Задача эта – фундаментальная, комплексная, требующая наших сфокусированных профессиональных усилий.

Литература

1. Алаев Э.Б. Экономико-географическая терминология. М.: Мысль. 1977. 199 с.
2. Трофимов А.М. Шарыгин М.Д. Общая география. Вопросы теории и методологии. Пермь: Пермский гос. университет. 2007. 494 с.
3. Гумилев Л. Н. В Горбачеве я вижу Августа. "Союз", №18, 1991. С. 5–12.
4. Рябцев В.Н. Геополитическая мысль в России за последние 100 лет.: 1914–2014 гг. (внутренние метаморфозы на фоне перипетий истории страны и мира). Выпуск. 1. Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования. 2015. 368 с.
5. Ламанский В. И. Геополитика панславизма. / Сост., предисл., комментарии Ю. В. Климаков / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 928 с.
6. Семёнов-Тян-Шанский В.П. О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк политической географии // Известия Русского Императорского географического общества. 1915. Том LI, вып. VIII. С. 425–457.
7. Менделеев Д.И. К познанию России. СПб. Издание А.С. Суворина. 1907. 157 с.
8. Ильин И.А. О России. Три речи. 1926–1933. София. Изд. «За Россию». 1934. 78 с.
9. Смирнягин Л.В. Актуальна ли проблема асимметрии в современной России // Федерализм и этническое разнообразие в России. М: Российская политическая энциклопедия. 2010. С. 44–59.
10. Дружинин А. Г. Россия в многополюсной Евразии: взгляд географа-обществоведа. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2016. 228 с.
11. Гладкий Ю.Н. Россия в лабиринтах географической судьбы. СПб.: Изд-во Р.Асланова «Юридический центр Пресс». 2006. 836 с.
12. Караганов С. С Востока на Запад или Большая Евразия // Российская газета – Федеральный выпуск. №7109 (241).

13. Шупер В.А. Евразийское будущее России в свете чередования интеграционных и дезинтеграционных циклов // Балтийский регион. 2016. Т. 8. № 4. С. 7–17.
14. Караганов С. Макаров И. Российский поворот на восток // Россия в глобальной политике. 2017. № 12. <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Rossiiskii-povorot-na-Vostok-19272> (Дата доступа – 22.03.2018).
15. Лукин А. В. Идея «Экономического пояса Шелкового пути» и евразийская интеграция // Международная жизнь. 2014. № 7. С. 54–62.
16. Вардомский Л.Б. Государственная идентичность и пространственное развитие России: опыт столетия или уроки русских революций // ЭКО. Всероссийский экономический журнал. 2017. № 12. С. 33–50.
17. Ефременко Д. Рождение большой Евразии // Совет по внешней и оборонной политике [Электронное издание] <http://svop.ru/main/22210/> (Дата доступа – 13.12.2016).
18. Дружинин А.Г. Геоэкономические взаимозависимости и геополитические альянсы в современном евразийском пространстве // Социально-экономическая география. Вестник АРГО. 2017. № 6. С. 24–38.
19. Трейвиш А.И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф. 2009. 372 с.
20. Караганов С. Мир на вырост // Россия в глобальной политике. 2018. № 1. <http://www.globalaffairs.ru/number/Mir-na-vyrost-19357> (Дата доступа – 22.03.2018).
21. Druzhinin A., 2016. Russia in modern Eurasia: The Vision of a Russian Geographer // *Quaestiones Geographicae* 35(3), Bogucki Wydawnictwo Naukowe, Poznań, pp. 31–39.
22. Дружинин А.Г. «Морская составляющая» российской общественной географии: традиции и новации // Известия РАН. Серия географическая. 2016. № 6. С. 7–16.
23. Дружинин А.Г. Талассоаттрактивность населения в современной России: общественно-географическая экспликация // Балтийский регион. 2017. Т. 9. № 2. С. 28–43.
24. Трансграничное кластерообразование в приморских зонах Европейской части России: факторы, модели, экономические и экзистенциальные эффекты / Под ред. А.Г. Дружинина. Ростов-на-Дону : Издательство Южного федерального университета, 2017. 421 с.
25. Сурков В. Одиночество полукровки (14+) // Россия в глобальной политике. 2018. № 2. <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Odinochestvo-polukrovki-14-19477> (Дата доступа – 22.03.2018).
26. Крылов М.П. Региональная идентичность в Европейской России. М.: Новый хронограф. 2010. 240 с.
27. Клемешев А.П., Корнеев В.С., Пальмовский Т., Студжиницки Т., Федоров Г.М. 2017. Подходы к определению понятия «Балтийский регион» // Балтийский регион. Т. 9. № 4. С. 7–28.
28. Географическое положение и территориальные структуры. Памяти И.М. Маергойза / Составители П.М. Полян и А.И. Трейвиш. М.: Новый хронограф. 2012. 896 с.
29. Колосовский Н.Н. Избранные труды. Смоленск: Ойкумена. 2006. 336 с.
30. Чистобаев А.И., Шарыгин М.Д. Экономическая и социальная география. Новый этап. Л.: Наука, 1990. 319 с.
31. Бернштейн-Коган С.В. Очерки географии транспорта. М.: Государственное издательство. 1930. 348 с.
32. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: ЛГУ, 1989.
33. Между домом... и домом. Возвратная пространственная мобильность населения России. М.: Новый хронограф. 2016. 504 с.
34. The World Factbook [Электронное издание] <https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/geos/xx.html> (Дата доступа – 11.01.2018).
35. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017. Статистический сборник. Росстат. М., 2017. 1402 с.

36. Вендина О.И. Мигранты в российских городах. // Отечественные записки. 2012. № 3 (48). С. 216–229.
37. Махрова А., Нефедова Т., Трейвиш А. Московская агломерация и «Новая Москва» // Pro-contra. Москва как физическое и социальное пространство. 2012. № 6 (57) ноябрь–декабрь. С. 19–32.
38. Балацкий Е.В., Гусев А.Б. Синдром столичного мегаполиса в российском экономическом пространстве // Пространственная экономика, 2007. № 4. С. 5–25.
39. Зубаревич Н.В. Кризисы в постсоветской России: региональная проекция // Региональные исследования. 2015. № 1 (47). С. 23–31.
40. Тулохонов А.К. О географии в современном обществе, или уроки практической географии. Улан-Удэ.: НоваПринт. 2012. 228 с.
41. Тулохонов А.К. О географии в современном обществе, или уроки практической географии. Улан-Удэ.: НоваПринт. 2012. 228 с.
42. Бакланов П.Я., Романов М.Т. Экономико-географическое и геополитическое положение Тихоокеанской России. Российская академия наук, Дальневосточное отделение, Тихоокеанский институт географии. Владивосток, 2009.
43. Смирнягин Л.В. Место вместо местоположения (о сдвигах в фундаментальных понятиях географии) // Географическое положение и территориальные структуры. Памяти И.М. Маергойза / Составители П.М. Полян и А.И. Трейвиш. М.: Новый хронограф. 2012. 896 с. С. 421–456.
44. Смирнягин Л.В. 2005. Общественная география. Федерализм. Регионализм. М.: КомКнига. 464 с.
45. Стрелецкий В.И. Сдвиги в этническом расселении в России в конце XX - XXI начале веков и их некоторые культурно-географические аспекты // Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2011. № 1 (2). С. 51–72.

УДК 332.122130.1

Т. И. Герасименко¹, Б. Б. Родоман²
T. I. Gerasimenko, B. B. Rodoman

ЭТНОКОНТАКТНЫЕ ЗОНЫ КАК ВИД ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ РЕГИОНОВ

ETHNO-CONTACT ZONES AS A VARIETY OF ETHNO-CULTURAL REGIONS

Рассмотрены этноконтактные регионы и зоны как объекты изучения географической науки. Даны определения понятий, предприняты попытки их классификации.

The article deals with ethno-contact regions and ethno-contact zones as objects of the geographical science. Definitions of concepts are given, attempts of their classifications are made.

¹ Герасименко Татьяна Ильинична, профессор, доктор географических наук, Оренбургский государственный университет, Оренбург.

² Родоман Борис Борисович, доктор географических наук, независимый исследователь, Москва.

Ключевые слова: этнический ареал, межэтнические границы, этнокультурное пространство, этноконтактный регион, этноконтактная зона.

Keywords: ethnic area, ethnic boundaries, ethnic-cultural space, ethno-contact region, ethno-contact zone.

Введение. Изучение этнокультурного пространства (ЭКП) позволяет выявлять диспропорции и прогнозировать его дальнейшее развитие. Такие работы есть, в том числе и географические. Украинские, белорусские, ставропольские, псковские географы традиционно уделяют ЭКП и этноконтактным зонам (ЭКЗ) большое внимание. Изучением разных аспектов географии этносов и этнических контактов занимаются И.Ю. Гладкий, Ю.Н. Гладкий, А.Г. Дружинин, О.Г. Завьялова, К.Б. Клоков, А.Г. Манаков, М.В. Рагулина, В.Н. Стрелецкий, С.А. Хрущёв, А.И. Чистобаев и др. Много исследований посвящено этноконфликтологии и этнонационализму [1–5 и др.]. Регионы со сложившимися толерантными отношениями изучены меньше, хотя и такие работы есть [например, 6–8]. Одна из важнейших задач географической науки – исследование разграничения этнокультурного пространства, выявление форм его территориальной организации

ЭКП России сложно организовано. Этнические ареалы переплетаются, пересекаются, накладываются. Взаимодействие этнокультурных групп сопровождается заимствованиями, диффузией элементов культуры, этнокультурной дивергенцией. Иногда возникают проблемы и конфликты. Этническое разнообразие ЭКП осложняется конфессиональным и социальным разнообразием. На его характеристики влияют уровень урбанизации, образ жизни, географическое положение, способы адаптации в ландшафтах и др. Противоположные, но взаимосвязанные процессы – регионализация и глобализация – лежат в основе формирования региональных культурных сообществ.

Этнокультурное пространство России мозаично и континуально. При взаимодействии этносов формируются этнокультурные территориальные комплексы (ЭТК), которые лежат в основе этнокультурных регионов (ЭКР) – моноэтнические, дву- и полиэтнические. Все полиэтнические ЭКР являются этноконтактными. На границах этнических ареалов формируются этноконтактные зоны (ЭКЗ) – пограничные ареалы, в которых происходят межэтнические контакты. ЭКЗ – сложный феномен, междисциплинарный объект. Для его осмысления требуются объединённые усилия специалистов разных областей. Этой проблеме уделяется большое внимание в зарубежных источниках [например, 9–11]. Число работ растёт в связи с увеличением миграций в страны Европы и новыми межэтническими контактами. Такие работы есть и в постсоветских странах [8, 12–16 и др.]. Для изучения ЭКР и ЭКЗ как географических объектов надо применять системно-структурные и хорологические методы, что позволит выявить местоположение, очертания, границы ареалов, провести районирование и классификации.

В большинстве случаев непреодолима конвенциональность (условность) делимитации (ЭКР): зачастую четко выделяются лишь их ядра, а полупериферия и периферия «размыты». Равнозначные районы, как и этноконттактные зоны (ЭКЗ), выделить невозможно, хотя попытки предпринимаются [например, 12, 15]. Представляется, что при районировании ЭКП изначально следует ставить задачу выделения разных по масштабам, составу, этнокультурным характеристикам и другим параметрам ЭКР и ЭКЗ.

Не решён окончательно вопрос об определении понятия ЭКЗ. Ни одно из определений не даёт представления о показателях и границах этой дефиниции. Н.В. Ден определил их как ареалы «наиболее активного межэтнического соприкосновения и взаимодействия» [17], как и этнографическая комиссия Географического общества СССР. А.Г. Дружинин и А.Я. Суций считают ЭКЗ структурным элементом ГЭКС [4], а А.Г. Манаков [12] причисляет ЭКЗ к категории этнических географических гравитационных границ с преобладанием контактных функций. Однако граница по определению не площадной, а линейный объект, это «...нечто, расположенное между двумя предметами и разделяющее их», но само «нечто» «пренебрежимо мало по сравнению с разделяемыми объектами...» [18, с. 24]. ЭКЗ же могут занимать «значительные площади», это отличает их от пороговых границ и позволяет утверждать, что ЭКЗ – не граница, а особый тип региона: ведь они представляют собой участки геотории в местах пересечения или наложения двух и более этнических ареалов. ЭКЗ имеют разные размеры и форму. Фактически ЭКЗ – это межэтнические трансграничные полосы разной формы и размера (рисунок).

С точки зрения географии ЭКЗ следует считать этноконттактным этнокультурным регионом, сформировавшимся при пересечении двух и более этнических ареалов. ЭКЗ – это участки ЭКП, где происходит постоянное межэтническое взаимодействие. Очевидно, что следует учитывать интенсивность, продолжительность, периодичность контактов. Размеры и форма взаимодействующих ареалов могут различаться. На теоретической модели [18] географические зоны параллельны или концентричны, чаще всего имеют вид вытянутых полос. Однако их отдельные участки, вследствие пересечения с другими районами или из-за ограниченности территории, могут иметь любую форму. Они характеризуются, по Б.Б. Родману, изменением какого-либо количественного показателя. В случае ЭКЗ это может быть, к примеру, этническая структура населения либо индекс этнической мозаичности.

Этнические ареалы могут быть изолированными, располагаться чересполосно, но чаще всего они пересекаются либо накладываются один на другой. В отечественной традиции их отличают от культурных, которые включают помимо этнических и другие характеристики. В свойствах понятия «этнический ареал» наряду с общегеографическими характеристиками [19, с. 17.] обнаруживается сходство с биогеографическими ареалами. Этнические ареалы, как и биогеографические, бывают обособленными (немцы-меннониты, кулугу-

ры и др.) и относительными (российские поляки, евреи, цыгане, армяне и др.), когда фиксируется сосредоточение того или иного этноса среди других. Этнофоры или их группы иногда проживают за пределами основного этнического ареала.

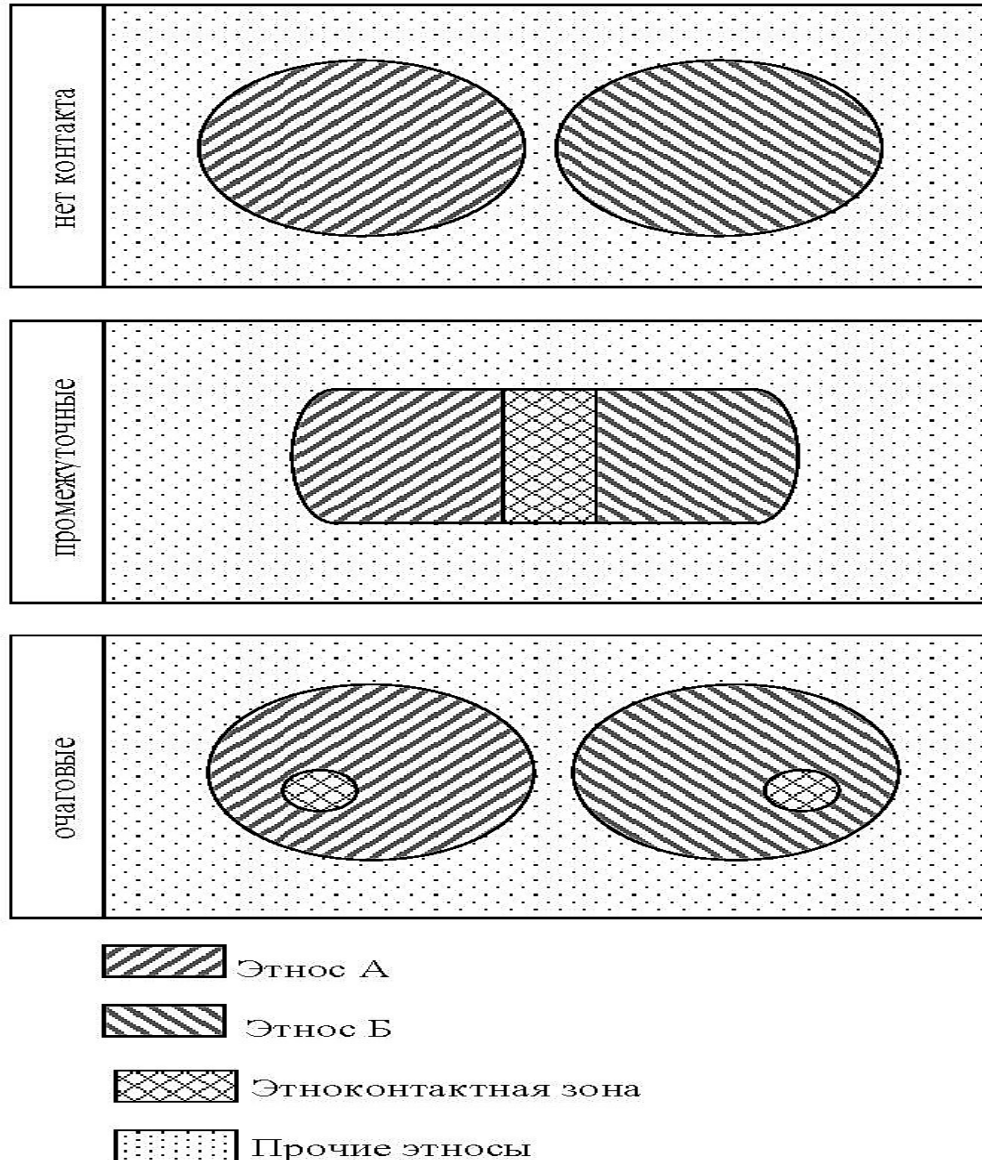

Рис. Типы этноконтактных зон

На этногеографической карте России обнаруживаются сплошные (монолитные) и несплошные (фрагментарные) этнические ареалы – дисперсные, очаговые, с эксклавами, анклавны (полностью окружены ареалами иного (иных) этносов), чересполосные, смешанные. В прерывистых ареалах между двумя или несколькими районами, населенными одним этносом, есть значительные промежутки, затрудняющие или почти исключают контакты между его разделёнными частями. В России это татары, мордва, украинцы и др. Ареалы-экс-

клавы (нарушающие целостность монолитных этнических ареалов) чаще всего располагаются вблизи границ этносов, но встречаются и в удалении от них.

Становление этноса происходит на территории, которую следует считать первичным этническим ареалом. В историко-географической ретроспективе он расширяется либо утрачивает компактность, сокращается, разделяется на части, усложняется в результате миграций в его пределы иноэтнических групп, образующих эксклавы, анклавов либо смешивающихся с автохтонным этносом.

Встречающиеся реликтовые этнические ареалы, так же как и биогеографические, имеют тенденцию к сокращению и не способны к восстановлению. Среди примеров – ареалы немцев-меннонитов и староверческого населения. В настоящее время они обнаруживаются лишь в виде частично сохранившихся культурных ландшафтов и немногочисленного населения, растворённого в замесивших их группах. Иногда происходит полное замещение населения (например, после эмиграции немцев-меннонитов). Порой происходит трансформация и сокращение из-за ассимилятивных и интеграционных процессов при взаимодействии с окружением. Староверческое население трансформировалось и ассимилировалось в среде более крупных других этносов, чаще всего русских. Те же процессы характерны для некоторых групп татар (кряшены, мишари), башкир, мордвы и др.

Этнические ареалы могут расширяться в результате колонизации (например, русских) и перемещаться. Этнический ареал – условно сплошной. Население сосредоточено в локализованных населенных местах – поселениях, между которыми находится незаселенное пространство. В северных регионах этнические ареалы имеют очаговый и редкоочаговый географический рисунок. Есть регионы, где между населёнными местами практически отсутствует незаселённая территория (как, например, в основной части Китая и в Индии). Ареалы могут быть сезонно пульсирующими (как в Непале, где многие жители гор имеют «зимние» и «летние» жилища, либо даже в России в районах отгонно-пастбищного животноводства). Картографируются этнические ареалы прежде всего точечным методом [20]. Рой точек оконтуривается, а внутри него при помощи разных условных знаков (например, штриховкой или цветным фоном) даётся дополнительная информация (плотность населения, пересекающиеся и взаимно накладывающиеся другие этнические ареалы).

Этнокультурное пространство континуально и дискретно одновременно. Этнос обладает набором плавающих признаков, которые присутствуют внутри ареала либо за его пределами, если этнофоры там проживают. Населенные места могут быть связаны дорожной сетью, но иногда таких связей нет. Главный пространственный маркер этнического ареала – культурный ландшафт. Разные этнические ареалы могут накладываться один на другой, формируя полиэтничные районы.

Этнические границы тесно связаны с этническими ареалами, но ЭКЗ – не любое пересечение таких ареалов, а часть геокультурного пространства, где

происходят регулярные этнические контакты. Этнические границы различаются в зависимости от характера взаимодействия этносов. В ранние исторические периоды были обычными сплошные этнические ареалы с чёткими линейными границами с преобладающей барьерной функцией, но постепенно неизбежно усиливались контактные функции, которые лежат в основе формирования ЭКЗ.

В ряде случаев сохраняется традиционная барьерность границ (Дагестан – яркий пример), где существуют не только языковые различия, но и действует негласный запрет на межэтнические браки. В современный период этнические ареалы пересекаются, накладываются, образуя многослойное, мозаичное этнокультурное пространство. Этнические контакты привели к формированию новых характеристик антропосферы. Множество культур образуют пёструю и мозаичную мировую цивилизацию. Этноты и этнокультурные группы адаптируются в ландшафтах, а это вкуче с межэтническим взаимодействием приводит к конвергенции и нивелированию этнических культур. Формируются региональные этнокультурные общности с общими культурными чертами и региональным самосознанием. Это длительный процесс, осложнённый многими факторами. Довольно часто он сопровождается межэтническими конфликтами. Сложнее всего обстоит дело в зонах контактов этносов, принадлежащих к разным цивилизациям. Неслучайно В.А. Дергачёв образно сравнил цивилизации с литосферными плитами, а зоны их взаимодействия – с активными тектоническими зонами разломов [21]. Но иногда серьёзные разногласия возникают между близкими, родственными народами, находящимися в процессе дивергенции. Яркий пример – балканский регион.

В эпоху глобализации трансформируется географический рисунок мировой цивилизации. Этнические границы, как и любые другие, смещаются и «размываются», а для пограничных территорий, так же как для пограничных эпох, характерны пограничные состояния и пограничное сознание. Историки называют пограничные эпохи катастрофами, смутами. Есть понятие цивилизационных разломов.

Границы обладают набором определённых характеристик. Точные географические и исторические рубежи встречаются крайне редко. Одно из исключений – субъективно проведённые (но часто меняющиеся) политические и административные границы. Выделяются обычно переходные и пограничные пространства, разломы, контактные зоны. Предпринимаются попытки обозначить пространственно-временные границы. В.А. Дергачёв употребил термин «геомары» – энергоизбыточные граничные поля, взаимодействующие с геостратами – «многомерными коммуникационными пространствами» [21].

Делимитация этнических ареалов субъективна и условна, и зависит от задач исследования. В рамках модели или схемы можно лишь структурировать знание о дифференциации этнокультурного пространства. При определённом ракурсе практически любой участок геокультурного пространства (ГКП)

является какой-нибудь границей. В России этнические ареалы переплетены и, за редкими исключениями, не имеют чётко выраженных границ. По меткому замечанию М.М. Бахтина, культура «расположена на границах, границы проходят повсюду, через каждый момент её» [22, с. 9]. В мононациональных регионах этнокультурные ареалы с выраженными границами всё же просматриваются. В поликультурных регионах со сложным переплетением и наложением этнических ареалов задача усложняется.

Географические границы принято подразделять на естественные (хребты, водоразделы, границы природных зон и др.) и установленные людьми (например, государственные, административные) [23]. Этнические и культурные границы можно отнести к естественным. Иногда (редко) они совпадают с государственными. В СССР административные границы проводились не в полном соответствии с естественной дифференциацией этнокультурного пространства, обладающего мозаично-ячеистой территориальной структурой.

Политические границы на значительном протяжении рассекают ЭКЗ. Сохранению трансграничного взаимодействия пока ещё способствуют комплиментарность этносов, но рост барьерности российских государственных границ в современный период затрудняет связи и приводит к дивергенции этнокультурного, культурно-ландшафтного, экологического и социально-экономического пространства постсоветских государств, которое формировалось как единое. «В Западной Европе проницаемость границ – результат многих десятилетий послевоенного развития в сторону интеграции, в СНГ это реликт советской эпохи. ЕЭС и СНГ движутся в разные стороны; Европа уже объединилась, а СССР фактически ещё до конца не распался. В Европе «прозрачные» границы считаются достижением гуманного, правового, демократического общества, а в СНГ – следствием недостаточного финансирования силовых ведомств» [24, с. 298].

Межэтническое взаимодействие во многом обусловлено спецификой этнических границ. Формирующиеся межэтнические пространственные связи усложняют географический рисунок и способствуют заимствованиям и межэтнической конвергенции. Для традиционных обществ характерна этническая граница с преобладанием барьерной функции, которая способствует изоляции и минимизации контактов. Иногда традиции сохраняются до наших дней. Яркий пример – сельские районы Дагестана, где даже жители соседних аулов нередко говорят на разных языках.

Длительная изоляция и сохранение тесных связей с ландшафтом либо искусственное разграничение пространства сводили к минимуму контакты с иноэтническим окружением. Это способствовало сохранению толерантных отношений. Этнотопосы занимали разные экологические ниши, постепенно адаптировались в ландшафтах, взаимодействовали в соответствии со знаком комплиментарности (по Л.Н. Гумилеву). Способствовало этому и этническое разделение труда. Например, в Оренбургской области казахи и башкиры селились на

водоразделах, поскольку занимались отгонно-пастбищным животноводством, русские и украинцы – в долинах рек, чему способствовало занятие садоводством и огородничеством. Татары селились вдоль трактов (они занимались извозом). Этническое разделение труда выражается в специализации и отражается в культурном ландшафте – прежде всего в планировке и озеленении селений.

В результате межэтнического взаимодействия неизбежны культурные заимствования. Однако новая среда принимает и развивает, по Р. Бенедикт, лишь органичные ей заимствования, переосмысливая и трансформируя их. «Каждая культура с точки зрения других игнорирует фундаментальное и разрабатывает несущественное» [25, с. 48]. Взаимодействие культур вкупе с влиянием ландшафтов приводит к формированию новых этнокультурных характеристик и формированию региональных культур.

Контакты неизбежны в районах пересечения этнических ареалов. Постепенно к обмену, потребительским и бытовым заимствованиям добавляется взаимодействие в других сферах. Возникают смешанные поселения (иногда в силу административного фактора – как, например, русско-мордовские). Иногда в них этносы разделены (русско-татарские селения), а территория разграничена. В урбанизированных районах и в крупных городах встречается разграничение пространства по этническому признаку, формируются этнические районы. Миграции вносят серьёзные изменения в этногеографию, закладывая основы для формирования новых ЭКЗ.

Существуют разные теории межэтнического взаимодействия: аккультурации, мобилизации, социокультурной динамики, интегрированности, внутреннего колониализма, культурного плюрализма и др. К типам взаимодействия культур и стратегии поведения мигрантов относятся изоляционизм, геноцид, сегрегация, маргинализация, ассимиляция, аккультурация [26]. Однако эти процессы настолько сложны, что ни одна концепция не в состоянии описать их полностью. Формы взаимодействия зависят как от характеристик этнокультурных групп, так и от внешних факторов.

В основе взаимодействия большинства российских этносов (Сибирь, Дальний Восток, бывшее Дикое поле) лежало отношение к другим народам как к равным – то, что Л.Н. Гумилёв назвал положительной комплиментарностью [27]. Они не были несовместимыми, а для их отношений были характерны «ксения» – нейтральные этнические контакты при сохранении своеобразия (как взаимоотношения с немецкими колонистами или староверами) и «симбиоз» – взаимопользные (к примеру, отношения между башкирами и немцами-меннонитами). Нередки были и межэтнические браки. Этносы большей части российских регионов не были несовместимыми. Регионы с преобладанием отрицательной комплиментарности (когда этносы стремятся уничтожить друг друга, бывает и геноцид) складывались на южных рубежах Российской империи (например, на Кавказе).

Классификация ЭКЗ. Прежде всего, различаются ЭКЗ двуэтничные и полиэтничные. А.Г. Манаков предложил классифицировать ЭКЗ с использованием индекса этнической мозаичности (ИЭМ), предложенного Б.М. Эккелем [28], и выделил ЭКЗ неярко выраженные (ИЭМ от 0.2 до 0.4) и ярко выраженные (ИЭМ свыше 0.4). [12]. Предлагаем с учётом соотношения этносов различать ЭКЗ с доминированием какого-либо одного этноса и ЭКЗ с примерно равным их соотношением.

По преобладающей форме межэтнического взаимодействия предлагаем выделять ЭКЗ-симбиозы, ксении, химеры и ЭКЗ смешанного типа.

По уровню иерархии (и по размерам) можно выделить ЭКЗ *цивилизационные* (макроуровень), *региональные* (мезоуровень), *локальные* (микроуровень). Они не всегда вложены одна в другую как матрёшки. В качестве примера ЭКЗ макроуровня можно отнести зону взаимодействия русского этноса на границах его ареала – слитного, пересекающегося с другими этническими ареалами, с эксклавами, которые, в свою очередь, взаимодействуют с другими этносами за пределами основного массива. На северных и восточных границах сформировалась ЭКЗ с палеоарктическими народами («циркумполярным суперэтносом»), с представителями степной цивилизации и горными народами – на юге, с китайским суперэтносом – на юго-востоке, со славянскими народами – на западе.

ЭКЗ мезоуровня, как и прочие ЭКР, пространственно поляризованы, прежде всего, в соответствии зонам транспортной доступности [18]. На микроуровне выделяются локальные ЭКЗ – двунациональные, реже полиэтничные. Занимают один или несколько сельских поселений, либо часть территории того или иного города.

По *географическому положению* предлагаем, как и типы ЭКР [6], различать ЭКЗ:

Центральные (пристоличные) – высоко урбанизированные ЭКЗ Московской и Петербургской агломераций – вестернизированы и космополитичны, несмотря на тенденцию к геттоизации мигрантов. Хорошая информационная и транспортная связь способствует маятниковым миграциям и межэтническим контактам, взаимопроникновению культур (главным образом западной).

Провинциальные ЭКЗ отличаются стабильным межэтническим взаимодействием и небольшой миграционной подвижностью. Они сформированы в зоне доступности железнодорожного и развитого автомобильного транспорта и крайне неоднородны. Особая категория – *внутренние* ЭКЗ, удалённые от государственных границ и морских портов. *Глубинные* ЭКЗ удалены от дорог, имеют очаговый или редкоочаговый тип расселения, сосредоточены в районах расселения малочисленных коренных народов Крайнего Севера, Сибири и других изолированных этнокультурных групп. В результате взаимодействия в таких ЭКЗ происходит трансформация языка и культуры коренных народов, но и поселенцы более поздних периодов подверглись конвергенции с ав-

тохтонным населением под влиянием природных условий. Характеризуются нерегулярностью этнических контактов. Исключение – немногочисленные городские поселения, локальные мультикультурные в индустриальные очаги с горнодобывающей и лесозаготовительной промышленностью. *Приграничные* – провинциальные ЭКЗ, прилегающие к государственной границе с ярко выраженной барьерной функцией. Характеризуются наличием этнических экславов. *Акваторриториальные* ЭКЗ – приморские портовые хинтерланды, характеризующиеся, как правило, более значительными внешними связями по сравнению с внутренними. *Трансграничные* ЭКЗ характеризуются этнокультурным единством по обе стороны государственных границ (образуются в результате делимитации, либо в процессе трансграничной интеграции).

Различаются *урбанизированные* и *сельские* ЭКЗ. В сельских ЭКЗ изначально этнокультурные группы занимали различные экологические ниши, сохраняли тесную связь с ландшафтом, порой искусственно разграничивали территорию, минимизируя межэтнические контакты. Однако под влиянием ландшафтов неизбежной была дивергенция систем природопользования, экономической культуры, архитектурно-планировочных решений, культуры быта и потребления. В результате неизбежных контактов постепенно формировались локальные ЭКЗ даже в случае политики изоляционизма. В сельской местности культура и весь жизненный уклад более консервативны. В городах полная изоляция невозможна, влияние ландшафтов минимизировано, быстро распространяются нововведения. Большая часть городов изначально была многонациональной, межэтническое влияние проявляется наиболее интенсивно (хотя бы в силу профессионального взаимодействия). Самые интенсивные контакты характерны для столиц и крупнейших городов. Однако даже в малых городах в наши дни возрастает этнокультурная мозаичность, на что обращают внимание географы [29], генетики, психологи [например, 30] и другие специалисты.

По историко-географическим особенностям следует выделять ЭКЗ, сформированные в разные периоды *досоветской* эпохи, в *советское* время и ЭКЗ, формирующиеся в *постсоветский* период. Главным фактором их формирования были добровольные и принудительные миграции, происходившие по разным причинам и мотивам: массовой колонизации, голода, репрессий, депортации некоторых народов, освоения Севера, Сибири и Дальнего Востока, эвакуации в годы войны, освоения «целины», добычи природных ресурсов, строительства городов.

Историко-географическая специфика ЭКЗ тесно связана с моделями освоения территорий, частично описанными А.Е. Левинтовым [31]. Наиболее распространены в России *колониальная* и *духовная* модели, при которых миграционные потоки (добровольные либо принудительные) представлены поселенцами, заселяющими районы колонизации в силу целенаправленной политики метрополии, либо вытесненными, изгнанными со своей исконной земли. Этнические ареалы накладываются на уже сложившиеся, расширяется сама ме-

трополия и происходит экспорт её культуры. *Духовная* модель связана с идеями мессианства, обычно религиозной, но не только (идеи мировой революции, социализма и т.п.). Примеры – локальные группы русских старообрядцев, комсомольцев-целинников и др., которые повлияли на автохтонное население.

Дополним приведённые модели *военно-политической* (казачество) и *очагово-хозяйственной*, когда от очагов или ядер к соседним народам распространяются нововведения – технологии и техника, элементы быта и культуры. Пример – поселения немцев-меннонитов в некоторых регионах России [32]. В чистом виде выделенные модели встречаются редко, преобладают смешанные. Так, освоение целины можно считать одновременно очагово-хозяйственной, колониальной и духовной миграцией.

Крупные города, как и районы нового освоения, складывались как многонациональные. В этих «этнических котлах» постепенно формировались локальные и региональные ЭКЗ [6, 7].

Некоторые выводы. ЭКЗ – вид этнокультурных регионов, обладающий свойствами границы, наделённой контактными функциями. ЭКЗ может быть промежуточной, переходной зоной (полосой) между ареалами расселения разных этносов, но может быть и единичным компактным ареалом, внутри которого различные этносы проживают с разной степенью территориального размежевания или вовсе без такового, в диаспоре. Не урбанизированным ЭКЗ, выросшим на почве традиционных культур, присущ специфический культурный ландшафт, обладающий большой инерцией и нередко сохраняющийся при смене этносов.

В наши дни новые ЭКЗ возникают в процессе глобализации и регионализации, благодаря разного рода миграциям. Этнически однородные ареалы, лишённые иноэтнических и даже иносцивилизационных вкраплений, становятся редкостью. Динамичными ЭКЗ оказываются в первую очередь крупные города, с их маргинальными этнокультурными свойствами и событиями. В них формируются и новые локальные ЭКЗ, и обособленные этнокультурные эксклавы.

Характер современных ЭКЗ зависит от количественного соотношения разных этнокультурных групп, от качественных особенностей их менталитета и поведения, от степени комплиментарности и толерантности, от стратегии этнических лидеров, от «национальной» политики государства и других факторов. Выделяются два главных, противоположных сценария современного этнокультурогенеза: 1) межэтническая интеграция и 2) обособление и дивергенция этнокультурных групп. Эти процессы не исключают один другого, могут сменяться во времени и сочетаться в пространстве, имеют каждый свои плюсы и минусы для судьбы страны, её этносов и отдельных жителей.

Межэтническое взаимодействие может рассматриваться как диахронное (происходящее в разное время в одном и том же месте) и как синхронное (происходящее в одно и то же время в разных местах). ЭКЗ – междисциплинарный

объект многих общественных (гуманитарных) наук. География, нисколько не чуждая исторического подхода, рассматривает ЭКЗ прежде всего как пространственный, территориальный объект, изучаемый географическими методами, – такими как тематическое картографирование и построенное на его основе районирование [33] – культурологическое, этногеографическое и т.п. Выявление существующих этнокультурных регионов и ЭКЗ необходимо для национальной и региональной политики государства в интересах всего общества и, особенно, для прогнозирования и предотвращения нежелательных ситуаций и событий. Россия с её огромным этнокультурным и ландшафтным разнообразием нуждается в постоянном мониторинге ЭКЗ.

Литература

1. Анатомия кризисов / Под ред. В.М. Котлякова. М.: Наука, 1999. 239 с.
2. Гладкий И.Ю. Этнические кризисы глазами географа: монография. СПб: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. 108 с.
3. Далгатов И.Г. Республики Северного Кавказа в системе российского федерализма (географический подход). Махачкала, 2003. 274 с.
4. Дружинин А.Г., Суций А.Я. География русской культуры: подходы к исследованию // Изв. РГО. 1993. Т. 125. Вып. 6. С. 27–36.
5. Крупник И.И. Этноконтактные зоны в европейской части СССР (вместо предисловия) // Этноконтактные зоны в европейской части СССР (география, динамика, методы изучения). М.: МФГО, 1989. С. 3–6.
6. Герасименко Т.И. Проблемы этнокультурного развития трансграничных регионов: монография. СПб, 2005. 235 с.
7. Герасименко Т.И. Вмещающий ландшафт и комплиментарность этносов – основа формирования региональной идентичности // Вестник С.-Петербур. ун-та. Спец. выпуск. 2012. С. 311–339.
8. Герасименко Т. И. Влияние новой государственной границы на развитие этнокультурного пространства (пример Оренбургско-Казахстанского порубежья) // Наука. Инновации. Технологии. 2015. С. 109–121.
9. Cameron D., Anderson R., McGregor M. Explaining Stability and Change of Territorial Identities // Nations and Nationalism / Journal of the Association for the Study of Ethnicity and Nationalism / V22 h/1/ january 2016 / Oxford / P. 84–102.
10. Huntington S. The Clash of Civilizations? «Foreign affairs». 1993. Vol. 72. № 3. P. 22–49. Ibid., 1993. Vol. 72. № 5. P. 186–194.
11. Lendaro A. European Migrant's Crisis? Some Thoughts in Mediterranean Borders // Studies in Ethnicity and Nationalism / Oxford. 2016. P. 148–167.
12. Манаков А.Г. Геокультурное пространство северо-запада Русской равнины: динамика, структура, иерархия. Псков, 2002. 296 с.
13. Мормуль О.Г. Диалог как фактор коммуникативного процесса // О.Г. Мормуль. Культура народов Причерноморья. Симферополь: Межвузовский центр «Крым», 2004. № 50. Т. 2. С. 173–175.
14. Стрелецкий В.Н. Геопространство в культурной географии, геокультурное пространство // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 2 / Отв. ред. Д.Н. Замятин. М.: Институт Наследия, 2005. С. 330–332.

15. Лысенко А.В., Водопьянова Д.С., Азанов Д.С. Этноконтактные зоны в системе этнокультурного районирования Северного Кавказа // Наука, инновации, технологии. 2013. № 1. С. 130–137.
16. Этноконтактные зоны в Европейской части СССР: география, динамика, методы изучения / Ред. Е.М. Поспелов: Моск. филиал Геогр. об-ва СССР (МФГО), 1989. 163 с.
17. Ден Н.В. Крым (Экономическая география СССР по районам) Л. – М.: ГИЗ, 1930. 108 с.
18. Родоман Б.Б. Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. Смоленск: Ойкумена, 1999. 255 с.
19. Ареал // Бол. Росс. энциклопедия. 2005. Т. 2. 1985. С. 22.
20. Географический энциклопедический словарь. Понятия и термины / Под ред. А. Ф. Трёшников. М., 1988.
21. Дергачёв В.А. Раскалённые рубежи: очерки маргинальной комплиментарности. / Под ред. А.И. Уёмов. Одесса: Астропринт, 1998. 104 с.
22. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Литературно-критические статьи. М., 1986.
23. Бакланов П.Я. Контактные географические структуры и их функции в северо-восточной Азии // Изв. АН, сер. геогр. 2000. № 1. С. 31–39.
24. Родоман Б.Б. Государственные границы в СНГ и приграничная политика // Б.Б. Родоман. Поляризованная биосфера: сб-к статей. Смоленск: Ойкумена, 2002. С. 298–302.
25. Benedict, R. Patterns of Culture. / R. Benedict. Boston and N.I. Houghton Mifflin Company, 1934. 290 p.
26. Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России: Сб-к научн. статей / Под ред. Н.М. Лебедевой и А.Н. Татарко. М.: РУДН, 2009. 420 с.
27. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Гидрометеиздат, 1999. 495 с.
28. Эккель Б.М. Определение индекса мозаичности национального состава республик, краев, областей СССР // Советская этнография. 1976. № 2. С. 33–39.
29. Бабурин В.А., Битюкова В.Р., Казьмин М.А., Махрова А.Г. Московский столичный регион на рубеже веков: новейшая история и пути развития. Смоленск: Ойкумена, 2003. 184 с.
30. Крысько В.Г. Этнопсихология и межнациональные отношения. М.: Изд-во «Эк-замен», 2002. 198 с.
31. Левинтов А.Е. Модели освоения и использования территорий и ресурсов // Трансформация российского пространства: социально-экономические и природно-ресурсные факторы (полимасштабный анализ). М.: ИГ РАН, 2008. С. 43–66.
32. Герасименко Т.И., Нуждина Е.Ю. Немцы-меннониты Оренбургской области: культурный след в истории и географии. Оренбург, 2000. 75 с.
33. Родоман Б.Б. Районирование как обладание пространством // Региональные исследования. 2017. № 3 (57). С. 4–12.

ИССЛЕДОВАНИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ ПАРТНЕРОВ АРГО

УДК 911.3

И. Зеканович¹
I. Zekanovic

ВОЗДЕЙСТВИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ЗАПАДНОМ БАЛКАНСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ НА МЕЖРЕЛИГИОЗНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКУЮ СТАБИЛЬНОСТЬ БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ

THE INFLUENCE OF GLOBAL GEOPOLITICAL PROCESSES IN THE WESTERN BALKANS SPACE ON INTERRELIGIOUS RELATIONS AND GEOPOLITICAL STABILITY OF BOSNIA AND HERZEGOVINA

Современные международные отношения и геополитику невозможно рассматривать без конкретного представления о геополитических процессах, их генезисе, влиянии и последствиях.

Во втором десятилетии 21 века мы являемся свидетелями крупных геополитических изменений в международном сообществе. Эти изменения, вызванные глобальными геополитическими процессами, нашли свое отражение в геопространстве Западных Балкан, а именно на территории бывших югославских республик.

Босния и Герцеговина представляет собой часть территории Западных Балкан с самой сложной этнической и религиозной структурой. В мире можно найти очень мало мест, где на относительно маленькой, природно-географически разнообразной и геостратегически важной территории переплетены три взаимно антагонизированные и противоположные религии. Здесь расположены их ключевые пространственные зоны доступа, их территории и области непосредственного интереса и экспансионистских стремлений.

Геополитическая стабильность в Боснии и Герцеговине через двадцать два года после окончания военных действий и подписания Общего рамочного соглашения о мире в Боснии и Герцеговине (21.11.1995) обременена традиционно противоположными религиозными интересами. Межрелигиозные отношения являются основным фактором геополитической стабильности Боснии и Герцеговины, учитывая ее устройство в качестве составного государства и определение ее политико-территориальных единиц (энтитетов), основанное, прежде всего, на религиозной гетерогенности пространства.

¹ **Игорь Зеканович**, доктор географических наук, Естественно-математический факультет, Университет в Баня Луке, Республика Сербская, Босния и Герцеговина.

В работе рассматривается специфическое влияние глобальных геополитических процессов на межрелигиозные отношения в Боснии и Герцеговине, которые, в конечном счете, определяют ее проектирование и существование.

Contemporary international relations and geopolitical contents can not be understood without concrete knowledge of global geopolitical processes, their genesis, influence and consequences.

In the second decade of the 21st century, we are witnessing major geopolitical changes in the international community. These changes, caused by global geopolitical processes, have found their stronghold in the geospace of the Western Balkans, more specifically, the area of the former Yugoslav republics.

Bosnia and Herzegovina is part of the Western Balkans with the most complex ethno-religious structure. It's a rare case in the world, that in the relatively small, naturally-geographically diverse and geostrategically important space, coexist intertwined three mutually antagonized and excludingly opposite religions. Here are their key spatial ranges, their territories and the areas of the most direct interests and expansionist intentions.

The geopolitical stability of Bosnia and Herzegovina, twenty-two years after the end of hostilities and the signing of the General Framework Agreement for Peace in Bosnia and Herzegovina (21.11.1995) is burdened with traditionally opposed religious interests. Inter-religious relations are the basic factor of BiH's geopolitical stability, since its constitution as a complex state and the definition of its political-territorial units (entities) are primarily based on the religious heterogeneity of space.

The paper will show the specific impact of global geopolitical processes on inter-religious relations in BiH, which ultimately determine its designing and existence.

Ключевые слова: Западные Балканы, Босния и Герцеговина, геополитические процессы, религия, геополитическая стабильность.

Key words: Western Balkans, Bosnia and Herzegovina, geopolitical processes, religion, geopolitical stability.

Введение. Глубокие геополитические последствия, которые оказывали влияние на международное сообщество, Европу в целом и Юго-Восточную Европу, в частности, начиная с половины восьмидесятых годов прошлого века, повысили интерес к геополитическим исследованиям, учитывая, что геополитические характеристики определенного геопространства представляют собой одну из важнейших характеристик территории и непосредственно влияют на политические, демографические, экономические, исторические и прочие подобные процессы.

Все актуальные причины изучения геополитического содержания и характеристик территории, а также изучения в целом взаимообусловленных географических и политических факторов привели к тому, что геополитика и геополитические исследования стали неизбежным сегментом для понимания современных политических и географических процессов на всех уровнях, формирования национальных стратегий и осмысления международных отношений.

Современные черты и функции определенного геопространства не возникли стихийно, а стали результатом сложных геополитических процессов, длившихся десятилетиями и столетиями. По этой причине геополитические исследования требуют знания процессов и факторов, которые привели к современной геополитической констелляции.

Процессы геополитического развития в геопространстве Западных Балкан диалектически связаны с общей культурологической и религиозно-цивилизационной спецификой Балканского полуострова.

«В географическом, культурологическом, цивилизационном и геополитическом смысле понятие **Западные Балканы** ограничено территорией бывшей СФР Югославии, без **Словении**, но включая **Албанию**. Однако, несмотря на то, что можно сказать, что Словения принадлежит средне-европейскому культурному кругу, на сегодняшний день, а также и в будущем она все больше экономически и функционально ориентируется на страны Западных Балкан» [1, с. 418].

«Любой вопрос, связанный с Западными Балканами, в среде иностранных и отечественных «экспертов», в том числе в широких слоях всех народов, проживающих на этой территории, вызывает многочисленные споры и противоречивые мнения, как правило, окрашенные их собственными интересами. Это утверждение включает в себя и само понятие Западных Балкан и его пространственный охват. В научной терминологии и общественной практике Балканы и Балканский полуостров считаются синонимами. В исторически-географическом смысле эту территорию можно считать «старой Европой», колыбелью эллинской цивилизации, византийской империи и православной религии» [2, с. 41].

«Глобальные, региональные или локальные геополитические процессы основываются на различных геополитических интересах и факторах, которые определяют их характер и интенсивность. Несомненно, эти процессы основываются на **географических, исторических и современных** факторах развития.

Географическая парадигма исторических и современных процессов развития на территории бывшей Югославии (особенно это касается геополитических процессов) основывается на географической логике пространства. Об этом феномене писал географ мирового уровня Йован Цвиич, который особо отмечал роль рельефа в отделении, соединении и взаимопроникновении различных культур и влияний (Цвиич, 1918)» [3, с. 18].

Раскол христианской церкви в 1054 году и приход исламо-турецких завоевателей будет определять религиозную и культурно-цивилизационную дивергенцию балканского геопространства, которое будет разделено между тремя культурно-цивилизационными кругами: православным (восточно-христианским), католическим (западно-христианским) и исламским (турецким и восточным).

Такое религиозное и культурно-цивилизационное разнообразие, взаимопроникновение, особенно на пограничных точках соприкосновения, таких как Босния и Герцеговина, часто становилось причинами конфликтов, в том числе и последнего конфликта в конце двадцатого века.

Исторический опыт и современные геополитические процессы в геопространстве бывшей Югославии показали, что **религия** и **этнос** являются ключевыми факторами при осуществлении политических целей и актуализируют теорию «Столкновения цивилизаций» Сэмюэля Хантингтона.

Американский политолог считает, что главными участниками на международной арене являются цивилизации и, согласно его прогнозам, будущая история станет свидетелем взаимной борьбы и конфронтации западной, конфуцианской, японской, православной, исламской и индуистской цивилизаций. Глобализация позволит увеличить вероятность конфликта цивилизаций, поскольку глобализированный мир становится все меньше и меньше [4]. Американский политолог не верит в мировой универсализм, а считает, что мир разделится в соответствии с цивилизационными критериями и наследием, и этот процесс будет сопровождаться столкновением цивилизаций.

В геопространстве Боснии и Герцеговины в прямом смысле слова подтверждается теория «Столкновения цивилизаций», т.е. теория о том, что главные мировые конфликты будут опираться на культурно-цивилизационную основу и что в будущем нации станут носителями экстремального национализма.

Исторические факторы выступают в качестве генератора комплексных дезинтеграционных процессов в геопространстве бывшей СФРЮ, с одной стороны, и возникновения новых государств, с другой стороны. «Оценивая исторические процессы в качестве факторов развития, можно прийти к выводу, что основы геополитических и культурологических процессов на территории бывшей Югославии и Балкан в целом опираются на инфильтрацию славян и последующее влияние культур Востока и Запада на уже сложившуюся славянскую культурную систему, ее территориальную и социально-экономическую организацию» [3, с. 19].

Четыре исторических события оказали наибольшее влияние на цивилизационную и религиозную мозаику Балканского полуострова. Первое событие – принятие до конца 9 века христианства славянскими народами, проживающими на Балканском полуострове. Второе событие – раскол христианской церкви в 1054 году на восточную и западную. Третье событие – захват Балканского полуострова в начале 14 века Османским царством, которое принесло с собой новую религию – ислам. Особую геополитическую характеристику религиозно-цивилизационным процессам на Балканах и в Боснии и Герцеговине, помимо раскола христианской церкви и вторжения ислама, дало решение «восточного вопроса» [5].

А именно, «во время турецкого военно-политического ослабления (1683–1912) на Балканах был обозначен т.н. Восточный вопрос, т.е. началась

борьба нескольких государств за роль «наследника» Турции в этой части Европы. Направления влияния этих государств на внутрибалканские отношения сформировали *геополитический крест* на Балканском полуострове ответвлениями СЗ-ЮВ и СВ-ЮЗ. На северо-западе действовали Германия и Австрия, на северо-востоке Россия и Венгрия, на юго-востоке Турция и на юго-западе Ватикан, Венецианская республика и Италия. На юге, со стороны Средиземноморья, действовали морские силы Великобритании и Франции, а позднее, в 20 веке, и Соединенные Штаты Америки.» [6, с. 413].

Современные факторы геополитических процессов в геопространстве Югославии обусловлены глобализацией и новым международным порядком, европейскими интеграциями и регионализмом, а также новыми иерархиями глобальных геополитических отношений.

Изменение общественной системы и формирование новых политико-территориальных сообществ в геопространстве Западных Балкан сопровождалось многочисленными геополитическими и общественно-географическими процессами сложной интенсивности.

«Территориально-политическая дезинтеграция территории Балкан имеет тенденцию нового политического раздробления с возможным новым этногенезом, который может привести к новым миграциям. Изменение отношений собственности посредством приватизации, реституции, обмена имущества, инвестиций иностранного капитала в наиболее экономически развитый потенциал влияет на экономическое развитие, занятость, социальные условия и движение населения в целом» [7, с. 834]. В условиях совокупности факторов современной геополитики, в период технологического прогресса и ускоренного процесса глобализации (турбо-глобализации) под покровительством нового мирового порядка (конец которого уже приближается), происходят изменения внутри стран, что является ответом на изменения в международной системе. Функционирование государства ограничено его способностями и ресурсами, различными для каждой страны, а также нормами международного права, которые регулируют международные отношения и международную политическую систему.

Начало 21 века ознаменовало конец абсолютного униполяризма и господства США в международных отношениях. Во втором десятилетии этого столетия абсолютный униполяризм уже уступил место „относительному униполяризму“, который, несомненно, очень скоро будет преобразован в многополярный порядок. Роль пространства, которая была поставлена под сомнение глобализацией, вновь приобретает важность в международных отношениях.

Западные Балканы и новая иерархия глобальных геополитических отношений. В начале девяностых годов прошлого века под влиянием глобальных геополитических процессов произошли изменения, которые повлияли на геополитическую структуру международных отношений.

Процессы дезинтеграции в геопространстве Западных Балкан происходили в то время, когда Европейское сообщество формулировало положения о своей совместной внешней платформе безопасности. В то же время прекратили свое существование коммунистический блок и Советский Союз.

Эпилогом этих процессов стало то, что ни интегрированный европейский Запад, ни хаотичный европейский Восток не являлись серьезными геополитическими факторами в международных отношениях. Реальным и единственным победителем стали США, без участия которых не мог быть решен ни один серьезный политический конфликт в Европе и международном сообществе.

Учреждение глобалистского униполяризма со стороны Соединенных Штатов было успешно проведено благодаря доктринам *нового мирового порядка и глобализации*.

В самом общем смысле новый мировой порядок можно определить как формирование мира в соответствии с американскими ценностями. Таким образом, «новый мировой порядок – это, в основном, структура международных отношений, основанная на господстве и экономической эксплуатации. Эта цель идеологически рационализирована при помощи идеи распространения демократии и прав человека. Средствами являются, прежде всего, политическая и экономическая дестабилизация. Чаще всего поощряются этнические конфликты, поддерживаются требования автономии национальных меньшинств, сепаратизм и открытая сецессия [8, с. 51].

Для того, чтобы объяснить суть глобализации, следует, прежде всего, пояснить ее дуализм. Первое значение касается развития коммуникаций, информационных технологий и взаимосвязи различных национальных и региональных культур и цивилизаций. Второе, более приемлемое значение глобализации, подразумевает контроль мирового порядка, политики и культуры со стороны США и их союзников в международных отношениях.

Сэмюэль Хантингтон не верил в глобализацию как модель соединения, а считал что мир будет разделен в соответствии с цивилизационными (культурными, религиозными) критериями и наследием. «Ключевые спорные вопросы международной повестки дня касаются различий между цивилизациями. Сила от долгое время господствующего Запада переходит к незападным цивилизациям. Глобальная политика стала многополярной и многоцивилизационной» [4, с. 30].

Бывший американский государственный секретарь и дипломат Генри Киссинджер также в книге «Нужна ли Америке внешняя политика» подчеркивает: «Многие серьезные наблюдатели считают, что экономический рост и новые информационные технологии более или менее автоматически приведут мир в новую эру глобального процветания и политической стабильности. Но это иллюзия. Мировой порядок предполагает существование консенсуса, а тот, в свою очередь, предусматривает, что различия между привилегированными и

теми, кто таковыми не является, которые могут поставить под угрозу стабильность и прогресс, носят такой характер, что те, кто менее привилегирован, могут по-прежнему верить в возможность продвижения благодаря своим силам. При отсутствии такого осознания будут происходить беспорядки как внутри отдельных обществ, так и между ними» [9, с. 190].

Американский глобализм и мировое господство в последнее десятилетие 20 века угрожали перерасти в *Imperium Americanum*, а новый мировой порядок завершился бы *тоталитаризмом США*. В международных отношениях преобладало мнение, что нет никакой альтернативы победе Соединенных Штатов и Запада в холодной войне, а установление глобалистского униполяризма явилось бы доказательством превосходства талассократической концепции над теллурократической концепцией. Таким образом, возник геополитический униполярный дисбаланс с ярко выраженной гегемонией США, пик которого был достигнут в 1999 году во время агрессии против Союзной Республики Югославии.

«Именно тогда случился перелом, повлекший за собой далеко идущие и глобальные последствия: после личной смены в верхах власти в России началось ее возрождение, а сербское «дерзкое» противостояние единственной глобальной силе на своем пике могущества и ее европейским вассалам, объявившим себя «международным сообществом», показало, что сопротивление, хоть и дорогой ценой, тем не менее возможно» [10, с. 23].

«Когда в начале 21 века Россия начала все более эффективно противостоять американской гегемонии, а трансформация мирового порядка стала основываться на многополярной неоевразийской геополитической концепции, стало ясно, что вновь обостряется талассократически-теллурократический антагонизм. Некоторые наблюдатели назвали это «новой Холодной войной» [10, с. 26].

Во втором десятилетии двадцать первого века США сохранили ведущую роль в глобальных геополитических процессах; их военное, экономическое и иное господство все еще выражено, но уже не бесспорно. *Абсолютный униполяризм*, как геополитический порядок, уже преобразован в *относительный униполяризм* с Россией и Китаем (как геополитическими факторами), а учитывая современные геополитические процессы в международном сообществе, мир все больше приближается к *мультиполярному порядку*, который, несомненно, в будущем будет развиваться в несколько этапов, где уже видны будущие геополитические актеры: США, Россия, Китай, Индия, Иран и исламский мир.

Форма мирового порядка под влиянием современных глобальных геополитических процессов кардинально меняется. Мы являемся свидетелями ряда необратимых изменений, которые разрушили геополитическое господство США в международных отношениях. В новых геополитических отношениях мы сталкиваемся с необходимостью создания и формирования нового мирового

политического порядка, который будет шире гегемонии одного государства, нации и одностороннего поведения.

Геополитические решающие факторы межрелигиозных отношений в геопространстве Боснии и Герцеговины. Геопространство Западных Балкан является гетерогенной геополитической, экономической и социокультурной системой, в которой пересекаются сложные культурные и цивилизационные влияния. Оно представляет собой часть балканского геопространства с наиболее сложной этно-демографической и религиозной структурой, где наиболее выраженный конфликт религиозно-цивилизационных и культурных влияний Востока и Запада определяется сложными геополитическими процессами.

Босния и Герцеговина является самой ярко выраженной этноконтактной зоной трех мировых религиозно-цивилизационных кругов (православный, католический, исламский) на Западных Балканах, Балконском полуострове и Европе. Здесь находится их конечные «зоны досягаемости» и зоны экспансионистских попыток. Это – территория самого глубокого проникновения ислама в Европе, католичества на Восток и православия на Запад.

В сложных исторических и географических условиях переплетаются три религии, три народа – их языки и письменность, обычаи и традиции, что по-прежнему оставляет неизгладимые следы как в духовном и культурном, так и в геополитическом масштабе этого региона.

По религиозным причинам начались самые большие конфликты и истребление населения в данном геопространстве. Балканизация началась с крестовых походов на восток, а через несколько веков после этого была продолжена турецкими опустошениями и исламским проникновением на запад. И последняя «югославская война» носила религиозно-цивилизационные отсылки. Национальная мозаика является настолько сложной, что все три религии имеют свои государствообразующие народы и меньшинства, своих соотечественников и «братьев» на территориях соседних государств. По этой причине возникают различные формы национальной политики и программ, сепаратизм и ирредентизм. Если у Балкан есть репутация «пороховой бочки», то геопространство Боснии и Герцеговины является ее центром, где понятия „балканизация“ и „балканский этнический национализм“ полностью подтвердили себя.

Когда речь идет о балканском национализме, он может быть «хорошим» и «плохим». Он может быть выражением всенародной энергии созидания или окружающей средой для сомнительных политических комбинаций, искренним стремлением к национальной самоидентичности или недоброжелательным подпитыванием стремления доминировать над другими [11, с. 18].

Самый известный сербский географ Йован Цвиич более века тому назад указал на геополитические принципы, необходимые для понимания религиозных взаимоотношений в Боснии и Герцеговине. Он подчеркивал, что

«Босния и Герцеговина по размеру населения, по ее центральному положению в этнографической массе сербско-хорватского народа и по сочетанию православных и католиков, является ключем сербской проблемы» [12, с. 171], указывая на геополитическую перспективу югословенского общества.

Таблица. Религиозная структура населения Боснии и Герцеговины от 1879 до 2013 года*

Год переписи	Итого населения	Православное население		Мусульманское население		Католическое население		Прочее население	
		Число	%	Число	%	Число	%	Число	%
1879	1.158.440	496.761	42,88	448.613	38,73	209.391	18,08	3.675	0,31
1885	1.336.091	571.25	42,76	492.71	38,88	265.788	19,89	6.343	0,47
1895	1.568.092	673.246	42,93	548.632	34,99	334.142	21,31	12.072	0,77
1910	1.898.044	825.418	43,49	612.137	32,25	434.061	22,87	26.428	1,39
1921	1.890.440	829.36	43,87	588.173	31,11	460.244	24,34	12.663	0,68
1948	2.575.357	1.064.702	41,34	902.982	35,06	580.790	22,55	26.883	1,04
1953**	2.847.790	1.264.372	44,40	891.8	31,32	654.229	22,97	37.389	1,32
1961	3.277.948	1.406.057	42,89	842.248	25,69	711.665	21,72	317.975	9,70
1971	3.746.111	1.393.148	37,19	1.482.430	39,57	772.491	20,62	98.042	2,62
1981	4.124.256	1.320.738	32,02	1.630.033	39,52	758.14	18,39	415.345	10,07
1991	4.377.033	1.366.104	31,21	1.902.956	43,48	760.852	17,38	347.121	7,93
2013	3.531.159	1.085.760	30,75	1.790.454	50,70	536.333	15,19	118.612	3,36

* Источники: [13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22].

** Учитывая политическую систему, население в переписях от 1953 до 1991 гг. декларировало себя согласно этнической принадлежности.

Таким образом, все войны и военные кампании в этом геопространстве носили религиозный характер, в том числе и последние в геопространстве бывшей Югославии и БиГ. Религиозно-цивилизационные детерминанты гражданской и этническо-религиозной войны в БиГ повлияли на национальную консолидацию и определенно сформировали этнический состав геопространства.

Противоположные интересы сербского, хорватского и мусульманского народов имели особенно выраженный пространственный аспект, вытекающий из различного понимания сущности территории, которую все три стороны считали «своей». По сути, снова возник вечный геополитический вопрос: «Чья Босния и Герцеговина?»

– мусульмане стремились обеспечить целостность (унитарность) Боснии и Герцеговины путем пропаганды «гражданской концепции» с целью превращения этой области в унитарное сообщество с учетом демографического контингента;

– хорватские интересы в Боснии и Герцеговине основывались главным образом на распаде СФРЮ, и после этого – создании хорватской этнической территории;

– Сербы в БиГ, столкнувшись с сепаратистскими целями и учитывая события прошлого, стремились предотвратить пересечение и фрагментацию своих территорий новыми межгосударственными границами и объединиться с другими сербскими странами.

Ни одна из трех ведущих этноконфессиональных структур не имела абсолютного большинства, и нельзя было говорить об этнически однородном государстве или о концепции нация – государство. Босния и Герцеговина имела самую сложную этнодемографическую структуру на Балканах. Поэтому попытки одного народа взять на себя ведущую роль в политической и государственной жизни были нелогичны и бессмысленны.

Кризис в БиГ выявил все историко-политические и политико-географические элементы балканизации, обусловленные факторами локального, регионального и глобального характера. Элементы локального характера были выражены в интересах трех государствообразующих народов в БиГ и попытке создания своих «национальных» политико-территориальных единиц. Элементы регионального характера были выражены в политико-географических интересах соседних государств (Хорватии и Сербии), а элементы глобального – в стратегическом присутствии великих сил и экономических групп, которые в большой мере повлияли как на возникновение, так и окончание кризиса.

Начиная с 6 апреля 1992 года в геопространстве Боснии и Герцеговины велась гражданская, этнически-религиозная и братоубийственная война, основанная на разграничении между сербами, хорватами и мусульманами. Принципиальное примирение позиций воюющих сторон произошло в сентябре 1995 года, когда были проведены Женевская и Нью-Йоркская конференции, на которых были согласованы Основные принципы заключения мира. На этих основаниях проводились завершающие мирные переговоры на авиабазе Райт-Петерсон (США). Переговоры были завершены 21.11.1995 года, когда было достигнуто Мирное соглашение в Боснии и Герцеговине, а именно «достигнуто Общее рамочное соглашение о мире в Боснии и Герцеговине, а его окончательное принятие и подписание произошло 14 декабря 1995 года в Париже» [23, с. 11].

«Если анализировать «Дейтонскую» Боснию и Герцеговину как политико-географическую систему, то можно сказать, что ее формирование как составного государства, определение договоренностей и политико-территориальных единиц основано на этнической и религиозно-цивилизационной неоднородности пространства. По этой причине у Боснии и Герцеговины нет определенной формы государственного устройства, что делает ее единственным государственным союзом такого рода в мире. Ее организация носит религиозно-

цивилизационный характер и основывается на формуле 1+2+3, а именно: одно государство, две автономии и три государствообразующих народа и религии» [24, с. 551–552].

Президиум Боснии и Герцеговины состоит из трех членов и представляет три религии и три нации. Автономии не имеют определения государственных составляющих, а носят характеристики политико-географических единиц, обусловленных религиозно-цивилизационными факторами.

Заключение. Западные Балканы в контексте современных глобальных геополитических процессов и геостратегического значения являются «геополитическим крестом» Востока и Запада, воротами на восток и запад, север и юг Европы. Учитывая их геоположение, неминуемо как и в прошлом, так и сейчас ожидать того, что на этом геопространстве пересекутся интересы глобальных и региональных сил, из-за чего данное геопространство характеризуется исключительной геополитической нестабильностью. Западные Балканы географически, исторически и религиозно-цивилизационно предопределены для периодов интеграционных и дезинтеграционных процессов. Это – политическая реальность, их характеристика, их прошлое, настоящее и будущее.

На основании предыдущих соображений можно сделать следующие выводы:

- на геополитические характеристики Западных Балкан решающее влияние оказывали внебалканские факторы, прежде всего мировые силы и крупнейшие экономические и политические центры;
- на сегодняшние геополитические характеристики Западных Балкан, помимо двух центров силы, США и ЕС, все больше влияет новая иерархия в глобальных геополитических отношениях и международном сообществе с усиливающейся ролью России;
- в центре западно-балканского «геополитического узла» находится геопространство Боснии и Герцеговины, где находят свою точку опоры глобальные интеграционные или дезинтеграционные геополитические процессы.

Современные геополитические процессы в Боснии и Герцеговине были двойными с точки зрения религиозно-цивилизационных характеристик: интегративными с точки зрения этнической гомогенизации и консолидации и дезинтегративными с точки зрения концепции многонациональности. Решающую роль в формировании национальных идентичностей и в попытке определения их геополитических интересов играл религиозный фактор.

Литература

1. Ѓњато, Р. (2017). Западни Балкан – изазови и перспективе. Зборник радова: Геополитички процеси у савременом Евроазијском простору, Бања Лука: Географско друштво Републике Српске, стр. 415–431.
2. Грчић, М. (2013). Проблеми културног идентитета Балкана. Гласник, бр. 17. Бања Лука: Географско друштво Републике Српске, стр. 39–67.

3. Гњато, Р. (2011). Геополитички процеси и отворена питања новонасталих држава на географском простору бивше Југославије. Зборник радова: Трећи конгрес српских географа. Бања Лука: Географско друштво Републике Српске, Природно-математички факултет Универзитета у Бањој Луци, стр. 17–29.
4. Хантингтон, С. (1998). Сукоб цивилизација. Подгорица: ЦИД.
5. Зекановић, И. (2011). Етнодемографске основе политичко-географског положаја Републике Српске, Бања Лука: Географско друштво Републике Српске.
6. Илић, Ј. (1997). Балкански геополитички чвор и српски етнички простор. Зборник радова: Геополитичка стварност Срба. Институт за геополитичке студије, Београд, стр. 411–431.
7. Мандић, М. (2011). Социјалногеографска истраживања у функцији планирања развоја. Зборник радова: Трећи конгрес српских географа. Бања Лука: Географско друштво Републике Српске, Природно-математички факултет Универзитета у Бањој Луци, стр. 831–840.
8. Марковић, М. (1997). Нови светски поредак. Зборник радова: Геополитичка стварност Срба. Београд: Институт за геополитичке студије, стр. 51–58.
9. Kisindžer, H. (2003). Treba li Amerika vanjsku politiku – Prema diplomaciji za 21. stoljeće -. Zagreb: Golden Marketing.
10. Степић, М. (2017). Од (нео)класичних ка постмодерним геополитичким постулатима. Зборник радова: Свет и нове геополитичке парадигме, књига 5. Београд: Институт за политичке студије, стр. 13–36.
11. Група аутора, (2000). Геополитичка улога Републике Српске унутар Босне и Херцеговине у југоисточној Европи - Завршна верзија подпројекта истраживачког пројекта бр. 1. Бања Лука: Универзитет у Бањој Луци – Центар за геостратешка истраживања Бањалука.
12. Цвијић, Ј. (1991). Говори и чланци. Београд: Српска академија наука и уметности.
13. Štatistika miesta i pučanstva Bosne i Hercegovine. (1885). С i Kr. Vladina tiskarna, Sarajevo.
14. Штатистика мјеста и житељства Босне и Херцеговине по попису народа од 1. маја 1885. (1886). Земаљска штампарија, Сарајево.
15. Главни резултати пописа житељства у Босни и Херцеговини од 22. априла 1895, Земаљска штампарија, Сарајево, 1896.
16. Терзић, С. (1995). Пројект „аустроугарског Балкана“ у Босни и Херцеговини (О идеолошким основама научних истраживања и научне пропаганде). Зборник радова: Босна и Херцеговина од средњег века до новијег времена. Историјски институт Српске академије наука и уметности, Београд, стр. 407–423.
17. Дефинитивни резултати пописа становништва од 31. јануара 1921. године. (1932). Краљевина Југославија - Општа државна статистика, Сарајево.
18. Definitivni rezultati popisa stanovništva od 31. marta 1931. godine. (1938). Prisutno stanovništvo po veroispovesti, knjiga 2, Kraljevina Jugoslavija – Opšta državna statistika, Beograd.
19. Маријанац, З. (2000). Развитак становништва Босне и Херцеговине 1850-1991. године, Бања Лука: Матица српска Републике Српске
20. Спасовски, М., Живковић, М., Степић, М. (1992). Етнички састав становништва Босне и Херцеговине. Универзитет у Београду, Географски факултет, Београд.
21. www.fzs.ba – Federalni zavod za statistiku Bosne i Hercegovine.
22. Попис становништва, домаћинства и станова у Босни и Херцеговини, 2013. (2016). Агенција за статистику Босне и Херцеговине, Сарајево.
23. Поповић В., Лукић В. (1999). Документи Дејтон – Париз, Бањалука: Институт за међународно право и међународну пословну сарадњу Бањалука.
24. Зекановић, И. (2017). Промјене у демографском и етно-територијалном размјештају становништва БиХ као последица насилног распада бивше СФРЈ. Зборник радова: Геополитички процеси у савременом Евроазијском простору, Бања Лука: Географско друштво Републике Српске, стр. 543–560.

УДК 910.1+913

Младжен Трифунович¹, Райко Гнято²
M. Trifunović, R. Gnjato**ОБЩЕСТВЕННАЯ ГЕОГРАФИЯ МЕЖДУ ИДЕЙНЫМИ,
ИДЕОЛОГИЧЕСКИМИ И ПРАКТИЧЕСКИМИ ТРЕБОВАНИЯМИ****HUMAN GEOGRAPHY BETWEEN THE INTELLECTUAL,
IDEOLOGICAL AND PRACTICAL REQUIREMENTS**

Акцентирована фундаментальная роль общественной географии в изучении географического пространства; показано, что задачи исследования в области общественной географии исторически менялись в соответствии с цивилизационными, культурологическими, геополитическими, геоэкономическими и, в последнее время, геоэкологическими интересами.

Accented fundamental role of The Human geography in the study of geographical space, it is shown that the objectives of the study in the field of humen geography has historically been varied in accordance with the civilizational, cultural, geopolitical, geo-economic and, in recent years, geo-environmental interests.

Ключевые слова: географическое пространство, география, общественная география, интересы, идея, идеология, развитие.

Key words: geographical space, geography, social geography, interests, idea, ideology, development.

Парадигмы в общественной географии. Географы в основном солидарны относительно идей, которые оказали самое сильное влияние на теоретическое и методологическое развитие общественной географии. Харви и Холли [1, с. 21] выделяют парадигмы природного детерминизма, possibiliзма, природного и культурного пейзажей, хронологическую парадигму и парадигму пространственной организации. Несмотря на их разнородность, все эти парадигмы руководствуются одинаковыми научными интересами – утверждением закономерностей и форм пространственной организации общества. Естественно, что каждая из них эту цель рассматривала и объясняла различным образом, в зависимости от своей исторической позиции. Детерминистическая парадигма, продолжая античные традиции, культурно-экономические характеристики общества считала „продуктом“ физико-географической среды. Следовательно, в основе детерминистического направления лежит идея до-

¹ **Младжен Трифунович**, доктор географических наук, доцент, кафедра общественной географии, Естественно-математический факультет, Университет в Баня-Луке (Баня-Лука, Республика Сербская, БиГ).

² **Райко Гнято**, Председатель Географического общества Республики Сербской (ГОРС), доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой региональной географии, Естественно-математический факультет, Университет в Баня-Луке (Баня-Лука, Республика Сербская, БиГ).

минирующего пространственного (природного) фактора, выяснением которого, впоследствии, можно дедуктивно объяснять различные формы общественной жизни. Повышение технологического потенциала и все более очевидная трансформация природной среды привели к необходимости иной концептуализации и рассматривания отношения между обществом и пространством. В possibiliстической концепции вместо природного компонента, как доминирующего фактора, появляется человек, а предметом исследования общественной географии становится недавно созданный и все более очевидный культурный ландшафт, являющийся продуктом человеческой деятельности. Трансформация пространственной среды требовала иных методов исследования. Формально-логические умозаключения, базирующиеся на одном общем принципе, никак не могли соответствовать разнородности, комплексности и переплетенности культурного ландшафта как нового предмета исследования общественной географии. Вместо дедуктивного подхода, новая методология стала базироваться на полевых исследованиях, сборе и классификации материалов. Такое исследование приводит к определению специфических пространственных единиц (*rays*), характеризующихся особым образом жизни (*genres de vie*) [1, с. 23]. Несмотря на то, рассматриваются ли эти пространственные единицы с точки зрения настоящего времени или в исследование вводится исторический компонент, позволяющий увидеть их генезис и трансформацию, данная парадигма (в первую очередь, из-за своего методологического подхода) является началом хронологического подхода в общественной географии. Теоретическое обоснование данного подхода, по мнению Шефера [2, с. 234], лежит в философии Канта, точнее, в его отношении к вопросу о классификации эмпирических материалов. В частности, он считает, что данная классификация ведется или только на уровне понятий (на абстрактном уровне), или на основании временно-пространственных координат, в которых конкретно и непосредственно осуществляется опыт. Первую из этих классификаций Кант именуется логической, а вторую физической. Посредством логической классификации мы приходим к познанию того, что Кант называет *системой* природы, т.е. к той форме познания, в которой знания организуются систематическим образом. Посредством физической классификации невозможно достичь такого вида абстракции именно потому, что в ее природе и результате находится не познание общего, а простое описание географических объектов на определенном месте, с которым данные объекты и процессы связаны.

На основании вышеизложенной разницы в классификациях, Кант географию (вместе с историей) определяет не как науку, а как дескриптивную процедуру, четко отмечая, что география – название „дескрипции природы и всего мира“.

Такое определение сути географических исследований, посредством Гетнера и особенно Харшторна, становится доминирующим в течение первой

половины 20 века. По мнению Харшторна, география – „наивная наука, а ее научный максимум – наблюдение и описание пространственного расположения вещей, без понимания закономерностей“ [2, с. 238].

Таким образом, география получает статус идиографической науки, предметом которой являются уникальные или специфичные региональные целые, которые (именно из-за их специфичности) невозможно систематизировать. Критикуя этот подход и называя его *эксцепционалистическим*, Шефер выступает за парадигму пространственной организации, которая становится доминирующей в 60-х и 70-х годах прошлого века. По словам Харви и Холли [3, с. 31], широкое принятие данной концепции было невозможно без существования хорошо развитого теоретического и практического оснований т.н. логического позитивизма. Именно позитивистские принципы, основанные на, как мы уже выяснили, логической классификации, обеспечили выдающийся успех этой, т.н. *пространственной науки*, а также ее широкое присутствие в рамках географической науки. Высокая степень абстракции, математизация, объективизация и квантификация географических объектов, а также акцент на номотетическом подходе в науке, вытеснили хронологическую парадигму и эксцепционализм. Данные характеристики, считающиеся за преимущества этой концепции общественной географии, на самом деле явились ее крупнейшим недостатком. Один из главных сторонников ранней „волны“ позитивизма Дейвид Харви заявляет, что данная квантитативная революция фактически отделила общественную географию от общества, называя это движение „стратегическим маневром уклонения от политической ответственности общественных наук в целом“ [4, с. 32].

По причине постепенного упадка позитивистско-эмпирической концепции географии в конце 70-х гг. прошлого века, в общественную географию вошли очень несхожие области исследования, сопровождаемые все более очевидными методологическими влияниями из сферы общественных наук. Сциентизм, который уже был на закате, дал преимущество т.н. гуманистическому и историко-герменевтическому подходу. Вместо мнимого объективизма, т.е. отделения ученого от его личной и общественно-исторической позиций, возникает обострение вопроса о способе формирования познания и его смысла.

Появляются новые темы, в т.ч. общественная конструкция места, роль языка, смысл формирования и трансформации культурных ландшафтов, соотношение идентичности и места [5, с. 73]. Переход к гуманитарным областям научных интересов, вполне обоснованный и понятный, несет с собой и новые вызовы. Общественную географию в будущем несомненно ожидает своего рода „взрыв“ идейных направлений, новых предметов интересов, все более широкая теоретико-методологическая разнородность, приносящая с собой многие разногласия и недоумения. Понятие „логичного мира людей как общей задачи всех общественно-географических дисциплин“ [6] требует пе-

реоценки соотношения общественной географии и множества разнородных идей, пытающихся оформить ее смысл и определить направление исследований. В такой оценке новых идей в общественной географии нельзя забыть о том, что ее дифференциация, между прочим, является функцией конкретных потребностей и интересов общества в своего рода оптимальной организации географического пространства, а также идеологических требований, сопровождающих ее апликативность. Не без основания М. Радованович [7] предупреждает о том, что надо остерегаться „при усвоении различных идей в географии, особенно тех, в которых видно глубокое расхождение между требованиями общественной практики и тенденций географической науки“.

Познание, интересы и общественная география. Оценка актуального состояния общественной географии и ее обусловленности общественными потребностями, разными теоретическими идеями и постоянно присутствующими идеологическими заблуждениями невозможно вполне понять вне анализа соотношения познания и разных видов общественных интересов и потребностей. Проект эпистемологической критики науки, созданный Хабермасом, устанавливает общественный интерес – как исходный и совсем законный сегмент каждой научной работы. Для автора книги *«Знание и человеческий интерес»* не существуют ни наука, ни общественное действие, в основании которых не лежит некоторый вид интереса [8, с. 196]. Такой вид заинтересованности, происходящей из прямого контакта человека с природой, присутствует и в течение формирования каждого вида познания. Другими словами, заинтересованность связана со всеми видами научной деятельности. Наука, как таковая, является результатом направленности человека на природную среду как на условие собственного существования. Она не дана непосредственно, а представляет собой историко-общественный продукт, точнее, один из видов формы человеческой деятельности, направленной на собственную жизнь, собственные потребности. Наука равным образом оказывает возвратное действие и на природу, изменяя ее посредством более-менее организованного и планированного общественного действия. Хабермас выделяет три вида когнитивных интересов – инструментальный, практический и критический. Данные интересы постоянно присутствуют в науке, несмотря на то, что она считается объективной.

Можно сказать, что каждый из этих интересов представляет собой своего рода „фильтр“, действующий таким образом, что некоторые элементы общественной реальности акцентируются, пока другие запускаются, т.е. обособляются в соответствии с определенными потребностями [8, с. 312].

На основании этих трех конститутивных групп интересов, Хабермас выделяет три группы научных подходов – эмпирико-аналитические, историко-герменевтические и критические науки. Первый тип наук основан на интересах инструментального характера. Практически, это значит, что научная деятельность в рамках эмпирико-аналитических наук руководствуется таким интересом, который полагает, что природными и общественными процессами нужно

овладеть посредством техники. Такой подход в науке обязательно означает, что данные процессы рассматриваются способом, который обеспечивает их инструментализацию. В конкретном случае это означает, что комплексность основных компонентов географической среды и их взаимосвязей редуцируется до уровня математико-статистических абстракций и моделей. Например, теоретико-методологическое ядро парадигмы функциональной организации пространства, очевидно, базируется на данном виде интереса.

С другой стороны, историко-герменевтические науки основаны на практическом интересе, преимущественно направленном на *понимание* человеческого действия. Такая форма интереса существует в общественной географии в разных формах. Например, она проявляется при анализе разных историко-общественных формаций и характеристик их пространственной организации. Исследование формирования и развития теоретико-методологических концепций, проистекающих из диалога определенных наук, тоже базируется на данном виде интереса. Понимание влияния пространства на формирование идентичности, ознакомление с разными культурами и традициями – в основе всех этих вопросов лежит практический интерес. Известно, что существование и развитие любого общества без такого интереса немислимы, а развитие и появление науки – в целом совсем невозможны. Подобно тому, как экспериментальные науки стремятся к производству технически полезных знаний, так историко-герменевтические науки пытаются понять значение различных форм человеческой практики.

Историко-герменевтический подход в общественной географии представляет собой реакцию на невозможность эмпирико-аналитической географии ответить на острые экономические и общественные проблемы в середине 70-х годов прошлого века. Возникшие из попыток толкования взаимоотношения человека и пространства, такие направления как поведенческая география, феноменологическая география, структурализм и гуманистический подход – становятся составной частью общественной географии. Например, Ед Соджа, метод, применяемый в своей известной работе о Лос Анджелесе, называет *пространственной герменевтикой*. [9, с. 2]

У каждой из приведенных парадигм были своего рода ограничения, и их надо было увидеть и критиковать. Стремление предупредить теоретический и методологический догматизм Хабермас называет эмансипационным интересом, а науки руководящиеся им – критическими науками. История науки в целом, а также критика эксцепционализма Шефера, между прочим, указывает на существование рефлексивной практики как ее составного сегмента. По мнению Хабермаса, саморефлексия, как практическая деятельность, представляет собой основную характеристику критических общественных наук, являющуюся основанием их методологической процедуры [8, с. 310]. Главный интерес, которым они руководствуются – эмансипация, т.е. стремление освободить человеческую научную и общественную практику от идеологических ограниче-

ний. Конкретно это означает, что критическая география осуществляет своего рода „разоблачение“ идеологических форм, которые считаются истинами, а роль которых заключается в скрытии глубоких взаимоотношений власти и общества. Таким образом, общественная география становится своего рода совестью общественных наук и научной основой для критического рассматривания разных экономико-пространственных структур и их трансформации за счет большей социальной справедливости [9–12].

Генезис и историческое развитие общественной географии свидетельствуют о том, что ее существование в научном смысле подразумевает три совместно присутствующих интересных направления: направление технического контроля, направление взаимопонимания и направление эмансипации. Соответственно, совокупность действий общественной географии осуществляется посредством трех данных форм, т.е. трех областей человеческих потребностей – области работы, области коммуникации и области власти, которые, как мы уже выяснили, проявляются во множестве дифференцированных идейных направлений [8, с. 313].

Тим Анвин [13, с. 43] считает, что учение Хабермаса о формировании науки на основании интереса человека – очень значимо для общественной географии. Теоретико-методологическая критика эмпирико-аналитических наук, созданная Хабермасом, позволила увидеть релевантность двух других областей научного познания. Таким способом снова были выполнены условия для постановки исходных географических вопросов в общественной географии, которые, из-за преобладания позитивистской парадигмы, были вытеснены. Известный сербский географ М. Раданович, говоря о диалектической природе современной географической теории, правильно подчеркивает, что географическая наука должна не только служить узкопрактическим потребностям общества (хотя значительно способствует решению конкретных проблем организации некоторых пространственных единиц), а и повышать осведомленность об общественных, экономических и политических пространственных отношениях [7, с. 12]. Следующее последствие работы Хабермаса, которое замечает Анвин, прямо связано с предыдущим. Выявление различных видов интереса в процессе формирования научного знания приводит к более понятному и существенному разделению географической науки на физическую и общественную [13, с. 44]. Физическая география связывается с эмпирико-аналитическими процедурами, в то время как общественная география главным образом направлена на развитие общественных наук. Процессы неизбежной дифференциации наук свою интегративную сторону показывают, между прочим, через мультидисциплинарность, стремящуюся соединить три конститутивных научных интереса.

Общественная география, мультидисциплинарность и идеология. Общественная разнородность географического пространства и его территориализация в разных формах, а также динамизм, взаимозависимость, внутрен-

ние и „межсистемные“ противоречия, являющиеся предметом общественной географии, требовали специализированного подхода к разным общественным структурам, процессам и проблемам развития и т.п. Стремления ответить на множество практических вопросов в рамках общественной географии привели к оформлению ряда узкоспециализированных дисциплин (географии населения, географии транспорта, географии промышленности), а также к развитию гуманитарной географии, социогеографии в узком смысле, политической географии и целого ряда отдельных наук со специфическим предметом исследования (медицинская география, география религий и т.п.). Будучи относительно хорошо дифференцированной по отношению к предмету исследования, общественная география (со своими узкоспециализированными дисциплинами, их общими и специальными методологиями исследования) не может дать полный ответ на множество вопросов и проблем в географическом пространстве. Следовательно, полный ответ на процессы и проблемы развития нужно искать только в мультидисциплинарном подходе исследования географического пространства как в единстве природной и общественной средах.

Хотя существование коммуникационного интереса как основы для процесса обмена концепциями между географией и общественными науками не является спецификой современного мира, его присутствие в современности все более очевидно. На ранних этапах развития общественной географии этот обмен главным образом осуществлялся в одном направлении, т.е. в направлении общественной географии. В настоящее время, общественные науки „осознают“ свою исходную точку и свое отношение к пространству. Хотя на первый взгляд кажется парадоксальным, можно уверенно сказать, что последняя волна все более выраженной теоретической и методологической дифференциации общественной географии на самом деле является процессом, произошедшим за пределами традиционного поля географических исследований. Можно даже условно сказать, что географизация общественных наук произошла после того как закончилось её теоретическое и методологическое „социализирование“. Данный процесс, в основе которого лежит внедрение географического способа наблюдения тех явлений, которые раньше исследовались главным образом с точки зрения времени как основной категории трансформационных процессов в обществе, в теории обозначается словосочетанием „пространственный поворот“. Поскольку основные географические категории (место и пространство) становятся центром аналитического интереса широкой области общественных наук, то главную роль в оформлении и стимулировании междисциплинарного исследования играет мысль, а такое исследование обеспечивает более широкое понимание человеческого опыта, общественных отношений и культуры [14, с. 5]. Неизбежность и диалектическую природу данных процессов теоретико-методологической и фактической коммуникации между науками примечает и Раданович, подчеркивая, что общественная география представляет собой „открытую систему, у которой есть возможность разви-

ваться, качественно изменяться посредством качественного обмена... со всеми научными областями..., не ограничиваясь только передачей и приемом научно подтвержденных фактов, но проявляя свое глубокое значение посредством передачи, принятия и применения теорий и методов“ [7, с. 12]

Увеличение дифференциации общественной географии и интенсивные процессы переплетения различных научных подходов и концепций несут с собой и разные опасности, угрозы, которые могут значительно редуцировать потенциалы общественной географии и ее научных стремлений. Отчасти обоснованная критика объективизма и эмпирико-аналитического абсолютизма в современной географической научной общественности часто рассматривается как вид свободной и релятивистской интерпретации пространственных процессов, в котором отбрасывается конструктивная и законная роль инструментального интереса. Таким образом, возникает гипостазирование новых концепций и методов индоктринации принятых принципов [7, с. 12] В этом смысле очень поучительным является пример постструктурализма в общественной географии. По словам Кострова, позиция постструктурализма основывается на своего рода агностическом подходе, который исключает любую возможность универсальных объяснений и исторических нарративов [14, с. 7]. Очевидно, здесь речь идет о совсем неправильном толковании Хабермасовой критики эмпирико-инструментальных форм науки. Хабермас не представляет абсолютную критику возможности научного объяснения. Он критикует позитивистское отрицание инструментально направленного интереса при оформлении способа познания. Сам Хабермас осознает опасность агностического подхода в науке [8, с. 315], показывая на примере науки эпохи нацизма, что разрушение идеалов объективизма науки и подчеркивание связи между наукой и интересом может привести к ее худшим искажениям. Это случается, если у наук нет „средства, при помощи которого бы они могли справиться с рисками, возникшими тогда, когда на уровне саморефлексии является понятие о связи между знанием и интересом человека.“ Данным „средством“, при помощи которого, по словам Хабермаса, можно предотвратить теоретические и практические заблуждения в науке, является эмансипаторный интерес, имеющийся у критически ориентированных наук. Отсутствие критического рассмотрения собственных исходных пунктов представляет собой одну из основных проблем современной постструктуралистической географии. Догматическое принятие т.н. реляционной концепции пространства, на которой базируется постструктуралистическая география, лишает её возможности рассмотрения интересов, связанных с ее теоретико-методологическим доминированием в области общественной географии. Таким образом, общественная география становится „жертвой“ своего рода идеологии пространства, которая пренебрегает критическим интересом науки и каузальностью, как основами научного объяснения. Малпас считает, что подобная доминация взгляда на пространство/место негативно повлияла на разьяснение понятия о пространственно-

сти и роли общественной географии [16, с. 3–4]. Наоборот, ее некритическое принятие привело к понятийной путанице. Отрицанием эмансипационного интереса данная отрасль науки стала больше похожа на идеологию, которая стремится узаконить инструментальные интересы современного капитализма, чем на науку [17, с. 30].

Современная дифференциация общественной географии – конец или новое начало. Вопрос о единстве географической науки и возможности совокупного обзора единства пространства, возникающий вследствие увеличения дифференциации и идеологических тенденций прикрытия критического взгляда на современные общественно-экономические процессы, становится все более острым. Дейвид Харви [18, с. 13] совершенно отвергает возможность философского ответа на вопрос, возникающий по поводу природы пространства. „Пространств“, а также общественно-географических дисциплин есть столько, сколько есть и различных человеческих практик, где основной характеристикой таких пространственных формаций принято считать их непрерывное изменение композиции, характера и влияния. Негируется существование пространственных единиц, которые могли бы представлять собой основные единицы изучения, а постулируется своего рода общее уменьшение, переливание и „пористость“ пространственных структур [19, с. 34].

В.А. Анучин [20, с. 313] замечает аналогичные стремления уже в 60-е годы прошлого века, именуя их индетерминистическими, ведущими к разделению географии на общественную и физическую.

Очевидно, что современные направления в общественной географии были вызваны радикальным отрицанием единства пространства как составного предмета изучения, а также возможностями и средствами общественной географии для комплексного изучения пространства. Возникает вопрос о том, какую роль в данной отрицании имеет теоретическая и методологическая невозможность современной географии предложить новые концепции пространственности, которые смогли бы дать новые объяснения в соответствии с современными потребностями общества. Очевидно, концепция абсолютной пространственности 17 и 18 веков не имеет ответов, которые соответствовали бы общественной географии, особенно ее герменевтическим аспектам. Кроме того, реляционизм, как форма противоположной индетерминистической позиции, не имеет возможность интегрировать современные требования. Отрицание идентичности географических объектов и принципов каузальности не может стать основой для реализации практических интересов общества. Географическое пространство нужно понимать как уникальную форму [21, 22], содержащую, по словам Дира [23], три самых важных процесса – экономический, политический и социальный.

Общее ядро общественной географии требует **теории пространственности**, которая примирила бы две противоположные позиции – абсолютную и реляционную, их статический и динамический характер. Другими словами,

целостность общественной географии нужно обосновывать на своего рода диалектическом единстве всего, что одновременно приводит к ее дифференциации и обеспечивает целостность. Данный подход актуализирует учение В.А. Анучина, появившееся 50 лет назад, которое было выражено посредством очень простого и приемлемого определения: «дифференциация географии ни в ком случае не должна приводить к ее отстранению» [20, с. 194]. Следовательно, общественная география должна стремиться к теоретическим и методологическим концепциям, которые способны примирить инструментальные, практические и критические интересы общества. Это значит, что будущее развития общественной географии надо, с одной стороны, искать в диалектическом единстве различных динамических компонентов пространства как предмета изучения. Аналогично этому, с другой стороны, интеграция общественной географии требует ознакомления с ее эмансипационным интересом, который сохраняет баланс ее парадигм, не позволяя идеологическое доминирование любой из них. Таким образом, общественной географии можно обеспечить научную **релевантность** во все более выраженных идейных, идеологических и практических требованиях современного мира.

Литература

1. Vresk, M. (1991). Paradigme u geografiji. Hrvatski geografski glasnik, 53.(1.), 19–26. Preuzeto s <http://hrcak.srce.hr/71662>.
2. Fred K. Schaefer (1953). Exceptionalism in Geography: A Methodological Examination. Annals of the Association of American Geographers Vol. 43, Iss. 3.
3. Milton E. Harvey, Brian P. Holly (1981). Paradigm, Philosophy and Geographic Thought. Themes in Geographic Thought. Routledge. New York.
4. Livingstone, D.N. (1992). The geographical tradition. Oxford: Blackwell.
5. Adams, P.C., Hoelscher, S. and Till, K. (eds) (2001a). Textures of Place: Exploring Humanist Geographies. Minneapolis: University of Minnesota Press.
6. Tuan, Y.-F. (1976). Humanistic geography. Annals of the Association of American Geographers. 66: 266–76.
7. Радовановић, М. (1989). Географски простор и друштвено-историјски процес. Југословенски геопростор. Београд: Центар за марксизам универзитета у Београду.
8. Habermas, J. (1972). Knowledge and Human Interests. Boston. Beacon Press.
9. Soja, E. (1989). Postmodern Geographies. Verso. London.
10. Harvey, D. (1982). The Limits to Capital. Basil Blackwell. Oxford.
11. Harvey, D. (2001). Globalization and the “Spatial Fix. Geographische Revue, 2, 23–30.
12. Harvey, D. (2014). Seventeen Contradictions and the End of Capitalism. Profile Books. London.
13. Unwin, T. (1992). The Place of Geography. New York: Longman.
14. B. Warf & S. Arias (Eds) (2009). The spatial turn: interdisciplinary perspectives. Abingdon, New York, Routledge.

15. Cosgrove, D. (1999). 'Introduction', in D. Cosgrove (ed.) *Mappings*, London: Reaktion Books.
16. Malpas, J. (2011). Putting Space in Place: Philosophical Topography and Relational Geography. *Environ Plan D* April 2012 vol. 30 no. 2.стр. 226-242. doi: 10.1068/d20810.
17. Трифуновић, М (2016). Онтолошке и епистемолошке недоречености постструктуралистичке парадигме у географији. Гласник – Herald, свеска 20/2016, Географско друштво Републике Српске, Бања Лука, (стр. 25–39).
18. Harvey, D. (1973). *Social Justice and the City* (University of Georgia Press: Athens, GA).
19. Amin, Ash. (2004). 'Regions Unbound: Towards a New Politics of Place', *Geographiska Annaler* .86 B.
20. V. A. Anuchin: (1977). *Theoretical Problems of Geography*. Ohio State University Press. Columbus.
21. Грчић, М. (2010). Простор као филозофска и географска категорија. Гласник, бр. 14. Бања Лука: Географско друштво Републике Српске.
22. Ђато, Р. et all, (2017). Географија и простор. Гласник, бр. 21. Бања Лука: Географско друштво Републике Српске.
23. Dear, M. (1988). The postmodern challenge: reconstructing human geography. *Transactions of the Institute of British Geographers* NS 13, 262–74.

УДК 911

Хосе Мануэль Матео Родригес¹, Ю. С. Гринфельд²
José Manuel Mateo Rodríguez, Yulia S. Grinfeldt

ПОНЯТИЯ «ПРОСТРАНСТВО» И «ТЕРРИТОРИЯ» В ГЕОГРАФИИ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

THE CONCEPT OF SPACE AND TERRITORY IN THE GEOGRAPHY OF LATIN AMERICAN

Представлены теоретические и концептуальные подходы латиноамериканской географии, позволяющие рассматривать «пространство» и «территорию» как автономные и, одновременно, взаимосвязанные понятия.

Presents the theoretical and conceptual elements that allow us to consider concepts of space and territory as an autonomous concept and at the same time as they are interrelated in Latin American geography.

Ключевые слова: пространство, территория, латиноамериканская география.

Keywords: space, territory, Latin American geography.

¹ **Хосе Мануэль Матео Родригес**, академик, доктор наук, почетный профессор Географического факультета Гаванского государственного университета, президент Географического общества Кубы (Куба).

² **Гринфельд Юлия Сергеевна**, кандидат географических наук, старший научный сотрудник Географического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова (Россия).

Постановка проблемы. В исследованиях специалистов-географов стран Латинской Америки концепции «географического пространства» и «территории» являются основополагающими. На них строится теоретическая и методологическая база. Разработка данных понятий в Латинской Америке опиралась изначально на концепции и формулировки, разработанные в Европе. За последние 40 лет в Латинской Америке генерированы собственные теоретические аспекты, сформированные благодаря многолетним усилиям географов. Цель данной работы состоит в анализе фундаментальных подходов, сложившихся в географической науке в XX веке, а также их адаптация и использование в научных географических исследованиях в Латинской Америке.

Понятие «географического пространства». Концепция «географического пространства», сформированная в странах Европы и в США может быть в целом разделена на два основных направления [1]. «Структурное» основано на представлениях немецких географов 1930-х годов, в частности на работах Августа Лёша и Вальтера Кристаллера, ориентированных на геометрическую интерпретацию пространства. Их труды положили начало развитию концепции географического пространства в целом. После Второй мировой войны на фоне развития географических исследований была сформулирована концепция экономического пространства, предложенная французским экономистом Франсуа Перру. Марсело Лопес де Соуза, профессор Федерального университета Рио-де-Жанейро, объясняет теоретические аспекты экономического пространства следующим образом: «Экономист Ф. Перру предложил определение экономического пространства, сформированное абстрактно на базе математики и физики» [2]. Согласно Перру, экономическое пространство можно рассматривать с трех дополнительных точек зрения:

- как часть выполнения определенного плана (действия);
- как поле сил (притяжение и отталкивание в сфере пространственного взаимодействия с экономической точки зрения: потоки товаров, информации и т. д.);
- как структура со своими характеристиками (как подразделение среди других пространственных структур).

Развивая тезис, Ф. Перру предлагает рассматривать пространство как однородное, функциональное и программное. «В 1960-х и 1970-х годах мы находились в золотом веке научного прагматизма, который стремился увязать географию (тесно следуя модели экономики) с потребностями и приоритетами государства с точки зрения планирования и контроля, формируя период новой географии» [2].

В тот же период сформировалось направление «радикальной географии». Некоторые социологи, в частности Анри Лефевр, и философы, такие как Майкл Фукальт, рассматривали пространство как полезный научный материал для социологических и политологических исследований. Прочие научные школы воспринимали пространство дифференцированно, используя для этого целый

спектр терминов [3, 4]: абсолютное пространство хоролого-региональной концепции [1]; жизненное пространство детерменизма; пространство возможностей; относительное пространство «новой географии»; пространство гуманистической географии; социальное пространство «радикальной географии».

В основу радикальной географии положена концепция географического пространства. Последнее рассматривается как выражение социальной материальности и жизненного опыта поколений, которые образуют набор объектов, расположенных на земной поверхности. Это социальная материальность, являющаяся аспектом социальной тотальности, созданной людьми.

Согласно выражению бразильского географа Милтона Сантоса [5], пространство было определено как «совокупность взаимосвязей, созданных через функции и формы, представленные в качестве свидетельства истории, написанной процессами прошлого и настоящего. То есть, набор ключевых современных социальных отношений, которые проявляются через процессы и функции». Основными характеристиками пространственной организации общества являются: средство жизни в настоящем, то есть в производстве пространства; условие для будущего, то есть для его воспроизведения; материальное производство человечества; этап развития общества, который отражает развитие производительных сил и производственных отношений.

Однако появлялись и такие мнения, которые отдаляют понятие пространства от географии. С позиции некоторых социологов пространство является синонимом «поля» действия, ткани взаимоотношений или относительных положений в социальной структуре, не обязательно привязанных к конкретному географическому пространству [2]. В настоящее время, когда происходит формирование пост- и неомодернистской географии с объединением нескольких географических школ (в частности, радикальной и гуманистической), пространство представляется как «часть земной поверхности, которая пригодна, трансформирована и продуктивна для общества» [2]. Таким образом, сама концепция географического пространства имеет разные направления в зависимости от влияния философских представлений и течений, распространенных в социальных науках. Для более четкой аргументации вышесказанного стоит проанализировать использование понятия географического пространства на протяжении академической карьеры Милтона Сантоса – одного из значимых географов-теоретиков мирового масштаба.

В эволюции «милтонской» географической мысли можно выделить следующие «фазы» [6, 7]:

– региональная фаза французской школы Видаль де ла Блаша 1950-х и 60-х годов, в основе которой находилось понятие о географическом пространственном положении, как «потенциальность», «возможность»;

- фаза экзистенциализма, где пространство начинает выступать как система фиксированных потоков и пространство мест;
- фаза структурализма, которая представляет пространство как систему структур [6, 8];
- феноменологическая фаза, которая рассматривает пространство как систему объектов и действий, где в основу ставится свойство уникальности.

В работе, опубликованной в 1985 году Милтоном Сантосом «Пространство и методы» [6], говорится: «Пространственная структура представляет собой нечто вроде комбинации нескольких структур: демографической, производственной, классовой, структуры доходов и потребления, а также объединение производственных и организационных методов, используемых этими структурами для определения отношений с нынешними ресурсами» [8]. В итоге, в понимании данного автора, пространство выступает результатом «взаимодействия между всеми этими структурами» [9]. В результате этой методологически концептуальной эволюции, в которой заметны различные влияния, создается междисциплинарная география. При этом, работа Милтона Сантоса содержит философские аспекты и теоретические формулировки [6].

Еще одна тенденция заключалась в том, чтобы представить пространство в виде различных проекций, взаимодействующих друг с другом, то есть в качестве природного, экономического, производственного, социального и культурного пространства. Географическое пространство создается на основе естественных образований, которые модифицируются, трансформируются и ассимилируются человеческим обществом, но и сохраняют при этом определенную степень автономии [10]. Так формируется сфера производственного, экономического и социального пространства [3, 4, 11, 12].

Территория как категория анализа. В современной географии существует тенденция к объединению разных подходов по определению понятия “территория” и ее соотношению с понятием «географического пространства» [13, 14].

Вклад в рассматриваемое понятие внес немецкий географ конца девятнадцатого века Фридрих Ратцель, который считал его природным ресурсом определенного государства или нации. Он разработал понятие территории, опираясь на концепцию среды обитания, которая использовалась в биологических науках. Таким образом, «территория» возникает как синоним окружающей среды, почвы, природных ресурсов. Для Ратцеля территория представляла условия труда и существования общества, поэтому отношения между обществом и занятой им территорией определяются потребностями в жилье и продовольствии. Территория здесь понимается как субстрат, который делает возможным развитие человеческой жизни [15]. Однако географическое учение Ратцеля было инструментом легитимизации экспансионистских замыслов немецкого государства. Его концепция формировалась из видения органического мира. Одним из приоритетных аспектов немецкой школы

является анализ пространства и государства, учитывая, что общество и государство являются продуцентами окружающей среды.

Современный этап развития экономической географии является постструктуралистским, ориентированным на понимание и анализ пространственной логики экономических систем и их эволюции в целях познания социального и территориального неравенства. Традиционный подход организации пространства на основе присвоения природных ресурсов, превращения их в товары, а также в отрасли деятельности, с акцентом на материальный аспект, трансформируется в инновационный подход с точки зрения пространственной динамики экономических процессов. В этом новом видении экономическое пространство понимается как основа территории, формируемой стратегиями, практикой и действиями агентов, которые структурируют пространство. Этот подход связан с возможностью сближения политических и символических представлений о территории [16]. Иной аспект акцентирует внимание на действиях и политике государства [17].

Понятие территории, которое практически исчезает из географии после Второй мировой войны, возрождается Клодом Раффестином [18] благодаря его концепции «географии власти», в которой подчеркивается политический характер территории, рассматриваемой как пространство, модифицированное отношениями между властями. Согласно этому видению, власть присутствует в действиях государства, а также в институтах компаний, а социальные отношения направлены на контроль и господство над людьми и вещами. В определенной степени эта концепция территории проистекает из юридически-политического подхода, где территория рассматривается как ограниченное и контролируемое пространство, над которым осуществляется определенная власть [19].

Итальянская географическая школа, заметно подверженная влиянию философских концепций Антонио Грамши, развивает символический аспект – идентичность, культурное и историческое измерение. Территория понимается как исторический продукт, как изменения и постоянство, как двумерная пространственная проекция в среде, в которой развивается общество. Это социальное присвоение окружающей среды, в которой имеется множество переменных и взаимные отношения. Человек действует на территории, которая является пространством (естественным и социальным) его проживания, производства и жизни (объективно и субъективно). В то же время приоритетное значение обретает символическое и субъективное измерение территории как продукта присвоения через воображаемое или социальное определение пространства [20, 21].

Концепция Мильтона Сантоса [5], которая впоследствии была дополнена [22, 23], исходит из идеи рассматривать географическое пространство как центральную ось гносеологического ядра географии без оценки дифференцированного отношения к понятию территории. Территория (в более огра-

ниченном смысле) характеризуется политическим названием для пространства страны, акцентируя в качестве территориального пространства географическое пространство, существующее в пределах государства.

В течение последних 10 лет междисциплинарный научный подход приводит к разработке определения территории как сложного понятия, которое превращается в всеобъемлющую концепцию географической науки с конкретным практическим значением. Современные представления о концепции «территории» в Латинской Америке можно сформулировать следующим образом:

- «Пространство» – основа «территории», управляемой государством и присваиваемой определенными субъектами (экономическими агентами, социальными субъектами, различными политическими силами) в результате конфликта.

- Отправной точкой понятия является концепция географического пространства, понимаемая как основная категория географии, которая в конечном счете обусловлена сложным взаимодействием между категориями социального, экономического, природного, культурного пространства и среды обитания.

- Географическое пространство можно рассматривать как систему отношений элементов физической среды и человеческого общества, которые упорядочивают пространство в соответствии с историей освоения, плотностью населения, социальной и экономической организацией и уровнем технологического развития [24, 25, 26]. Таким образом, территория является результатом действий в пространстве [27]. В этой связи, пространство и территория выступают двумя дифференцированными категориями, связанными диалектически.

Территория – это результат силового взаимодействия власти. Согласно Раффестину [18], власть производит социальные отношения и, поэтому, «мы являемся субъектами, которые создают территории». Здесь территория рассматривается как область социальных, экономических и политических сил, которые влияют на отношения в государственной власти. Территория включает в себя набор социальных отношений, а также сложную взаимосвязь между социальными процессами и материальным пространством. Это подразумевает не только укоренение, стабильность, границы, но также и движение, гибкость и связи.

Территория связана не только с традиционной «политической властью», а также с владением и доминированием различных культур и народов на конкретном участке земли. Тогда территория считается ценностью, поскольку установлены духовные взаимоотношения. Другими словами, в определенной степени мы говорим об историко-культурных аспектах территории, которая больше всего проявляется как территориальная идеология. Города иногда не владеют территорией, но идентифицируются с ней. Значительная часть

социальных и экологических конфликтов связана с идеологией территории. Территория является наиболее ярким индикатором идентичности. Территория – результат деятельности пространственно-временных процессов, которые определялись властью, группой индивидов или социальным классом [20]. Территория всегда неразрывно связана с символическим или культурным измерением в узком смысле [21].

При анализе территории можно выделить два уровня:

- политико-административный – институциональный, присущий государству-нации и его подразделениям: провинциям, муниципалитетам и другим единицам;
- реляционный – мультимасштабные отношения социальных субъектов.

Последний территориальный уровень соотносится как с частными, так и с коллективными проявлениями использования и присвоения территорий. Концепция территориальности представляет собой связи, которые отдельная социальная группа имеет с одной или несколькими материальными (физическими) или нематериальными (виртуальными) территориями; это нечто субъективное, связанное с восприятием территории. Имеет место индивидуальная или коллективная оценка территориальных образований [28].

Хотя территориальность субъективна, компании (частные образования) также формируют свои территориальные таксоны, которые являются физическими, политическими, экономическими и даже социальными. Территориальность компаний призвана экстраполировать физическое пространство, которое рассматривается как область действий и влияния конкретной компании [28]. Таким образом, можно воспринимать существование разных территорий (конкретных или символических, индивидуальных и коллективных), которые занимают географическое пространство и являются многомерными и мультимасштабными. Это восприятие приводит к пониманию многотерриториальности. Появление территории считается производным процессом в ее пространстве, а территориальность – субъективными и коллективными проявлениями использования и присвоения этих территорий.

Территориализация соответствует процессу формирования территории, которая зависит от множества объектов и разных субъектов, будь то компании, государственные органы или отдельные лица. Территориализация предстаёт физической и материальной, однако она связана с политическими и экономическими материальными аспектами. Территория – это продукт территориализации, действия, представляющего собой конкретную форму коллективных функций [15].

Процесс территориализации включает:

- Материальную трансформацию пространства посредством реализации конкретной модели землепользования и распространения объектов;

- Символизацию территории, установление требований, которые позволяют заселять пространство, ориентируясь на условия окружающей среды;

- Информатизацию, которая является основой для формирования форм обмена, сотрудничества и коммуникации.

Таким образом, для анализа территории мы должны одновременно учитывать весь набор географических категорий:

- Природное (естественное) пространство, которое позволяет нам понять первоначальную организацию пространства и его естественных функций.

- Экономическое пространство: как топологическая поддержка производственной и экономической деятельности, образованная областями, линиями, точками, потоками и сетями.

- Социальное пространство, рассматриваемое как объект, где социальные группы формируются в разных областях земной поверхности, проявляют свое содержание, накапливают опыт;

- Культурный ландшафт, рассматриваемый как топологическая морфология и изображение, основанное на восприятии и оценке. Ландшафт содержит культурные значения и является отражением чувства принадлежности, образа жизни и территориальной культуры разных социальных субъектов.

Анализ территории и всего комплекса территориальных единиц предполагает понимание того, как на различных уровнях власти происходит доминирование и контроль географического пространства в целом, в котором диалектически сформулированы естественные, экономические, социальные и культурные пространства. Важно понимать сложные отношения между пространством и субъектами власти. Для этого крайне важно выявить всю сложность действующих на территории агентов, в том числе роль государства как менеджера в формировании социальных действий, которые, в конечном счете, путем присвоения, контроля и управления пространством приводят к процессу территориализации.

Столь же важно адекватно оценивать деятельность экономических агентов и социальных субъектов, которые характеризуются разными пространственными и временными факторами, не только вовлеченными в процесс производства, распределения и потребления. Необходимо определить и охарактеризовать институты правовой, экономической и социальной системы. С динамической точки зрения территории создаются и воспроизводятся действиями организаций и учреждений. Организации представляют собой группировку и объединение агентов и субъектов. Официальными институтами являются законы, нормы и правила, которые создаются в ответ на разрешение конфликтов между агентами, способствуют распространению информации, обеспечивают условия для заключения контрактов между агентами, а также гарантируют условия для долгосрочного экономического роста [16].

Уникальная взаимосвязь формируется между территорией и отдельными её составляющими, такими как локальный участок (местность) и регион. Формулирование понятия территории ставит необходимость пересмотреть концепцию региона. Местность и регион концентрируют в себе процессы слияния, дифференциации и производства пространства в ходе их исторической эволюции [29]. Также важно понимать взаимосвязь между территорией и окружающей средой. Она формируется в виде корреляции между объектом (поверхностью земли, природными, природно-антропогенными системами, сформированными в нем) и субъектом (люди или представители животного и растительного мира) [10].

Результаты и их обсуждение. Из представленного анализа очевидно, что понятия «пространства» и «территории» сформировались весьма дифференцированно. Понятие пространства имеет более направленное содержание, отражающее упорядочивание поверхности земного шара экспансивным образом. В той же степени, что и понятие территории, пространство больше всего рассматривается как форма, в которой оно управляется социальными субъектами, экономическими агентами и политической властью.

В латиноамериканской географии пространство и территория рассматривают как оригинальный и мощный способ организации мысли, который структурирован как форма восприятия, интеллекта, знания и как способ видеть, размышлять [30]. Эти измерения дают латиноамериканской географии огромный когнитивный потенциал, который служит основой для организации и мобилизации общества ради справедливости, солидарности и свободы.

Литература

1. Mateo J.- Teoría y Metodología de la Geografía., Editorial Universitaria Félix Varela, La Habana, 2015, 363 pgs.
2. Lopes de Sousa M. Os conceitos fundamentais da pesquisa sócio – espacial., Bertrand Brasil, Rio de Janeiro, 2013, 310 pgs.
3. Correa R L. Região e Organização espacial; Editora Ática, São Paulo, 1986, 91 pgs.
4. Correa R L. A espacialidade da cultura; Em: M.O.de Oliviera (ET AL).-Orgs.-O Brasil, a America Latina e o mundo: espacialidades contemporâneas (II), Lamparina, Rio de Janeiro, faper-j-anpege., 2008, PP. 301-313.
5. Santos M. A natureza do espaço. Técnica e tempo. Razão e emoção; Editora Hucitec, São Paulo, 1996, 308 pgs.
6. Moraes A.C.R. Território na Geografia de Milton Santos., AnnBlume, São Paulo, 2013, 130 pgs.
7. Camara, G.,A. Monteiro J. de Camara, J.de Medeiros. Representações computacional do espaço. um dialogo entre a Geografia e a ciência da Geo informação. INPE, Brasil, 2001.
8. Santos M. Espaço e Metodo., São Paulo, Editorial Nobel, 1985.

9. Mancano Fernandes B.- Territorios, teoría y política. Descubriendo la espacialidad social desde América Latina. Reflexiones desde la Geografía sobre el campo, la ciudad y el medio ambiente., Editorial Itaca, México D.F., 2011, pp. 21–52.
10. Mateo J., E.V.da Silva. Para una interpretación epistemológica de la Geografía a partir de la Dialéctica; Mercator, Revista de Geografía da UFC Ano 4, Número 09,2006, pp. 55–68.
11. Gomes P. C.- Geografía e Modernidade., Rio de Janeiro, Bertrand Brasil,(primeira edição, 1996., 2012, 9a edição., 366 pgs.
12. Gomes de Almeida, A.A. Soares (Orgs).- Ordenamento Territorial. Coletânea de textos com diferentes abordagens no contexto brasileiro., Rio de Janeiro, Bertrand Brasil, 2009.284 pgs.
13. Moreira R.- Pensar e ser em Geografia. Ensaio de historia, epistemologia e otologia do espaço geográfico. , São Paulo, Editora Contexto., 2010, 189 pgs.
14. Saquet M A. Por uma abordagem territorial: continuando a reflexão; Estudos territoriais na ciência geográfica., Editora Outras expressões, São Paulo, 2013, pp. 47–74.
15. Machado G. Por uma territorialização da bacia hidrográfica., Em: - Estudos territoriais na ciência geográfica., Editora Outras expressões, São Paulo, 2013, pp.107–128.
16. Pires de Rio G A.- A espacialidade da economia: superfícies, fluxos e redes., Em: “Olhares geográficos: modos de ver e viver o espaço., Organizadores: I.E.de CASTRO, P.C. DE COSTA GOMES, R.L CORREA., Rio de Janeiro, Bertrand Brasil, 2012, pp. 155–188
17. Lamoso L.P. Território e dinâmica económica., Geografia Econômica: (re) leituras contemporâneas., Letra Capital, Rio de Janeiro, 2011, pp. 109–124.
18. Raffestin C. Por uma Geografia do Poder, Editora Ática S.A., São Paulo, 1993, Serie Temas, Vol.29 Geografia e Política, 269 pgs.
19. Haesbaert R. Des- territorialização e identidade: a rede gaucha no Nordeste., Niteroi EdUFF, 1997.
20. Saquet M A. Abordagens e conceitos de território., Expressão Popular, São Paulo, 2007, 200 pgs.
21. Saquet M A. Por uma Geografia das territorialidades e das temporalidades: uma concepção multi dimensional voltada para a cooperação e para o desenvolvimento sustentável., Outras Expressões., São Paulo, 2011, 123 pgs.
22. Santos M., M.L.Silveira. O Brasil: território e sociedade no início do século XXI., Editora Record, Rio de Janeiro, 2ª edição, 2001, 474 pgs.
23. Silveira M.L. Confines de la racionalidad: el espacio geográfico contemporáneo., En: DELGADO, Ov. y H. CRISTANCHO (Editores).- Globalización y territorio: reflexiones geográficas en América Latina., Universidad Nacional de Colombia, Bogotá, 2009, pp. 31–52.
24. Correa R L., E Z. Rosendahl - Introdução a geografia cultural., Rio de Janeiro , Bertrand Brasil, 2003, 224 pgs.
25. Correa R L. - Espaço e simbolismo, Em: “Olhares geográficos. Modos de ver e viver o espaço”. Bertand Brasil, Rio de Janeiro,2012, pp. 133–153.
26. Mateo J.- La dimensión espacial del desarrollo sostenible: una visión desde América Latina., Editorial U.H., Editorial Científico Técnica, La Habana, 2012, 293 pgs.
27. Montañez y O. Delgado Espacio, territorio y región: conceptos básicos para un proyecto nacional; Cuadernos de Geografía, Revista de la Universidad Nacional de Colombia, Bogotá, vol. VII, Nos.1-2, 1998, pp. 120 – 134
28. Candiotta L.Z.- Circuito italiano de turismo rural: gênese, desenvolvimento e implicações espaciais., Edunioeste, Cascavel, 2010, 342 pgs.
29. Haesbaert R. Território e multiterritorialidade; Geographia, Revista da UFF, Niterói, Ano IX, No.17,2007, pp. 19–46.
30. Gomes P. C.- Quadros geográficos. Uma forma de ver, uma forma de pensar., Bertrand Brasil, Rio de Janeiro, 2017, 158 pgs.

УДК 911.2/3 (575.1)

В. Н. Федорко¹
V. N. Fedorko**АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ ПОДХОД
К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СТРУКТУРЫ
ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ
УЗБЕКИСТАН)****ADMINISTRATIVE-TERRITORIAL APPROACH TO THE STUDY
OF THE SPATIAL STRUCTURE OF NATURE MANAGEMENT
(ON EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN)**

В статье презентован авторский опыт типологии сельских административных районов Республики Узбекистан по особенностям специализации и территориальной структуры природопользования. За основу типологии сельских районов, при этом, были приняты параметры структуры сельскохозяйственных угодий и посевных площадей, обеспеченность пахотными землями на душу населения, средняя людность и нетто-плотность (по отношению к площади пашни) сельских населённых пунктов. Вместе с тем, были учтены уровень и особенности развития добывающей промышленности и рекреации.

The article describes the author's experience in the typology of rural administrative districts of the Republic of Uzbekistan in terms of specialization and territorial structure of nature management. For the typology of rural areas, the parameters of the structure of agricultural lands and cultivated areas, the availability of arable land per capita, the average population and the net density (relative to the area of arable land) of rural settlements were adopted. At the same time, the level and peculiarities of the development of the extractive industry and recreation were taken into account.

Ключевые слова: сельские административные районы, типология, природно-ресурсный потенциал, природопользование, специализация, расселение, территориальная структура природопользования.

Keywords: rural administrative districts, typology, natural resource potential, nature management, specialization, resettlement, territorial structure of nature management.

В понятийно-терминологическом аппарате современной географической науки понятие «*территориальная структура*» – одно из базовых, с которым во многом связан предмет исследований в данной области науки. В словаре-справочнике «Социально-экономическая география: понятия и термины» приводится следующее определение А.П. Горкина: «**Территориальная структура** – взаиморасположение, взаимосвязи и взаимодействия пространственно выраженных элементов сложного географического объекта,

¹ **Федорко Виктор Николаевич**, доктор философии (PhD) по географическим наукам, преподаватель средней общеобразовательной школы № 233 г. Ташкента (Республика Узбекистан).

рассматриваемого как система» [1, с. 254]. Академик П.Я. Бакланов понимает под территориальной структурой «распределение по некоторой территории разнородных компонентов: природных, природно-ресурсных и социально-экономических и их различных сочетаний с их взаимосвязями и непосредственными сопряжениями с территорией и привязкой к этой территории» [2, с. 6].

Прочитированные выше определения территориальной структуры строятся вокруг таких понятий, как распределение по территории, размещение, взаиморасположение, пространственные взаимосвязи, пространственное сочетание и т.д., отражая связь рассматриваемой географической категории с хорологическим (пространственным, территориальным) и системно-структурным подходом. При этом в понятие территориальной структуры вкладывается универсальное содержание, позволяющее применять его по отношению к самым различным природным и общественным явлениям и процессам, в частности, к природопользованию.

К понятию «территориальная структура» близка категория «территориальная организация», которая также описывает системно-структурные свойства взаиморасположения, взаимосвязи и взаимодействия пространственных элементов различной сущности, но, как подчёркивает В.И. Проскуряков [1, с. 253], непременно подразумевает механизмы управления территориальными системами, процессами их воспроизводства и изменения. К тому же, территориальная организация может рассматриваться не только как фиксируемое на определённый момент или период времени структурное состояние (устройство), но и как динамический процесс трансформации, развития и саморазвития этой пространственно выраженной конструкции. Следовательно, территориальная организация – более сложное и многозначное понятие, чем территориальная структура, и может рассматриваться, с одной стороны, в качестве географического процесса, с другой стороны, как результат соответствующего процесса на определённый момент.

Исходя из общего содержания категории «территориальная структура» и учитывая важность охвата в рамках географического изучения природопользования как форм и элементов (субъектов) хозяйственно-расселенческой деятельности населения, так и пространственной среды её развития, считаем обоснованным под **территориальной структурой природопользования** понимать *размещение, взаиморасположение, пространственно-функциональные связи дифференциации и интеграции географически выраженных субъектов и арен природопользования*. Считаем допустимым использование этого термина с заменой прилагательного «территориальная» на определения «пространственная» или «географическая».

Так как субъекты и арены природопользования, взаимодействуя, формируют географические триады «природа-население-хозяйство», или территориальные природно-хозяйственные системы, территориальная струк-

тура природопользования в пределах исследуемой географической целостности предстаёт как совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих ТПХС разного таксономического ранга, выделенных по тем или иным критериям. Это означает, что любая ТПХС, обладая внутренней (собственной) территориальной структурой природопользования, в то же самое время выступает подразделением территориальной структуры природопользования, рассматриваемой на более высоком пространственном уровне.

Территориальная структура природопользования представляется очень сложным, многомерным географическим феноменом и может анализироваться с позиций различных методологических подходов географии, таких как ландшафтный, отраслевой, районный, функционально-зональный, бассейновый, административно-территориальный, геокомплексный, каркасно-узловой, этногеосистемный. Каждый из этих методологических подходов подразумевает специфическое видение изучаемого объекта, т.е. территориальной структуры природопользования, выраженное в вычленении из всего многообразия его элементов, измерений и свойств тех, которые наиболее существенны в контексте предмета и цели конкретного географического изыскания.

Административно-территориальный подход подразумевает анализ пространственной неоднородности природопользования в разрезе единиц административно-территориального устройства страны. При этом широко используются статистический и балансовый методы, а картографирование природопользования базируется на использовании способов картограммы и картодиаграммы. Одним из интересных примеров использования такого методологического подхода к исследованию территориальной структуры природопользования представляется опыт природно-хозяйственного районирования территории бывшего СССР, выполненный Ю.Г.Саушкиным по сетке административно-территориального устройства с применением концепции энергопроизводственных циклов [3].

Важной особенностью такого подхода являются известные преимущества с позиций возможности использования научных результатов в практике регионального управления и адекватного восприятия разработанных территориальных схем широкой общественностью и представителями различных сфер общественной деятельности. Необходимо подчеркнуть, что глубина и объективность пространственного анализа природопользования в разрезе административно-территориальных образований зависят от их пространственного ранга, закономерно возрастающая в направлении «сверху вниз».

С точки зрения сочетания детальности исследования и наличия необходимой исходной географической информации наиболее оптимальной административно-территориальной единицей для анализа пространственной дифференциации природопользования в условиях Узбекистана являются **сельские районы**. В настоящее время в Узбекистане насчитывается 159 сельских районов. При этом Ташкентский район столичной области был выделен

(реорганизован) из состава Зангиатинского района в июле 2017 года [4], а Тахиаташский район Республики Каракалпакстан был образован на части территории Ходжейлийского района в августе 2017 года [5], поэтому в нашем исследовании, выполненном на базе статистических материалов 2013-2015 гг., фигурируют только 157 сельских районов.

Многоаспектное общественно-географическое исследование сельских районов Республики Узбекистан было выполнено Ш.Б. Курбановым [6]. Однако в качестве ячеек территориальной структуры природопользования сельские административные районы Узбекистана исследованы слабо. Исследования сельских районов в данном аспекте позволяют глубже изучить пространственную дифференциацию природно-хозяйственных и экологических условий сельской местности страны.

Вследствие общности географического положения, природных условий и ресурсов, структуры земельного фонда, специализации сельского хозяйства и смежных с ним отраслей экономики – взаимодействие общества и географической среды в разных сельских районах республики порой носят схожий характер. Это позволяет выполнить **ТИПОЛОГИЮ** сельских районов республики с точки зрения природопользования.

Представляемая в статье типология сельских районов Узбекистана с точки зрения природопользования разработана, прежде всего, с учётом *развития и специализации сельского хозяйства, добывающей промышленности и рекреации*, которые являются базовыми направлениями природопользования в сельской местности страны. Каждый тип отличается преобладанием некоторого направления или сочетанием нескольких направлений хозяйственного использования местного природно-ресурсного потенциала. При разработке типологии также учитывались геоморфологические и ландшафтно-мелиоративные особенности сельских районов, структура сельскохозяйственных угодий, характер их использования и обеспеченность ими в расчёте на душу населения, давность интенсивного хозяйственного освоения территории, морфология сельского расселения, своеобразие геоэкологической ситуации, степень влияния крупных городов (региональных центров) на социально-экономическое развитие пригородной сельской местности.

С учётом вышеперечисленных факторов сельские районы Узбекистана сгруппированы в 14 типов, а в рамках типов, отличающихся преобладанием оазисного природопользования, выделены подтипы районов с учётом давности интенсивного освоения территории, геоморфологической привязки оазисов и степени влияния крупных городов на хозяйственное использование территории. Ниже перечислены выделенные природно-хозяйственные типы и подтипы сельских районов республики:

1) равнинно-оазисный тип с интенсивным орошаемым земледелием с подтипами пригородных, староосвоенных, средней давности освоения, новоосвоенных районов;

- 2) оазисно-пустынный тип с сочетанием поливного земледелия и пустынно-пастбищного животноводства с подтипами пригородных, староосвоенных и новоосвоенных районов;
- 3) пустынно-оазисный тип с сочетанием топливной промышленности, орошаемого земледелия и пастбищного животноводства;
- 4) пустынный тип с сочетанием горнорудной промышленности и пастбищного животноводства;
- 5) приаральский тип с сочетанием поливного земледелия и пастбищного животноводства в особых геоэкологических условиях;
- 6) предгорно-оазисный тип с интенсивным орошаемым земледелием с подтипами пригородных, приречно-террасовых, предадырно-равнинных и адырно-заадырных районов;
- 7) предгорно-горный тип с сочетанием орошаемого и богарного земледелия;
- 8) предгорно-горный тип с сочетанием земледелия и горно-пастбищного животноводства;
- 9) предгорно-горный тип с растянутым спектром природно-хозяйственных поясов;
- 10) богарно-земледельческий тип в сочетании с очагами орошаемого земледелия и пастбищным животноводством;
- 11) горно-пустынный тип с сочетанием пастбищного животноводства, богарного земледелия и очагов поливного земледелия;
- 12) горно-пастбищный тип с очаговым развитием поливного и богарного земледелия;
- 13) предгорно-горный тип с сочетанием развитой добывающей промышленности и многоотраслевого сельского хозяйства;
- 14) предгорно-горный тип с широким развитием рекреации.

Была составлена карта типов сельских районов Узбекистана с точки зрения природопользования (рис.) и таблица, где указано, к какому типу (подтипу) отнесён тот или иной СР республики. В ходе типологического анализа нами использованы подробные, в частности топографические, средне- и крупномасштабные карты регионов Узбекистана, данные об истории хозяйственного освоения различных территорий страны и разнообразные статистические материалы в разрезе исследуемых административно-территориальных единиц. Так, были проанализированы и сгруппированы значения статистических показателей структуры сельскохозяйственных угодий (удельный вес орошаемой, богарной пашни и пастбищ в их общей площади), состава посевных площадей (доля хлопка, зерновых культур в их структуре, суммарный удельный вес садов, виноградников, посевов картофеля и овощей в общей величине сельхозугодий), обеспеченности населения пахотными землями, а также рассчитаны значения нетто-плотности (из расчёта на 1000 га пашни) и средней людности сельских поселений на 2015 год (табл.).

Типы сельских районов Узбекистана с точки зрения природопользования

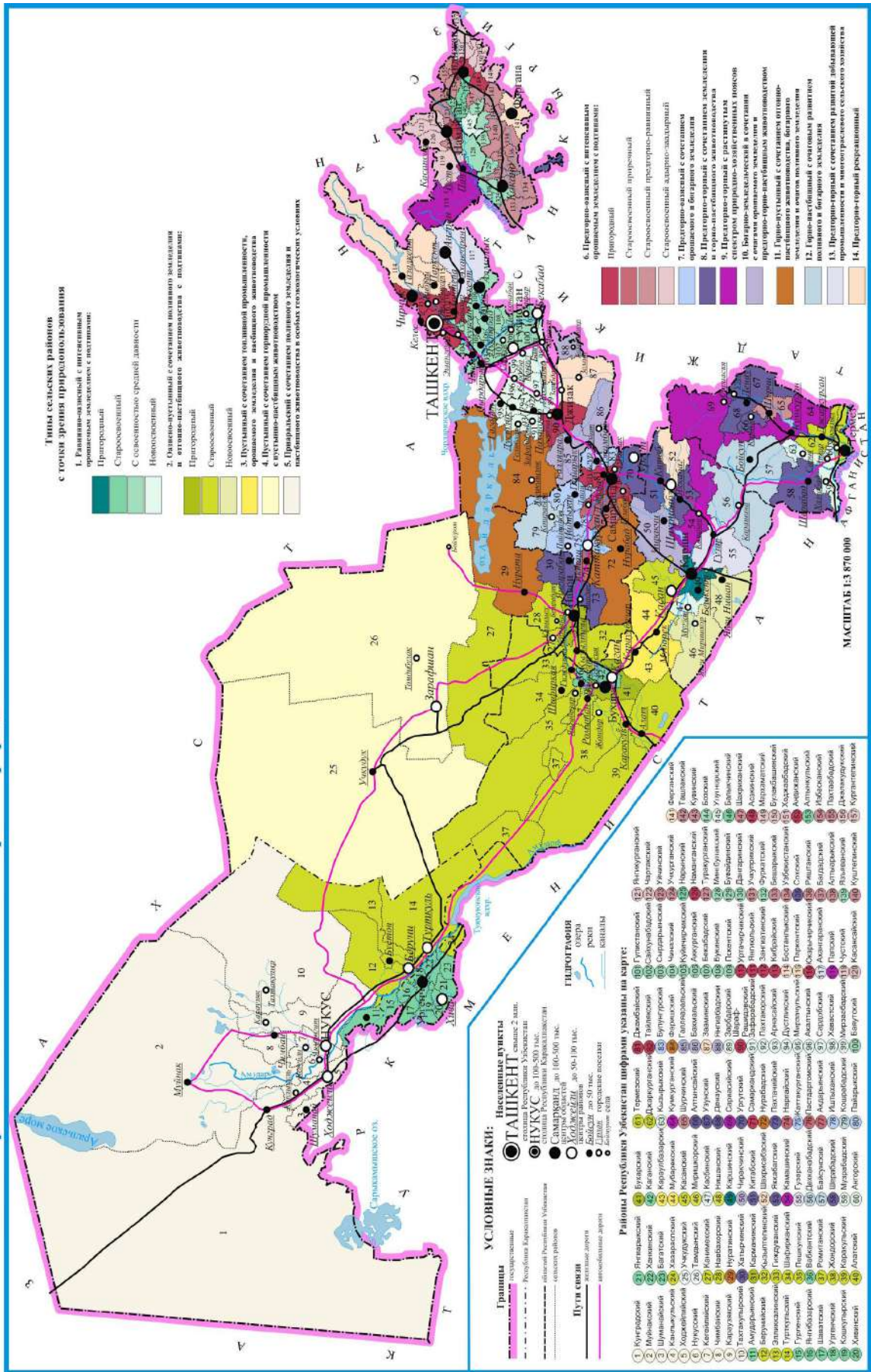

Рисунок. Карта типов сельских районов Узбекистана с точки зрения природопользования

Анализ таблицы показывает, что в территориальной структуре природопользования Узбекистана наиболее широко представлены сельские районы равнинно-оазисного типа с интенсивным орошаемым земледелием (46 СР), предгорно-оазисного типа с интенсивным орошаемым земледелием (40 СР) и оазисно-пустынного типа с сочетанием орошаемого земледелия и пастбищного животноводства (21 сельский район, где густонаселённое оазисное «ядро» сочетается с пустынно-пастбищной периферией). В составе этих типов в ранге подтипов выделены пригородные сельские районы, составляющие ближайшее окружение таких городов как Ташкент, Самарканд, Наманган, Андижан, Бухара, Карши, Навои, Джизак, которые, при этом, отличаются пониженным удельным весом хлопчатника (в иных случаях – полным его отсутствием) и высокой долей овощных и плодово-ягодных культур в структуре посевных площадей, густотой поселенческой сети, высокой демографической нагрузкой на папню. При выделении группы пригородных районов учитывались и статистические данные о количестве субъектов малого бизнеса, малых и совместных промышленных предприятий, обороте внешнеэкономической деятельности, которыми эти районы существенно выделяются на фоне остальных территорий, свидетельствуя о трансформации системы территориально-хозяйственной деятельности под влиянием крупных региональных центров. В общей сложности по стране выделено 15 пригородных районов, больше всего (5) – в Ташкентской области. Обоснованно отнести к подтипу пригородных районов также вновь образованный Ташкентский район столичной области, не учтённый, как отмечалось выше в нашей типологии.

Среди равнинно-оазисных и оазисно-пустынных районов выделены, помимо пригородного, подтипы староосвоенных (Хорезмская область, Южный Каракалпакстан, Бухарский оазис), средней давности освоения (Центральная Фергана, восток Сырдарьинской области, юго-запад Ташкентской области) и новоосвоенных районов (Голодная, Каршинская, Сурхан-Шерабадская степь, Улутнорский район Андижанской области).

Эти подтипы районов, как видно из таблицы, различаются составом посевных площадей, комплексностью структуры сельского хозяйства, в частности уровнем развития плодоовощеводства, а также обеспеченностью пашней на душу населения, морфологией сельского расселения.

В составе предгорно-оазисного типа районов, наряду с пригородным подтипом, обособлены подтипы приречно-террасовых, предадырно-равнинных (расположенных, в основном, на конусах выноса) и адырно-задырных (выделяются в областях Ферганской долины, в пределах своеобразного геоморфологического яруса природопользования – высоких предгорий) районов, которые различаются удельным весом хлопка и зерновых культур в структуре посевов, площадью садов, виноградников и овощных посевов, плотностью населения и сети сельских поселений, средней людностью кишлаков.

Сельские районы центральной и северной части Каракалпакстана, характеризующиеся специфическими геоэкологическими условиями, выделены в отдельный приаральский тип. В этой группе значатся 10 СР (не считая образованного в августе 2017 г. Тахиаташского района). 10 районов отнесены к предгорно-горному типу с сочетанием орошаемого земледелия и горно-пастбищного животноводства.

Остальные типы включают от двух до пяти сельских районов республики. Например, пустынно-оазисный тип с сочетанием топливной промышленности, орошаемого земледелия и пастбищного животноводства состоит из Караулбазарского и Мубарекского районов, пустынный тип с сочетанием горнорудной промышленности и пастбищного животноводства – из Учкудукского и Тамдынского районов, горно-пастбищный тип с очаговым развитием поливного и богарного земледелия – из Дехканабадского, Байсунского и Кошрабадского районов.

Несколько СР (Папский, Камашинский, Кумжурганский и Сариясийский), на территории которых широко представлены несколько высотных природно-хозяйственных зон от крупных участков речных долин с интенсивным орошаемым земледелием до высокогорных пастбищных и заповедных угодий, выделены в отдельный предгорно-горный тип сельских районов с растянутым спектром природно-хозяйственных поясов.

Бостанлыкский и Паркентский районы Ташкентской области, Зааминский район Джизакской области, Шахрисабзский район Капкадарьинской и Ферганский район Ферганской области с учётом особых масштабов развития в их пределах рекреации (что выражено в крупном потоке отдыхающих из разных регионов страны и формировании разветвлённой сети субъектов данного вида хозяйственной деятельности) отнесены нами к предгорно-горному рекреационному типу СР республики.

Каждый природно-хозяйственный тип и подтип СР республики обладает своеобразием морфологии размещения хозяйства и населения, что выражается в степени пространственной однородности территориальной организации природы и общества, характерным сочетанием густо и редко населённых ареалов, характеризуется наличием специфической конфигурации опорного каркаса ядер, ареалов и линий хозяйственно-расселенческого ландшафта. Эти структурные элементы зачастую связаны с естественными геосистемами – долинами рек и саев, дельтами и конусами выноса, подгорными покатыми равнинами, внутригорными котловинами, а также с родниками и колодцами.

Таблица. Средние значения некоторых количественных индикаторов структуры сельскохозяйственных угодий и сети населённых мест в разрезе природно-хозяйственных типов сельских районов Республики Узбекистан

		Число САР	Доля пашни в общей площади с/х угодий, %	Доля орошаемых земель в общей площади пашни, %	Доля пастбищ в структуре с/х угодий, %	Доля хлопка в посевах в посевах в посевах района, %	Доля зерновых в посевах в посевах района, %	Доля посевов картофеля, овощей и плодово-ягодных насаждений в общей площади с/х угодий, %	Пашня (га) на одного чел.	Сред. плотность 1 кишлака	Плотность кишлаков на 1000 га пашни
1	Равнинно-оазисный тип с интенсивным орошаемым земледелием с подтипами:	46	89,2	99,5	6,3	44,5	39,8	10,1	0,29	1,82	2,2
1а	Пригородный	1	67,2	92,9	27,5	38	36,3	5,6	0,20	1,89	1,7
1б	Староосвоенный	14	93,3	100,0	2,0	45,3	32,9	17,4	0,15	2,02	2,9
1в	С освоённостью средней давности	16	87,9	99,5	8,9	42,0	43,6	8,9	0,25	1,26	2,7
1г	Новоосвоенный	15	88,1	99,6	6,3	46,8	42,9	4,2	0,46	2,20	0,9
2	Оазисно-пустынный тип с сочетанием поливного земледелия и пустынно-пастбищного животноводства с подтипами:	21	17,9	99,2	80,0	42,5	38,7	1,9	0,19	1,29	4,6
2а	Пригородный	2	27,6	100,0	70,6	43,3	39,7	5,1	0,15	0,74	6,3
2б	Староосвоенный	17	16,3	99,0	81,6	43,1	38,7	1,8	0,16	1,31	4,8
2в	Новоосвоенный	2	26,3	100,0	71,6	41,7	43,4	1,0	0,45	2,40	0,5

Типы и подтипы районов

3	Пустынно-оазисный тип с сочетанием топливной промышленности, орошаемого земледелия и пастбищного животноводства	2	11,7	97,1	86,0	33,4	37,7	0,3	0,71	1,05	0,4
4	Пустынный тип с сочетанием горнорудной промышленности и пастбищного животноводства	2	0,0	0,0	100,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,37	0,0
5	Приаральский тип с сочетанием поливного земледелия и пастбищного животноводства в особых геологических условиях	10	32,8	100,0	65,7	30,3	53,6	1,5	0,48	0,63	2,6
6	Предгорно-оазисный тип с интенсивным орошаемым земледелием с подтипами:	40	78,3	98,4	12,6	32,2	45,5	27,0	0,10	2,30	3,6
6а	Пригородный	12	77,0	95,8	14,2	15,0	44,3	34,3	0,11	2,45	5,0
6б	Приречно-террасовый	3	89,6	95,4	10,9	41,2	42,3	14,6	0,18	0,93	4,2
6в	Предадырно-равнинный	16	91,0	100,0	2,8	41,9	43,3	23,9	0,09	2,22	3,2
6г	Адырно-задырный	9	61,2	100,0	20,6	33,8	51,3	29,1	0,08	2,63	2,0
7	Предгорно-горный тип с сочетанием орошаемого и богарного земледелия	4	54,1	55,9	36,3	22,9	39,5	14,0	0,23	0,94	4,1
8	Предгорно-горный тип с сочетанием земледелия и горно-пастбищного животноводства	10	35,1	80,2	58,8	25,5	41,6	10,3	0,11	1,58	4,4
9	Предгорно-горный тип с растянутым спектром природно-хозяйственных поясов	4	18,9	73,3	79,6	36,1	48,3	2,0	0,15	1,61	3,9
10	Богарно-земледельческий тип в сочетании с очагами орошаемого земледелия и пастбищным животноводством	4	46,4	13,5	49,6	2,1	62,9	3,2	0,59	1,23	1,4
11	Горно-пустынный тип с сочетанием пастбищного животноводства, богарного земледелия и очагов поливного земледелия	3	5,1	12,5	91,4	1,6	74,9	0,3	0,21	0,82	7,6
12	Горно-пастбищный тип с очаговым развитием поливного и богарного земледелия	3	14,7	7,9	84,4	0,5	81,2	1,1	0,30	0,99	2,7
13	Предгорно-горный тип с сочетанием развитой добывающей промышленности и многоотраслевого сельского хозяйства	2	19,8	63,3	77,2	8,5	48,7	1,5	0,26	1,33	3,9
14	Предгорно-горный тип с широким развитием рекреации	5	29,7	73,8	58,0	13,0	47,6	10,4	0,13	2,17	2,8
	В среднем по РУЗ	157	58,0	87,4	36,0	33,3	43,8	43,9	0,22	1,67	3,2

Примечание: При расчётах автором использованы данные Госкомстата Республики Узбекистан за 2013-2015 гг. [7] и Государственного комитета УзЕртелекадастр за 2015 г. [8].

Изменения в отраслевой и территориальной структуре общественного производства, вовлечение в хозяйственный оборот новых природных ресурсов, сдвиги в ландшафтно-экологической ситуации и другие процессы, связанные с эволюцией производительных сил общества, закономерно влекут за собой трансформацию регионального природопользования. Это способно изменить характеристики природно-хозяйственных типов и подтипов сельских районов. В наибольшей степени подобные трансформации могут быть вызваны освоением новых месторождений полезных ископаемых, интенсификацией горнодобывающей, топливно-энергетической и металлургической индустрии в сельских районах страны. Этот фактор в перспективе способен повлиять на природно-хозяйственный облик таких районов как Кунградский, Муйнакский, Дехканабадский, где осуществляются масштабные работы по вовлечению в хозяйственный оборот крупных запасов углеводородного и горно-химического сырья. Определённые изменения могут быть вызваны также развитием рекреационного хозяйства, особенно в предгорно-горной зоне республики, растущей индустриализацией пригородных сельских районов, тяготеющих к большим городам, освоением водных ресурсов малых рек и расширением за счёт их ресурсов площадей орошаемых земель в богарно-земледельческом и горно-пастбищном природно-хозяйственных поясах.

Литература

1. Социально-экономическая география: понятия и термины. Словарь-справочник. Отв. ред. А.П. Горкин. Смоленск: «Ойкумена», 2013. 328 с.
2. Бакланов П.Я. Территориальные структуры природопользования в региональном развитии // Геосистемы в Северо-Восточной Азии. Мат-лы Всеросс. науч.-практ. конф. – Владивосток: ТИГ ДВО РАН, 2017. С. 4–7.
3. Саушкин Ю.Г. Природно-хозяйственное районирование СССР // Вестник МГУ. Серия 5, География. 1980. №4. С. 3–13.
4. Постановление Президента Республики Узбекистан № ПП-3142 «О мерах по дальнейшему совершенствованию административно-территориального устройства Ташкентской области и деятельности местных органов исполнительной власти» от 20.07.2017 г.
5. Ўзбекистон Республикаси Олий Мажлис Сенати Кенгашининг 2017 йил 9 августдаги «Қорақалпоғистон Республикаси ҳудудида Тахиятош туманини тузиш ҳақида»га ҚҚ-214-III Қарори.3.
6. Қурбонов Ш.Б. Ўзбекистон қишлоқ туманлари ривожланишининг иқтисодий-географик хусусиятлари. География фанлари бўйича фалсафа доктори (PhD) илмий даражасини олиш учун ёзилган диссертация. Т., 2017. 160 б.
7. www.stat.uz [Официальный веб-сайт Государственного комитета по статистике Республики Узбекистан].
8. Ўзбекистон Республикаси ер фонди (2015 йил 1 январ ҳолатига). Т.: Ўзгеодезкадастр, 2015. 206 б.

**ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ СЕЛЬСКИХ МЕСТНОСТЕЙ
И РАССЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
(КАК ГОРНОЙ СТРАНЫ)****THE CHARACTERISTIC FEATURES OF RURAL AREAS
AND SETTLEMENT OF THE REPUBLIC OF ARMENIA
AS A MOUNTAINOUS COUNTRY**

В Армении расчлененные и возвышенные участки рельефа перемежаются с межгорными котловинами, создавая своеобразные условия для формирования и развития расселения. Основная часть сельского населения и поселений Армении сосредоточена в долинах рек, на предгорных равнинных территориях, пониженных участках межгорных котловин и плоскогорьях. В стране сплошная заселенность иногда встречается на слабо расчлененных высокогорных плато и котловинах. В статье представлен анализ наиболее характерных черт сельских местностей и расселения и современные проблемы Республики Армения как горной страны.

Annotation. In the RA highly fragmented and elevated terrains of relief are interrupted with intermountain basins, creating peculiar conditions for settlement formation and development. The main part of the RA rural population and settlements is concentrated in the river basins, foothill flatlands and lower parts of intermountain basins and plateaus. Sometimes, widespread settling occurs in weakly fragmented high mountainous plateaus and basins. The current problems and analysis of the most characteristic features of rural areas and settlement of the Republic of Armenia as a mountainous country are presented in the article.

Ключевые слова: Республика Армения, сельская местность, сельское население, сельское расселение, сельские поселения, размещение населения и поселений, высотные пояса, характерные черты, проблемы развития.

Keywords: The Republic of Armenia, rural area, rural population, rural settling, rural settlement, distribution of population and settlements, elevation zones, characteristic features, development problems.

Размещение населения относительно высоты над уровнем моря и закономерности развития расселения во все времена находились в центре внимания исследователей [1]. Однако многие исследования данного вопроса имеют существенные недостатки, в частности, некоторые авторы абсолютную высоту над уровнем моря рассматривают как самостоятельный фактор и почти полностью игнорируют в строении ландшафта географические особенности и, в

¹ **Подосян Аксель Арутюнович**, кандидат географических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-экономической географии Ереванского государственного университета, Ереван, Республика Армения.

первую очередь, такой важный показатель как широтная зональность. Анализируя закономерности развития расселения и размещения населения в горных странах, а также уровень урбанизации, необходимо учитывать влияние исторических, социально-экономических факторов и особенности ландшафтной дифференциации суши [2].

Вопросы формирования и развития населения и поселений, а также сельских территорий в горных районах обсуждались в трудах Г. Авакяна [3], В.Ш. Джаошвили [4], В. Гуджабидзе [5], Л. Устиновой [6], А. Каюмова, А. Базарбаева [7], М. Манасяна [8], А. Потосяна [9–11] и др.

Учитывая результаты как предшествующих исследователей [1–9 и др.], так и авторских [9–11], можно выделить следующие характерные черты сельских местностей и расселения горных стран:

- сосредоточенность основной части сельского населения и поселений на равнинных участках предгорий, в речных долинах, низменных частях горных котловин и плато;
- крайне неравномерный характер в размещении сельских поселений и населения на территории;
- существенная разница между показателями людности сельских поселений;
- ряд особенностей демографических процессов;
- значительная разница в функциях поселений и занятости сельского населения;
- разнообразие внешнего вида и морфологии сел;
- слабая связь между сельскими поселениями;
- неоднозначная изменчивость средней людности сел и плотности поселений по высоте над уровнем моря;
- заметные различия в размещении сельского населения, плотности сельского населения и поселений в пределах одного высотного пояса;
- разнообразие форм и комплексных (местных) типов сельского расселения на относительно небольших территориях.

В горных странах формирование сельских местностей и расселение населения происходит в основном в условиях расчлененного рельефа: в межгорных котловинах и долинах, речных бассейнах, т.е. в физико-географических районах, внутри которых природные процессы находятся во взаимосвязи и взаимовлиянии. Высота над уровнем моря и климатические условия, с которыми связаны проблемы расселения, зависят от географической широты местности. В Армении определенные трудности в этом смысле возникают начиная с высоты 2200–2300 м. Территории, расположенные выше указанного уровня, используются лишь как сезонные пастбища [9].

В Армении, как и в других горных странах, расчлененные и возвышенные участки рельефа перемежаются с межгорными котловинами, создавая для формирования и развития расселения своеобразные условия. В сельском расселе-

нии соотношение горных и равнинных территорий и степень расчлененности территории играет особую роль, так как сеть сельских поселений формируется на относительно обширных территориях страны.

Расселение армянского народа на Армянском нагорье и прилежащих территориях происходило на протяжении длительного исторического периода. Здесь с незапамятных времен занимались земледелием, ремеслами, использовали богатство недр. Во втором тысячелетии до н.э. на Армянском нагорье появились первые поселения сельского типа, а уже в первом тысячелетии до н.э. были основаны первые города [9].

Современные сельские местности и формы расселения в Республике Армения обусловлены не только разнообразием природных условий, но и событиями исторического прошлого. Особенно следует отметить непрерывно повторяющиеся опустошительные войны, во время которых грабились и разрушались многочисленные поселения, что явилось причиной не только сокращения численности населения и уменьшения людности поселений, но и привело к изменению этнического состава, оказало значительное влияние на бытовые особенности, характер хозяйственной деятельности, а также на внешний вид и расположение поселений.

Несмотря на длительный исторический путь развития, основные черты современной картины сельских местностей и расселения Республики Армения начали формироваться лишь в 30–40-ые годы 19-ого века. В последующие десятилетия, претерпев некоторые изменения в результате иммиграции, роста численности населения, возникновения новых и восстановления разрушенных и обезлюденных в прошлом сел, сформировалась основа современных сельских местностей и сеть расселения Республики Армения [9].

Сложившаяся в советское время отраслевая структура сельского хозяйства, его специализация и территориальная организация обусловили основные направления развития и характер сельских местностей республики.

В советский период государственная форма собственности явилась благоприятным фактором для формирования крупных сельских поселений, а единый территориально-производственный комплекс привел к централизованной системе расселения с центром в столице.

Совершенно новые социально-экономические условия для развития сельских поселений Республики Армения сложились в результате коренных политических и социально-экономических перемен, имевших место за постсоветский период. Особенно следует отметить приватизацию земель и других средств сельскохозяйственного производства, проведенную в начале 90-ых годов, что явилось причиной ограничения возможностей экономического развития крупных сельских поселений. Негативное влияние на расположение сельских населенных пунктов в горных и приграничных районах привело к ухудшению геополитической ситуации в Армении.

Основная часть сельского населения и поселений в стране сосредоточена в долинах рек, на предгорных равнинных территориях, пониженных участках межгорных котловин и плоскогорьях. В стране сплошная заселенность встречается иногда на слабо расчлененных высокогорных плато и котловинах. Такая особенность расселения прослеживается в Армении на равнинных участках Ширакского и Лорийского марзов, приозерных плоскогорьях в районе озера Севан, где на больших высотах наблюдаются ареалы сплошного заселения.

Значительная часть сельского населения страны (46,2 %) проживает в Араратской долине и прилегающих к ней районах, составляющих 17,8% всей территории страны, в то время как в Сюникском и Вайоц Дзорском марзах, занимающих 24,3% территории страны, сельское население составляет лишь 7,2% от общей численности. Плотность сельских населенных пунктов наиболее высока в Араратской долине, где она превышает среднереспубликанский показатель в 3,2 раза, тогда как на большей части территории страны (примерно на 60%) этот показатель оказался значительно ниже среднего по республике – 3,1 село на 100 кв. км (табл. 1).

Таблица 1. Некоторые показатели, характеризующие сельские местности по марзам Республики Армения (2015 г.)*

Марзы (области)	Площадь марзов от общей территории (%)	Доля с/х земель от общей площади (%)	Численность сельского населения (в тыс.)	Доля сельского населения (%)	Число сельских поселений**	Доля сельских поселений(%)	Плотность			
							Населения чел/ км ²		Поселения (посел./ 100км ²)	
							А	Б	А	Б
1.Арагацотн	9.3	79	101.4	9.2	116	12.3	38	48	4.2	5.3
2. Арарат	7.0	75	186.1	17.0	95	10.0	87	118	4.5	6.0
3.Армавир	4.2	78	182.0	16.6	95	10.0	152	194	7.6	9.8
4.Гехаркуник	18.0	65	162.8	14.8	92	9.7	41****	63	1.7	2.6
5. Котайк	7.0	77	116.5	10.6	62	6.6	55	72	3.0	3.8
6. Ширак	9.0	86	102.9	9.4	128	13.6	41	48	4.8	5.6
7. Лори	12.7	66	93.7	8.5	116	12.3	25	38	3.0	4.6
8. Сюник	15.1	74	45.8	4.2	127	13.5	10	14	2.8	3.8
9. Вайоц Дзор	7.8	90	33.3	3.0	51	5.4	14	16	2.2	2.4
10. Тавуш	9.1	41	73.2	6.7	62	6.6	27	66	2.2	5.4
г. Ереван	0.8	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Всего по РА	100	71***	1097.7	100	944	100	38.0****	54.3	3.1	4.4

* Данные ЦСУ РА по текущим счетам по состоянию на 1 января 2015 г.; ** Без 9-ти сел, находящихся в подчинении городских общин (за исключением сел, находящихся в подчинении г. Дилижан; *** По данным сборника „Марзы РА и г.Ереван”, Е., 2015 г.; **** Без поверхности оз. Севан; А – общая плотность по стране, Б – плотность на с/х угодьях.

Как правило, в горных районах (как на пониженных участках, так и в высокогорных поясах) в результате неравномерного размещения сёл зачастую формируются так называемые сельские агломерации. Они встречаются в местах, где пригодные для заселения территории разбиты на более мелкие участки.

Подобные групповые поселения из-за небольшой заселенности часто объединяют в общины, что наблюдается и в Армении.

В горных странах абсолютная высота местности оказывает непосредственное влияние на специализацию сельского хозяйства, что обусловлено не только климатическими условиями, но и изменениями в размещении по высоте пригодных для земледелия участков. Как правило, с высотой уменьшается удельный вес пригодных для обработки земель, становятся суровее климатические условия, с чем связано сокращение ареала распространения трудоемких и наиболее прибыльных культур, являющееся причиной постепенного уменьшения сферы приложения сельскохозяйственного труда. Это является причиной постепенного уменьшения сферы приложения сельскохозяйственного труда и постепенному сокращению размеров села. Такая особенность, присущая горным районам сельских поселений, в Армении имеет свои специфические черты. Здесь, на высоте от 1500 до 2100 м, где есть относительно большие и плодородные участки земли, села крупнее, чем в районах, расположенных на высоте 1200–1400 м, но с более расчлененной поверхностью и, соответственно, с небольшими земельными участками [10].

В горных странах ввиду разнообразия природных условий и диверсификации сельскохозяйственной деятельности наблюдаются большие колебания в численности населения сельских поселений. В Армении эти различия чрезвычайно велики даже в пределах одного ареала расселения.

Характерная для горных стран закономерность убывания плотности сельского населения, числа сел и их средней плотности по высоте над уровнем моря в Республике Армения не сохраняется. Показатели плотности сельского населения наиболее высоки в Арагатской, Ширакской и Лорийской долинах, в приозерных районах Севана, имеющих относительно равнинный рельеф, хотя все они находятся на разных высотных отметках относительно уровня моря. На высоте 1401–1600 и 1800–2000 м показатели численности сельского населения, количество сел и их плотность выше, чем в высотных поясах 1201–1400 и 1601–1800 м соответственно (табл. 2).

Размещение сельского населения по сравнению с размещением по стране всего населения имеет более равномерный характер. На высоте от 800 до 1000 м проживает более половины населения страны – 54,5%, тогда как доля сельского населения в этом высотном поясе составляет всего 35%. На высотную зону 1800–2000 м приходится лишь 8,8% всего населения по республике, сельское же население здесь составляет 16%.

Для сельских местностей в республике характерна повышенная сосредоточенность населения в крупных и сверхкрупных селах с численностью населения 3000 человек и более, доля которых в стране составляет немногим более 11%, однако здесь проживает почти 40% всего сельского населения. В малых селах (с численностью населения до 500 человек), которые составляют 33,7 % от общего числа, проживает лишь 5,6% сельского населения (табл. 3).

Таблица 2. Размещение территории, населения и поселений Республики Армения по высотным поясам (на 2015 г.) [12, 13]

Высотные пояса (метрах)	Площадь высотного пояса (в км ²)	Площадь высотного пояса (в %)	Распределение населения по высотным поясам						Распределение поселений по высотным поясам						Плотность населения	Средняя людность городов (чел.)	Средняя людность сел (чел)	
			Городское			Сельское			Всего	Городское			Сельское					
			а	б	Всего	а	б	Всего		а	б	Всего	а	б				Всего
До 800	607.3	2,1	2.7	33886	1.8	49579	4.0	51	5.3	5	10.2	46	5.0	137.0	82	6777	1078	
801-1000	2347.5	8.3	54.5	1286245	67.2	431334	34.9	208	21.6	11	22.5	197	21.6	732.0	184	116931	2190	
1001-1400	4123.0	14.5	14.7	249485	13.0	213052	17.3	165	17.2	13	26.5	152	16.7	112.0	52	19191	1402	
1401-1800	5648.2	19.8	17.0	261789	13.7	274948	22.3	288	30.0	12	24.5	276	30.3	95.0	49	21816	996	
1801-2000	3653.2	12.8	8.8	79160	4.1	196447	15.9	152	15.8	7	14.3	145	15.9	75.0	54	11309	1355	
2001-2250	4149.0	14.6	2.3	4490	0.2	67846	5.5	93	9.7	1	2.0	92	10.1	17.0	16.0	4490	737	
2250-2500	3035.0	10.7	1710	-	-	1710	0.1	4	0.4	-	-	4	0.4	0.6	0.6	-	428	
Выше 2500	4901	17.2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Всего	28464.3	100.0	3149971	100.0	1915055	100.0	1234916	100.0	961	100.0	49	100.0	912	100.0	111.0	43.0	39083	1354

Таблица 3. Группировка сел в Республики Армения по людности
(на 1.01.2015 г.) [13]

Группы поселений по людности (чел.)	Количество сел	Доля сел от общего количества (в %)	Распределение населения по поселениям (в %)	Средняя численность населения в группах
До 50	26	2.8	0.0	25
51-100	48	5.1	0.3	76
101-200	77	8.2	0.9	148
201-500	166	17.6	4.4	324
501-1000	177	18.7	10.1	708
1001-3000	312	33.0	45.0	1780
3001-5000	72	7.6	21.6	3697
Более 5000	34	3.6	17.7	6430
Села, не имеющие постоянного населения	32	3.4	-	-
Всего по РА	944*	100.0	100.0	1354

*Без сел, находящихся в подчинении городских общин (кроме трех сел, находящихся в подчинении г. Дилижан)

В Армении не наблюдается определенной связи между изменением средней людности сельских поселений и их расположением над уровнем моря (табл. 2, 4).

Для сельских поселений страны характерна однородность функциональных типов: почти всем селам присущи сельскохозяйственные функции и разнообразие производственной специализации, что обусловлено влиянием вертикальной поясности на распространение сельскохозяйственных культур и большими территориальными различиями типов хозяйств.

Таблица 4. Людность сельских поселений в высотном поясе
1800–2000 м, [9, 13]

Территории высотных поясов	Количество сельских поселений на указанных территориях	Средняя людность сельских поселений
1. Апаранская равнина	18	948
2. Межгорные равнины Севана	42	2876
3. Ашоцкое плато	19	540
4. Артикское, Кармрашенское и Мараликское плато	19	1289

Из всего разнообразия производственных типов сельских поселений республики можно выделить типы сельских поселений со следующей специализацией: животноводческой, скотоводческой, скотоводческо-полеводческой, овцеводческой, овощеводческой, овощеводческо-виноградарской, садоводческой и табаководческо-скотоводческой. Следует отметить, что развитие и углубление рыночных отношений может внести определенные изменения в специализацию производственных типов сельских поселений страны.

Специфической особенностью сельских местностей и расселения горных стран является расположение поселений на местности и разнообразие их внешнего вида. В Армении на морфологическую характеристику сельских поселений кроме природно-географических и экономических факторов существенное влияние оказывают исторические, этнографические и некоторые локальные факторы. Нередко для населенных пунктов выбирались труднодоступные горные склоны, местности, окруженные оврагами и ущельями, имеющие преимущество с точки зрения защищенности от внешних вторжений. Наиболее характерными для республики считаются 17 морфологических типов сельских поселений.

В Армении вследствие расчлененного рельефа типы заселения имеют характер не сплошных, а отдельных, больших или малых ареалов, из-за чего одни и те же типы встречаются иногда в большей части районов страны, а в одном и том же районе могут оказаться разные типы заселения.

Небольшая территория страны характеризуется значительным разнообразие форм, комплексных типов и подтипов сельского расселения и местностей, что также обусловлено горным характером рельефа. Физико-географические, социально-экономические и прочие условия формирования и развития сельских местностей и расселения в республике меняются не только в результате смены ландшафтных поясов, но и внутри каждой из них, о чем свидетельствует наличие на территории Армении семи районов, тридцати семи местных типов и двадцати подтипов сельского расселения.

Сеть сельского расселения наибольшие изменения претерпела за промежуток времени с 1831 по 1970 гг., последующие же периоды характеризуются относительной стабильностью. Территориальные различия динамики сельского населения привели в марзах и регионах республики к большим контрастам в размещении и плотности. За прошедшие десятилетия во всех высотных поясах наблюдалась тенденция к уменьшению количества сельских поселений. Вследствие этого за период с 1926 по 1988 гг. доля численности сельского населения высотного пояса 800–1000 м возросла более чем в 2 раза. Значительно увеличилась разница показателей плотности сельского населения между разными высотными поясами, в том числе сократилась доля и без того слабозаселенных территорий в горных и приграничных районах.

Наиболее характерными изменениями в сельских местностях и расселении республики за постсоветский период являются:

- 1) сокращение численности населения во всех марзах и регионах;
- 2) сокращение численности населения не только в малых, но и в больших, крупных и крупнейших селах;
- 3) неблагоприятная демографическая ситуация в большинстве сел;
- 4) углубление различий между отдельными группами сельских поселений по преобладающему количеству людности;

5) наиболее острые проблемы сельских местностей в высокогорных и приграничных районах РА;

6) снижение доходов в крестьянских хозяйствах сельских поселений.

На территории Армении четко выделяются природно - экономические единицы, которые характеризуются различием как историко-этнографического и природного комплекса, специализацией хозяйства, так и особенностями сельских местностей и расселения.

Как правило, в горных странах административно-территориальное деление оказывает существенное влияние на развитие сельских местностей и поселений. Современная система административно-территориального деления Республики Армения на марзы, как единицы первого порядка, по существу не способствует социально-экономическому развитию сельских поселений. Если Араратский и Армавирский марзы, которые обладают по сравнению с другими марзами рядом преимуществ (равнинный рельеф, непосредственная близость к столице, относительно развитая производственная и социальная инфраструктура), что в определенной мере способствует развитию сельских местностей, то дело обстоит иначе в марзах, лишенных подобных преимуществ. В горных территориях страны действующая система административно-территориального деления по существу не способствует, а в отдельных случаях даже препятствует развитию сельских местностей и поселений.

С этой точки зрения в осуществлении принятой в стране программы укрупнения общин необходим дифференцированный подход в отношении сельских поселений, расположенных в районах, имеющих равнинный рельеф и относительно развитую инфраструктуру, и для сельских поселений, расположенных на территориях с расчлененным рельефом и, соответственно, со слабо развитыми коммуникациями. Ввиду создавшейся в последнее время геополитической ситуации крайне нецелесообразным и нежелательным является сокращение количества сельских поселений в горных и приграничных районах.

Как показывают исследования, в условиях современных рыночных отношений в Республике Армения развитие и преобразование сельских местностей в марзах, регионах, сельских общинах и поселениях происходит по-разному в зависимости от географического положения, природно-хозяйственных особенностей, социально-демографической и региональной ситуации.

Из обобщенных показателей сельского расселения в регионах Армении показатели плотности сельского населения и сельских поселений тесно связаны с абсолютной и относительной величинами сельскохозяйственных земельных угодий. Преобразование и совершенствование сельского расселения и отдельных сельских поселений обусловлено, прежде всего, эффективным использованием сельскохозяйственных угодий и интенсификацией сельскохозяйственного производства.

В большинстве регионов страны слабая корреляционная связь или ее отсутствие между численностью населения сельских поселений и их расположением над уровнем моря свидетельствует о постепенном уменьшении в преобразовании и развитии сельских местностей роли природных факторов и повышении социально-экономических факторов [11].

Среди обобщенных показателей сельского расселения республики абсолютная численность и плотность сельского населения, плотность сельских поселений имеют тесную связь с общей величиной сельскохозяйственных угодий регионов, тогда как не менее важный показатель – численность населения сельских поселений, в значительной мере зависит от конкретной величины обрабатываемых в селах земель. Целевое использование обрабатываемых земель и повышение их эффективности может играть решающую роль в укреплении и стабилизации позиций сельских поселений, в их социально-экономическом развитии.

Преобразование и совершенствование сельского расселения во всех марзах и регионах в немалой степени зависит от повышения роли региональных центров и центров марзов, от полноценного и эффективного осуществления в соответствующей системе расселения их функций, что играет важную роль в укреплении и стабилизации связей региональных центров и центров марзов с сельскими поселениями, а также способствует развитию местной системы расселения.

В условиях рыночных отношений центры марзов, отдельные городские поселения и центры местного значения одновременно являются для сельских поселений страны наиболее крупными близлежащими торговыми и сельскохозяйственными рынками. Устойчивое транспортное сообщение между этими центрами и сельскими поселениями может способствовать укреплению хозяйственной базы сельских поселений, их социально-экономическому развитию в будущем.

В сложившейся в республике социально-экономической ситуации является крайне нежелательным сокращение числа сельских общин в горных и приграничных районах, поскольку сохранение административного статуса малых сел (общин) на этих территориях играет немаловажную роль в системе сельского расселения. Обеспечение условий жизнедеятельности и качества жизни в подобных селах сопряжено с определенными трудностями, и принятие соответствующих мер по укреплению и развитию сельских поселений в горных и приграничных районах исходит из стратегических интересов государства. В качестве действенной меры может быть предоставление сельским общинам государственных дотаций. В указанных регионах объединение в единую общину даже крупных сел с населением, превышающим, к примеру, 1000 человек, может стать причиной разложения и вымирания последних. Причины этого могут быть самыми разными, вплоть до выборов главы общины, когда большую роль играют родственные и иные связи. В вопросах укрупнения

сельских общин необходимо применение дифференцированного подхода в решении проблем для регионов с равнинным рельефом и относительно развитой инфраструктурой по сравнению с регионами с горным, расчлененным рельефом и слабо развитыми коммуникациями.

Из сказанного следует, что совершенствование административно-территориального деления Республики Армения является важнейшей из задач, способной сыграть значительную роль в укреплении и социально-экономическом развитии сельских местностей страны, что особенно важно для горных и приграничных районов.

В итоге можно сказать, что укрупнение небольших и малых сел, расположенных в предгорных, горных и приграничных районах, восстановление десятков заброшенных сел является одной из основных стратегических задач и проблем перспективного развития сельских местностей Республики Армения. Осуществление подобных мероприятий несомненно будет способствовать повышению эффективности использования территориальных и сельскохозяйственных ресурсов, комплексному социально-экономическому устойчивому развитию марзов республики.

Итак, обобщение представленных выше результатов анализа позволяет сделать следующие выводы:

1. В Республике Армения, как в горной стране, современное состояние сельских местностей и системы расселения являются не только результатом природного разнообразия, но и следствием исторического прошлого и особенностей социально-экономического развития страны.

2. Выраженный горный характер территории Республики Армения, небольшая площадь, изрезанность рельефа, большие высотные отметки и значительный уклон местности, разнообразие типов климата, природно-климатические явления, неравномерное распределение почвенных и других ресурсов значительно сужают ареал расселения, оказывая непосредственное или косвенное влияние на формирование и дальнейшее развитие сельских местностей и поселений.

3. В Республике Армения сельское население и основная часть поселений располагаются на равнинных участках предгорий и межгорных котловин, в долинах рек и плоскогорьях. Численность сельского населения, плотность поселений и их средняя людность имеет наибольшие показатели в Араратской долине и окаймляющих ее территориях, что составляет 18% территории страны.

4. Закономерное сокращение численности сельского населения и поселений и уменьшение средней людности с высотой над уровнем моря, характерное горным странам, в Армении не наблюдается. Наибольшие показатели плотности и численности сельского населения имеют территории с равнинным рельефом независимо от абсолютных показателей высоты над уровнем моря.

5. Значительные контрасты показателей численности населения сёл являются особенностью Республики Армения. Это зависит не только от абсолютной высоты местности над уровнем моря, но и от степени ее расчлененности, местных особенностей природного комплекса, от факторов социально-экономического и регионального развития.

6. Армении, как горной стране, присуще большое разнообразие в расположении сельских поселений на местности, их внешний вид, типов заселенности и расселения на территории, производственной специализации поселений.

7. За прошедшие десятилетия в Армении имели место значительные территориальные изменения в распределении сельского населения, числа сел и средней численности населения в зависимости от высоты над уровнем моря. В центральных районах страны увеличивались размеры использования ценных земель Арагатской долины под строительство и заселение, с другой стороны – сократилась площадь и без того слабозаселенных территорий горных и приграничных районов.

8. В условиях рыночных отношений на развитие и преобразование сельских местностей наибольшее влияние оказывают социально-экономические условия, административно-территориальное деление, фактор географического положения районных центров сельских местностей и поселений относительно городских поселений и экономических центров местного значения.

9. Одним из основных направлений проводимой политики перспективного развития сельских местностей и расселения в Армении должно стать укрупнение небольших и малых сел в предгорных, горных и приграничных районах, а также восстановление десятков заброшенных сел, что, естественно, будет способствовать повышению эффективности использования территориальных и сельскохозяйственных ресурсов указанных районов, комплексному социально-экономическому развитию марзов, а это, в свою очередь, может благоприятствовать устойчивому социальному развитию страны.

Литература

1. Полян П.М, Сергеева К.П. Географический анализ вертикальной поясности расселения. Изв. ВГО, 1988, т. 120, вып. 5. С. 409–415.
2. Исаченко А.И. Географическая среда и расселение в горах; ландшафтно-зональный аспект, Известия русского географического общества Т. 134, вып. 2, 2002.
3. Авакян Г.Е. Люди и горы. М. «Мысль», 1989, 232 с.
4. Джаошвили В.Ш. Население Грузии. Тбилиси. “Мецниереба”, 1968, 398 с.
5. Гуджабидзе В.В. Изменения в распределении населения Грузинской ССР // Проблемы горного хозяйства и расселения. М., 1988. С. 150–156.
6. Устинова Л.А. Некоторые особенности географии населения Горного Алтая, “Вопросы географии”, 1949, сб. 14. С. 75–107.
7. Каюмов А., Базарбаев А. Некоторые вопросы сельского расселения горных и предгорных районов Узбекистана // Проблемы социально-экономического развития горных районов. Ереван, 1985. С. 192–193.
8. Манасян М.Г. Система расселения РА, Ер. 2005, 400 с.

9. Подосьян А.А. Сельское население и поселения РА, Ер. 2017, 466 с. (на арм.яз.).
10. Подосьян А.А. Природно-географические предпосылки развития сельского населения в горных странах (на примере РА), Известия аграрной науки, том 10, № 1, Тбилиси 2012. С. 123–128.
11. Подосьян А.А. Основные факторы развития и преобразования сельского населения в горных странах (на примере РА), // Геополитика и экогеодинамика регионов// Научный журнал, том 10, выпуск 2, Симферополь 2014. С. 719–723.
12. Погосьян Д.А. Сельскохозяйственная оценка природных ресурсов территории Армянской ССР, Изд. АН Арм. ССР, Ереван, 1986. С. 11–78.
13. Марзы РА и город Ереван в цифрах на 2015 г., Ереван, 2015 (на арм.яз.).

УДК 911.6

А.А. Кудерин¹, А.Б. Тулетаев², А.Н. Омаров³
 А. Kuderin, A. Tuletayev, A. Omarov

**ЗАГРЯЗНЕНИЯ ЗЕМЕЛЬ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО
 НАЗНАЧЕНИЯ КЫЗЫЛОРДИНСКОЙ ОБЛАСТИ:
 ЛАНДШАФТНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-
 ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ**

**POLLUTION OF AGRICULTURAL LANDS
 OF KYZYLORDA REGION: A LANDSCAPE-ECOLOGICAL
 AND SOCIO-ECONOMIC FACTORS**

Проведенное исследование земель сельскохозяйственного назначения Кызылординской области выявило основные факторы воздействия, характер, масштабы и последствия проявления негативных явлений и процессов, а также изменения в сельскохозяйственных угодьях. Предложенные природоохранные мероприятия для земель сельскохозяйственного назначения Кызылординской области направлены на их стабилизацию, способны обеспечить их устойчивость к различным видам сельскохозяйственного воздействия.

A study of agricultural lands of Kyzylorda region have identified key impacts, nature, scope and consequences of negative phenomena and processes, as well as changes in agricultural land. Proposed conservation actions for agricultural lands of Kyzylorda oblast aimed at their stabilization, are able to ensure their resistance to various types of agricultural impacts.

Ключевые слова: земли сельскохозяйственного назначения, ландшафтно-экологическое состояние.

Keywords: agricultural land, landscape and ecological status.

¹ Кудерин Аманжол Алимжанович, PhD докторант КазНИТУ им. К.И. Сатпаева, младший научный сотрудник лаборатории ландшафтоведения и проблем природопользования (Институт географии, Алматы, Казахстан).

² Тулетаев Асхат Боромбаевич, научный сотрудник лаборатории ландшафтоведения и проблем природопользования (Институт географии, Алматы, Казахстан).

³ Омаров Айдос Нурланович, младший научный сотрудник лаборатории ландшафтоведения и проблем природопользования (Институт географии, Алматы, Казахстан).

Сельскохозяйственная деятельность на территории Кызылординской области – земледелие, мелиорация и отгонно-пастбищное животноводство, приводит к качественным изменениям земель сельскохозяйственного назначения. Основой рационального использования земель Кызылординской области является обоснованное территориальное землеустройство и землепользование.

Целью нашего исследования является выявление основных факторов воздействия на загрязнение земель сельскохозяйственного назначения Кызылординской области. В ходе данного исследования были учтены подходы, которые были рассмотрены в трудах ученых Института географии (г. Алматы, РК) Гельдыевой Г.В. (1992), Будниковой Т.И. (2006), Плохих Р.В. (2010), Басовой Т.А. (2007, 2010) [1–3]. Для оценки ландшафтно-экологического состояния земель сельскохозяйственного назначения Кызылординской области использован внушительный комплекс оценочных показателей, которые отображают экологическую характеристику тех или иных параметров, регламентируемых нормативно-методическими документами Правительства Республики Казахстан [4, 5].

Современное ландшафтно-экологическое состояние территории Кызылординской области обусловлено развитием широкого спектра природных и антропогенных факторов. Среди природных предпосылок, определяющих экологическое состояние территории, следует отметить: недостаточность или отсутствие естественного обводнения сельхозугодий, напряженные фоновые гидротермические условия, низкий естественный бонитет почв, природную засоленность почв, развитие природных негативных процессов, таких как водная эрозия, дефляция, импульверизация и др.

Из антропогенных факторов, необходимых для учета при ландшафтном планировании экологически сбалансированного землепользования, следует рассматривать все виды и способы сельскохозяйственного использования природных комплексов.

Главной особенностью размещения сельскохозяйственных угодий в регионе исследования является приуроченность их к долине р. Сырдария. Площадь сельскохозяйственных угодий в рамках административных границ Кызылординской ПСС на 2014 год составляла 10867,5 тыс. га. В общей структуре сельскохозяйственных угодий на пастбища приходится 96,8%, пашню 1,5%, сенокосы 0,9%, залежь 0,5% и огороды 0,3% территории. Во всех административных районах природно-сельскохозяйственной системы преобладают естественные пастбищные угодья, где ведется отгонно-пастбищное животноводство (рисунок 1) [6–9].

Неблагоприятная экологическая обстановка в Кызылординской области, как известно, сформировалась при масштабном антропогенном воздействии сельского хозяйства и промышленности, применении в технологическом производстве химических веществ, использовании пестицидов и химических удобрений в сельском хозяйстве. На исследуемой территории 239,9 тыс. га

орошаемых земель, которые гипотетически должны использоваться на нужды сельского хозяйства, но реально используется орошаемых земель всего 180,6 тыс. га, не используется по различным причинам (засоление, подтопление, заболачивание) – 59,4 тыс. га (данные Комитета по водным ресурсам Министерства сельского хозяйства Республики Казахстан). Распирение орошаемых земель Кызылординской области на протяжении десятилетий сопровождалось не только негативными изменениями гидрологического режима, засолением, но и внесением внушительного объема загрязняющих веществ. В дополнении к этим факторам можно также добавить загрязнение сточными водами и бытовым мусором.

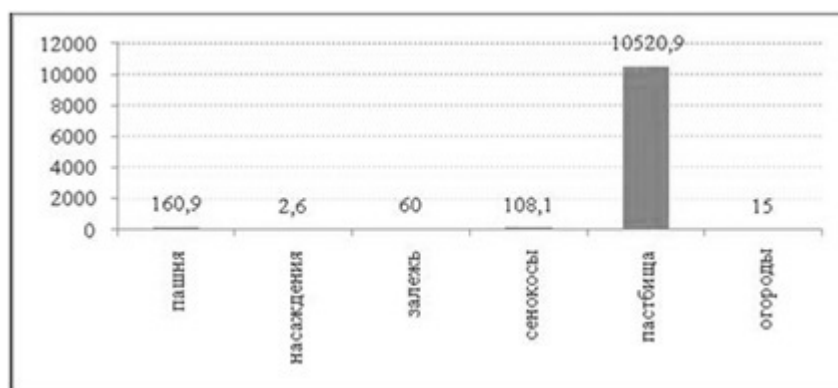

Рисунок 1. Структура сельскохозяйственных угодий Кызылординской области на 2015 год, тыс. га

Согласно анализу хозяйственного использования ландшафтов Кызылординской области, преобладающим видом воздействия является пастбищный, ему подвержено более 96,8% территории. Мелиоративный вид воздействия, отмеченный в массивах орошения (с сопутствующей ирригационной сетью и дренажной системой) развит на 1,5% всей площади Кызылординской области.

Среди причин, провоцирующих негативные изменения экологического состояния ландшафтов, можно выделить:

- изменение режима речного стока р. Сырдария и минерализации речных вод;
- изменение площадей дефляционно-опасных земель и увеличение активности эолового рельефообразования (подвижные и оголенные пески);
- вторичное засоление и увеличение площадей солончаковых пустошей;
- интенсификация эрозионных процессов;
- заболачивание и подтопление;
- износ и выход из строя ирригационной коллекторно-дренажной сети;
- изменение физических и химических свойств почв и, прежде всего, водно-солевого режима;

- снижение естественного плодородия земель и изменение видового состава растительных сообществ;
- снижение проективного покрытия и уменьшение урожайности пастбищных и сенокосных угодий;
- изменение ареалов коренных сообществ и замена их антропогенными модификациями;
- снижение численности редких и эндемичных видов растений.

Необходимо отметить, что характер, масштабы и последствия проявления негативных явлений и процессов в природных комплексах весьма отличаются. Среди наиболее опасных процессов следует выделить: ухудшение качества поверхностных и подземных вод, развитие процессов опустынивания и деградации земель (засоление, заболачивание и подтопление, водная эрозия и дефляция); снижение разнообразия зональных ландшафтов и др.

В Кызылординской области преобладают супесчаные и солонцеватые почвы, почти лишенные растительности. Именно в хорошо промываемых песчаных почвах тяжелые металлы легко просачиваются в грунтовые воды, становясь еще одной экологической проблемой.

Интенсивность антропогенной нагрузки наиболее явно обнаруживается при исследовании верхних горизонтов почв, где накапливаются тяжелые металлы, углеводороды, органические и минеральные удобрения. По данным Казахского научно-исследовательского института почвоведения и агрохимии, в почвах основных рисосеющих районов Кызылординской области фиксируются случаи превышения предельно-допустимой концентрации (ПДК) свинца, никеля и меди. На загрязнение орошаемой пашни также может оказывать влияние загрязнение р. Сырдария, формирующееся на территориях сопредельных государств (Гаджикистан, Кыргызстан и Узбекистан).

Фотометрический анализ почв, проведенный Национальным центром гигиены труда и профзаболеваний Министерства здравоохранения и социального развития РК в экологически неблагоприятных населенных пунктах (Аральск, Айтеке-Би, Жосалы, Жалагаш, Шиели), показал, что содержание тяжелых металлов в почвах не превышает предельно-допустимые концентрации и находится в пределах санитарных норм. В таблице представлены результаты оценки уровня загрязнения почвы тяжелыми металлами цинка (1 класс опасности) и меди (2 класс опасности) в 86 пробах почв (табл. 1).

Развитие сельского хозяйства в Кызылординской области невозможно без внесения минеральных и органических удобрений, что отрицательно сказывается на свойствах почв. Основные формы минеральных удобрений, рекомендуемых для Кызылординской области: карбамид с содержанием азота 46%, сульфат аммония с содержанием азота – 20,8%, суперфосфат гранулированный из апатитов и фосфоритов с содержанием 20,0 и 15,0% фосфора, соответственно. В подкормку также применяют селитру аммиачную с содержанием азота 34,0% или мочевины – с содержанием азота 46% [10–13]. Переизбыток

же химикатов приводит к закислению почв, вымыванию органических соединений, потере гумуса и снижению общего плодородия орошаемых массивов. В условиях высокого содержания хлоридов и сульфатов в поливной воде происходит засоление орошаемой пашни, а бессистемное применение ядохимикатов провоцирует загрязнение почв их остаточными количествами. Следует отметить, что происходящее в последние десятилетия сокращение объемов внесения минеральных и органических удобрений на орошаемых массивах Кызылординской области оптимизировало ситуацию с содержанием опасных элементов в почве.

Таблица 1. Статистические характеристики данных загрязнения почвы тяжелыми металлами на территории Кызылординской области*

Тяжелые металлы	Количество проб	ПДК, мг/кг	Кратность к ПДК	Превышение М+m, мг/кг
г. Аральск				
Цинк (Zn)	23	23	0,1	2,8±0,3
Медь (Cu)	23	3	0,07	0,2±0,03
п. Айтеке-Би				
Цинк (Zn)	19	23	0,2	4,4±0,2
Медь (Cu)	19	3	0,2	0,6±0,01
п. Жосалы				
Цинк (Zn)	11	23	0,1	2,9±0,4
Медь (Cu)	11	3	0,09	0,3±0,07
п. Жалагаш				
Цинк (Zn)	13	23	0,2	4,5±0,2
Медь (Cu)	13	3	0,1	0,3±0,05
п. Шиели				
Цинк (Zn)	20	23	0,2	4,0±0,2
Медь (Cu)	20	3	0,08	0,2±0,04

* Составлено на основании источников [10–12]

В холодный период 2015 года была проведена оценка химического состава почв в п. Жосалы (табл. 2).

Таблица 2. Оценка уровня загрязнения почвы п. Жосалы в холодный период года*

Показатели	Количество проб	Превышение М+m, мг/кг	ПДК, мг/кг	Кратность к ПДК
Нитраты	11	7,43±0,9	130	0,057
Хлориды	11	5030,5±957,9	360	13,97
Сульфаты	11	25007,4±3530,5	160	156,3
Фосфаты	11	0,01±0,001	200	0,00006
Марганец	11	0,22±0,023	1500	0,0001
Мышьяк	11	0,02	2	0,01

* Составлено на основании источников [10–12]

Здесь было отмечено повышенное содержание хлоридов – 5030,5, при ПДК 360 мг/кг и сульфатов – 25007,4 при ПДК 160 мг/кг. Все остальные элементы находятся в пределах санитарных норм.

Одной из причин экологических нарушений сельскохозяйственных земель на исследуемой территории является несбалансированное землепользование и слабое внедрение природоохранных мероприятий.

Территориальный анализ использования земель под сельскохозяйственное производство позволил разработать ряд комплексных предложений по использованию и охране земель, основными направлениями которых является: научно-обоснованная организация территории сельскохозяйственного освоения; использование земельных угодий по назначению с учетом их продуктивности; предотвращение последствий сельскохозяйственного воздействия на угодья; сохранение, рациональное использование и восстановление угодий. На основе разработанных предложений создана карта природоохранных мероприятий для Кызылординской области (рис. 2).

Реализация природоохранных мероприятий непосредственно связана с оптимизацией технических параметров охраны окружающей среды, совершенствованием способов полива и их экологической оценки. Разработанные природоохранные мероприятия для природно-сельскохозяйственной системы в условиях современной земельной политики направлены на рациональное использование земель сельскохозяйственного назначения [14, 15] (табл. 3).

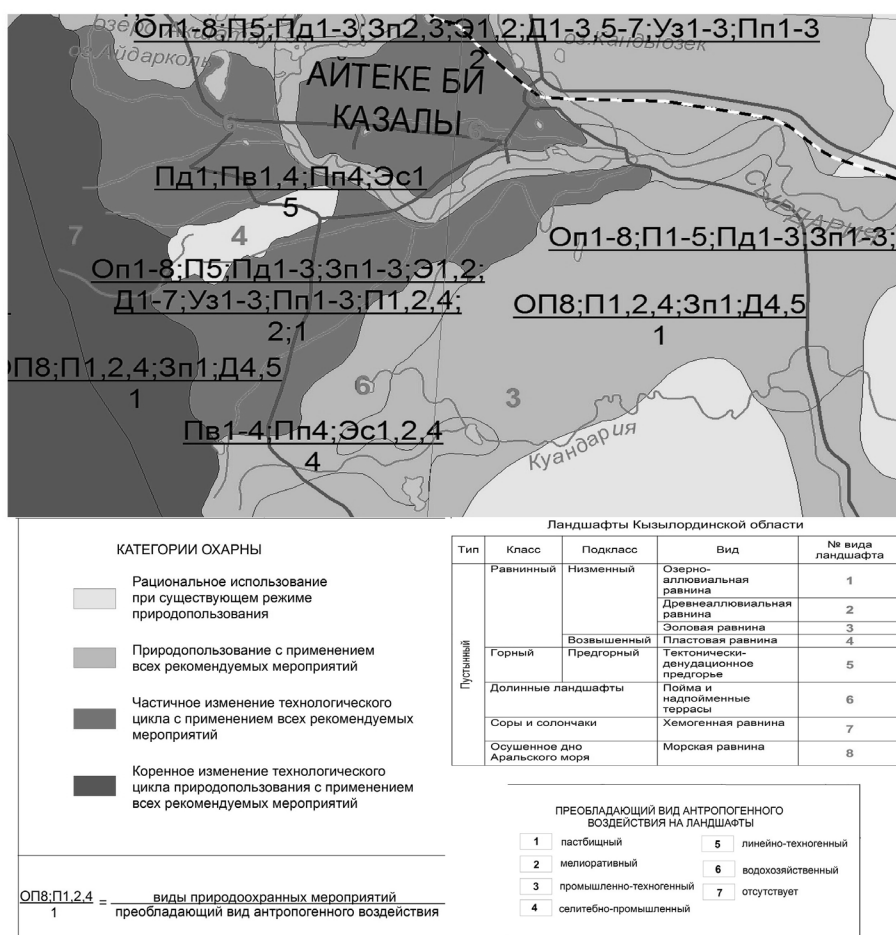

Рисунок 2. Фрагмент карты природоохранных мероприятий по рациональному использованию территории Кызылординской области

Таблица 3. Фрагмент таблицы мероприятий по предупреждению и ликвидации загрязнения земель сельскохозяйственного назначения

<p>Мероприятия по предотвращению деградации почвенно-растительного покрова земель сельскохозяйственного использования</p>	
<p>Мероприятия по улучшению состояния орошаемой пашни</p>	
<p>П 1</p>	<p>Орошаемое земледелие является неотъемлемой частью развития сельского хозяйства приграничной территории Кызылординской области. Рекомендовать инвентаризацию орошаемых земель (г.а. Кызылорда, Аральский, Казалинский, Кармакшинский, Жалагашский, Жанакорганский, Сырдарьинский, Шиелийский районы), вывод из севооборота нерентабельных земель и проведение организационно-хозяйственных мероприятий и рекультивации длительно-орошаемых пахотных земель.</p>
<p>П 2</p>	<p>Внедрение новых технологий возделывания сельскохозяйственных культур с учетом почвенно-климатических условий и биологических особенностей культур и сортов, в частности: возделывание сельхозкультур с применением прогрессивных, влагоресурсосберегающих технологий капельного орошения и дифференцированное применение органических, минеральных удобрений и гербицидов избирательного действия.</p>
<p>Мероприятия по улучшению состояния ландшафтов пастбищного использования</p>	
<p>Пс 1</p>	<p>Во всех ландшафтах территории Кызылординской области осуществлять регулирование выпаса скота с учетом типов пастбищ, пастбищных нагрузок и нормирования изъятия природных ресурсов в соответствии с экологическими императивами. Запретить выпас и произвести фитомелиорацию с одновременным подсевом пастбищных растений на сильно деградированных угодьях, в том числе, присельских пастбищах населенных пунктов – Казалы, Айтеке би, Жалагаш, Теренозек и др. Провести технические мероприятия по первичной обработке и дальнейшему вовлечению пастбищных угодий.</p>
<p>Пс 2</p>	<p>Устойчивое развитие отраслей животноводства на всей территории Кызылординской области рекомендуется осуществлять за счет развития племенной базы и повышения генетического потенциала скота; стимулирования процессов формирования средне- и крупнотоварного производства в животноводстве, перевода его на промышленную основу; создания устойчивой кормовой базы и обеспечения полноценного и сбалансированного кормления животных путем увеличения посевных площадей под кормовыми культурами; обеспечения ветеринарно-санитарными объектами (убойные площадки и скотомогильники); строительства новых и наращивания мощностей существующих животноводческих производств, основанных на современных технологиях; модернизации технологических процессов производства животноводческой продукции. Необходимо восстановление поголовья овец и коз, производство продукции получаемой от верблюдоводства (шерсть, шубат и др.). В целях предупреждения распространения заболеваемости Конго-Крымской геморрагической лихорадки, рекомендуется провести дезинсекционные обработки 331533 голов скота и 96645 м² скотопомещений.</p>
<p>Мероприятия по минимизации проявления деградационных процессов в природных комплексах сельскохозяйственного назначения</p>	
<p>Противодефляционные мероприятия</p>	
<p>Д 1</p>	<p>Инвентаризация и картирование дефляционно-опасных земель на территории Кызылординской области.</p>
<p>Д 2</p>	<p>Осуществить закрепление движущихся песков фашинами, устилочными матами различной конструкции, заборами-пескоуловителями, биодеструкторами и путем посадки растений видов-пескоукрепителей (жузгун, астрагалы, саксаул и др.) на пастбищах песчаных массивов Малые Барсуки, Приаральские Каракумы, Кызылкум, вдоль автомобильных дорог и трубопроводов, а также на территориях, прилегающих к добывающим месторождениям.</p>

Мероприятия по предотвращению засоления почв	
З 1	Проведение комплекса водохозяйственно-эксплуатационных мероприятий (плановое водопользование, рациональная организация расходов воды, создание водонакопителей у артезианских скважин, предотвращение водопотерь и фильтрации) на пастбищах приграничной территории Аральского, Казалинского, Кармакшинского, Жалагашского, Жанакорганского, Сырдарьинского, Шиелийского районов.
Противоэрозионные мероприятия	
Э 1	Осуществить инвентаризацию и картирование эрозионно-опасных земель во всех приграничных административных районах (Аральский, Казалинский, Кармакшинский, Жалагашский, Жанакорганский, Сырдарьинский, Шиелийский).
Э 2	Рекомендовать агрономические противоэрозионные мероприятия на пахотных землях (регулирование поверхностного стока воды путем вспашки и посева сельскохозяйственных культур поперек склона) на орошаемых землях.
Мероприятия по предотвращению деградации пойменных и лесных природно-территориальных комплексов	
Пм 1	Организация и обеспечение защиты, воспроизводства лесов и лесоразведение, регулирование лесопользования и лесоустройства государственного лесного фонда приграничной территории Кызылординской области. Для определения санитарного состояния лесного массива провести лесопатологические обследования на площади 303400 га и на 4000 га провести химическую обработку саксаульников.
Пм 2	Разработка мероприятий по понижению пожарной опасности лесов (саксауловых и тугайных).

Проведенное исследование загрязнения земель сельскохозяйственного назначения Кызылординской области позволило выявить основные факторы воздействия, характер, масштабы и последствия проявления негативных явлений и процессов. Главным фактором продолжающейся деградации сельскохозяйственных угодий Кызылординской области является изменение водного режима из-за нерационального сельскохозяйственного использования.

Комплекс рекомендуемых мероприятий для безопасного использования ландшафтно-экологической среды Кызылординской области способствует развитию рентабельных сельскохозяйственных формирований, повышению уровня доходов населения, сохранению ландшафтного разнообразия, обеспечению гарантий сбалансированного функционирования природно-хозяйственных систем. Разработанная картографическая модель может быть использована организациями и региональными административными структурами для принятия управленческих решений в целях регулирования устойчивого развития ландшафтно-экологической среды области.

Литература

1. Басова Т.А. Антропогенная нарушенность ландшафтов / Республика Казахстан. Т. 3: Окружающая среда и экология. Алматы, 2006. С. 181–188.
2. Гельдыева Г.В., Веселова Л.К. Ландшафты Казахстана. Алматы, 1992. 176 с.
3. Плохих Р.В., Будникова Т.И., Басова Т.А., Карагулова Р.К. Экологическое состояние регионов. Республика Казахстан. Окружающая среда и экология / Под ред. А.Р. Медеу. Алматы, 2010. Т.3. С. 366–399.

4. Об утверждении экологических критериев оценки земель. Постановление Правительства Республики Казахстан от 07 июля 2007 года №581 // Казахстанская правда. 2007. № 106.
5. «Экологический кодекс Республики Казахстан» Парламент Республики Казахстан // Казахстанская правда. 2007. № 12.
6. Гельдыева Г.В., Басова Т.А., Скоринцева И.Б. и др. Ландшафтно-экологические проблемы природопользования приграничных территорий Республики Казахстан. Алматы, 2011. 340 с.
7. Сельское хозяйство Кызылординской области 2009–2013. Статистический ежегодник. Департамент статистики Кызылординской области. Кызылорда, 2014. 81 с.
8. Охрана окружающей среды в Кызылординской области 2010–2014. Статистический сборник. Кызылорда, 2015. 57 с.
9. Информационный бюллетень о состоянии окружающей среды Республики Казахстан 2015 года. Министерство энергетики Республики Казахстан. РГП «Казгидромет». Департамент экологического мониторинга. Астана, 2015. 354 с.
10. Сейткасымова Г.Ж., Хантурина Г.Р. Содержание тяжелых металлов в почвах Кызылординской области (Казахстан) в условиях антропогенеза // Успехи современного естествознания. 2015. № 1. Ч. 3. С. 454–456. <http://www.natural-sciences.ru/ru/article/view?id=34913>. (Дата обращения: 01.05.2016).
11. Региональная программа по охране окружающей среды Кызылординской области на 2009–2011 годы. Кызылорда, 2009. 76 с.
12. Национальный план действий по охране окружающей среды для устойчивого развития Республики Казахстан. Алматы, 1999. 132 с.
13. Основные показатели социальной сферы Кызылординской области 2010–2014 годы. Департамент статистики Кызылординской области. Кызылорда, 2015. С. 15–26.
14. Лесное хозяйство в Кызылординской области. Сельское, лесное и рыбное хозяйство. Департамент статистики Кызылординской области. Кызылорда, 2014. 16 с.
15. Гельдыева Г.В., Скоринцева И.Б., Будникова Т. И. Ландшафтно-экологический подход оценки и анализа устойчивости природных систем долины р. Сырдарьи в условиях опустынивания // Новые подходы и методы в изучении природных и природно-хозяйственных систем. Алматы, 2000. С. 143–148.

КУЛЬТУРНАЯ ГЕОГРАФИЯ

УДК 910.1+913

В. Н. Калущков¹
V. Kalutskov

О МОСКВОЦЕНТРИЧНОСТИ РОССИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА

ON THE MOSCOW-CENTRIC MODEL OF THE RUSSIAN SPACE

Центрированность – одно из основных свойств организации российского культурного пространства. Без преувеличения можно утверждать, что культурное пространство России центрировано в сильной степени (даже сверхцентрировано). Новгород, Киев, Владимир, Петербург, Москва – это исторические столицы страны, каждая из которых формировала свое культурное пространство. Однако история распорядилась так, что российское пространство нужно рассматривать преимущественно как москвоцентричное. Подчеркнем, что центрированность представляет собой не только важное свойство российского пространства, но и возможность его существования. Москва – не только главный властно-политический, экономический, транспортный и финансовый центр страны, но и важнейший духовный, образовательный и культурный центр. Москва обладает невероятной способностью становиться центральным местом самых ключевых, переломных моментов национальной истории. На протяжении русской истории она не раз оказывалась в эпицентре событий национального значения (противостояние степнякам, польско-литовское нашествие, Отечественная война 1812 года, Великая Отечественная война). Москва задавала и задает культурные образцы и нормы, которые распространяются по всей стране. Нет больше такого города в России, который обладал бы столь мощными фольклорно-символическими образами (белокаменная, первопрестольная, сорок сороков и др.). Свой вклад в усиление образа Москвы как общерусского центра внесла и великая русская литература. Благодаря произведениям А. С. Пушкина, А. Н. Толстого, М. И. Цветаевой, М. А. Булгакова, Б. Ш. Окуджавы, других выдающихся литераторов имя Москвы на слуху у всякого мало-мальски знакомого с русской культурой.

Centricity is one of the main features of the organization of the Russian cultural space. It would be no exaggeration to argue that the cultural space of Russia is strongly centered (even in a super-centered manner). Novgorod, Kiev, Vladimir, Petersburg, Moscow are the historical capitals of the country, each of which formed its cultural space. However, due to its history the Russian space should be viewed primarily as a Moscow-centric one. It should be emphasized that centricity is not only an important feature of the Russian space, but is also the possibility of its existence. Moscow is not only the main political, economic and financial center of the country, but also the most important

¹ Калущков Владимир Николаевич, доктор географических наук, профессор кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия.

spiritual, educational and cultural center. Moscow has an incredible ability to become the central place of the most crucial, turning points of the national history. Throughout Russian history, it has repeatedly appeared in the epicenter of events of the national significance (confrontation with the steppe people, the Polish-Lithuanian invasion, the Patriotic War of 1812, World War II). Moscow sets cultural patterns and norms that are spreading throughout the country. There is no more such city in Russia, which would have such powerful folklore-symbolic images. Great Russian literature contributed to the strengthening of the image of Moscow as the center of Russia.

Ключевые слова: культурное (культурно-географическое) пространство, геоконцепт, центрированность, москвоцентричность

Key words: cultural (cultural-geographical) space, geoconcept, centrality, Moscow centrality

*Москва! Какой огромный
Странноприимный дом!
Всяк на Руси – бездомный.
Мы все к тебе придем.
Цветаева, 1916*

Столицы и столичность в России: формула Ивана Калиты

*Новгород – отец, Киев – мать, Москва – сердце, Петербург – голова.
Даль, 2004, [1, с. 272.]*

Хотя вопрос о столице в России кажется наивным (европейцы еще в допетровские времена называли Россию Московией, что буквально означает Страна Москвы), история страны знала немало столиц. Великий Новгород, Киев, Сарай, Владимир, Москва, Санкт-Петербург на разных этапах истории обладали этим высоким статусом. Список столиц России существенно расширится, если включить в него *несостоявшиеся столицы* – Константинополь, Нижний Новгород, которые можно назвать «столицами в проекте», и *временные столицы* страны, которые в силу сложившихся обстоятельств частично и, как правило, недолго, выполняли отдельные столичные функции. К временным столицам следует отнести Самару, Вологду и Александров.

Временной столицей страны во времена Ивана Грозного был Александров (ныне Владимирская область), откуда царь в течение 17-ти лет управлял Россией.

Другим «столичным проектом» Ивана IV стала Вологда. Город активно перестраивался для выполнения столичных обязанностей. Но царский двор так в Вологду и не переехал. Можно предположить, что если бы это произошло, то пара «Москва – Петербург» была бы заменена на пару «Вологда – Архангельск», поскольку в то время через Архангельск осуществлялась торговля с Европой. Кроме того, очевидно, что разговорная норма русского языка сформировалась бы на основе окающего и цокающего севернорусского диалекта.

В 1918 году в городе в течение нескольких месяцев находились иностранные посольства, выехавшие из революционного Петрограда. Таким образом, Вологду можно считать дважды несостоявшейся столицей!

В *Самару* (ее называют *запасной столицей*) во время Великой Отечественной войны были эвакуированы Правительство СССР, Верховный Совет СССР и иностранные посольства. В городе все было подготовлено для переезда Ставки Верховного Главнокомандующего, но Сталин из Москвы не уехал.

Первой столицей России считают **Новгород**. По преданию, он был основан в 862 году варяжским князем Рюриком, которого пригласили на княжение славянские и финно-угорские племена.

В те времена место столицы определялось местом резиденции князя, поэтому, когда в 882 году родственник Рюрика новгородский князь Олег захватил **Киев**, он перенес туда столицу древнерусского государства. На протяжении столетий Киев являлся важнейшим политическим и экономическим центром Руси. В Киеве произошло событие, изменившее ход русской истории. В 988 году здесь произошло Крещение Руси, после чего киевский митрополит стал высшим духовным иерархом русской православной церкви, а Киев превратился в важнейший сакральный центр древнерусского государства.

Во второй половине XII века князь Андрей Боголюбский переносит столицу России за 1000 км на северо-восток, в лесной город **Владимир**. Статус Владимира как общерусской столицы значительно укрепился, когда киевский митрополит в конце XIII века перенес сюда свою кафедру. Именно в это время во Владимире сооружаются замечательные храмы, многие из которых сохранились до наших дней.

В XIII–XV вв. страна не имела политической самостоятельности. Россия входила в состав Золотой Орды, чьи столицы – **Старый Сарай** и **Новый Сарай** – располагались в дельте Волги.

Начиная с первой половины XIV века происходит усиление Московского княжества. В 1325 году сюда из Владимира переезжает митрополит. **Москва** превращается в важнейший политический и духовный центр страны.

В чем же заключаются причины многостолочности страны, каковы причины перемещения столицы от города к городу?

По мнению С. М. Соловьева перенос столиц представляет собой чисто русское явление. Он связан с размерами территории и малочисленностью населения. Историк считал, что столица движется вслед за «народными силами» и потому перенос столицы из Киева во Владимир – это не произвол Андрея Боголюбского, а историческая закономерность [2, с. 124]. То же можно сказать и в отношении переноса столицы из Владимира в более безопасную по отношению к нападениям степняков Москву.

А. Геттнер обращал внимание на роль внешних (соседских) культурных воздействий в зависимости от местоположения столицы. Размещение любого города на границе государства означает, что вектор его экономических и политических интересов устремлен за границу. Если этим городом является столица, то страна через собственную столицу постоянно испытывает политическое и культурное воздействие со стороны соседей. По мнению немецкого геогра-

фа, Новгород испытывал варяжское культурное влияние, Киев — византийское, а Владимир и Москва — ордынское [3, с. 72].

Географ и геополитик П.Н. Савицкий пытался найти пространственные закономерности в процессе переноса русских столиц. Четыре последние столицы страны находятся на одной оси (Старый Сарай — Новый Сарай — Москва — Петербург), от устья Волги — до устья Невы. Он считал, что переносом (возвращением из Петербурга) столицы в Москву процесс не закончился и что вероятно дальнейшее перемещение столицы по данной оси — на юг и восток, в среднее или нижнее Поволжье [4, с. 314–315].

В чем принципиальное различие столицы Руси/ России от западной столицы? В западной культурной традиции столица представляет собой прежде всего политический центр страны. В России же немногие из упомянутых городов были только политическими центрами. Примером столицы такого типа был расположенный в дельте Волги Сарай — столица Руси в золотоордынский период ее политической несамостоятельности. Другой случай — Санкт-Петербург; царь Петр, запретив институт патриаршества, попытался создать светскую столицу России. Но попытка удалась лишь частично: Петербург с его многочисленными соборами и петербургскими святыми со временем стал крупным центром православия.

Во всех других случаях место главного политического центра страны и место важнейшего конфессионального центра совпадало с местом пребывания высшего религиозного центра страны. Полноценной столицей, в которой находились и княжеская власть, и духовная власть был Киев, такой же полноценной — сакрализованной — столицей был Владимир. Уникальной пространственной организацией, говорящей о приоритете духовной власти над светской властью, обладал Великий Новгород: резиденция новгородских митрополитов находилась в сердце города, в детинце, а резиденция новгородского князя — далеко за его стенами, в Рюриковом городище.

Иван Калита, похоже, хорошо понимал особенности русского менталитета и потому сделал все, чтобы перенести кафедру митрополита из Владимира в Москву, что и произошло в 1399 году.

Тем самым с конца XIV века постепенно формируется образ Москвы как первопрестольного града, как важнейшего сакрального центра страны, как самого значимого святого места. Формированию такого образа способствовало не только наличие кафедры митрополита и обилие московских храмов («сорок сороков»), но высокая концентрация в городе **национальных православных святынь**. До начала XX века в Москве находились такие, имеющие национальное значение, иконописные образы Богородицы, как **Владимирская, Казанская, Смоленская, Донская и Иверская** [5].

Москва действительно обладает невероятной способностью становиться **центральным местом** самых ключевых, переломных моментов **национальной истории**. И в этих событиях самое деятельное участие принимали москов-

ские святыни. Напомним, что Донская Богоматерь помогла русским войнам в победе на Куликовом поле, Казанская – в освобождении Москвы от поляков в Смутное время, а Владимирская – в 1941 году, когда по приказу Сталина икону поместили в самолет, который трижды облетел вокруг Москвы [5]. Таким образом, **национальными святынями** эти **московские иконы** сделали не только чудеса исцеления, но и деятельное **участие** икон в **ключевых**, зачастую критических, **событиях национальной истории**.

Итак, деятельность Ивана Калиты, по сути, заложила **два важнейших пространственных императива** русского государства: во-первых, русская столица должна быть не только **властным, но и духовно-культурным центром страны**, а, во-вторых, это должна быть **столица большой страны**.

С того времени (даже в петербургский период истории русской столицности) Москва является общепризнанным политическим и духовным центром страны.

Столица России как национальный продукт

*(Москва)... у России под горой, в нее все катится.
Трейвиш, 2015 [6, с. 12]*

Столица является продуктом всей нации не только в плане идей, талантов, ресурсов, которые «стекаются» в нее со всей страны.

В российском контексте это утверждение в ряде случаев можно понимать буквально. Вспомним о запрете на каменное строительство в стране для скорейшего возведения Петербурга: и действительно, в новую столицу «стекалось» по камешку с каждого российского города да волости – вот вам и столица страны.

Исследователей и литераторов, всех, кто размышлял о феномене Петербурга, неизменно поражала стремительность развития города (да не просто города – столицы огромной империи), его метафизический прорыв из «чухонского болота» до Северной Венеции; не случайно А. С. Пушкин использует для объяснения этого явления богословский термин «вознесение»:

*Прошло сто лет, и юный град,
Полнощных стран краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи блат,
Вознесся пышно, горделиво [7, с. 380–381].*

Столица в России – не только материальный и социальный, но, прежде всего, образно-символический продукт, продукт разнообразных видов и форм творчества нации, ее лучших представителей.

Фольклор, топонимия, язык (шире – традиционный культурный ландшафт России) содержат обильный материал по рассматриваемой теме. Об отношении к Москве как важнейшему городу страны, обладающему самым высоким культурным статусом, свидетельствуют многочисленные записи фольклорных текстов, сделанные в XIX–XX веках (до XIX века фольклористики не существовало).

В традиционных свадебных и хороводных песнях, чтобы повысить статус невесты, широко используются столичные образы. Самые частотные – это об-

разы Москвы и Петербурга, гораздо реже образы ближних региональных столиц – Вологды, Казани, Астрахани...

Такой же подход в русском фольклоре действует не только по отношению к человеку, но применительно к природным и культурным объектам. Если, вопреки физическим реалиям (в культуре не это главное!), хотят возвеличить реку, она должна протекать... через Москву. К примеру, ментальная Северная Двина, как видно из текста, протекает через Москву и Вологду.

*Сыроелью река протекла
Протекла подо все города
Под Москву и под Вологду
Под высокие Матигоры
Под прекрасные Халмогоры
Да под бел-град Архангельской
Под веселое Кегострово
Под вельмудрое Кудмазеро
Да под чистую Солзу-реку
Под богатую Нёноксу
Да ко Белому морюшку [8, с. 57].*

Среди фольклорных образов Москвы выделяются властно-исторические образы столицы (белокаменная, Кремль, Красная площадь). Властный образ столицы усиливается ее образом как духовного центра России, как центра православного мира (первопрестольная, «сорок сороков», кремлевские соборы, Иван Великий).

На этот фольклорно-образный фундамент накладываются более поздние литературно-поэтические образы Москвы. При этом русская литература предъявляет целый сонм поэтических образов столицы, которые буквально теснят друг друга.

*Город чудный, город древний,
Ты вместил в свои концы
И посадки, и деревни
И палаты и дворцы! [9, с. 140–141]*

Ф. Н. Глинке вторит М. И. Цветаева «Москва! Какой огромный странно-приимный дом...» [10], а также десятки поэтов от М. В. Ломоносова до В. В. Маяковского и О. Э. Мандельштама [11]. Все они – великие (и не очень великие) русские поэты разных эпох, разных убеждений и разных эстетических вкусов, хотя бы что-то сказать о Москве и им есть, что сказать о Москве.

«Московскую» литературную традицию подхватили советские поэты-песенники. В текстах советских песен сакральные и глубинные исторические коннотации уступили место эстетическим и восторженно-оценочным. К примеру, «Москва, Москва моя, Москва моя красавица...» или «... Дорогая моя столица, Золотая моя Москва» (песня из кинофильма «Свинарка и пастух») или «... эти слова о тебе, Москва». Среди постсоветских выделяется песня О. Газманова «Москва («Москва – звонят колокола, Москва – златые купола, Москва – по золоту икон проходит летопись времен...»).

Среди всех городов России Москва выделяется самыми яркими, запоминающимися, самыми разветвленными поэтическими образами. Никакому городу в стране не посвящено столько песен. Обилие образов – это косвенный показатель столичности города.

Для географов важно (на этот аспект негеографы не часто обращают внимание), что Москва обладает самобытным пространственным образом – образом *кольца*. Поэтому столицу можно сравнить с вековым растущим деревом.

Действительно, в пространстве город задают многочисленные кольца – исторические *Бульварное* и *Садовое*, *кольцевая* линия метро, возникшие совсем недавно *Третье транспортное кольцо* и *Московское центральное кольцо*, бывшее совсем недавно границей советского города кольцо *МКАД*; продолжает эти кольца туристическое *Золотое кольцо*. И «последним кольцом» Москвы является вся оставшаяся Россия.

Образ столицы представляет собой не только национальный продукт: образ Москвы – это национальный образ, образ самого лучшего города России, коренного, по выражению Ф. Н. Глинки, России града, города, на котором стоит и в которой «смотрится» вся Россия.

Столица древняя, родная –

Ее ль не ведает страна?

Ее назвать, – и Русь святая

С ней вместе разом названа [12, с. 286–287].

Столица как механизм формирования и тиражирования национальной картины мира

«Говорит и показывает Москва...».

Начало трансляции Всесоюзного радио и телевидения

Столица не только формирует, но и тиражирует «свою» картину мира как национальную. Это непростое действие осуществляется с помощью системы управления, через систему образования и, самое главное, как показал уже опыт древнего Киева, – через литературу и искусство. С изобретением радио и телевидения в этот процесс активно включаются СМИ. Поэтому мы все, жители современной России, смотрим на мир через московские очки.

Каждая русская столица формирует свою картину мира. Однако в пространственной истории страны наиболее известны три – киевская (точнее, киевоцентричная), петербургская и московская.

1. О киевоцентричной картине древнерусского мира. О киевоцентричной картине древнерусского мира мы узнали, благодаря замечательной работе О. Р. Ширгазина [13]. К известному и, казалось бы, изученному вдоль и поперек, тексту «Слова о полку Игореве», он применил новый географический метод, который можно назвать методом литературно-топонимического картирования, и получил очень важный результат – карту древнерусского мира. Важно понимать, что она представляет собой не только «объективную» карту

Древней Руси, но и – одновременно – ментальную карту автора Слова, содержащую сведения о его мировидении, его знаниях и культурных оценках.

Метод литературно-топонимического картирования учитывает все топонимы, встречающиеся в литературном тексте, частотность их употребления и локализует их на географической карте (в сложных случаях локализация топонимов представляет собой самостоятельную научную проблему).

Составленная О. Р. Ширгазиным картосхема древнерусского культурного мира удивительно точно демонстрирует его **центрированность**. Наиболее частотными оказываются топонимы *Киев*, а также *Чернигов* и *Днепр*.

Кроме того, бросается в глаза высокая плотность топонимов вокруг Киева вплоть до *Путивля* и *Новгорода-Северского*, указывающих на небольшие, но, очевидно, значимые для автора Слова небольшие географические объекты – небольшие города, местности, реки. Это эффект **полимасштабности** культурного пространства; его подметил Ю. А. Веденин [14].

Все это свидетельствует о **киевоцентричности** географического пространства Древней Руси.

Поражает территориальный охват составленной карты. В голове у автора содержатся все основные пространственные реперы Древней Руси. Самая северная точка на карте – *Новгород*, самая восточная – *Дон* с ареалом половецких земель, на северо-востоке мы видим *Волгу* и *Владимир* с *Суздалем*, а на крайнем западе – *Угорские (Карпатские) горы*.

Данный пример представляет собой один из первых случаев формирования русской географической картины мира с помощью литературного произведения.

2. К петербургоцентричной картине мира. Петербург не успел сформировать свою полноценную картину мира. Однако попытки в этом направлении предпринимались. Наиболее удачной следует признать такой «питерский» продукт как граница Европы и Азии по Уралу. Известен и автор этого проекта – это В. Н. Татищев.

До XVIII века для российского общества такой проблемы, как «Граница Европы и Азии по Уралу» не существовало. Как справедливо указывает М. А. Великоцкий, западные ученые удивлялись тому безразличию, с которым русские относились к разным проектам проведения сухопутной границы между Европой и Азией, ведь при более западных вариантах делимитации большая часть московского государства переходила в Азию [15]. Эти наблюдения лишь подчеркивали, что российское общество того времени рассматривало Россию как единое пространство и не было носителем идеи евроцентризма.

Однако, ситуация изменилась в Петровскую эпоху, когда Россия своей новой столицей почти врывается в Европу. Перенос столицы на край огромной империи имело серьезные культурно-географические последствия, включая реорганизацию пространства страны. Столичный Петербург с позиции своего «почти европейского» геокультурного и геополитического положения

попытался создать «свою» границу внутри страны – границу между Европой и Азией по Уралу.

Для В. Н. Татищева, как для политического деятеля петровской эпохи, вопрос о делимитации Европы и Азии имел, прежде всего, **цивилизационно-культурное значение**, представляя собой важный механизм «приобщения» России к Европе. По мнению Татищева Европа «по обилию, наукам, силе и славе, якоже и умеренностию воздуха безспорно... преимуществует» над всеми прочими частями света [16].

Но как географ и историк, он хорошо понимал специфику России, которую, перефразируя известную поговорку, можно выразить следующим образом: «Рады бы в Европу да пространства не пускают». Поэтому он пытается приуменьшить значение для России огромных сибирских пространств: «Российская империя, беспрекословно в Европе главное, а к тому в Азии владение имеет...» [16, с. 114]. Татищев отказался от водного варианта проведения границы, предпочитая орографический вариант – границу по Уральскому хребту.

Одна из сильных сторон проекта Татищева – мощная географическая аргументация предлагаемой делимитации. Он не только предлагает принципы разграничения и описывает саму границу (так делали многие), но показывает ее географический смысл, предъявляя четкие географические показатели различия регионов, разделяемых границей.

Хорошо знающий Уральский регион, Татищев понимал, что исторически Урал никогда не был барьером для освоения Сибири русскими и по обе стороны Урала живут те же народы, т.е. ни исторической, ни этнокультурной границей он не является. Поэтому в качестве критериев для делимитации он выбирает **физико-географические показатели**.

При этом выбираются такие четкие показатели, которые позже войдут (и до настоящего времени входят) во все школьные учебники. В качестве ботанико-географических показателей он использует дуб и лещину (орешник), поскольку они произрастают только на западных склонах Урала; кедр он рассматривает как типично сибирское дерево. Опираясь на собственные наблюдения, Татищев указывает, что реки западного и восточного склонов Урала отличаются не только характером течения, но и разной речной фауной. В европейских реках встречается «красная рыба» (лосось, семга), а сибирских – «белая» (таймень, нельма, муксун). «В европейских же реках раков доволство, а в сибирских нигде нет и не знают» [16, с. 51].

Окончательную судьбу разработки Татищева решил П. С. Паллас [17, с. 29-33, 127–128], который после российской экспедиции 1768–1774 гг. отклонил другие варианты проведения границы (более близкий к Европе проект М. В. Ломоносова и самый удаленный – енисейский – проект И. Гмелина) и высказался за ее проведение по Уралу. Таким образом, В. Н. Татищев при активном участии П. С. Палласа сконструировал новую материковую границу

между Европой и Азией, которую без преувеличения можно назвать **границей Татищева-Палласа**.

После официального признания границы по Уралу, значительная часть России стала формально относиться к Европе. Эта часть Европы, как известно, получила наименование **Восточной Европы**. Подобно Татищеву, часть российского общества считала, что принадлежность пусть к Восточной, но к Европе – усиливает «европейскость» России, вводит ее в круг «образованного западного мира»: «Мы говорим *Восточная Европа* или *Европейская Россия*, когда хотим обозначить географическое отношение России к странам, лежащим к западу от нее, или отличить русские владения по сю сторону Урала от зауральских. *Уральский хребет*, повторяем мы, *отделяет Азию от Европы*. Мы так привыкли (?! – В.К.) к этим выражениям, что не предполагаем возможности и не чувствуем надобности выражаться как-нибудь иначе, точнее. Однако географические представления образованного мира не всегда совпадали с этими привычными нашими представлениями» [18, с. 63].

Русские западники не понимали, что для европейца принадлежность к Восточной Европе никогда не означало принадлежности к Европе как западному культурному миру. По мнению Л. Вольфа, Восточная Европа, будучи интеллектуальным проектом полуориентализации, всегда рассматривалась Западом как полуварварская часть Европы, в которую кроме России были записаны Польша, Чехия, Венгрия [19]. Об этом же писал великий географ А. Геттнер: «Для истории России, равно как для ее современного состояния особенно важно это *промежуточное положение между Западной Европой и Азией* (курсив мой – В.К.), ее отношение к той и другой стороне; и название *полу-Азия*, которое один остроумный писатель дал России и другим странам Восточной Европы, как нельзя лучше характеризует это свойство ее природы и культуры» [20, с. 10].

Геттнер ясно дает понять, что для Запада существует две культурных границы Европы: первая – граница с Восточной Европой, или полу-Азией (!), и вторая – граница с Азией. Первую – цивилизационную границу с Западной Европой – западнически настроенная часть русского общества предпочитала не замечать. Однако ее реальность, как убедительно показал С. Хантингтон, это реальность не только прошлого, но и настоящего [21]. С. Хантингтон подчеркивает, что восточная граница Западной цивилизации довольно устойчива; она разделяет страны и регионы с доминированием католичества или протестантизма от православных и мусульманских государств Европы.

Из русских географов наиболее последовательная критика концепта уральской границы принадлежит представителю евразийского движения П. Н. Савицкому, который выступал против дефрагментации **единого российского культурного пространства**. Понимание России как целостного пространственного феномена – Евразии – привело его к неприятию геоконцептов *Европейской России* и *Азиатской России*. По его мнению, идею природной

и исторической целостности российского пространства лучше отражают геоконцепты *Дюральская Россия* и *Зауральская Россия*.

Применительно к геоконцепту *Восточная Европа* он вслед за А. Геттнером подчеркивал, что она представляет собой часть России-Евразии, а вовсе не Европы [4, с. 280].

Таким образом, западнический проект Татищева, рассчитанный на восприятие России Европой как «малой» европейской страны (Европейская Россия – это Россия для Европы), нужно рассматривать как неудачную попытку формирования петербургоцентричной картины мира. Граница по Уралу, хотя она и маркирована на местности памятными знаками, в России воспринимается прежде всего как природная, а не как культурная.

3. Москвоцентричная картина мира и опыт культурно-географического районирования страны. В начале XX века, когда официальная столица находилась в Петербурге, Альфред Геттнер подчеркивал, что Москва является истинной национальной столицей России: «Только здесь чувствуешь, что находишься не в Западной Европе. Не преувеличивают, когда говорят, что по дороге от Петербурга до Москвы переходишь границу Европы. Кремль, церковь Василия Блаженного и многое другое можно найти только в России» [3, с. 116]. По мнению А. Геттнера, столичность города усиливалась в связи с размещением в нем национальной картинной галереи (Третьяковка), а также по причине того, что Москва являлась центральным железнодорожным узлом страны, самым большим торговым городом и центром русской промышленности.

Как мы писали выше, одни из наиболее ярких сторонников идеи целостности российского пространства был П. Н. Савицкий. Он считал, что идею **природной и исторической целостности российского пространства** лучше отражают геоконцепты *Дюральская Россия* (а не *Европейская Россия*) и *Зауральская Россия* (а не *Азиатская Россия*), поскольку они ясно указывают положение **исторической колыбели русского народа и объединительного центра России-Евразии** [4, с. 280].

Российское культурное пространство сформировано через вековые *механизмы культурных фронтиров* – северного, южного и восточного (сибирского). Двигаясь от исторического Центра к периферии, фронтиры сыграли огромную роль в коммуникации разных культур России, в их взаимонастройке. Каждый из названных фронтиров породил соответствующие регионы. Так, северный фронт, возникший на разности культурных потенциалов русского и финно-угорских народов, создал регион *Русский Север*, южный фронт, образованный в результате взаимодействия русского и в основном тюркоязычных народов, – регионы *Русский Юг* и *Поволжье*, восточный фронт – *Сибирь*, *Ближнюю и Дальнюю*, и *Дальний Восток* (рисунок).

Пространственное «разворачивание» и усложнение российского культурного пространства происходило за счет включения в него новых квантов-регионов. При этом важно понимать, что это – не механическое включение новой

территории в Россию, а изменение качественного состояния всей системы. Так, в результате действия восточного фронта после вхождения в состав России Сибири, она развивается под влиянием общероссийских факторов; с другой стороны, и сама Россия меняется, приобретает сибирские свойства.

Рис. Основные фронты и культурно-географические регионы России [22, 23].

Другой особенностью культурного пространства страны является его «центростремительность». Его можно рассматривать как снежный ком, растущий относительно его главного культурно-политического центра. Поэтому важнейшее место в культурном пространстве России занимает Московский центральный узловой регион, который стягивает все пространство страны относительно себя.

Хотя предложенные П. Н. Савицким геоконцепты *Доуральская Россия* и *Зауральская Россия* не прижились, сложились другие пространственные концепты, ясно указывающие на центр номинации и, тем самым, отражающие московцентричность российской картины мира. К ним, к примеру, относятся: *Предуралье – Урал – Зауралье*, *Байкал – Забайкалье*, *Предкавказье – Кавказ – Закавказье*. Они хорошо отражают начальное положение (Центральная Россия) и направление движения восточного (сибирского) и южного русского фронтиров.

Индикатором направления северного русского фронта является геоконцепт *Русский Север*. Первоначальное – новгородцентричное – название региона *Заволочье* к XVI веку сменилось на нейтральное *Поморье*, а с конца XIX века начало постепенно вытесняться московцентричным геоконцептом *Русский Север*.

Косвенным культурным индикатором москвоцентричности восточного русского фронта являются названия рек – Волги и Енисея. Если бы русские шли с востока или с юга, то название Волги была бы Кама (или арабское Итиль); арабы исток этой Волги-Камы соотносили с истоком Камы. По этой же причине Енисей должен называться Ангарой, поскольку в месте ее «впадения» в Енисей ее объем стока в 2,5 раза больше, но русские пришли в Сибирь с запада...

Предложенная москвоцентричная модель культурно-географического районирования страны закрепляет изложенные выше пространственные истины [22, 23]. Она соответствует исторической логике освоения российского пространства и логике пространственной организации России.

Заключение

Москвоцентричность представляет собой сущностную характеристику российского культурного пространства.

Столица в России, как центр государственной власти и важнейший национальный духовный и культурный центр, традиционно обладает самым высоким культурным статусом.

Москва, будучи устойчивым **центральным местом российского пространства**, неоднократно становилась **центральным местом** ключевых моментов **национальной истории**. Иначе говоря, история России, точнее **историческое пространство страны** во многом **москвоцентрично**.

Высокий культурный статус и глубинная вовлеченность в события отечественной истории привели к тому, что именно столица формирует национальную географическую картину мира, поэтому **российская географическая картина мира** устойчиво **москвоцентрична**.

Еще до научного объяснения этих фактов русский народ выразил свое понимание москвоцентричности России, русской истории и географии в фольклоре.

В Новое время лучшие представители национальной культуры создали мощные литературные образы Москвы. В таком контексте столичный **образ Москвы** является **национальным продуктом**.

Литература

1. Даль В. И. Пословицы русского народа : Сб. В. И. Даля. М. : Русский язык – Медиа, 2004. 814 с.
2. Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом. Санкт-Петербург : «Общественная польза», 1903. 212 с.
3. Геттнер А. Европейская Россия. Антропогеографический этюд. М.: издание журнала «Землеведение», 1907. 174 с.
4. Савицкий П. Н. Географический обзор России–Евразии // Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. С. 279–294.
5. Сатыренко А., Гуржий Т. Легенды и мифы Москвы. М. : Изд-во ФБМК, 1997. 192 с.

6. Трейвиш А. И. Смена столиц // Путешествие из Петербурга в Москву : 222 года спустя. Кн. 1 : Два столетия российской истории между Москвой и Санкт-Петербургом / Сост. и науч. ред. Т. Г. Нефедова, А. И. Трейвиш. М. : ЛЕНАНД, 2015, с. 10–24.
7. Пушкин А. С. Медный всадник // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : В 2 т. Т. 1. М. : Классика, 1999.
8. Калуцков В. Н., Иванова А. А. Географические песни в традиционном культурном ландшафте России. М. : Изд-во ПФОП, 2006. 212 с.
9. Глинка Ф. Н. Москва // «Город чудный, город древний...». Москва в русской поэзии XVII – начала XX века / Составитель Муравьев В. Б. М. : Московский рабочий, 1986, с. 140–141.
10. Цветаева М. И. Стихи о Москве // Стихотворения и поэмы. Л. : Советский писатель, 1979. С. 63-71.
11. «Город чудный, город древний...». Москва в русской поэзии XVII – начала XX века / Составитель Муравьев В. Б. М. : Московский рабочий, 1986. 556 с.
12. Аксаков К. С. Москва // «Город чудный, город древний...». Москва в русской поэзии XVII – начала XX века / Составитель Муравьев В. Б. М. : Московский рабочий, 1986, с. 286-287.
13. Ширгазин О. Р. Географическое пространство «Слова о полку Игореве» / Природа. 1993. №3. С. 84–92.
14. Веденин Ю. А. Очерки по географии искусства. М. : Институт Наследия, 1997. 224 с.
15. Великоцкий М.А. Рассуждения Ломоносова о проведении границы между Европой и Азией // Ломоносов и география. М. : МГУ имени М.В. Ломоносова, 2011. С. 11–15.
16. Татищев В.Н. Избранные труды по географии России. М.: Гос. изд. геогр. литер. 1950. 245 с.
17. Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. Т.3. М. : Просвещение, 1984. 320 с.
18. Ключевский В.О. Лекции по русской истории. Лекция 3. Сочинения в 9 томах. М. : Мысль, 1987–1990. Т.1.
19. Wolff L. Inventing Eastern Europe: The map of civilization on the mind of the enlightenment. Stanford: SUP, 1994. 411 p.
20. Геттнер А. Россия. Культурно-политическая география. Москва: издание Ю. Лепковского. 1909. 267 с.
21. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2006. 571 с.
22. Калуцков В. Н. География России : учебник и практикум для СПО / 2-е изд., испр. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2017. 347 с.
23. Калуцков В. Н. Подходы к культурно-географическому районированию России // Ландшафтоведение: теория, методы, ландшафтно-экологическое обеспечение природопользования и устойчивого развития : материалы XII Международной ландшафтной конференции. Тюмень : Издательство Тюменского государственного университета, 2017. Т. 2. С. 253–257.

**КОНЦЕПТ «ГЕОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО»
В ОБЩЕСТВЕННОЙ ГЕОГРАФИИ²****THE CONCEPT «GEOCULTURAL SPACE»
IN THE HUMAN GEOGRAPHY**

В статье дан анализ сущности концепта «геокультурное пространство» в российском общественно-географическом дискурсе. Рассмотрены основные подходы к исследованию геокультурного пространства и его структурных компонентов. Приведена характеристика основных свойств геокультурного пространства и факторов его территориальной дифференциации.

The article analyzes the essence of the concept of “geocultural space” in Russian human-geographical discourse. The main approaches to the study of geocultural space and its structural components are considered. A characteristic of the main properties of the geocultural space and factors of its territorial differentiation is also given.

Ключевые слова: геокультурное пространство, общественная география, культурная география, территориальные геокультурные системы, факторы территориальной дифференциации.

Key words: geocultural space, human geography, cultural geography, territorial geocultural systems, factors of territorial differentiation.

Концепт «геокультурное пространство». Определение и исследовательские подходы. Основополагающим концептом культурной географии является представление о геокультурном пространстве (также, как и представление о географическом пространстве для общей географии). В этом концепте отражено понимание неразрывной связи человеческой культуры (во всех ее многообразных проявлениях) с пространством собственного бытования. Культура проникает в географическое пространство (по сути, формируется и развивается в нем), принося в него свои специфические материальные и духовные элементы, наделяя его разнообразными смыслами и символическим содержанием. В свою очередь, и пространство проникает в культуру всех без исключения человеческих сообществ, отражаясь в космогонических представлениях людей, хозяйственной деятельности, искусстве и прочих областях того всеобъ-

¹ Дирин Денис Александрович, кандидат географических наук, доцент, Алтайский государственный университет, кафедра экономической географии и картографии, Барнаул.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Делимитация геокультурного пространства и культурно-географическое районирование Алтае-Саянской горной страны» № 17-33-01159.

емлющего феномена, который принято называть культурой. По мере развития человеческого общества, накопления его «культурной энергии» связи между культурой и географическим пространством становятся все глубже и сильнее. Так, по словам Анри Лефевра, пространство сегодня стало не просто ареной человеческой деятельности, но собственно продуктом социума [1].

Концепт «геокультурное пространство» в настоящее время так или иначе используется большинством ученых, работающих в проблемном поле культурной и гуманитарной географии, а также многими специалистами смежных областей (культурологами, этнографами, историками, философами, лингвистами и др.). Теоретической же проработке собственно концепта «геокультурное пространство» посвящены работы А.Г. Дружинина [2], Д.Н. Замятина [3], В.А. Каганского [4], О.А. Лавреновой [5–8], А.Г. Манакова [9, 10], И.И. Митина [11, 12], В.Н. Стрелецкого [13], Р.Ф. Туровского [14] и др.

Одно из наиболее лаконичных, на наш взгляд, определений геокультурного пространства, к тому же, точно отражающее его сущность, дал А.Г. Манаков (2002): «Геокультурное пространство – структурный компонент географического пространства, сфера и продукт человеческой деятельности, представляющий собой совокупность взаимодействующих геокультурных систем, состоящих из геокультурных общностей людей разного порядка и элементов антропогенного (искусственного) происхождения» [9, с. 12].

По словам В.Н. Стрелецкого (2005), «геокультурное пространство выступает рамкой, сферой, продуктом и контекстом человеческой деятельности. Оно может рассматриваться в двух разных аспектах: 1) исследование культуры в географическом пространстве (пространственная дифференциация элементов культуры – как артефактов, так и ментифактов, их выраженность в ландшафте и связь с географической средой, а также процессы и результаты пространственной самоорганизации целых культурных комплексов и их носителей – общностей людей со сложившимися, надбиологически выработанными, устойчивыми стереотипами мышления и поведения); 2) исследование географического пространства в культуре (выявление специфических атрибутов, характеризующих представления о географическом пространстве в разных культурах и культурных контекстах, дескрипция и сопоставление образов различных местностей и территорий, исследование отношения местных сообществ к той природной и социальной среде, в которых они живут) [13, С. 330]. Трудно не согласиться, что такой «горизонтальный исследовательский дуализм» необходим для полноценного познания геокультурного пространства и его отдельных территориально локализованных частей – геокультурных территориальных систем разного порядка (культурных районов, культурных ландшафтов и пр.).

Как известно, культура имеет не только материальную, но и духовную составляющую. И роль нематериальных элементов в формировании геокультурного пространства трудно переоценить. Наряду с утилитарным освоением географического пространства, культурные сообщества людей осуществляют его семантиче-

ское освоение, наделяя его смысловым содержанием с различными подходами к интерпретации. В частности, этот неосозаемый элемент геокультурного пространства определяет формирование территориальных идентичностей, приобретая вполне ясное практическое значение для экономики и политики.

Такие нематериальные компоненты геокультурного пространства как его отдельные «слои» или даже своего рода «метапространства» также активно исследуются представителями отечественной общественной географии и смежных наук. Так, О.А. Лавренова развивает семиотическую концепцию культурного ландшафта и геокультурного пространства [8]. Ею было обосновано новое, пространственное понимание «семиосферы» (термин предложен Ю.М. Лотманом) – сферы смыслов. Наиболее значимые положения данной концепции она формулирует следующим образом:

– Бытие культуры – есть постоянный процесс семиозиса, не прекращающееся порождение смыслов, которые трансформируются в символы-знаки, в культурные коды.

– Внутри культуры и на ее границах непрерывно происходят коммуникационные процессы между разными семиотическими системами, которые приводят к порождению новых смыслов.

– Процесс семиозиса цикличен, его результаты сразу же подвергаются считыванию, интерпретации и снова возвращаются в «плавильный котел» смыслообразования [7].

Она отмечает, что каждый смысл, связанный с географическим пространством, несмотря на свою кажущуюся бестелесность, имеет свою локализацию – через топоним, через локальный ландшафт и его элементы, урочища и фации. Соответственно, вся информация, локализуется и материализуется в знаках-топонимах, знаках-ландшафтах [8].

Помимо прочего, О.А. Лавренова исследует такие специфические элементы геокультурного пространства как художественное, поэтическое, сакральное, эстетическое (суб/мета)пространства [5, 6].

Таким образом, структура геокультурного пространства определяется (в меньшей степени, чем физическими элементами) аксиологической и семиотической структурой культуры – ее системой ценностей, парадигматикой и неравномерностью семиотических процессов, которые порождают в культурном ландшафте узлы (центры) и периферии смысла, его внутренние (культурные разломы) и внешние границы [7].

В.Л. Каганский осуществил теоретическое исследование категориально-статусной организации геокультурного пространства (хотя этот термин он не использует, предпочитая геокультурные образования любой масштабности именовать культурным ландшафтом) в рамках концепции «центр-периферия». Он выявил закономерности дифференциации геокультурного пространства (в формате геокультурных территориальных систем разной масштабности) на четыре статусные зоны с различными свойствами – центр, провинция, периферия, граница [4].

Некоторые региональные закономерности территориально-статусной организации геокультурного пространства для территории Горного Алтая были выявлены автором данной статьи [15].

Д.Н. Замятин посвятил свои работы изучению «ментального пространства», то есть – мыслимого пространства, иными словами – изучению субъективных пространственных представлений людей. Большое внимание он уделяет исследованию географических образов. Именно через образы (согласно предлагаемому этим исследователем «имагинальному подходу») может быть познано и интерпретировано геокультурное пространство таким, какое оно есть [3].

Еще один «метаслой» геокультурного пространства исследует И.И. Митин. В сфере его интереса – «мифологическое пространство», тесно связанное с реальным, но наделяющее его смыслами и символами, конструируемые коллективным мифологическим мышлением. Часто реальное географическое пространство наполняется в сознании людей мифологическими (как правило, сакральными) объектами, населяется мифическими героями; и наоборот, в представлениях людей существуют мифологические пространства, разной степени детализированные, но воспринимаемые, как вполне реальные. Характеристики таких мифологических пространств почти всегда определяются географическими особенностями реальной географической среды обитания их «производителей» [11, 12].

Ключевые характеристики и свойства геокультурного пространства. Для более или менее осознанного понимания сущности концепта «геокультурное пространство» требуется анализ его ключевых свойств и характеристик.

Многослойность. Геокультурное пространство имеет сложную морфологическую структуру. Например, Р.Ф. Туровский (1998) выделяет следующие его слоевые элементы: 1) этническое пространство; 2) конфессиональное пространство; 3) политико-историческое пространство; 4) лингвистическое пространство; 5) художественное пространство; 6) пространство народного искусства; 7) пространство бытовой культуры; 8) экономико-культурное пространство; 9) пространство политической культуры; 10) научное пространство; 11) философское пространство [14]. В качестве еще одного «слоя» геокультурного пространства можно рассматривать природную среду, которая является материальной основой культурогенеза. Также отдельно следует выделить «ментальное пространство» – мысленное представление о пространстве в групповом сознании людей-носителей данной культуры.

Говоря о многогранности проявлений культуры, А.Г. Манаков (2002) подчеркивает, что перечень «слоев» геокультурного пространства может быть очень обширен, поскольку каждая культурная особенность, имеющая общественное значение, порождает собственный слой. Так, соответственно принятому в культурологии «отраслевому» делению культуры, могут быть выделены слои экономической, политической и профессиональной культуры. По «видам» культуры различают слои этнической, национальной (полиэтнической), сельской и городской культуры. Различные «формы» культуры определяют существование слоёв высокой (элитарной), народной (популярной и фольклорной), массовой

культуры. Особый статус могут занимать «комплексные» слои материальной, духовной, художественной культуры. Этот список «слоёв» геокультурного пространства можно продолжать за счёт «сфер» культуры и её прочих разновидностей (слои социальной, религиозной, хозяйственной, экологической культуры и т.д.) [9].

Иерархичность. Геокультурное пространство представляет собой иерархическую систему, имеющую как минимум три таксономических уровня: планетарный («культурно-исторические типы» Н.Я. Данилевского, «великие культуры» О. Шпенглера, «цивилизации» А. Тойнби, «культурные миры» Р.Ф. Туровского и т.п.), региональный («культурный район» Р. Хартшорна, «культурный край» Р.Ф. Туровского) и локальный («топос» Р. Хартшорна, «культурный ландшафт» Ю.А. Веденина, В.Н. Калуцкова и др.). Конечно, можно дать и гораздо более дробную классификацию.

Континуальность и дискретность. Эти, казалось бы, противоположные свойства совместно проявляются в геокультурном пространстве благодаря одновременному действию всеобщих процессов дифференциации и интеграции.

Дифференциация проявляется в вертикальной (между слоями) и горизонтальной (от места к месту) неоднородности геопространства, вызванной генетической разнородностью его компонентов и различиями в проявлении действия природных и антропогенных сил (например, поступление солнечной радиации в экваториальной и приполярной зонах; рассеивание «культурной энергии» от культурных центров к перифериям). В то же время, дискретность обычно выражается не в резком изменении характеристик геокультурного пространства, а в довольно плавном переходе и наличии экотонных (переходных) зон с характерными смежным ареалам свойствам.

Интеграция проявляется в наличии связей и сопряжений между слоями и ареалами геокультурного пространства, а также их отдельными компонентами.

Таким образом, геокультурное пространство является непрерывным, но одновременно и неоднородным. Хотя резкие культурные контрасты, позволяющие провести отчетливые границы между отдельными геокультурными ареалами или слоями, встречаются довольно редко.

Динамизм. Геокультурное пространство постоянно развивается, изменяясь во времени. Причем, в ходе своего развития оно складывается из серии культурно-исторических пластов, которые могут как сосуществовать, обогащая геокультурное пространство, делая его более разнообразным и информационно насыщенным, так и полностью или частично перекрывать друг друга. При этом развитие геокультурного пространства может протекать как спонтанно (эволюционно), так и целенаправленно (революционно). Так, к примеру, во многих городах Испании гармонично сочетаются многочисленные исторические геокультурные слои – реликты прошлых эпох (античности, мавританского господства, реконквисты, имперско-католического периода и т.д.), определяя неповторимый колорит современного геокультурного пространства. В то же

время, в большинстве латиноамериканских городов индейский геокультурный субстрат теми же испанцами был целенаправленно уничтожен. В ходе испано-католической колонизации территории происходило сознательное «затиранье» прежних культурных слоев.

Факторы дифференциации геокультурного пространства. Как уже отмечалось, геокультурное пространство неоднородно. В силу специфического проявления факторов регионализации формируются геокультурные территориальные системы разной масштабности. Причины, определяющие особенности территориальной дифференциации геокультурного пространства, довольно разнообразны по своему генезису. Различные геокультурные слои накладываются друг на друга, создавая сложно-мозаичную ячеистую структуру.

Ареалы, выделяемые по разным факторам, не всегда «вкладываются» друг в друга, а часто взаимно перекрываются. Например, несколько ландшафтных ареалов может находиться в пределах границ расселения одного этноса, также и однотипные ландшафты могут осваиваться совершенно разными этническими группами. Ареалы распространения крупных религий могут перекрывать границы множества этнических ареалов, но также и делить их на части и т.п. Приведем основные, на наш взгляд, факторы, определяющие территориальную дифференциацию культуры.

Природные факторы. Первопричиной пространственной неоднородности человеческих культур, несомненно, является разнообразие природных условий. Это положение справедливо, учитывая природно-адаптивный характер становления любой культуры [16]. Природные условия территории определяют характер и режим хозяйственной деятельности. Особенно ярко географический детерминизм культурогенеза проявляется в природных условиях, приближенных к экстремальным, на территориях с малым ландшафтным разнообразием или где ландшафты слабоустойчивы к внешнему воздействию (приполярные, высокогорные территории, пустыни). В районах с более благоприятными природными условиями (комфортный климат, равнинный рельеф, плодородные почвы, благоприятные агроклиматические условия, высокая биопродуктивность природных ландшафтов и их значительная устойчивость к антропогенным нагрузкам) и разнообразной ландшафтной структурой появляется возможность выбора вида хозяйственной деятельности (проявляется географический поппобилизм) – и при формировании геокультурного пространства решающую роль уже играет интеллектуальная энергия населяющего его сообщества людей [17].

Таким образом, фундаментальной основой членения геокультурного пространства являются естественные факторы дифференциации природной среды: природная зональность, секторность, барьерность, особенности макро-, мезо- и микрорельефа, высотная поясность, ветровая и инсоляционная экспозиционность склонов, гидрография, природно-ресурсный потенциал и пр. Исходя из этого, основой для культурно-географического районирования

территории может служить схема физико-географического районирования. При этом следует иметь в виду, что от степени благоприятности для жизнедеятельности человека и ландшафтного разнообразия территории зависит «информационная плотность» геокультурной среды и уровень насыщения ее объектами «второй природы».

Социально-культурные факторы. Если природные факторы дифференциации культурно-географического пространства – это «активный фон», в котором происходит культурогенез, то социально-культурные факторы определяют специфику его протекания. Именно эта группа факторов конструирует «вторую природу» и на фундаменте естественной среды создает собственно геокультурное пространство. Факторов человеческой активности, определяющих территориальное разнообразие культурных феноменов, огромное количество, но самые важные из них, имеющие фундаментальное значение, следующие:

Этнический фактор. До настоящего времени именно этническая структура общества наиболее ярко выражена и определяет членение человечества на группы, объединенные «длительным совместным проживанием на определенной территории, общими языком, культурой и самосознанием» [16]. Именно в рамках этноса, как основной структурной единицы общества, формируется духовный слой культуры, определяющий стереотипы мышления и поведения людей, их ценностные установки и приоритеты. Впоследствии духовная энергия этноса воплощается в материи при обживании географического пространства, проявляясь в способах хозяйствования, в архитектуре, произведениях искусства и пр.

Границы этнических ареалов довольно хорошо фиксируются в пространстве, хотя усиление миграционных процессов в мире, проявления глобализации и мультикультурации делают межэтнические различия все менее заметными, а границы этнических ареалов менее выраженными.

Следует отметить, что само этническое пространство крайне неоднородно. Каждый этнос может включать большое количество региональных групп с собственной самоидентификацией, а этнический ареал, таким образом, подразделяется на субэтнические ареалы со своей субэтнической идентичностью [14]. В то же время ряд этносов в результате длительного сосуществования может объединяться в суперэтносы. Таким образом, в зависимости от целей и масштаба (уровня генерализации данных) исследования используются разные единицы этнической иерархии. На глобальном уровне структурирования геокультурного пространства исследователь имеет дело с суперэтническими общностями (например, славянский суперэтнос, западно-европейский и т.п.). На региональном уровне оперировать приходится понятием собственно этноса (русский этнос, татарский этнос и пр.). На локальном уровне изучаются субэтнические группы и ареалы их расселения.

Хозяйственный фактор. Территориальная организация хозяйственной деятельности (тесно связанная с особенностями природной среды) является важнейшим фактором культурно-географической дифференциации территории. Специфика прагматического освоения пространства отражается практически во всех сферах жизни общества и элементах культуры (как материальной, так и духовной). Особенности территориальной дифференциации геокультурного пространства по специфике хозяйственной деятельности относительно полно рассмотрены в рамках концепции хозяйственно-культурных типов (ХКТ), разработанной отечественными этнографами [17 и др.]. При анализе хозяйственно-территориального деления геопространства наибольшее значение имеет хозяйственная специализация территории, форма организации хозяйственной деятельности, исторические традиции того или иного производства.

Религиозный фактор. Ареалы распространения различных религий и их ответвлений также представляют собой специфические «частные геокультурные пространства», внутри которых по-особенному устроена духовная жизнь человеческих сообществ. Конфессиональная специфика территориальной общности людей материально выражается в культовой архитектуре, выделении всякого рода святых мест и пр. В пределах любого конфессионального ареала выделяются религиозные центры и периферийные пространства [14].

Историко-политический фактор. Многими специфическими чертами культуры наделяются территории внутри политических и административно-территориальных границ. Поэтому политико-географическое деление территории также является и фактором членения геокультурного пространства. Также следует учитывать, что многие историко-политические события находят яркое отражение в пространстве. Так, например, особое мемориальное значение приобретают места, связанные с важными историческими событиями или с деятельностью выдающихся исторических личностей. Особое значение в культурно-географическом аспекте имеет положение местности в политико-географической системе «центр-провинция-периферия-граница» [4].

Таким образом, геокультурное пространство представляет собой объективное явление природно-антропогенного характера, имеющее в настоящее время глобальное распространение и сложно дифференцированное территориально. Основными факторами членения геокультурного пространства являются фундаментальные законы дифференциации природы (климатическая зональность, высотная поясность, барьерность, различия в обеспеченности природными ресурсами и пр.); а также результаты социально-культурных процессов (этно-географическое, конфессионально-географическое, политико-географическое и т.п. деление общества). Результатом внутреннего членения геокультурного пространства является формирование культурных ареалов (разного таксономического уровня) с различным сочетанием проявлений всех этих групп факторов. Каждый такой ареал представляет собой уникальный ге-

окультурный индивид, имеющий определенную специфику формирования, функционирования и динамики.

Литература

1. Lefebvre H. The production of Space. Transl. by Donald Nicholson-Smith. Oxford: Basil Blackwell, 1991.
2. Дружинин А.Г. Теоретические основы географии культуры. Ростов-на-Дону: изд-во СКНЦ ВШ, 1999. 114 с.
3. Замятин Д.Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. 488 с.
4. Каганский В.Л. Центр – Провинция – Периферия – Граница: основные зоны культурного ландшафта // Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии исследования. Москва-Смоленск: Изд-во СГУ, 1998. С. 72–101.
5. Лавренова О.А. Географическое пространство в русской поэзии XVIII – начала XX веков (геокультурный аспект). М.: Институт Наследия, 1998. 128 с.
6. Лавренова О.А. Новые направления культурной географии: семантика географического пространства, сакральная и эстетическая география // Культурная география. М.: Институт Наследия, 2001. С. 95–126.
7. Лавренова О.А. Пространства и смыслы: семантика культурного ландшафта. М.: Институт Наследия, 2010. 330 с.
8. Лавренова О.А. Семиотическая концепция культурного ландшафта // Обсерватория культуры. 2010. №4. С. 62–70.
9. Манаков А.Г. Геокультурное пространство северо-запада Русской равнины: динамика, структура, иерархия. Псков: Центр «Возрождение» при содействии ОЦНТ. 2002. 300 с.
10. Манаков А.Г. Структура геокультурного пространства России: походы к делимитации // Псковский регионологический журнал. 2012. № 14. С. 22–35.
11. Митин И.И. Мифогеография: пространственные образы и множественные реальности // *Communitas / Сообщество*. 2005. № 2. С. 12–25.
12. Митин И.И. Пространство и мифогеография // Пространство и время: физическое, психологическое, мифологическое. М.: КЦ Новый Акрополь, 2005. С. 119–128.
13. Стрелецкий В.Н. Геопространство в культурной // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 2. М.: Институт Наследия, 2005. С. 330–332.
14. Туровский Р.Ф. Культурные ландшафты России. М.: Институт Наследия, 1998. 210 с.
15. Дирин Д.А. Территориально-статусная организация геокультурного пространства Горного Алтая // Полимасштабные системы «центр-периферия» в контексте глобализации и регионализации: теория и практика общественно-географических исследований. Материалы международной научной конференции (VI Ежегодная научная Ассамблея АРГО). Ответственные редакторы Воронин И. Н., Дружинин А. Г. Симферополь, 2015. С. 127–134.
16. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли // М.: Изд-во Феникс, 2008. 736 с.
17. Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (к постановке проблемы) // Советская этнография. 1955. № 4.
18. Дирин Д.А. Факторы культурогенеза и формирования культурных ландшафтов Алтая // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 3–2. С. 114–118.

УДК 911.3:39 740

А. В. Любичанковский¹
 A. Lyubichankovski

МЕНТАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ КУЛЬТУРНОГО РЕГИОНАЛИЗМА

MENTAL FACTORS OF CULTURAL REGIONALISM

В статье определена роль географии ментальности в анализе культурного регионализма. В качестве модельного региона с населением, не обладающим выраженной региональной идентичностью при наличии культурно-географических реалий существования, приводится Оренбургский регион. Ретроспективный анализ ментальных факторов культурного регионализма в регионе позволил выделить пять пространственных образов Оренбургского края: «плацдарм в Центральную Азию», «цитадель «цивилизаторов»», «опытный полигон для реформ», «объект эксплуатации с огромными ресурсами» и «глухая провинция». Оренбургская область на современном этапе охарактеризована как регион «расползающейся идентичности». Выявлены ментальные факторы культурного регионализма: историческая память населения, восприятие региона местными (территориальными) сообществами; связь с вмещающим ландшафтом, закреплённая традицией в каком-то преобладающем типе землепользования и находящая отображение в своеобразии традиционной архитектуры.

The article defines the role of the geography of mentality in the analysis of cultural regionalism. The Orenburg region is listed as a model region with a population that does not have a strong regional identity in the presence of cultural and geographical realities of existence. A retrospective analysis of the mental factors of cultural regionalism in the region made it possible to distinguish five spatial images of the Orenburg region: a springboard into Central Asia, a citadel of civilizators, an experimental test site for reforms, an object of exploitation with huge resources, and a remote province. The Orenburg region at the present stage is characterized as a region of "sprawling identity". Mental factors of cultural regionalism are revealed: the historical memory of the population, the perception of the region by local (territorial) communities; connection with the enclosing landscape, fixed by tradition in some predominant type of land use and finding a reflection in the uniqueness of traditional architecture.

Ключевые слова: география ментальности, культурный регионализм, региональная идентичность.

Keywords: geography of mentality, cultural regionalism, regional identity.

Роль географии ментальности в исследовании культурного регионализма. Культурный регионализм, точно очерченный В.Н. Стрелецким как двуединый феномен, включающий с одной стороны – реальное региональное разнообразие культурных ландшафтов, а с другой, – их восприятие местными

¹ Любичанковский Алексей Валентинович, кандидат географических наук, доцент кафедры географии и регионоведения Оренбургского государственного университета, Оренбург

(территориальными) сообществами [1, с. 46], органично связан с самосознанием населения, артикулирующим или не артикулирующим соответствующую идентичность. Определим роль ментальных факторов в процессе культурного регионализма. Сразу отметим, что в настоящей статье мы не касаемся ряда вопросов, примыкающих к исследованию культурного регионализма, но не входящих в культурно-географическую характеристику территории (регионализм как часть политической риторики, стратегии пространственного развития и пр.).

Отмеченная В.Н. Стрелецким возможность отсутствия идентичности при выявленном культурном регионализме не аннулирует ментальные факторы, а просто переводит их в не артикулируемый пласт. Так, оценка В.А. Каганским евразийской идентичности как несуществующей [2] – связана именно с таким вариантом. Отсутствие повсеместной евразийской идентичности не отменяет реальность существования Евразии как особого геокультурного пространства, а входит в составную часть его культурно-географической специфики в качестве ментально-географической особенности. Например, латиноамериканская цивилизационная идентичность имеет разную степень выраженности в различных частях Латинской Америки, вплоть до полнейшей индифферентности населения, что не мешает видеть Латиноамериканскую цивилизацию как реально существующую. Аналогия латиноамериканского и евразийского образа жизни, которую проводит А.Г. Дружинин, представляется вполне корректной с точки зрения географии ментальности, выявляющей не сходство феноменов природных, экономических, социальных, а пространственную организацию ноуменов в ракурсе «ментальность – мироощущение – образ жизни – идентичность» [3]. Здесь, как и в случае евразийского варианта, ментальность населения имеет мозаичное феноменальное многообразие в рамках цивилизационного единообразия и еще не выразилась в очерчивающем ее единство понятии идентичности. При этом существует характерное пространство, отличное от других геокультурных пространств цивилизационного уровня [4].

Таким образом, анализ пространственного восприятия выделенного региона местными сообществами (как в историческом, так и современном ракурсах исследования) органично связан с самосознанием населения, артикулирующим или не артикулирующим соответствующую идентичность. А выявление конфигурации и культурно-географической характеристики региона – невозможно без синтеза с ментальной географией любого географического исследования в области культурного регионализма.

Региональная идентичность и культурный регионализм. Региональная идентичность – феномен, тесно связанный с культурным регионализмом, изучать который вне контекста ментальной географии и географии ментальности невозможно. Исходя из определения региональной идентичности, данного одним из крупнейших специалистов в области изучения этого

явления – М.П. Крыловым, региональная идентичность как местное самосознание, региональное самосознание есть совокупность культурных отношений, определяемых понятием «малая родина» и являющихся местным проявлением (характерным для данной цивилизации) «культуры укорененности» [5, с. 356–360], имеет ментально-географический генезис.

Региональная идентичность, по М.П. Крылову, имеет как геопространственные, так и цивилизационные аспекты изучения. К геопространственным относятся варианты ее формы, например «полюсность», ядерность, узловатость; к цивилизационным – степень устойчивости социума, критерии состояния и развития цивилизации, в том числе «вестернизированности» и модернизации (все эти критерии основаны на «архетипе Дома», создающего предпосылки для сравнимости ряда сходных по ряду параметров цивилизаций и составляющего как бы ментальное «тело» данной цивилизации с возможным вплетением в архетип Дома специфической для каждой из цивилизаций особенностей «души») [6, с. 110–111].

Выделение региона определенной идентичности может выходить за рамки цивилизации (например, «Азиатско-Тихоокеанский регион») или относиться к цивилизационной идентичности какой-либо относительно локальной части. Последняя в нашем исследовании будет интересовать нас больше, так как определяется не политически, а исходя из местного самосознания.

В целом, главное значение анализа региональной идентичности в культурном регионализме заключается в выявлении с ее помощью конфигурации культурного региона, а также формы территориальной организации ментальности. Следует учитывать, что неправомерно отождествлять региональную идентичность с излишне определенным пространственно-территориальным уровнем [6, с. 89]. Индивиды отождествляют себя не с внешне задаваемым регионом (в том числе административным), а со своей «малой родиной» как ментально-духовным пространством, не имеющим «излишне четких», «физических» пространственных координат [5, с. 357].

Для региональной идентичности характерна зависимость местного патриотизма от самоотождествления себя с данной территорией. Увеличивается доля относящих себя к более обширной территории, «не имеющих малую родину» при ослаблении местного патриотизма. Например, ослабление местного патриотизма в Костроме под влиянием «стресса соседства» с более динамичным Ярославлем приводит к утрате чувства принадлежности к Костромскому краю [5].

В целом для региональной идентичности характерно сочетание собственно пространственных аспектов, когда доминирует топонимика (идентичность – какая? – рязанская, тамбовская и т.д.), и аспектов внутренней энергетики, «силы» идентичности, когда более уместен термин «местный патриотизм» [7, с. 13].

Совокупность культурных отношений, составляющих региональную идентичность, – это взаимная контрастность культуры регионов и поселений,

сила самосознания (местного патриотизма) в регионах и поселениях и стремление к обособлению регионов и поселений, которые в общем виде не совпадают [5, с. 358].

Суть региональной идентичности с точки зрения ее формы – это выявление структурированности ментального пространства, культурной однородности внутри регионов, формирование современных «бытовых» областей, сохранение памяти (в сознании и/или поведении людей) о регионах прошлого (губерниях, провинциях, княжествах) [5, с. 112].

Для крупных региональных образований существенны следующие идентификаторы региональной идентичности – комплексные оси, жгуты, магистралы, полимагистралы и ядра культурного ландшафта (а не только «бесплотные» границы и центры); системы зон и их интерференции-пересечения (т. е. «фасетные районы», – например «Степная Сибирь», «Горнозаводской Лесной Урал», «Средняя Волга» и т.п.), комплексные сложившиеся и уже имеющие статус в культуре макрорегионы, типа Мещоры, Прикамья, реальные узловые районы, не совпадающие с институциональными (в том числе природно-культурные узловые районы – напр. Прибайкалье, Предуралье); фокальные природные объекты. Все эти идентификаторы хорошо сочетаются и вместе дают сотни потенциальных символических ниш для регионов ранга субъектов федерации [8].

Ретроспективный анализ ментальных факторов культурного регионализма в Оренбургском регионе. В качестве модельного региона с населением, не обладающим выраженной региональной идентичностью при наличии культурно-географических реалий существования, приведем Оренбургский регион.

В исторической науке Оренбургский регион в его прошлом широком макро-географическом простираии, принято называть Оренбургским краем. Территория Оренбургского края была намного больше, по сравнению с территорией нынешней Оренбургской области Российской Федерации. С севера она была окружена реками Камой и Исеть, с востока – реками Тобол, Уй, Нура и Ишим, а с юга – рекой Сыр-Дарья, Аральским и Каспийским морями. Почти полностью эта территория была включена в Московское государство, когда Иван IV после взятия Казани получил клятву верности от башкирских племен; однако контроль Московского государства над этой территорией оставался номинальным еще в течение долгого времени, и Петр I предпринимал безуспешные попытки распространить влияние России на центральную Азию через этот регион.

Несмотря на свою большую значимость в территориальном управлении Российской империей, а также свое географическое и этнографическое богатство, Оренбургский край (или Урало-Каспийский регион, по мнению К. Мацузато [9]), не привлекал должного научного интереса. Эта ситуация становится еще более странной, если мы сравним научную обстановку вокруг этого

макрорегиона с процветающими в течение последнего десятилетия исследованиями вокруг соседнего Волго-Уральского региона.

Настоящее «окультуривание» региона началось с экспедиции Ивана Кирилова в течение 1730-х гг., что вызвало восстания башкир. Границы Оренбургского региона были установлены в 1782 г. в результате территориальной реформы Екатерины II, однако на картах он значился как Уфимское наместничество. В 1796 г. эта административная единица была переименована снова в Оренбургскую губернию под контролем военного губернатора, а позже – под контролем Оренбургского генерал-губернатора. После 1782 г. территориальные границы продолжали оставаться почти без изменений до середины XIX в., когда из двух гражданских губерний, Оренбургской (которая позже стала Оренбургской и Уфимской) и Самарской, двух казачьих территорий Оренбургского и Уральского войск и территории Башкиро-Мещерякского войска, территории Внутренней Орды и территории Оренбургских киргиз, населенной, в основном, казаками Младшего Жуза, было сформировано Оренбургское генерал-губернаторство.

По мнению К. Мацузато, одной из причин разной степени изученности Волго-Уральского и Урало-Каспийского регионов является то, что первый оставался официально признанным макрорегионом, тогда как второй в советский период был разорван административно-территориальными границами, которые после распада СССР превратились в государственные границы [9].

Использование историко-географического подхода в оценке освоенческого вектора включения новых земель в орбиту российской цивилизации, анализ формирования Оренбургского края (Урало-Каспийского региона) через оценку геодинамики его культурных ландшафтов и происходивших в нем социальных процессов позволяет выявить ментальные факторы культурного регионализма, не проявившие себя в определенной региональной идентичности на современном этапе.

На основе проделанной работы [10] мы предлагаем рассматривать Урало-Каспийский регион как фронт, существовавший с XVI до начала XX века. Этот период в развитии этнокультурного пространства распадается на два этапа: формирование фронта и его исчезновение в «расползающейся» идентичности региона. Для этого этапа были характерны ассимиляция русской и ногайской культур на ранней стадии развития, мозаичность и дисперсность структуры этнокультурного пространства, своеобразная культура уральского и оренбургского казачества и характерная для любого фронта зона особых социальных условий, связанная с идущими на ней процессами освоения. Оренбургская область с ее «расползающейся» региональной идентичностью, в силу нахождения в ней центра исследуемого региона, является единственным «останком» этого региона.

В исторической памяти населения можно выделить пять пространственных образов Оренбургского региона: «плацдарм в Центральную Азию», «ци-

тадель «цивилизаторов»», «опытный полигон для реформ», «объект эксплуатации с огромными ресурсами» и «глухая провинция».

«Плacidарм в Центральную Азию». По мнению К. Мацузато, историческое происхождение этого территориального образа было связано с тем, что в «проекте Кирилова» (1730-е гг.) ему было уделено особое внимание [9, с. 19]. Эта тенденция усилилась и тем, что известный краевед А.И. Добросмыслов опубликовал двухтомную коллекцию правительственных решений и других юридических документов, касающихся Оренбургского региона, изданных в течение 1734–36 гг. и хранящихся в городе Тургай [11]. Несомненно, обладать такими коллекциями очень удобно для исследователей. В действительности, как только началась экспедиция, Иван Кирилов столкнулся с башкирским восстанием, и ему пришлось вернуться к традиционной правительственной политике для того, чтобы объединить оборону этого региона, отказавшись от амбициозного проекта создания нового города-крепости (Оренбург) – огромного торгового центра, объединяющего Китай, Индию, Центральную Азию и Европу. Современное представление предлагает рассмотреть политику правительства по отношению к Оренбургскому краю в течение XVIII века в более широком контексте, а не через призму «проекта Кирилова» [12].

«Цитадель «цивилизаторов»». Оренбургские местные чиновники пытались сделать Оренбург цитаделью «цивилизаторов» (этим статусом обычно наделяли Казань). В первой половине XIX века православная миссионерская деятельность в основном была направлена на староверцев и язычников среди инородцев. И только в 1850-х гг. стала серьезно обсуждаться угроза ислама. Например, русские чиновники начали отмечать, что киргизы (казахи), имеющие склонность к язычеству и до их интеграции в Российскую империю, несмотря на то, что официально были мусульманами, фактически были исламизированы под российским правлением. Поэтому введение епархии, имеющей дело в основном с антиязыческой и миссионерской деятельностью в многоконфессиональном Оренбуржье, отвечало духу той эпохи. Оренбургская духовная семинария была основана только в 1884 году, спустя четверть века после создания Оренбургской епархии. В 1908 году Синод раскритиковал Оренбургскую епархию за нехватку «необходимого наблюдения» за староверцами среди Уральских казаков и отнял Уральскую область, поместив ее под юрисдикцию Самарской епархии.

Подобный процесс наблюдался и при отделении Оренбургского учебного округа от Казанского. Предложение, написанное сотрудником генерал-губернатора Николая Крыжановского (1864–1883 гг.), объясняло необходимость введения Оренбургского учебного округа чрезвычайно большой областью юрисдикции Казанского учебного округа, мешавшей эффективному функционированию, хотя он также отметил и следующую причину: «Казанский учебный округ имел две задачи: одна из них была свойственна и другим учебным округам, а именно административно-образовательная, и другая, особая по

своему характеру, то есть цивилизаторско-миссионерская» [13]. Согласно автору, цивилизаторская роль Казанского учебного округа закончилась, когда в 1854 году факультет восточных языков Казанского университета переехал в Санкт-Петербургский университет. Сейчас, утверждал он, фронт Русской цивилизации лежит еще дальше на востоке, чем Оренбург. Следовательно, «роль цивилизатора должна быть передана новому Оренбургскому округу».

Однако в Оренбурге трудно было организовать даже попечительный совет, так как там не было университета, духовной семинарии, лицей или дворянской школы, так что стремление провинциального города играть замещающую «цивилизаторскую» роль Казани было незаслуженным.

«Опытный полигон для реформ». К середине XIX века территория с населением в 4200000 человек была разорвана между министерствами; две гражданских губернии находились под юрисдикцией Министерства внутренних дел, территории двух казачьих и Башкирских войск – под юрисдикцией Военного министерства, территории Внутренней Орды и оренбургских киргизов – под юрисдикцией Министерства государственной собственности и Иностранных дел соответственно. В результате персональной (не территориальной) юрисдикции, многочисленные министерства интересовались одной и той же территорией, поэтому даже обычные вопросы не могли решаться без длительной переписки между министерствами.

Реформы, проводившиеся в Оренбургском крае в 1860-х годах, были реализованы, основываясь на территориальном образе, который разделяла как центральная власть, так и региональная элита Оренбуржья, отчаянно нуждающегося в реформах для того, чтобы ликвидировать корпоративную структуру общества, дорогостоящее попечительство администрации и «разъединенность властей».

«Объект эксплуатации» и «глухая провинция». Эти два образа объединены, потому что регион имел громадные потенциальные ресурсы, но современники не были способны их использовать из-за недостаточных географических исследований. В своем отчете царю за 1867–1868 годы Оренбургский генерал-губернатор Крыжановский писал, что территория «еще недостаточно известна и так мало изучается с научной точки зрения, что очень часто мы относимся с подозрением относительно понимания местных особенностей и даже самых обычных статистических данных, когда разрабатываем меры, нацеленные на улучшение жизни населения и для использования природных богатств». Когда Оренбургский учебный округ начал публиковать свой журнал, попечитель округа писал, что целью журнала было не только обсуждение педагогических проблем, но также и продвижение географического описания округа. Он отмечал: «если районы Уральских гор, Пермской губернии и также некоторых частей Оренбурга были более или менее изучены, этого нельзя сказать об оставшихся частях региона, например, Уфимской губернии и Тургайской и Уральской областях» [14].

Пример образа «глухой провинции» можно найти в отчете генерал-губернатора царю за 1867–68 годы: «не только в степи, деревнях и городах Оренбургской и Уфимской губерний, но также и в самом Оренбурге чиновники, как правило, лишены возможности наслаждаться комфортабельной жизнью и общественными развлечениями, которые обязательны для развитых людей, как пища для тела. Если мы примем во внимание то, что в Оренбурге даже самый здоровый человек не может вынести губительный климат и все продукты потребления чрезвычайно дороги, легко понять, почему так сложно найти стоящих людей, кто желал бы приехать сюда и служить, и почему еще более сложно заставить их тут остаться» [15]. Такое положение препятствовало стремлению занять место Казани в качестве бастиона «цивилизаторов» или контролировать Туркестан из Оренбурга.

Таким образом, среди всех региональных образов Оренбургского края самым успешно реализованным был «опытный полигон для реформ». Именно поэтому регион стал одной из двух самых интернациональных периферий Российской Империи (другим исключением была Новороссия). Регион, который изначально был продуктом воображения, получил индивидуальность и даже стал объектом приложения относящихся к нему политических сил.

В советскую эпоху Оренбургский край был «разорван» новыми административными границами внутри СССР, а затем и Российской Федерации. Однако на современном этапе, с началом строительства Евразийского экономического союза, лимогенное состояние Оренбуржья вновь подпадает под феномен трансграничности и под феномен формирования макрорегионального центра, что, несомненно, актуализирует значение историко-географического изучения региона.

Пространственно-лимогенные образы – это пространственный образ региона в ментальности населения, связанный с его распространением в определенных границах. Выявление таких образов предполагает синтез исторического анализа с ментальной географией [16, с. 17–22].

На современном этапе лимогенное состояние Оренбургского региона подпадает под феномен трансграничности. Трансграничное взаимодействие – интереснейший пласт исследований разных научных направлений, всплеск которых в последнее время обусловлен процессами интеграции и глобализации [17].

Феномен этнической трансграничности характерен практически для всех регионов мира, но для постсоветского пространства он играет особую роль и отражает ее пространственно-временную специфику. Новые государственные границы не отражают реальной дифференциации пространства, они нередко рассекают единые этнокультурные регионы [18, с. 343–346].

Т.И. Герасименко, анализируя специальную литературу, посвященную экономической интеграции приграничных регионов, приводит три основных аргумента в пользу подобного взаимодействия:

– подобные регионы лучше всех других осуществляют барьерные, контактные и распределительные функции в системе международных экономических связей;

– в условиях либерализации мировой торговли они становятся акселератами трансграничного движения товаров;

– приграничные регионы, большинство из которых пребывали в «полусонном», депрессивном состоянии, получают мощный импульс для своего развития [17].

Некоторые авторы считают основой формирования трансграничного региона прежде всего природную основу (например, природные ресурсы) и даже при комплексном подходе природный фактор считают приоритетным [19, с. 27–34]. Другие делают упор на экономическую интеграцию [20, с. 39–47]. Соответственно выделяют экономические, экологические, культурные трансграничные регионы.

Оренбургско-Казахстанский – один из трансграничных регионов, ставший таковым искусственно в 90-е годы XX в. после распада СССР. Регион находится по обе стороны самой протяженной в мире российско-казахстанской границы и являет собой пример стабильности и толерантных межэтнических отношений. В его состав входят Оренбургская, Западно-Казахстанская, Актюбинская и Кустанайская области. Этот регион, как и вся Россия, издавна развивался не как национальная общность, а как полиэтническое сообщество. Регион – это пример полигона в зоне этноконтактов, где практически отсутствуют межэтнические конфликты. Это особый мир, который обладает рядом особенностей: единством территории, целостностью, единством исторических судеб, и из этого следует исходить при выборе путей его дальнейшего развития. Это рубежная, контактная зона, которая не может иметь четко выраженных естественных границ, как и никаких жестких границ вообще. Приграничная полоса условно и формально проведенной российско-казахстанской границы с обеих сторон имеет сходную ситуацию: смешанное население, однотипные экологическая культура и культурные ландшафты, планировка селений, язык, ментальность. Региональная и государственная самоидентификация населения носит либо двойственный характер, либо четко не выражена. Важнейший индикатор связей – временные миграции (стационарные – скорее, показатель «связей наоборот») – говорят о тяготении к территории России приграничных северо-казахстанских пространств (поездки на учебу, на работу, в гости, за покупками и т.д.). Границы усложняют сложившиеся контакты и взаимодействие и не принимаются населением. По-видимому, эта ситуация – объективная основа для интеграции, искусственно нарушенной в последние годы [17].

Анализ современной оценки лимогенного фактора для Оренбургского региона позволяет прогнозировать следующие тенденции:

– усиление барьерной роли Российско-Казахстанской границы, в том числе на ее Оренбургском участке, что усиливается языковыми различиями

нового поколения казахских жителей (слабое знание русского языка), а также ростом национальных кадров в системе управления регионов;

– тяготение региональной идентичности западных районов Оренбургской области к Самарскому региону;

– тяготение региональной идентичности населения Адамовского и Кваркенского районов к Челябинскому региону;

– в целом Оренбургскую область на современном этапе можно охарактеризовать как регион «расползающейся идентичности», что создает определенные условия для изменения административно-территориального деления региона (за которые, впрочем, автор статьи не ратует).

Таким образом, Оренбургский край (как окраинный российский регион) был включен в глобальный контекст мирового развития на уровне надгосударственного макрорегиона (также как и Центральная Европа, Центральная Азия, Азиатско-Тихоокеанский регион, Славянская Евразия и т.п.). «Пористые» (как своего рода мембрана) границы формируют почти по всему периметру империи этнически смешанные «зоны фронтиров» [21, с. 86–131] или создают своеобразные пространства «пограничья» [22].

Выявленные ментальные факторы культурного регионализма. В целом, используя инструментально-методические приемы географии ментальности, можно выделить следующие ментальные факторы культурного регионализма:

– историческая память населения, выражающаяся в существовании в ментальности населения пространственного образа региона и связанная с его распространением в определенных границах (выявление таких образов предполагает синтез исторического анализа с ментальной географией);

– восприятие региона местными (территориальными) сообществами не как заданного административно, а как историко-культурно сформировавшегося, что органично связано с самосознанием населения, артикулирующим или не артикулирующим соответствующую идентичность;

– связь с вмещающим ландшафтом, закрепленная традицией в каком-то преобладающем типе землепользования и находящая отображение в своеобразии традиционной архитектуры (по мнению Б.Б. Родомана, носителями существенных региональных различий в архитектуре оказываются небольшие культурно-исторические провинции и определяются не только климатом, но и этнической психологией [21, 23]);

На основе проведенного анализа, при оценке культурного регионализма важно учитывать историко-географическое пространство со своей динамикой и подверженностью конструированию. Кроме этнической идентичности – должна сохраняться/формироваться региональная идентичность (евразийская, центрально-азиатская, сибирская и проч.). Исторически, огромное пространство Российской империи, слабость коммуникаций и фрагментарное хозяйственное и демографическое освоение и присвоение новых территорий

на востоке требовали образования на линии «центр - периферия» новых центров, транслировавших функции главного имперского центра на удаленные регионы, имевшие потенциально важное политическое значение. В регионах же, повторяя общероссийскую политическую и социально-экономическую конфигурацию, появляются и свой центр, и свои периферии [24, с. 303]. Если признать Евразию не простым конгломератом народов и территорий, а сложной системой, включавшей в качестве элементов разнопорядковые с асимметричным статусом (от унитаризма до «имперского федерализма») регионы и народы, имеющие различные социально-экономические, политические и социокультурные характеристики, то необходимо будет изменить ракурс географического исследования культурного регионализма, который потребует существенного расширения тематики за счет теоретико-методологических работ географии ментальности. Это позволит выяснить потенциал длительной устойчивости мультикультурных сообществ и определить управленческие технологии, способные эффективно и адекватно реагировать на быстро меняющуюся политическую, экономическую и социокультурную конъюнктуру.

Литература

1. Стрелецкий В.Н. Регионализм как феномен культуры // Региональные исследования. 2011. № 3 (33). С. 45–50.
2. Каганский В.Л. Кривда и правда евразийства. Смысл и статус евразийской концепции пространства России. Статья первая. Евразийство как позиция. Статья вторая. Правда евразийства? // Общественные науки и современность. 2003. № 4, № 5.
3. Любичанковский А. В. Эпистемологические основания географии ментальности // Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2017. №6. С. 218–232.
4. Дружинин А.Г. Россия в многополюсной Евразии: взгляд географа-обществоведа. Изд-во Южного федерального университета, 2016. 228 с.
5. Крылов М.П. Региональная идентичность (Материалы к словарю гуманитарной географии) // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах / Сост., отв. ред. Д. Н. Замятин; авт. Андреева Е., Белоусов С., Галкина Т. и др. Вып. 2. М.: Институт Наследия, 2005.
6. Крылов М.П. Российская региональная идентичность: геопространственные и цивилизационные аспекты // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах / Сост., отв. ред. Д. Н. Замятин. Вып. 3. М.: Институт Наследия, 2006.
7. Крылов М. П. Региональная идентичность в историческом ядре Европейской России // Социологические исследования. 2005. № 3.
8. Каганский В.Л. Евразийские регионы и евразийские образы регионов // Русский Архипелаг, сетевой проект Русского мира [электр.] http://www.archipelag.ru/ru_mir/ostrov-rus/kaganskiy/region/.
9. Мацузато К. Управляя пространством // Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность. Сводные материалы заочной дискуссии / Под ред. А.Е. Загребина, С.В. Любичанковского. Екатеринбург-Ижевск: Изд-во УрО РАН, 2010. 496 с.

10. Любичанковский С. В., Любичанковский А. В. Урало-Кайспийский регион как историко-географический феномен (XVI – начало XX вв.) // Самарский научный вестник, 2017. Т. 6. № 1 (18). С. 104–108.
11. Добросмыслов А.И. Материалы по истории России. Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края. Т. 1–2. Оренбург: Губ. типография, 1900.
12. Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30–40е гг. XVIII века. Самара: Изд-во «Самарский ун-т», 1997. 187 с.
13. Семенов В.Г. Губернаторы Оренбургского края. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 1999. 400 с.
14. Вестник Оренбургского учебного округа, 1912. Приложение 1. н/ч.
15. РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3341, 1.6.
16. Пространственно-лимогенные образы в исторической памяти населения Оренбургского региона Восьмые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен: сборник статей международной научно-практической конференции / науч. ред. С. В. Любичанковский. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2016.
17. Герасименко, Т.И. Оренбургско-Казахстанское порубежье историко-этнографический и этногеографический аспекты : монография / Т.И. Герасименко, И.Ю. Филимонова. Тольятти, 2009. 211 с.
18. Герасименко Т.И. Трансграничные регионы / Т.И. Герасименко // Гуманитарная география. М.: Институт наследия, 2004.
19. Бакланов П.Я. Приграничные и трансграничные территории как объект географических исследований / П.Я. Бакланов, С.С. Ганзей // Изв. РАН. Сер. географ. 2004. №4.
20. Колосов В.А. Типы новых российских границ / В.А. Колосов, Р.Ф. Туровский // Изв. РАН. Сер. географ. 1999. №5.
21. Рибер А. Изучая империи // Исторические записки. 2003. Т. 4.
22. Замятин Д.Н. Русские в Центральной Азии во второй половине XIX века: стратегии репрезентации и интерпретации историко-географических образов границ // Восток. 2002. № 1.
23. Родоман Б.Б. Региональная архитектура и культурный ландшафт // География. 2002. №10. <http://geo.1september.ru/article.php?ID=200201002>.
24. Ремнев А.В. Преодоление биполярных схем // Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность. Сводные материалы заочной дискуссии / Под ред. А.Е. Загребина, С.В. Любичанковского. Екатеринбург-Ижевск: Изд-во УрО РАН, 2010. 496 с.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 910.4

Э. А. Батоцыренов¹, В. М. Тукачева²
E. A. Batotsyrenov, V. M. Tukacheva

ПРИБАЙКАЛЬЕ В ТРАВЕЛОГЕ ВРАЧА О.О. РЕМАНА³

PRIBAİKALİE İN TRAVELOGUE OF DOCTOR O.O. REMAINS

Статья посвящена презентации травелога немецкого врача Осипа Осиповича Ремана (который путешествовал в Прибайкалье в начале XIX века), оставившего яркие описания природы, хозяйства и населения на тот период. Особое внимание в травелоге уделено описанию Туркинских минеральных вод (восточное побережье Байкала) – ныне курорта Горячинск в начале его основания.

Studying the travelologist of the German doctor Osip Osipovich Reman, who traveled to the Baikal region in the early 19th century, we can present the state of nature and the economy of the population for that period. In these notes, a description is given of the Turka mineral waters (the eastern coast of Lake Baikal) - now the resort Goryachinsk at the beginning of its foundation.

Ключевые слова: травелог, О.О. Реман, Прибайкалье начала XIX века, курорт Горячинск.

Key words: travelogue, O.O. Reman, the Baikal region of the early 19th century, resort Goryachinsk.

Травелог – от английского «travelogue» – это журнал, дневник, в современном понимании еще и блог, посвященный описанию странствий. К началу XX века его выделяли как «живописное» путешествие. Травелог нельзя поместить в узкие жанровые рамки. Ведь в традиционном виде травелог – не только документальный рассказ о поездке, экспедиции, исследовании, но повествование, подкрепленное историческими свидетельствами (зарисовками, картами), не чуждое сопоставительного анализа (что было на территории в прошлом, что теперь) и рефлексии пишущего (ожидания и увиденная реальность) [1]. Путевая проза в системе художественной литературы представлена закрепленными культурной традицией текстами: это «Путешествие из Петербурга в Моск-

¹ Батоцыренов Эдуард Аюрович, кандидат географических наук, Байкальский институт природопользования СО РАН.

² Тукачева Виктория Михайловна, преподаватель Ильинской средней школы Прибайкальского района Республики Бурятия.

³ Работа выполнена в рамках государственного задания БИП СО РАН (проект № 0339-2016-0001).

ву» (1790) А.Н. Радищева, «Письма русского путешественника» (1791) Н.М. Карамзина и «Письма из Франции» Д.И. Фонвизина (1830). Если опираться на одно из наиболее полных определений жанрового инварианта, сформулированное В.М. Гуминским, то путешествием следует признать текст, «в основе которого лежит описание путешественником (очевидцем) достоверных сведений о каких-либо, в первую очередь незнакомых читателю или малоизвестных странах, землях, народах в форме заметок, записок, дневников, журналов, очерков, мемуаров» [2, с. 314–315].

Представители яркой плеяды путешественников-географов также оставили след как в литературе, так и в географии. Книгами Н.М. Пржевальского, Н.Н. Миклухо-Маклая, В.А. Обручева и многих других до сих пор зачитывается подрастающее (и не только) поколение. Трудно переоценить роль выпечеречисленных травелогов в деле формирования современных ученых и исследователей. Травелогии же как объект географического исследования анализируются недавно, а с применением ГИС-технологий – только в последнее десятилетие [3, с. 621–627; 4, с. 93–98].

Нас заинтересовал травелог немецкого врача Иосифа Ремана «Описание Туркинских минеральных вод на Байкале» [5], переведенном и изданном в 1808 г. Этот источник в научный оборот вводится нами впервые. Реман (Rehmann) Осип Осипович (Joseph) (1779–1831) – лейб-медик (1813), с 1821 г. – генерал-штаб-доктор Министерства внутренних дел. В апреле 1805 года Реман определен доктором при посольстве Ю.А. Головкина в Китай. При этом министр внутренних дел поручил ему осмотреть находившиеся по пути следования посольства госпитали и другие медицинские учреждения. Уволен со службы при посольстве 7 июля 1807 года. Граф Головкин высоко отозвался о его деятельности и рекомендовал назначить ему пенсию «в половине того, что он получал в посольстве. Сия награда вообще имеет быть дана всем медикам, занятым в отдаленных и тягостных экспедициях» [6, 7].

В 1810–1820 гг. Реман как врач-практик пользовался большой известностью в высшем петербургском обществе. Так, например, он лечил известного историка Карамзина, являлся членом многих научных обществ. В 1812 году одним из первых написал отклик на пожар и разорение Москвы, изданный в переводе с немецкого языка [8].

В 1829 и 1830 гг. Реман по болезни жил за границей, в 1830 г. вернулся в Петербург, где и умер в чине действительного статского советника 25 сентября 1831 г. от холеры; погребен на холерном участке Волкова кладбища, близ Царскосельской дороги [5].

Итак, что же увидел и «донёс» до нас Осип Осипович во время своего путешествия в Прибайкалье в феврале 1806 года? Каков его маршрут? Из Верхнеудинска этот незаурядный человек двинулся в направлении Иркутска; на станции Половинная (сейчас это разъезд Мостовой) произвёл закупку провизии. Вместе с посольством графа Головкина Реман, доехав до Урги, возвратился

оттуда, получив у посла разрешение отправиться с химиком, аптекарем Гельмом изучать минеральные воды в районе оз. Байкал (Горячинский и Гусихинский источники). Кстати, за эту работу «изъявлено ему 15 ноября 1807 г. монаршее благоволение» [6]. Далее переехал на правый берег Селенги и, проследовав вдоль реки Итанца, – к Итанцинскому острогу. Позади остались Карымск, Гурулево, Батурино, станция Хаим (сейчас не существует); затем пересек по льду Котокель, лесной массив и оказался на Туркинских минеральных водах (ныне село Горячинск) (рис. 2).

Рис. 1. Портрет Ремана Осипа Осиповича [9].

О речке Станце (Итанце – Э.Б.), впадающей в Селенгу, он написал: «Здесь видны только немногие рассеянные хижины, церковь, древняя обрушившаяся деревянная башня с некоторыми другими развалинами деревянного острога, от которого и самое селение получило название свое. Гора везде покрыта ельником, и с обеих сторон даже зимою представляет взору любопытные и приятные виды». Осип Осипович обратил внимание на развалины деревянного Итанцинского острога, а вне его – Спасскую церковь (культ Спаса был очень распространен среди казаков). Кстати, «Спасская церковь – выдающееся достижение народных мастеров, которым удалось добиться оригинального и жизнеутверждающего звучания традиционного образа», – так писал о ней архитектор и публицист Л.К. Минетр в книге «Памятники архитектуры Бурятии» [10, с. 45]. Церковь из села Острог была перенесена в село Турунтаево. Об

этом указывается в «Описании Иркутского наместничества 1792 года»: «При сем остроге места каменные и не так плодородные и для жителей невыгодные, почему не только сами жители онаго переселились вверх по Итанце, но и церковь ныне при верхнеитанцинских селениях на место острожной, ветхой, создается каменная» [11, с. 237].

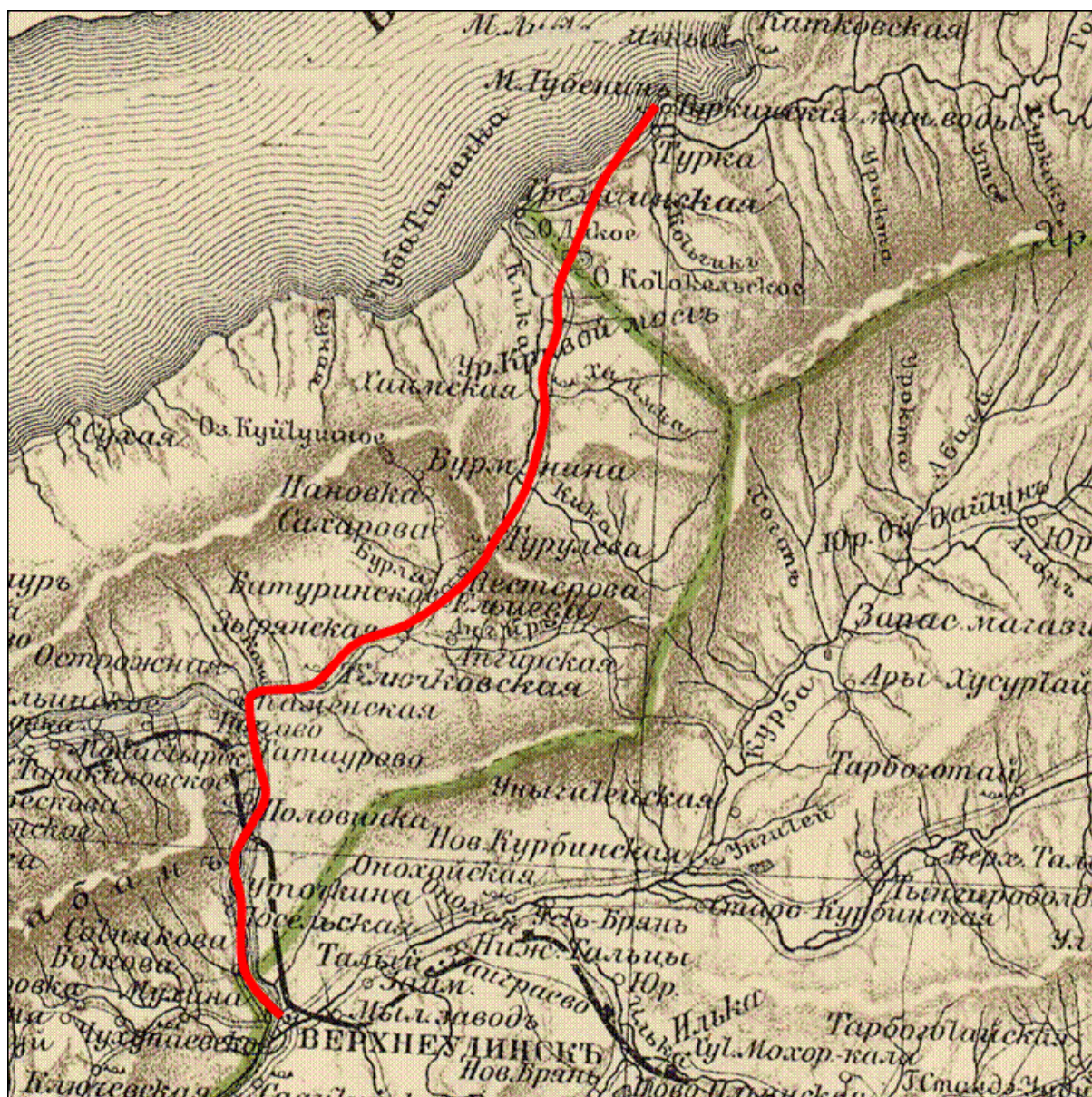

Рис. 2. Маршрут путешествия в феврале 1806 г. Ремана О.О. на Туркинские воды (основа – карта Забайкальской области 1904 г).

Интересно, что в конце февраля 1806 года в долине Итанцы не было снега; вот слова этого незаурядного человека: «Поелику в то время не было снегу, то мы на следующей станции принуждены были оставить сани и пересесть в кибитку». Этот факт подтверждается другим источником: «28 февраля 1806 г.

теплая погода (в Иркутске – Э.Б.), стала портится санная дорога, и сделалось течение воды по улицам. 1 марта – дождь» [12, с. 228].

Хотим отметить, что первые русские деревни в Прибайкалье закладывались обычно вблизи острогов (Ильинского и Итанцинского). Постепенно русские поселения основывались все дальше и дальше от острогов. Они возникали как на пустующих землях, получая названия от фамилий первопоселенцев, так и на месте бурятских улусов, сохранивших свои названия. С самого начала прихода сюда русских поселенцы начали осваивать землю под пашни, и земледелие стало их главным занятием. Но вырвать в лесистой и горнотаежной полосе у суровой природы крупные массивы земель было трудно. Поэтому и располагались по более удобным местам двух- трех- пятидворные деревеньки. Постепенно трудом и потом пришедших сюда людей долина Итанцы, как и долина Селенги, становилась хлеборобной. Второй важнейшей отраслью крестьянского хозяйства (после хлебопашества) являлось животноводство. Оно обеспечивало нормальное развитие крестьянского двора, давало крестьянину необходимую тягловую силу для возделывания полей, для перевозки грузов, снабжало семью молочными продуктами, маслом, салом, мясом, овчиной и кожей. Землепашество и животноводство, несмотря на напряженный труд, не могли полностью обеспечить семью продуктами питания, и это заставляло искать дополнительные источники получения продуктов питания. Жители всех деревень Прибайкалья занимались промыслами, важнейшими из которых были рыбная ловля и охота. В XVII–XIX вв. рыбы в озерах и реках, как и диких животных в тайге – было много. Жители также занимались заготовкой кедровых орехов, выжигом извести, гнали смолу и деготь. Крестьяне близлежащих к Верхнеудинску деревень заготавливали и продавали в городе дрова. Многие мужчины на всю зиму уезжали на заготовку леса, круглый лес сплавляли по Итанце до Селенги. Из дерева изготавливали телеги, лодки, колеса, дуги, сани, вилы, грабли, лопаты, совки; также – различную посуду, кружки, бочки, кадки, ложки, солонки, сеяльницы, лукошки, туески, форму для куличей, столы, сундуки, лавки и прялки. Деревянной резьбой украшали наличники окон, ворота и т. д. Большое место в занятии населения занимала ямщина (извоз). По Баргузинскому тракту были станки (станции), полустанки, постоялые дворы, где ямщики ночевали и кормили лошадей. На станках и полустанках заранее заготавливали необходимое количество сена. На север везли муку, сахар, крупу, спирт, железо. На обратный путь загружались посудой, пустыми бочками. В Усть-Баргузине грузили свежемороженую рыбу, шерсть и другие товары [13]. Кстати, лишь в январе 3 дня 1812 года вышел указ Его императорского величества самодержца всероссийского (и Верхнеудинского земского суда) «о устройению от устья Итанцы к Туркинским минеральным водам тележной дороги». Со стороны Верхнеудинска дорога до Турки пролегла лишь в 1813 году. Только в 1838 году было завершено строительство тележной дороги [14, с. 112].

Однако, вновь перейдём к описанию маршрута доктора О. Ремана и его впечатлений. Итак, путешественники прибыли в деревню Каремск (ныне Карымск), «состоящую из 20 домов»; Реман отметил, что видел множество фур, груженных хлебом, которые везли в Баргузин из Итанцинской долины; он пишет: «уже с давних времен в окрестностях Баргузина не может созреть рожь». По дороге «с удовольствием взирал я на многие следы земледелия». Здесь же остановились на ночлег в крестьянском доме. Вот как описывает доктор быт сибирских жителей: «В крестьянском доме, в котором мы имели ночлег, нашёл я такую чистоту и наружный вид деревенского достатка, которой только можно видеть у старинных зажиточных Сибирских жителей».

Через 27 верст с великим трудом, как описывается в труде, путешественники прибыли на следующую станцию Гурилеву (ныне Гурулево), которая состояла из 7 дворов.

По дороге путникам встретилась «довольно населенная» деревня Патуринна (Батурино – Э.Б.) с церковью. «Здесь начинаются дремучия леса которые непрерывно простираются по гористым местам вдоль Байкала до самого Баргузина. От сего места до устья Баргузина нет ни одной деревни, но токмо местами находятся некоторые постоянные дома... Как в лесу был снег глубокий; то мы ехали здесь в небольших узких санях по узкой тропинке...».

Проехав так 35 верст, наконец, увидели они в лесу дом – станцию Хаим. Кстати, подвергая свою жизнь опасности, путешественники многие места переходили по тонкому льду, непрерывно приближаясь к цели, до которой насчитывалось ещё 75 верст.

«Приехали мы к озеру Котакилю, которое окружено лесом, покрытым утесистыми, но не весьма высокими горами, и простирается в длину около 15 верст, а в ширину от 5 до 9 верст. Оно посредством протока изливается в Турку, и таким образом соединяется с Байкалом. Неподалеку от устья его уже давно поселились двое колонистов, которые прежде имели жилище свое у теплых ключей (основатели села Исток? – Э.Б.) Сие озеро обильно рыбами, и рыбная ловля принадлежит собственно Троицкому монастырю».

Наконец, к закату прибыли они к озеру Байкал; автор поэтично описывает вид, который перед ним открылся: «Сияние вечерней зари отливало в обширном ледяном пространстве и представляло взору величественный вид».

В своем травелоге Осип Осипович не единожды говорит о каторжниках, которым разрешалось заниматься охотой, но рыбная ловля была ограничена. Охотники идут в лес на лыжах, добывают соболя, белку, которая здесь «в великом количестве». Пишет, что встречаются и медведи, которые иногда подходят близко к ключам и нападают на лошадей. Лодки для рыбной ловли в крае были у многих, в былые времена их делали из кедра, каркасом служила черемуха.

Неожиданно поднялась буря, доктор и его путники блуждали несколько часов около Байкала, вскоре ямщики нашли дорогу к берегу, который они разглядели в ночном горизонте: «Проехав около двух верст лесом; нашли мы не-

большое малозначущее строение, которое было наполнено посетителями минеральных вод» (после всех треволений Реман заночевал на скамье в кухне).

Первое упоминание об этом источнике относится к XVII в.: «В 1684 году 30 апреля казацкий сотник Петрушка Семенов писал рапорт иркутскому главе Кислянскому, в котором упоминал, что был на Байкале, в устье реки, впадающей в озеро, есть горячие ключи». Первые сведения об источнике Российская академия наук получила во второй половине XVIII века. Целебный ключ посетил академик Э.Л. Лаксман в 1767 году, затем Георги в 1772 г., который первым дал описание и название источника и сделал первый химический анализ минеральной воды, одобрительно отозвался об источнике и его целебных свойствах.

Реман пишет, что после Г. Георги в 1775 году «...Штаб-Лекарь Шиллинг находился здесь для прививания оспы, не было еще никакого здания, но только над одним из сих ключей был сделан деревянной сруб и поставлены скамьи».

Первое наблюдение за лечебным действием минеральной воды сделал в 1779 году иркутский штаб-лекарь Грунт. «Лечение на источниках, где не возникали курорты, в собственном значении слова, весьма своеобразно» – писал он после посещения вод. Автор травелога делает ссылку, возможно, именно на Грунта следующими словами: «... Иркутский Губернатор Кличка, услышав о врачебном действии сих ключей, послал одного Штаб-Лекаря для обозрения оных. Адъютант его измерял расстояние сих ключей от Байкала и отдаленность верхняго от нижняго ключа. Вырезанная на деревянном столбе надпись показывает, что он был здесь в 1780 году». Все их исследования, по мнению Ремана – это «...поверхностное описание составных частиц сих вод не заключает в себе никакого известия о настоящем и на опыт основанном врачебном действии их». Поэтому, он имел «намерение доставить пользу тамошним жителям подробным исследованием и описанием сих ключей». Тамошние жители – это «Россияне, Буряты и Тунгусы», которые «прибегают к оным и прославляют целебную силу их».

Во многом благодаря трудолюбию переселенцев-старообрядцев Итанцинская долина становилась плодородной. «Ся долина составляет самую плодородную почву в сей стране, также довольно населена...» – пишет О. О. Реман. Это ведь о них иркутский губернатор Трескин Н.И. напишет в своем донесении, что «Они и камень сделали плодородным».

По приезду к ключам, Реман осмотрел воды, в которых отметил присутствие розового звездчатого мха, водяных мхов, болотной ряски. В то время вокруг ключей рос еловый строевой лес (сейчас вокруг источника – парковый сосновый лес). Все испытания, которые здесь проходили прибывшие на лечение, доктор-путешественник полностью испытывал на себе: пил ее стаканами, как делают тут все, и испытывал жар бань, которых без опыта сложно выдержать и минуту, боль и жар от горячей воды в руке, погруженной недалеко от источника. Также запах сероводорода от воды, к которому быстро привыкаешь,

как он пишет в своих записках. Он отметил, что в зимнее время воды здесь не смешиваются с другими водами, а сам воздух тоже действует оздоравливающе; обратил внимание, что в отличие от русских – буряты не могут переносить жар бань. Они выкопали в протоке яму, поставили туда скамьи, постелили на них «воловою кожею» и купаются там.

Особое место в травелогге занимает описание того, как буряты со своими ламами изъявляют «свое благоговение и благодарность оним». Каждый из них бросает монетки в воду или зарывает в песок в самом источнике, принося их в жертву духам, хранителям этого места, или своим мнимым богам здоровья. Со временем они покрываются «черно-зеленоватою корою». Отметил, что они монетки с плодами и водой источника ставят в жилье перед своими бурханами, кумирами. Ламы развешивают «разноцветные ленты и лоскутья» тканей на деревьях. Описывает, что на двух деревьях висели несколько зайцев, принесенных в жертву духам вод. Уши и ноги зайцев были украшены белыми и голубыми лентами.

В бытность О.О. Ремана на водах не было ни одного врача, кроме лам, как и людей бедных сословий. В последствии, в своем травелогге отметит именно это – пожелание доступности вод всем, необходимости тележных дорог. В государственном архиве Иркутской области хранится дело, позволяющее установить дату основания – 20 июня 1810 г., когда в район села Горячинск было заселено 10 семей ссыльных поселенцев – политических каторжан, которые фактически явились основателями села Горячинск и, соответственно, Горячинской водолечебницы [15]. По всей видимости, отчет Ремана способствовал выходу правительственных указов, и его мечта быть полезным местным людям врачебными советами по правильному применению вод в лечении – исполнилась. С этого времени курорт занял свое место в системе государственных лечебных заведений.

«Природа, столь щедро изливающая свои дары в отдаленных Сибирских краях, как бы желая вознаградить и самой недостаток искусственных врачебных пособий естественными спасительными произведениями, источает многия теплыя и холодныя воды...» – заключал врач Реман.

Литература

1. Бондарева А. Литература скитаний «Октябрь». 2012. № 7 (электронная версия статьи - <http://magazines.russ.ru/october/2012/7/bo18.html>).
2. Гуминский В.М. Путешествие// Литературный энциклопедический словарь.- М.: Сов. энциклопедия, 1987. С. 314–315.
3. Катионов О.Н., Голомолзин В.В., Палишева Н.В., Иванов Н.А. Геоинформационные системы как метод биографических исследований (на примере изучения путешествий Л.Н. Толстого// Русский травелог XVIII–XX веков: коллективная монография / под ред. Т.И. Печерской; Мин-во образования и науки РФ, Новосиб. гос. пед. ун-т. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2015. 656 с.

4. Серкина Д.А., Батоцыренов Э.А. Электронная база данных маршрутов путешествий Н. М. Пржевальского // Труды Бурятского республиканского отделения Русского географического общества. XIX том /под ред. А.К. Тулохонова, Э.А. Батоцыренова. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2014. С. 93–98.
5. Реман И. Описание Туркинских минеральных вод на Байкале / С нем. рукописного подлинника пер. Василия Джунковского. СПб.: Медицинская Типография, 1808. 90 с.
6. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XIX/1800-1820/Russ_kit_otn_19_v_I/81-100/82.htm (сайт «Восточная литература», дата обращения – 28.02.2017 г.).
7. Баснин В.Н. О посольстве в Китай графа Головкина / сообщ. В. Н. Баснин. Москва, 1875. 103 с.
8. Реман О.О. Глас московскаго жителя. В октябре месяце 1812 г., вечной славы России. Москва: В типографии у С. Селивановскаго, 23 дек. 1812. 16 с.
9. Минерт А. К. Памятники архитектуры Бурятии / А. К. Минерт; отв. ред. Е. А. Щепков, В. С. Познанский ; СО АН СССР.
10. Орлов А.Г. Итанцинская Спасская церковь XVIII века. Документальное повествование. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2013. 408 с.
11. Гишпиус Г. А. Современники, собрание литографических портретов государственных чиновников, писателей и художников, ныне в России живущих. СПб., 1822.
12. Задонина Н.В. Хронология природных и социальных феноменов в Сибири и Монголии // Н.В. Задонина, К.Г. Леви. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2008. 759 с.
13. Бурятия: к 350-летию вхождения Бурятии в состав Российского государства. Энциклопедический справочник. В 2 т. Том 2. История: от древности до современности. Улан-Удэ: ЭКОС, 2011. 300 с.
14. Жамбалов З.Б. Б.Ц. Жалсанова. Очерки истории курорта Горячинск (1810–1922). Улан-Удэ: Изд-во «Новаяпечать», 2010. 80 с.
15. Козлов В.А. Курорт Горячинск: научно-популярная литература / В. А. Козлов, Н. В. Черняев. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1965. 51 с.

УДК 911.375

Н. В. Чугунова¹, А. И. Комкова²
N. V. Chugunova, A. I. Komkova

**ПРОСТРАНСТВЕННОЕ НЕРАВЕНСТВО В РЕГИОНЕ
 ВЫСОКОГО УРОВНЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО
 РАЗВИТИЯ (Белгородская область)**

**SPATIAL DISPARITY IN THE REGION WITH HIGH LEVEL
 OF SOCIAL-ECONOMIC DEVELOPMENT (Belgorod oblast)**

В статье изложены результаты исследования территориального неравенства в демографическом, социальном и экономическом положении муниципальных образований региона

¹ **Чугунова Надежда Васильевна**, доцент, к.г.н., Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород.

² **Комкова Анна Игоревна**, магистрант кафедры природопользования и земельного кадастра Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород.

с высоким рейтингом социально-экономического развития – Белгородской области. Выявлены глубокие диспропорции в уровнях развития муниципалитетов в социально-экономической сфере, нарушения базовых принципов социальной справедливости.

The results of the study of territorial disparities in demographic, social and economic position of municipal formations of the region with a high rating of social-economic development – Belgorod oblast are presented in the article. The deep disparities in the levels of development of municipalities in social-economic sphere, infringements of the basic principles of social justice were revealed.

Ключевые слова: население, неравенство, социальное, экономическое, показатели, диспропорции.

Key words: population, disparity, social, economic, indicators, disproportions.

Введение. Проблемы территориальных диспропорций в уровне социально-экономического развития центра и периферии остаются острыми и сложными в разрешении и приводят к социальной асимметрии в территориальной организации общества. Неравномерность развития российских регионов сложилась исторически и продолжает оставаться одной из самых актуальных проблем для институтов власти и населения. Нарастание различий между регионами приводит к нарушению социального равновесия в стране, дифференциации субъектов на лидеров, куда устремлены большие потоки миграции, и на проблемные территории, находящиеся в состоянии перманентного кризиса.

В научном сообществе идут дискуссии о возможностях и путях преодоления неравенства, но профессиональный консенсус не сформирован. Общепризнанным стало отношение к неравномерному развитию, неравным условиям жизни, как объективному свойству пространственного развития [1–5].

Экспертным сообществом, крупнейшими учеными в области общественной географии [6–9], институтами управления разного иерархического уровня признается необходимость совершенствования развития регионов, поиск путей сокращения разрывов в уровнях социального и экономического развития территорий, типами и формами расселения.

Количественно-качественная дифференциация в пространственной организации территорий между регионами априори велика, но, может быть, в успешных, динамично развивающихся регионах внутритерриториальное неравенство отсутствует или незначительно?

Для ответа на поставленный вопрос объектом исследования выбрана Белгородская область как регион с позитивным имиджем, с достаточно высоким рейтингом социально-экономического развития.

Методика исследования. Авторами работы собран и проанализирован материал на основе показателей официальной статистики, находящейся в открытом доступе. В работе не использовались экспертные оценки, что позволило избежать ошибок субъективного суждения и предвзятости.

Анализ осуществлен с использованием антропоцентрического, типологического, дихотомического подходов с применением сравнительно-географического, статистического методов и геоинформационного картографирования.

Основные результаты. В Российской Федерации Белгородская область относится к экономически развитым регионам, с развитой транспортной инфраструктурой, благоприятными природными условиями, относительно высокими уровнями доходов населения и обеспеченности жильем. Рейтинговое агентство медиагруппы МИА «Россия сегодня», специализирующееся на оценке социально-экономического положения регионов РФ, презентовало в 2017 г. рейтинг [10], по которому Белгородская область заняла 19-е место, что можно оценить как результат сбалансированного, устойчивого развития области. Но можно ли Белгородскую область считать в определенном смысле фракталом [11], в котором муниципальные образования хотя бы в какой-то мере самоподобны целому и незначительно отличаются по уровням развития, по показателям жизнеобеспечения населения?

Для ответа на поставленные вопросы мы оценивали уровень демографического, социального, экономического положения МО по десяти индикаторам с позиции антропоцентризма, т.е., при выборе индикаторов исходили из их значимости для человека преимущественно социальной и социально-экономической сфер: наличие работы, достойной заработной платы, возможности детям учиться в школе в своем населенном пункте, получать медицинскую помощь в ближайшем крупном населенном пункте, уровня благоустройства жилища и ряд др. В последнем показателе основным индикатором являлось наличие водопровода, как возможность создать в доме водоотведение (канализацию) для минимального обеспечения комфортности жилья. Показатель доли населения старше трудоспособного возраста включен потому, что отражает результаты деформации возрастной структуры населения, вызванной не столько уровнем низкой рождаемости, сколько миграционным оттоком, сокращением в составе населения инновационно-активного населения, что имеет немаловажное значение для территориальной общности людей и потенциала развития муниципалитета. Индикатор миграционного прироста/убыли – свидетельство социально-экономического благополучия/неблагополучия в муниципалитете, последствия которых различны для их динамичного развития: отток наиболее активных, образованных людей отражается, в частности, на качестве трудового потенциала, определяющего структуру организации территории. Показатель платных услуг отражает уровень благосостояния человека, его возможности получить (купить) услуги. Показатели для получения объективной информации рассчитывались в относительных величинах за исключением численности населения и заработной платы (табл. 1).

Таблица 1. Демографические, социально-экономические показатели

№	Наименование показателя	Содержание показателя
1	Численность населения	Численность населения, тысяч человек
2	Состав населения по возрасту	Доля населения старше трудоспособного возраста, в %
3	Миграционный прирост	Миграционный прирост (+), убыль (-) на 1000 человек
4	Численность работающих	Число работающих в крупных и средних организациях на 1000 человек населения муниципального образования
5	Заработная плата	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата, руб.
6	Благоустройство жилья	Общая площадь жилых помещений, оборудованных водопроводом, %
7	Общеобразовательные школы	Отношение числа населенных пунктов к числу школ в муниципальном образовании
8	Развитость медицины	Число больничных коек на 10000 человек
9	Инвестиции в осн. капитал	Инвестиции в основной капитал на одного человека, тыс. руб.
10	Платные услуги населению коммерческими и некоммерческими организациями	Объем платных услуг населению коммерческими и некоммерческими организациями на одного человека, тыс. руб.

На их основе по официальным статистическим материалам Белгородста [12] была рассчитана и составлена матрица по муниципальным районам, городам и городским округам Белгородской области (табл. 2).

Данные таблицы 2 свидетельствует о значительной стратификации муниципалитетов по показателям демографического, социального и экономического положения.

Глубина различий (процентное отношение максимального к минимальному показателю минус сто процентов) по ряду показателей находится в диапазоне от тридцати до нескольких сотен процентов (показатели №№ 4, 6, 8–10). Миграционный прирост (показатель №3) носит, по нашему мнению, по приграничным с Украиной районам краткосрочный характер, вызванный притоком беженцев из Донецкой и Луганской областей.

Сложная ситуация по блоку социальных показателей. В показателе №7 – соотношение населенных пунктов и школ (школы в городах нами не учитывались) достигает 5,3 и 5,4, т.е. на пять сельских населенных пунктов приходится одна школа. Не менее сложная ситуация с числом больничных коек на 10000 человек – отличия достигают четырехкратной величины. Село расплачивается за результаты «построенной в России асоциальной экономики» [13. С. 48], в том числе «оптимизацию» образования и здравоохранения, сокращения числа школ и учреждений здравоохранения. Будущее территорий (и населения), лишенных базовых социальных услуг, предсказуемо – рост социально-демографического опустынивания. По оценкам ряда исследователей [14. С. 186], если различия между регионами (в нашем случае – районами) по ряду базовых социально-экономических индикаторов (оплате труда, уровню развития социальной инфраструктуры и ряда других) составляет одну треть и более, то они являются показателями глубоких межрегиональных диспропорций. В Белгородской области различия в социальном положении муниципалитетов достигают по отдельным показателям шестикратной величины (число больничных

коек на 10000 человек между Белгородским и Грайворонским районами). Есть основания говорить о дихотомии [15. С. 398] демографического и социально-экономического пространства Белгородской области – о дихотомическом делении муниципалитетов на два типа – развивающиеся и деградирующие (успешные и неуспешные).

Таблица 2. Показатели демографического, социально-экономического положения муниципальных образований Белгородской области, 2016 г.*

Муниципальные образования	Порядковый номер показателя									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Всего по Белгородской области	1553	27	5	253	27090	85	3,8	73	57,6	24,4
городской округ г. Белгород	391	24	10	283	31868	99	49	143	48,1	66,1
Алексеевский район и г. Алексеевка	62	26	-7	307	27969	59	2,6	48	55,7	8,1
в том числе г. Алексеевка	39	25	-5	410	28298	68	8	н.д.**	н.д.	н.д.
Белгородский район	116	28	2	164	26900	94	2,5	18	50,3	6,7
Борисовский район	26	30	8	254	27079	52	2,6	39	68,3	21,7
г. Валуйки и Валуйский район	67	29	14	242	23312	56	2,8	64	11,4	7,9
в том числе г. Валуйки	34	27	22	409	23792	64	7	н.д.	н.д.	н.д.
Вейделевский район	20	30	0	201	23621	68	4,0	60	26,6	6,7
Волоконовский район	31	31	-7	176	24748	65	5,1	43	32,6	5,9
Грайворонский район	30	28	6	184	23834	53	2,4	108	113	5,6
Губкинский городской округ	119	27	0	305	30989	92	5,4	52	117,3	14,0
в том числе г. Губкин	87	26	1	374	31940	95	16	н.д.	н.д.	н.д.
Ивнянский район	22	29	5	217	25850	86	2,4	33	62,6	6,6
Корочанский район	39	31	14	245	28027	88	5,3	43	40,2	8,1
Красненский район	12	32	-3	201	23301	56	4,4	38	38,7	5,4
Красногвардейский район	37	30	-1	199	25730	56	3,1	40	123,4	5,7
Краснояржужский район	15	26	7	291	26586	68	3,4	44	11,2	4,9
Новооскольский район	42	30	0	324	25534	94	4,0	45	42,5	7,6
Прохоровский район	27	30	6	227	26530	62	6,4	41	41,4	7,2
Ракитянский район	25	28	5	253	29716	97	3,6	34	44,8	6,9
Ровеньский район	24	27	6	213	23057	73	2,3	35	31,3	6,4
Старооскольский городской округ	259	26	5	266	31223	92	4,3	58	93,6	16,8
в том числе г. Старый Оскол	223	25	4	298	31396	98	33	н.д.	н.д.	н.д.
Чернянский район	31	27	3	194	24413	49	2,7	41	17,9	6,0
Шебекинский район и г. Шебекино	91	30	-1	192	25470	74	3,4	67	26,5	9,6
в том числе г. Шебекино	43	30	-6	232	25484	88	10	н.д.	н.д.	н.д.
Яковлевский район	57	29	3	248	27044	100	4,3	43	39,9	9,5

* составлено и рассчитано по: [12, с. 6, 93, 96, 106–107, 111, 120, 128, 131, 140, 148, 239, 255, 267].

** нет данных.

Для определения типа муниципалитета показатели оценивались по трем уровням, где главным индикатором являлся среднеобластной. Каждому уровню был присвоен балл (табл. 3).

Таблица 3. Уровни показателей

Уровень	Балл									
	Порядковый номер показателя									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Соответствует среднеобластному	-	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Выше среднеобластного	-	-1	2	2	2	2	-1	2	2	2
Ниже среднеобластного	-	2	-1	-1	-1	-1	2	-1	-1	-1

Суммирование баллов показателей по каждому МО позволило получить интегральный показатель социально-экономического положения муниципальных образований (табл. 4).

Таблица 4. Интегральный показатель демографического, социально-экономического положения муниципальных образований Белгородской области, 2016 г.*

Муниципальные образования	Порядковый номер показателя									
	2	3	4	5	6	7	8	9	10	Сумма баллов
городской округ г. Белгород	2	2	2	2	2	2	2	-1	2	15
Алексеевский район и г. Алексеевка	2	-1	2	2	-1	2	-1	-1	-1	3
в том числе г. Алексеевка	2	-1	2	2	-1	2	н.д.	н.д.	н.д.	6
Белгородский район	-1	-1	-1	-1	2	2	-1	-1	-1	-3
Борисовский район	-1	2	2	-1	-1	2	-1	2	-1	3
г. Валуйки и Валуйский район	-1	2	-1	-1	-1	2	-1	-1	-1	-3
в том числе г. Валуйки	1	2	2	-1	-1	2	н.д.	н.д.	н.д.	5
Вейделевский район	-1	-1	-1	-1	-1	-1	-1	-1	-1	-9
Волоконовский район	-1	-1	-1	-1	-1	-1	-1	-1	-1	-9
Грайворонский район	-1	2	-1	-1	-1	2	2	-1	-1	0
Губкинский городской округ	1	-1	2	2	2	-1	-1	2	-1	5
в том числе г. Губкин	2	-1	2	2	2	2	н.д.	н.д.	н.д.	9
Ивнянский район	-1	1	-1	-1	2	2	-1	2	-1	2
Корочанский район	-1	2	-1	2	2	-1	-1	-1	-1	0
Красненский район	-1	-1	-1	-1	-1	-1	-1	-1	-1	-9
Красногвардейский район	-1	-1	-1	-1	-1	2	-1	2	-1	-3
Краснояржужский район	2	2	2	-1	-1	2	-1	-1	-1	3
Новооскольский район	-1	-1	2	-1	2	-1	-1	-1	-1	-3
Прохоровский район	-1	2	-1	-1	-1	-1	-1	-1	-1	-7
Ракитянский район	-1	1	1	2	2	1	-1	-1	-1	2
Ровеньский район	1	2	-1	-1	-1	2	-1	-1	-1	-1
Старооскольский городской округ	2	1	2	2	2	-1	-1	2	-1	8
в том числе г. Старый Оскол	2	-1	2	2	2	2	н.д.	н.д.	н.д.	9
Чернянский район	1	-1	-1	-1	-1	2	-1	-1	-1	-4
Шебекинский район и г. Шебекино	-1	-1	-1	-1	-1	1	-1	-1	-1	-7
в том числе г. Шебекино	-1	-1	-1	-1	2	2	н.д.	н.д.	н.д.	0
Яковлевский район	-1	-1	-1	-1	2	-1	-1	-1	-1	-7

* Составлено и рассчитано по табл. №№2, 3.

Дифференциация демографического, социально-экономического положения муниципальных образований Белгородской области по интегральному показателю оказалась очень существенной – от -9 до положительных 15 баллов (г. Белгород). Положительные баллы набрали города областного подчинения (за исключением г. Шебекино) и сельские территории Губкинского и Старооскольского городских округов за счет показателей своих городов.

Полученный интегральный показатель позволил ранжировать муниципалитеты по социально-экономическому положению и выделить пять типов (табл. 5).

Стагнирующий уровень считаем промежуточным между «развивающимися» (первые три типа) и «деградирующими» (последние два), находящийся в стадии неустойчивого равновесия с возможным перемещением вверх или вниз в ранжированном ряду.

Таблица 5. Интегральный показатель демографического, социально-экономического положения муниципальных образований Белгородской области, 2016 г.

Уровень положения	Сумма баллов
Высокий	15-9
Относительно высокий	8-6
Средний	5-2
Стагнирующий	0
Низкий	-1 - -3
Очень низкий	-4 - -9

На основе полученных результатов с помощью ГИС-технологий построена картосхема «Пространственное неравенство социально-экономического развития муниципальных образований Белгородской области» (рис.).

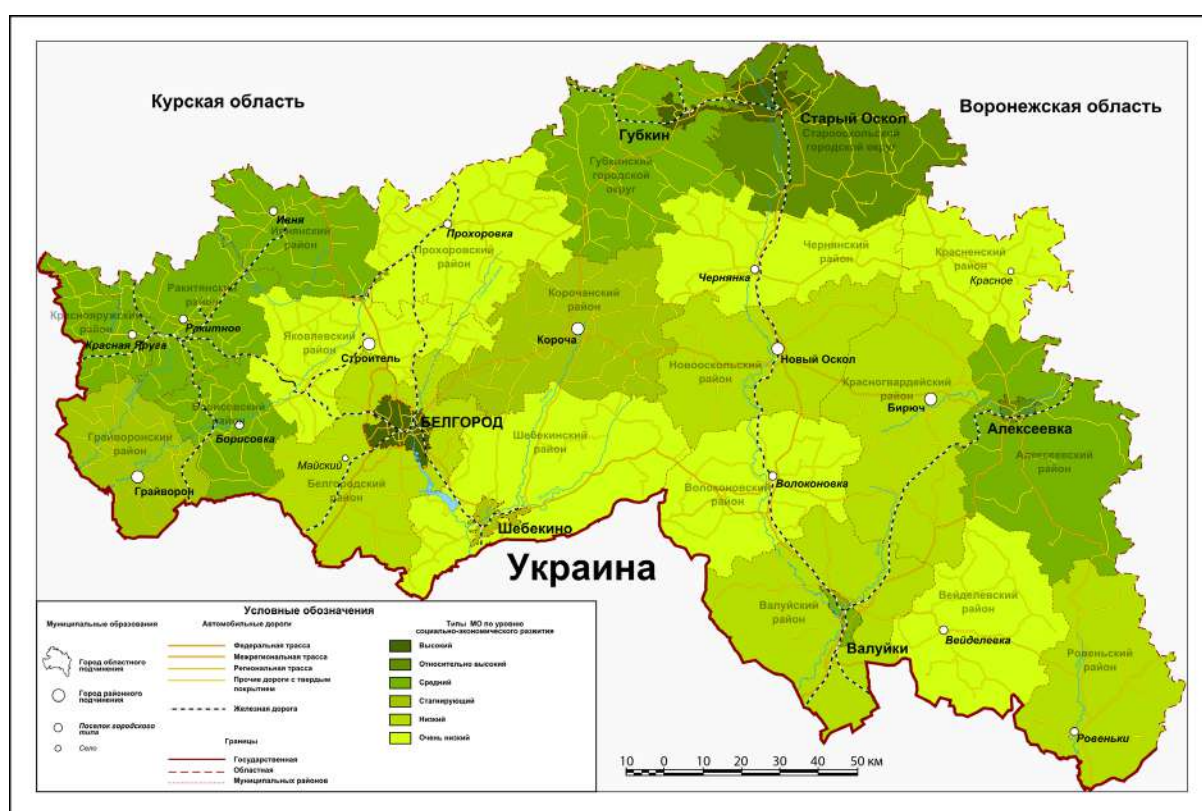

Рис. Пространственное неравенство социально-экономического развития муниципальных образований Белгородской области, 2016 г.

Анализ полученных результатов исследования и картосхемы (в качестве метода) познания позволяют утверждать, что 44,4% муниципальных образований Белгородской области относятся к типу «развивающиеся» (развития). Но в их составе *высокий уровень* развития имеют только три города: Белгород, Губкин, Старый Оскол (областной центр и центры черной металлургии общероссийского значения).

Основная часть муниципалитетов относится к типу *среднего уровня* развития.

В стадии *стагнации* (неустойчивого равновесия) находятся город-спутник Белгорода – Шебекино и два района – Грайворонский и Корочанский, распо-

ложенные во второй пригородной зоне Белгородской агломерации. Положение муниципалитетов в стагнирующем типе свидетельствует о концентрации ресурсов социальной и экономической сфер в областном центре и их незначительном количестве в пригороде, что косвенно свидетельствует об отсутствии структурной субурбанизации в Белгородской агломерации [16].

Подтверждением тому служит положение Белгородского района в типе районов с *низким уровнем* социального и экономического развития: семь из девяти показателей – ниже среднеобластных.

В типе МО с *очень низким уровнем* развития находятся еще два пригородных района агломерации – Шебекинский и Яковлевский, как следствие того, что население данных районов работает, учится, лечится, отдыхает, получает платные услуги в областном центре, совершает маятниковые поездки в Белгород, вносит свой «вклад» в автомобильные пробки, тратит личное время на дорогу и переезжает на постоянное место жительства (ПМЖ) в Белгород или за пределы области (деформированная возрастная структура населения районов свидетельствует об оттоке молодежи).

К *низкому и очень низкому уровню* развития (деградирующие) относятся 44,4% МО (пропорциональное дихотомическое разделение). Расположены они в основном на полупериферии и восточной периферии (по модели «центр-периферия»); абсолютное большинство жителей в них составляет сельское население. Исключением из сложившегося положения стал г. Алексеевка и Алексеевский район.

Если в районах, городских округах с центрами городов областного подчинения – Алексеевка, Валуйки, Губкин, Старый Оскол, Шебекино – исключить показатели городов, то получим дополнительный ряд районов с очень низким уровнем развития. Это сельские территории с ограниченным развитием социальной сферы, отрицательным сальдо миграции, низким качеством жизни и высокими социально-экономическими рисками развития на долгие годы. Но это – тема специального исследования.

Завершая статью, мы задаем себе вопрос: есть ли возможность у населения районов с низким и очень низким уровнем демографического, социального и экономического развития прожить долгую и здоровую жизнь, приобрести знания и иметь доступ к ресурсам, необходимым для достойного уровня жизни? Ответ однозначен...

Резюме. В регионе с высоким уровнем социально-экономического развития сформировано глубокое внутритерриториальное неравенство в демографической ситуации, социальной сфере, нарушены (и разрушены) базовые принципы социальной справедливости как результат проводимой в стране асоциальной политики.

Особенно велики диспропорции между городами и сельскими территориями, создающие риски неустойчивого развития области на ближайшие годы.

Для динамичного, инновационного развития необходимо, чтобы социальные цели стали определяющими для страны и ее регионов.

Благодарности

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 17-03-00092.

Литература

1. Кругман П. Пространство: последний рубеж // Пространственная экономика. 2005. №3. С. 121–126.
2. Мюрдаль Г. Мировая экономика. Проблемы и перспективы. М.: Иностранная литература. 1958.
3. Шмидхейни Стефан и др. Смена курса. Перспективы развития и проблемы окружающей среды: подход предпринимателя. Издательство: М.: Геликон. 1994. 384 с.
4. Зубаревич Н.В. Неравенство доходов населения: пространственная проекция // Proet Contra. 2013. №6.
5. Грицай О. В., Йоффе Г. А., Трейвиш А. И. Центр и периферия в региональном развитии. М.: Наука. 1991. 161 с.
6. Бакланов П.Я. Пространственное развитие региона: основные принципы и подходы к анализу и оценкам // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. Ростов-на-Дону. 2017. №6. С. 4–12.
7. Бабурин В.Л. Циклические механизмы формирования неоднородности географического пространства России // Социально-экономическая география: традиции и современность. Под ред. А. И. Шкириной и В. Е. Шувалова. М.– Смоленск: Ойкумена. 2009. 347 с.
8. Нефедова Т.Г. Десять актуальных вопросов о сельской России. Ответы географа. М: ЛЕНАНД. 2013. 456 с.
9. Трейвиш А.И. О пустующем пространстве России. Сжатие социального геопространства: между реальностью и утопией // Проблемы географической реальности. IX сократические чтения / Сб. докл. под ред. В.А. Шупера. М.: 2012. С. 166–190.
10. Рейтинг социально-экономического положения регионов – 2017. <http://riarating.ru/regions/20170530/630063754.html>.
11. Мандельброт Б. Фрактальная геометрия природы. М. – Ижевск. 2002. 656 с.
12. Основные показатели социально-экономического положения муниципальных районов и городских округов Белгородской области. (2012-2016 гг.). Стат. сб. / Белгород: Белгородстат. 2017. 280 с.
13. Сдасюк Г.В. Россия и Индия: общие проблемы развития – разные пути и результаты решения // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. Ростов-на-Дону. 2017. №6. С. 38–50.
14. Ридевский В.Г. Дихотомия в региональном развитии Беларуси: закономерности организации пространства и возможности региональной конвергенции / Многовекторность в развитии регионов России: ресурсы, стратегии и новые тренды // отв. Ред. В.Н. Стрелецкий. М.:ИП Матушкина И.И. 2017. С. 182–195.
15. Советский энциклопедический словарь. М: Советская энциклопедия. 1983. 1600 с.
16. Чугунова, Н. Города как аттракторы развития и пространственной организации территории региона. Белгородская область РФ / Н.В. Чугунова // Часопис соціально-економічної географії: міжрегіон. зб. наук. праць. Харків, Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна. 2013. Вип. 14. С. 90–97.

**ФОРМИРОВАНИЕ ОСЕЙ РАЗВИТИЯ
КАК РЕЗУЛЬТАТ ПОЛЯРИЗАЦИИ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА****THE FORMATION OF THE AXES OF DEVELOPMENT AS
A RESULT OF THE POLARIZATION OF SOCIO-ECONOMIC SPACE**

Рассмотрены территориальные линейные структуры, образующиеся при поляризации макро- и мезорегионального социально-экономического пространства. Выявлены факторы формирования осей развития. На примере некоторых российских регионов рассмотрены процессы поляризации хозяйства и формирование линейных структур. Предложена таксономия осей развития на разных пространственных уровнях.

Some territorial structures formed in the polarization of macro - and inter-regional socio-economic space are discussed. The factors of formation of development axes are revealed. On the example of some Russian regions the processes of polarization of economy and formation of linear structures are considered. the taxonomy of axes of development at different spatial levels is offered.

Ключевые слова: поляризация социально-экономического пространства, центр, периферия, ось развития, территориальный каркас.

Key words: polarization in socio-economic space, center, periphery, the axis of development, territorial frame.

Введение. Неравномерность социально-экономического развития сопровождается поляризацией территории. В результате этого процесса образуются линейные и ареальные структуры, обладающие большим потенциалом экономического развития. Линейные структуры могут стать осями развития региона. Формирование представления о «конвертации» экономического спада в конкретные трансформации территориальной организации производства и систем расселения, подходы к выявлению их специфики на разных таксономических уровнях – составляют основную задачу данного текста.

Степень проработанности проблемы. Формирование осей или коридоров развития остаётся одной из тем исследования в мировой науке. Впрочем, следует отметить, что по большей части они преимущественно стоят на плечах таких «гигантов» как А. Лёш, В. Кристаллер, Ф. Перру, Д. Фридман, чьи работы были написаны в 1930-х и 1960-х годах. Собственно, сам термин «ось развития» был предложен французом П. Потье [1]. Тем не менее, ось развития

¹ Преображенский Юрий Владимирович, кандидат географических наук, доцент, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, географический факультет, кафедра экономической и социальной географии, Саратов.

во многом до сих пор остаётся скорее некоей идеей, задающей направление мысли, чем законченной теорией. Она возникает в достаточно разных направлениях исследования, включающих развитие инфраструктуры, кластерообразование, т.н. (пространственную) близость (*proximity*). Во всех этих случаях западная наука традиционно «отталкивается» от уровня фирмы, взаимодействия фирм, качества институциональной и других сред.

В советский период масштабные инфраструктурные проекты, «втянувшие» огромные территории в экономическое пространство страны, дали базу для изучения эффекта создания территориальных линейных элементов – прежде всего железнодорожных магистралей. В постсоветские годы оси развития мало рассматривались на мезоуровне, а преимущественно на континентальном либо на микроуровне.

С вопросом формирования осей развития тесно связан вопрос поляризации социально-экономического пространства, а также модель «центр-периферия» [2], которые мы затронем ниже.

Поляризация в модели центр-периферия. Поляризацию социально-экономического (или, точнее сказать, экуменического пространства, имея в виду и культурные аспекты деятельности общества) можно описать как усиление концентрации определённых социальных, экономических и культурных процессов в одних местах (территориях) за счёт других. Неоднородность в размещении населения и хозяйства региона наблюдается всегда (в силу первичных различий в физико-географической «подложке»), но в ходе поляризации данная неоднородность структурируется более жестко, меняя не только пространственные контуры, но, как правило, и морфологию территориальной общественной системы (ТОС).

Процессы поляризации можно рассматривать под двумя разными углами. С одной стороны, поляризация предполагает изменение долей «центра» и «периферии» в ТОС; с другой стороны, «поляризовавшееся» население и экономическая активность концентрируются в конкретных территориальных структурах ареального или линейного вида.

В первом случае поляризации может быть прослежена, например, в отношении поселенческой сети – населённых пунктов различной людности, как это сделано в работе [3]. Количество ядер притяжения (и его изменение), а также направление и цикличность потоков между ними и остальной (периферийной) территорией служат индикаторами определения степени поляризации регионального социально-экономического пространства.

Среди подобных потоков между «центрами», «полупериферией» и «периферией» можно выделить людей (миграции), ресурсы (внутри этой группы отдельно – минерально-сырьевые, лесные и вообще все первичные ресурсы); сырьё и полуфабрикаты; энергию; информацию; капитал (инвестиции). При этом ключевым условием формирования указанных потоков является собственно наличие соответствующих зон, сосредоточивающих, потребляющих

вышепречисленные ресурсы. Со временем транслируемые центрами потоки формируют и всё больше закрепляют оси развития, происходит своего рода «наматывание нитки на катушку», благодаря чему такие оси уже сами по себе приобретают центральные функции.

Во втором случае можно выделять (по разным критериям) пространственные структуры концентрации «поляризовавшегося» населения и экономической активности (см., например, карту «урбанистических структур в центре России» [4, с. 79]).

На пересечении центр-периферийного подхода и модели полюсов роста и осей развития можно обособить более узкое, «трансляционное» направление в центр-периферийной модели. С его позиций фокус исследования сосредоточивается на связях между зонами; «центр» и «периферия» будут выделены на основании входящих и исходящих потоков вещества, энергии и информации, а оси развития – как результат взаимодействия зон центр-периферийной системы (ЦПС) [5]. Линейная поляризация в этом случае будет означать стягивание социально-экономической «ткани» к определённым осям, линия поляризации пройдёт перпендикулярно оси.

При этом произойдёт снижение доли полупериферийной части, которая окажется перераспределена между «центральными» (в меньшей степени) и «периферийными» (в большей степени) зонами. Можно считать, что в целом это явление положительное, так как вырастает роль «центра» ТОС региона, однако с диалектических позиций поляризация – есть скорее реакция системы на ослабление «центра», риски его перехода в «провинцию». Реагируя на данную опасность, система перестраивается таким образом, что концентрирует ресурсы в «центре», увеличивая сколь возможно степень разнообразия, сочетание возможных комбинаций в ядре системы, пусть и ценой ослабления, социального и культурного «выхолащивания» остального экономического и социокультурного пространства региона.

Очевидно, что интенсивные трансляции возникают между дополняющими частями региона, при этом характер связей в ЦПС можно представить как движение некоего «количества» (счетных ресурсов, вагонов, единиц энергии) в направлении от «периферии» к «центру» и движение некоего «качества» (смысловых, технологических или культурных конструкций) в обратном направлении. Если взаимодополняемость отсутствует, то потоки наблюдаться не будут.

В общем виде можно сформулировать такую тезу: в результате поляризации отдельные территориальные линейные структуры при некоторых условиях становятся осями развития. Ключевым здесь является взаимодействие между производственными центрами, по отношению к которым линейный элемент выполняет увязывающую роль, способствуя минимизации экономического расстояния. Содержание трансляций существенно для приосевой территории. В других случаях можно говорить только о транзитной роли оси. Рассмотрим

варианты, которые могут возникнуть на региональном уровне с образованием оси развития (табл. 1).

Таблица 1. Варианты формирования оси развития

Ось формируется	Ось не формируется
Промышленный центр (ПЦ) – более крупный центр услуг	Промышленный узел своего нодального района – промышленный узел другого нодального района
ПЦ – морской порт	
Крупный ПЦ и ПЦ меньшего размера в рамках одного ТУ	Крупный ПЦ и ПЦ меньшего размера в рамках разных ТУ
Небольшие ПЦ – центр услуг	

Без сомнения, значимым фактором в приведённой схеме является относительный размер центров. Населенные пункты меньшего размера (точки роста) имеют тесные связи с более крупным промышленным центром – узлом района. Крупные же города в большей степени обмениваются уже результатом своей специализации – готовой продукцией. Они являются узлами своих районов в промышленном отношении, а также способны оказывать достаточно широкий спектр услуг (что позволяет удерживать население от дальних поездок, связанных с покупками и услугами). В таком случае взаимодополняемость между ними, как правило, сложно вычленишь.

Роль снижения экономического расстояния оказывается не единственным фактором для взаимодействия приосевых территорий. Большое значение имеет и уровень технологического развития промышленных пунктов, лежащих на оси развития. Предприятия, встроенные в разные технологические уклады (ТУ), в малой степени пересекаются между собой, а значит – не формируют оснований для взаимодействия, для синергии.

Представленные в таблице варианты не являются взаимоисключающими. Так, на линейном элементе между двумя крупными городами могут возникнуть точечные элементы, ориентированные каждый на один из этих центров.

Таксономия территориальных линейных систем. Пространственные линейные структуры концентрации экуменического пространства можно выделить на разных *таксономических уровнях* ТОС.

На *континентальном* уровне им соответствуют торговые пути (морские или сухопутные). При невозможности доставить грузы морским транспортом значимую роль начинают играть тарифы железнодорожного транспорта. В.Л. Безруков показал важность транспортной составляющей ТОС на примере регионов Сибири [6].

Континентальная евразийская ось в действительности сформирована только отчасти, поскольку почти не задействует промежуточные, «внутренние» территории, по которым она проходит. Кроме того, геополитическая ситуация не способствует её идеальной конфигурации.

Создание трансконтинентальных экономических коридоров – один из инструментов макрорегионального развития, проявившийся в 2000-е годы в

рамках взаимодействия международных организаций (таких, как АСЕАН) и развивающихся стран. Можно привести примеры экономических коридоров Юго-Восточной Азии, соединяющих Тихий океан с Индийским в обход Малаккского пролива: Восточно-Западный и Южный экономический коридоры. Также подобный подход применяется в отношении стран Восточной Африки. Очевидно, что транзитная роль данных коридоров даёт первоначальный импульс к развитию, который, тем не менее, необходимо подкрепить созданием условий взаимодействия приосевых территорий. Например, в условиях Восточной Африки коридоры соединяют месторождения цветных металлов с портами прежде всего Мозамбика, эта инфраструктура также используется агропроизводителями для доставки сельхозпродукции на локальные и региональные рынки; при этом в условиях неразвитой обрабатывающей промышленности коридоры остаются торговыми, выполняют лишь транзитную функцию [7].

На *страновом* уровне подобные оси «заданы» опорным каркасом расселения, зонами с наибольшей плотностью населения. Их активизация связывается, как правило, с развитием крупных транспортных проектов (создание высокоскоростной железнодорожной магистрали), однако окупаемость таких проектов возможна, по всей видимости, в условиях относительно высокого экономического роста, предпосылок которого в среднесрочной перспективе не наблюдается.

Опыт территориального планирования многих зарубежных стран, основанный на концентрации ресурсов для развития в отдельных поясах, оказался достаточно успешным. Особенно показателен в данном случае пример Южной Кореи, где пояса формировались преимущественно вдоль побережий страны для решения задач как индустриального рывка, развития новых технологий, так и развития сервиса [8].

Характерно, что даже в случае, когда выделяемые планировщиками контуры пространственных структур формально назывались зонами, хорошо заметна их линейная структура (рис.1).

Процессы поляризации в пределах страны могут быть локализованы как в наиболее исторически освоенной части системы расселения, так и занимать краевое, граничное положение. Частным случаем последнего можно считать приморские полосы. Так, А.Г. Дружинин отмечает, что «и поныне сокращающийся демографический потенциал Севера и Севера-Востока России продолжает отчасти удерживаться приморскими городами, выполняющими функции стабилизатора системы расселения, ее опорного каркаса» [10, с. 36].

На *макрорегиональном* уровне оси развития способны пройти между крупными промышленными районами. В современных условиях они «начинаются» в районах добычи углеводородов. Включение России в мировую экономику привело к формированию (или, вернее, его завершению, продлению) коридора, вытянувшегося в широтном направлении, поляризовавшего экономи-

ческое пространство по степени вовлеченности во внешнеторговый оборот. Н.В. Зубаревич считает, что оно «разделилось на «открытые» (территории, экспортирующие ресурсы, а также транзитные территории с крупными портами) и «закрытые» (территории т.н. внутренней экономики) [11, с. 13].

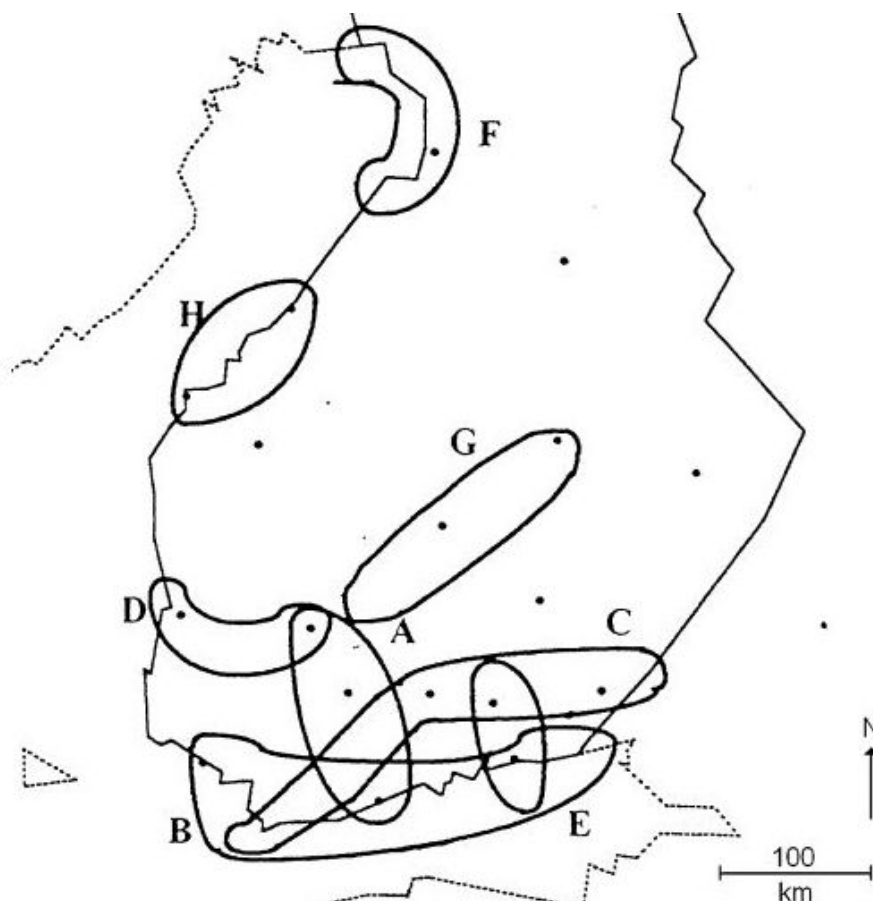

Рисунок 1. Зоны кооперации в развитии пространственных структур (вариант Министерства Окружающей среды Финляндии, 1995) (по [9])

Региональный уровень характеризуется особым вниманием к агломерациям, связям между ними. На этом уровне своеобразным «маркером» связности населённых пунктов, устойчивости системы расселения являются миграции.

Большая зависимость регионов от бюджетных перераспределений приводит к формированию «ренты геоположения, ...формальный статус в значительной степени стимулирует и социально-экономическое развитие» [12, с. 38].

Процессы поляризации в конкретных регионах запускаются более иерархически высокими процессами, связанными со сдвигами в международном разделении труда. В результате этих процессов достаточно часто ядро региональной ГОС оказывается выключенным из мировых (или континентальных, как в период советской экономики) потоков, переходит в разряд провинциальных зон (об этом можно судить, например, по ценам на недвижимость – с определёнными оговорками). В 90-е годы подобные процессы затронули большинство административных центров субъектов РФ, поскольку они потеряли свои

ведущие позиции в территориальной организации промышленности страны, а вместе с ними и «право» на перераспределение внутрирегиональных ресурсов собственной генерации. Некоторые смогли перестроиться (как, например, Екатеринбург), терциаризировав свою экономику.

В этой ситуации неизбежно происходило такое перестроение региональной системы, при котором она отдаёт часть своих внешних функций одному или нескольким городам-центрам, представленным в глобальной иерархии (прежде всего по линии финансовых потоков). В условиях отказа от собственной активной региональной стратегии и переходу к пассивному перераспределению бюджетных средств стоит говорить «... не об эволюции, а инволюции таких районов, связанной в том числе и с социально-демографическими ограничениями», замечает Т.Г. Нефёдова [13, с. 73]. Выделяя в пределах страны внутреннюю и внешнюю периферию, она отмечает, что в пространственном отношении «речь ... идет об экономике «хозяйственного сжатия» [13].

Линейно поляризованное пространство можно рассматривать как потенциальную «ось развития». На первом этапе, в результате снижения издержек от обслуживания периферийной инфраструктуры (что, с другой стороны, можно рассматривать как сокращение экономического расстояния), возникает определённый положительный эффект в экономике региона. Однако дальнейшее развитие такой линейной структуры будет связано с возможностями включения в процессы внешнего (по отношению к самому региону) разделения труда. Эта возможность может оказаться нереализованной, и тогда следующим этапом в деградации ТОС станет миграция уже не внутрирегиональная, а направленная в более развитые регионы, а также приращение территории уже потерявшего системность региона к другому в качестве периферии.

В случае же реализации преимущества снижения экономических расстояний, развитие оси между несколькими центрами приведёт к формированию «полосы развития» (по И.М.Маергойзу [14]), а впоследствии – к своеобразному эффекту агглютации (т.е. процессу слипания) экономических центров.

Вообще суженное воспроизводство в большинстве составляющих регионального воспроизводственного процесса, характерное для существенной части субъектов РФ, запустило процессы деградации ТОС. Поляризация региона – есть, во многом, пространственное выражение такой инволюции, деградации.

В пространственном аспекте нарушается морфология региональной ЦПС и может возникнуть такая ситуация, когда средний уровень центров будет выхолощен и «...взаимодействие ключевого полюса роста с остальной территорией региона» окажется «... невозможно без наличия на ней сети полюсов роста более низкого ранга» [15, с. 16].

Другим проявлением деградации ТОС можно считать негативные трансформационные процессы в институциональной сфере, которые выявить достаточно сложно, так как они по большей части выражены де-факто, а не де-юре. В общем виде они проявляются как уменьшение ресурса создания точек

роста собственными силами; в результате ближайший горизонт развития тесно связан только с модернизацией уже созданных производств, уже реализованных проектов. Это достаточно хорошо видно по региональным стратегиям социально-экономического развития, в которых описываемые приоритетные проекты выглядят мало реальными в силу неопределённости источников спроса на соответствующую продукцию (или услуги, например, туристического характера) и инвестиций для создания предприятий её производящих [16].

Вопросы конкретных контуров поясов развития в пределах отдельных регионов достаточны сложны, т.к. необходимо учитывать значимое количество факторов, которые и явились причиной наблюдаемого рисунка, «среза» пространственной трансформации. Существенным ограничением является недостаток статистических данных, особенно это касается населённых пунктов. В связи с этим остаётся весьма небольшое число показателей, которыми можно оперировать.

Рассмотрим примеры некоторых отечественных регионов.

Как и большинство регионов страны, в 1990-е гг. Саратовская область испытала «вымывание» звена предприятий в райцентрах; промышленное производство сосредоточилось в нескольких центрах и, соответственно, выросли значения показателей районов, к которым они относятся. Можно видеть, что увеличили долю в промышленном производстве области некоторые приволжские районы; этот пояс продолжают три района на северо-западе области. Кроме того, увеличили свой вклад три района в Заволжье (это, впрочем, может быть объяснено эффектом низкой базы) (рис. 2).

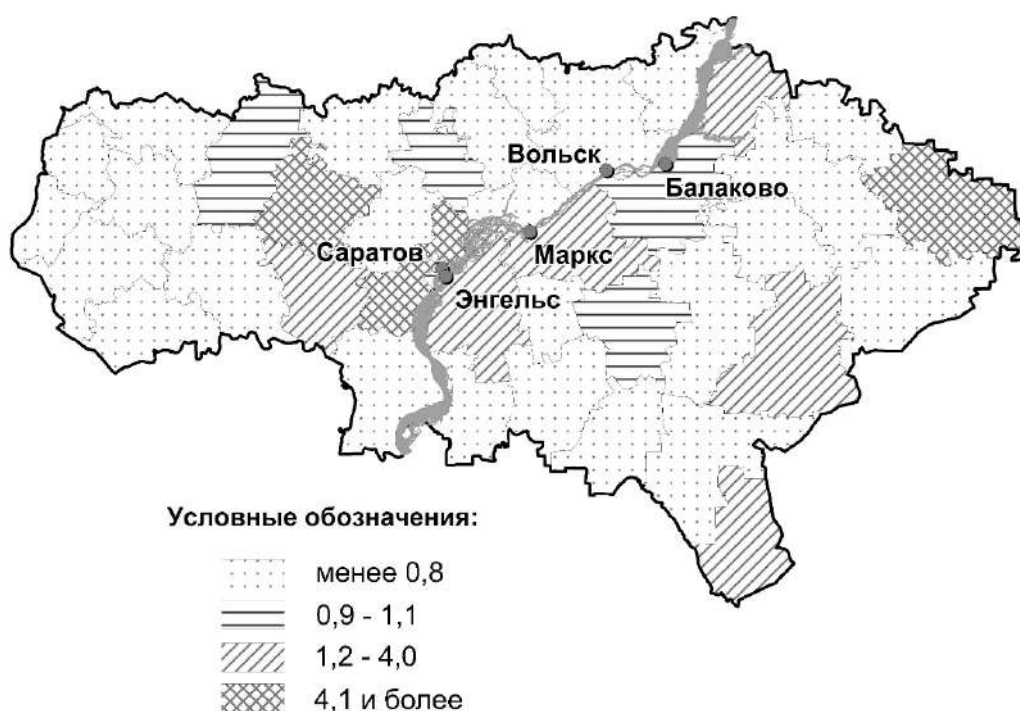

Рисунок 2. Изменение доли муниципальных районов Саратовской области в промышленном производстве 2016 г. к 1998 г., раз (г. Саратов – 0,95)

В целом же только четверть районов увеличила свою долю в промышленном производстве, остальные уменьшили или – в единичных случаях – не изменили. Можно ли рассматривать заметный на картосхеме пояс в качестве «оси развития»? Формально это так. Однако для анализируемого периода можно было говорить скорее об удержании промышленного потенциала, а не о его наращивании. Такое «удержание» удалось немногим районам, прежде всего включающим крупные населенные пункты, такие как Балаково, Энгельс и Саратов (с чьим непосредственным влиянием и связан рост Саратовского района).

В течение последнего десятилетия были реализованы несколько промышленных инвестиционных проектов, закрепивших роль Балаково и Энгельса в ранге «вторых городов» области [17]. Меньшие по объему инвестиций проекты были осуществлены в других приволжских городах – Вольске, Марксе. Вместе эти города образуют ось, которая определяется поймой Волги. Таким образом неясно: промышленный рост этих центров связан с линейной формой промышленного каркаса области или же контуры оси – случайность, связанная с историческим формированием рисунка расселения региона в долине реки?

Как представляется, в определённой степени верны оба варианта. Полагаем, что в большинстве случаев, рассматривая те или иные регионы, можно будет наблюдать картину приуроченности «осевого роста» к линейным формам рисунка расселения, которые, в свою очередь, исторически опираются на природные рубежи контрастности, прежде всего реки.

Среди количественных методов выявления поляризации интересен центрографический, связанный с нахождением усреднённых координат изучаемого явления или объекта. Применяв его к динамике размещения населения по территории области за период 1989–2015 гг. (взяв за основу значимые населённые пункты), мы не получили практически никакого смещения. Население относительно равномерно теряли практически все населённые пункты, за исключением Энгельса, но, поскольку он находится в центре системы расселения области, это не сказалось на результате. Таким образом, как и ожидалось, система расселения по сравнению с хозяйством области оказалась более устойчивой к процессам поляризации структурой.

Рассмотрим вариант Вологодской области. Он интересен близостью двух крупнейших городов региона – Вологды и Череповца. Согласно проектному плану в Схеме территориального планирования области, оба города – полюсы роста первого порядка, между которыми намечена зона взаимодействия, которая затрагивает Шекснинский район. Оказало ли подобное соседство положительное влияние на рост выпуска промышленной продукции в нём? Как можно видеть в динамике за 7 лет – нет (табл. 2).

Можно предположить, что для реализации эффекта «оси» в производственной сфере – необходимо наличие площадок, инфраструктуры, иначе

новые производства (или расширение старых) будут ориентироваться на уже сформированные центры, где такая инфраструктура есть.

Таблица 2. Доля городов и Шекснинского района
в промышленном производстве области, %

	2009	2016
Череповец	84	86
Вологда	9	8
Шекснинский район	1,5	0,8

Вопросы выделения осей получили свое второе рождение в связи с развернувшейся проектной деятельностью по созданию Схем территориального планирования субъектов РФ и применению при их составлении каркасного подхода [19]. Предполагалось, что планировочно-коммуникационные оси являются основными структурными элементами урбанизированного каркаса территории и благодаря «...благоприятным транспортным возможностям, особенно при сочетании с другими факторами размещения производства, селитьбы и рекреации...», они становятся предпочтительными (с точки зрения экономики) перед другими территориями и получают, таким образом, новые импульсы для развития» [15, с. 15]. Авторы завершают абзац, связывая понятие зон опережающего развития с концентрированными сочетаниями производства и расселения.

Более детальная морфология осей развития на *микроуровне* рассмотрена (в частном случае примагистральных зон) в работе С.И. Яковлевой, которая считает, что «...можно говорить о трехзвенной структуре примагистральных зон: транспортная ось (магистраль, полимагистраль, транспортный коридор), межмагистральное пространство транспортного коридора и зона влияния магистрали или коридора («полосы развития») [19, с. 15].

Выводы. Таким образом, понятие оси развития тесно связано с моделью «центр-периферия» и полностью раскрывают свою специфику только при привлечении последней. Поляризация социально-экономического пространства на начальном этапе даёт центральным частям региона (полюсам оси) положительный импульс развития, который может быть реализован только при определённых условиях. Оси концентрации ойкуменической деятельности обладают существенным потенциалом для того, чтобы стать осями развития, однако приосевые территории должны обладать взаимодополняемостью. Оси развития могут быть рассмотрены на различных таксономических уровнях, наполняясь на каждом из них специфичным содержанием.

Литература

1. Pottier, P., 1963. Axes de communication et developpement economique. In *Revue Economique*, Vol 14.
2. Грицай О. В., Иоффе Г. А., Трейвиш А. И. Центр и периферия в региональном развитии. М.: Наука, 1991. 168 с.

3. Валяев И.А., Вознесенская А.Г. Пространственный анализ поляризации системы сельских населённых пунктов нечернозёмной зоны России // Региональные исследования. 2016. № 1 (51). С. 88–95
4. Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Поляризация пространства центрально-российского мегалополиса и мобильность населения // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2016. № 5. С. 77–85.
5. Преображенский Ю.В. Подходы к выявлению Центра и Периферии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Науки о Земле. 2016. Т. 16. № 4. С. 216–221.
6. Безруков Л. А. Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии. отв. ред. Б. М. Ишмуратов ; Российская акад. наук, Сибирское отделение, Ин-т географии им. В. Б. Сочавы. Новосибирск, 2008.
7. Преображенский Ю. В. Коридоры развития в Южной Азии и Восточной Африке // Вестник ТвГУ. Серия “География и Геоэкология”. 2018. № 1. С. 73–87.
8. Richardson H., Chang-Hee, Bae C. Regional and Urban Policy and Planning on the Korean Peninsula // Edward Elgar, Cheltenham, UK. 2011. P. 257.
9. Moilanen H. Regional development zones in spatial development in Finland Governing spatial development through new territorial frames. Turun yliopisto. University of Turku. Turku. 2012.
10. Дружинин А.Г. Талассоаттрактивность населения в современной России: общественно-географическая экспликация // Балтийский регион. 2017. Т. 9, № 2. С. 28–43.
11. Зубаревич Н.В. Изменения в центрально-периферийной конфигурации постсоветского пространства // Вестник Евразии. 2001. № 3. С. 5–21.
12. Кузин В.Ю. Переформатирование пространства России: процессы и тенденции // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Науки о Земле. 2017. № 1 (05). С. 32–36.
13. Нефедова Т.Г. Поляризация пространства России: ареалы роста и «черные дыры» // Экономическая наука современной России. 2009. № 1. С. 62–77.
14. Маергойз И. М. Территориальная структура хозяйства. Новосибирск; Наука, 1986. 137 с.
15. Птичникова Г.А., Антюфеев А.В. Дихотомия локальное – глобальное и её роль в пространственном структурировании архитектурного пространства современного города // Социология города №1. 2015. С. 5–19.
16. Преображенский Ю.В. Пространственные аспекты в «Стратегии социально-экономического развития Саратовской области до 2030 года» // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Науки о Земле. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 227–231.
17. Преображенский Ю.В. Эффект второго города в экономическом развитии субъектов РФ Поволжского экономического района // Известия Саратовского университета. Сер. Науки о Земле. 2015. Т. 1. Вып. 2. С. 21–26.
18. Яковлева С.И. Каркасные модели в региональных схемах территориального планирования // Псковский регионологический журнал. 2013. № 15. С. 15–25.
19. Яковлева С.И. Примагистральные зоны: понятие, состав и функции // Региональные исследования. 2007. №1. С. 15–24.

**ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ РЕКРЕАЦИОННАЯ СИСТЕМА
«СЕЛЬСКОГО ЗЕЛЕНОГО ТУРИЗМА»****THE TERRITORIAL RECREATIONAL SYSTEM
OF "RURAL GREEN TOURISM"**

Разработана и охарактеризована модель территориальной рекреационной системы сельского зеленого туризма. Разграничены сходные понятия «сельский зеленый туризм», «зеленый туризм», «сельский туризм», «экологический туризм», «агротуризм». Иерархизированы территориальные рекреационные системы «сельского зеленого туризма». Приведены примеры территориальных рекреационных систем «сельского зеленого туризма» разных таксономических рангов, определены их функции и особенности.

The model of territorial recreational system of rural green tourism was developed and characterized. The similar concepts of «green tourism», «ecotourism», «rural tourism», «ecotourism», «agrotourism» were delineated. The territorial recreational systems of rural green tourism were systematized. Examples of different taxonomic ranks of the territorial recreation systems of rural tourism is determined by their functions and features.

Ключевые слова: сельский зеленый туризм, территориальная рекреационная система, агротуризм.

Key words: rural green tourism, territorial recreation system, agro-tourism.

Активное развитие туризма порождает формирование новых специализированных территориальных рекреационных систем (ТРС). Наряду с территориальными системами купально-пляжного, экскурсионно-познавательного, лечебно-оздоровительного и других массовых видов туризма, формируются ТРС новых типов рекреационной деятельности, среди которых значительную популярность в XXI веке получил «сельский зеленый туризм» (СЗТ), в настоящее время активно развиваемый во всем мире, в том числе и в Российской Федерации. Интерес к СЗТ обусловлен относительно небольшими издержками предприятий и близостью к природной среде по сравнению с другими видами рекреации.

Изучению СЗТ посвящены работы многих географов и экономистов, среди которых Зырянов А.И. [1], Биржаков М.Б. [2], Бугаец Т. Г. [3], Денисенко В. В. [4], Доможилкина Ж.В. [5], Егоров Ю.Н. [6], Чернявая А.Л. [7] и другие. Однако до настоящего времени не разработана модель специализированной

¹ Гуров Сергей Александрович, кандидат географических наук, Таврическая академия Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского, географический факультет.

территориальной рекреационной системы «сельского зеленого туризма», которая должна быть в основе комплексных исследований данного направления туристской деятельности.

Задачами нашего исследования являются:

1. Разграничение сходных понятий «сельский зеленый туризм», «зеленый туризм», «сельский туризм», «экологический туризм», «агротуризм»;
2. Разработка модели территориальной рекреационной системы СЗТ;
3. Иерархизация территориальных рекреационных систем СЗТ;
4. Определение функций и особенностей территориальных рекреационных систем «сельского зеленого туризма».

В настоящее время в географической, экономической, туристской литературе и практической деятельности используются многие категории, сходные по смыслу с объектом нашего исследования. Наиболее популярными среди них являются «зеленый туризм», «сельский туризм», «экологический туризм», «агротуризм». Для определения дефиниции «сельского зеленого туризма» необходимо, в первую очередь, разграничить данные термины и определить их соотношение.

Под сельским туризмом (*rural tourism*) чаще всего понимают вид туризма, сконцентрированный на сельских территориях или предусматривающий размещение в сельской местности. Он предусматривает развитие туристских маршрутов, мест рекреации, сельскохозяйственных и народных музеев, центров обслуживания отдыхающих с гидами и экскурсоводами. Понятие «сельский туризм» иногда отождествляют с понятием «агротуризм», однако чаще всего специалисты по туризму и сельскому хозяйству разграничивают данные понятия. Так Дунец А.Н., Исаев В.В., Биттер Н.В., Донскова Л.И., Ревякин В.С., Бовтун В.С., Петракова Т.Г., Герасимова О.Ю., Панин Е.А., Косицына А.В. под агротуризмом (*farm tourism*) понимают «вид туризма, который предусматривает использование сельского (фермерского) хозяйства» [8]. Он подразумевает рекреационную деятельность на базе фермерского хозяйства или приусадебного участка (в частном секторе). Его отличие от аренды сельского дома заключается в том, что всю заботу о своих постояльцах – организацию проживания, питания, досуга и дополнительных услуг – берет на себя принимающая сторона.

«Сельский туризм» имеет много общего с «зеленым туризмом» и «экологическим туризмом», соответствует многим приоритетам данных направлений туристской деятельности, в частности, сохранению природной среды и снабжению отдыхающих продовольствием из местных продуктов. В этой связи чаще всего употребляют обобщенный термин «сельский зеленый туризм» (СЗТ). Основой СЗТ является использование сельского жилья в качестве базы для ночевки и питания «зелёных» туристов.

Довольно сходными в научной литературе являются понятия «зеленый туризм» и «экологический туризм». Похожими данные виды рекреационной деятельности делает то, что в основе как одного, так и другого вида туризма находится природа [9]. Однако, в то время как одной из особенностей экотуризма является ориентация на путешественников, увлекающихся изучением природной среды, зеленый туризм направлен на городских жителей (им предлагается проводить свое свободное время в загородных природных уголках) [10].

Категория «зеленый туризм» шире, чем «сельский туризм», так как не привязывает рекреанта к размещению в сельской местности. Однако в абсолютном большинстве случаев зеленые зоны располагаются вблизи сельских населенных пунктов, чем активно с коммерческой целью пользуются местные жители; на наш взгляд, соответственно, термин «сельский зеленый туризм» (СЗТ) является более удачным для употребления в научной и практической деятельности.

Территориальную организацию СЗТ во многом объясняет теория периферии [11]. «Зеленые» туристы пытаются удовлетворить рекреационные потребности за пределами городских поселений, осваивая периферийное пространство зеленых зон вокруг крупных городов, богатое, прежде всего, природными рекреационными ресурсами. Большинство отраслей промышленности не совместимы с туристско-рекреационной деятельностью. Поэтому периферийность и ее активное использование для развития туризма – закономерное общественное явление.

СЗТ в рекреационных районах формирует территориальные системы, объединяющие следующие подсистемы:

1. «Сельские» туристы – главный элемент системы;
2. Природные туристско-рекреационные ресурсы;
3. Сельская усадьба (гостевой дом) со всеми элементами ее инфраструктуры – оснащением недвижимости, подъездными путями, автопарком и др.
4. Хозяева и работники усадьбы (гостевого дома) являются обслуживающей подсистемой;
5. Организации, координирующие «сельский зеленый туризм», в частности региональные ассоциации фермеров и землевладельцев, Министерство курортов и туризма, Торгово-промышленная палата и др.

Территориальная система СЗТ (как любая открытая система) имеет вход и выход. Генерация туристского потока обусловлена потребностью приобщения к природе и сельскому образу жизни, а результат определяется рекреационным эффектом (рис. 1).

Таким образом, под территориальной рекреационной системой сельского зеленого туризма (ТРС СЗТ) следует понимать комплексную геосистему, включающую природные и антропогенные объекты, сельские усадьбы и гостевые дома, предоставляющие услуги рекреантам с целью удовлетворения их потребностей в приобщении к природе и сельскому образу жизни.

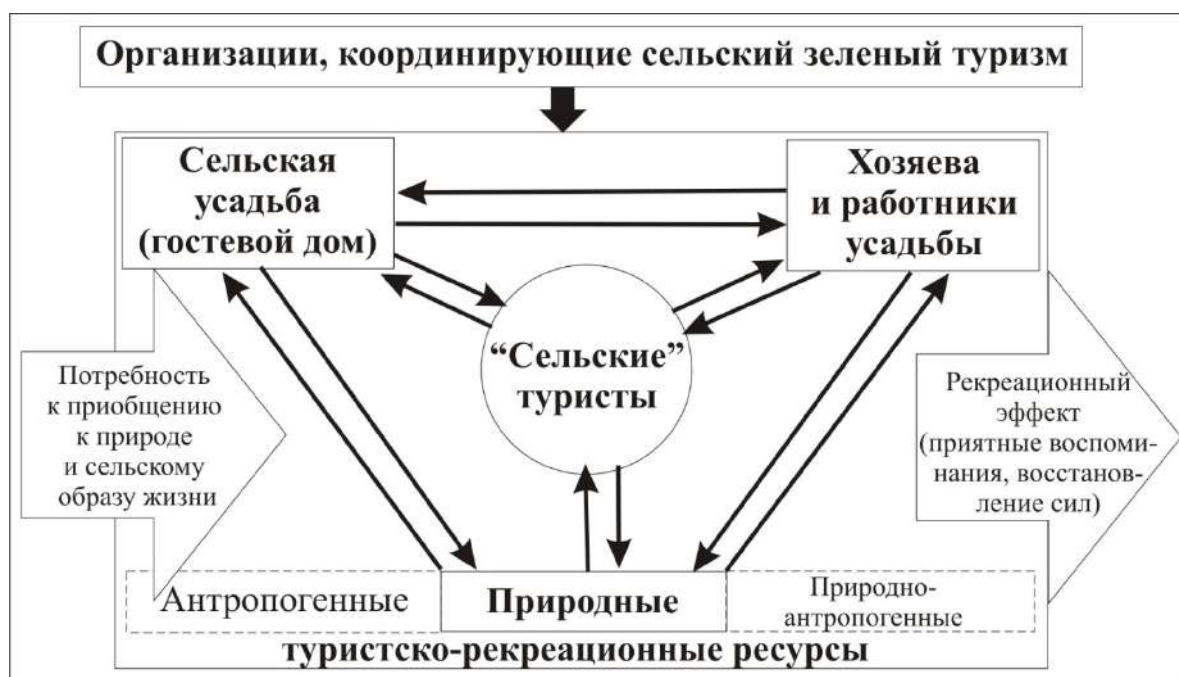

Рис. 1. Компоненты территориальной системы «сельского зеленого туризма»

Для любой геосистемы характерна иерархичность. Мы предлагаем следующие таксономические ранги ТРС СЗТ (в качестве примера рассмотрим Крымский регион):

1. Пункт СЗТ – представлен отдельным предприятием СЗТ. Например, сельская усадьба «Горец» в с. Многоречье Бахчисарайского района Республики Крым.

2. Центр СЗТ – представлен сельским населенным пунктом, в котором функционирует ряд предприятий СЗТ. Так, в центре СЗТ с. Многоречье услуги СЗТ предлагают усадьбы «Berghof» и «Горец», гостевые дома «Лесной Кордон» и «Бельбек», лесотель «Пальмира». Формирование данного центра обусловлено расположением между аттрактивными достопримечательностями – Большим и Малым каньоном Крыма.

3. Узел СЗТ формируют расположенные рядом центры СЗТ, ориентирующиеся на общую ресурсную базу. Например, в вышеупомянутом Бахчисарайском районе крупнейшие центры СЗТ – с. Соколиное и с. Многоречье – формируют узел СЗТ вокруг одной из главных достопримечательностей Крыма – Большого каньона.

4. Подрайон СЗТ должен включать узлы и центры СЗТ, расположенные в пределах муниципального образования (административные районы) (рис. 2). Так в пределах горнолесной зоны Бахчисарайского района функционируют такие центры СЗТ как с. Баштановка, с. Высокое, с. Соколиное, с. Многоречье, с. Поляна, с. Солнечноселье, с. Счастливое, с. Новоульяновка и другие. Их объединяет не только территориальная близость и один тип ландшафта, но

и особенности управления туристской деятельностью в соответствии с принципами стратегии социально-экономического развития Бахчисарайского района на период до 2030 года [12], развития туристско-рекреационного кластера «Бахчисарайский» [13].

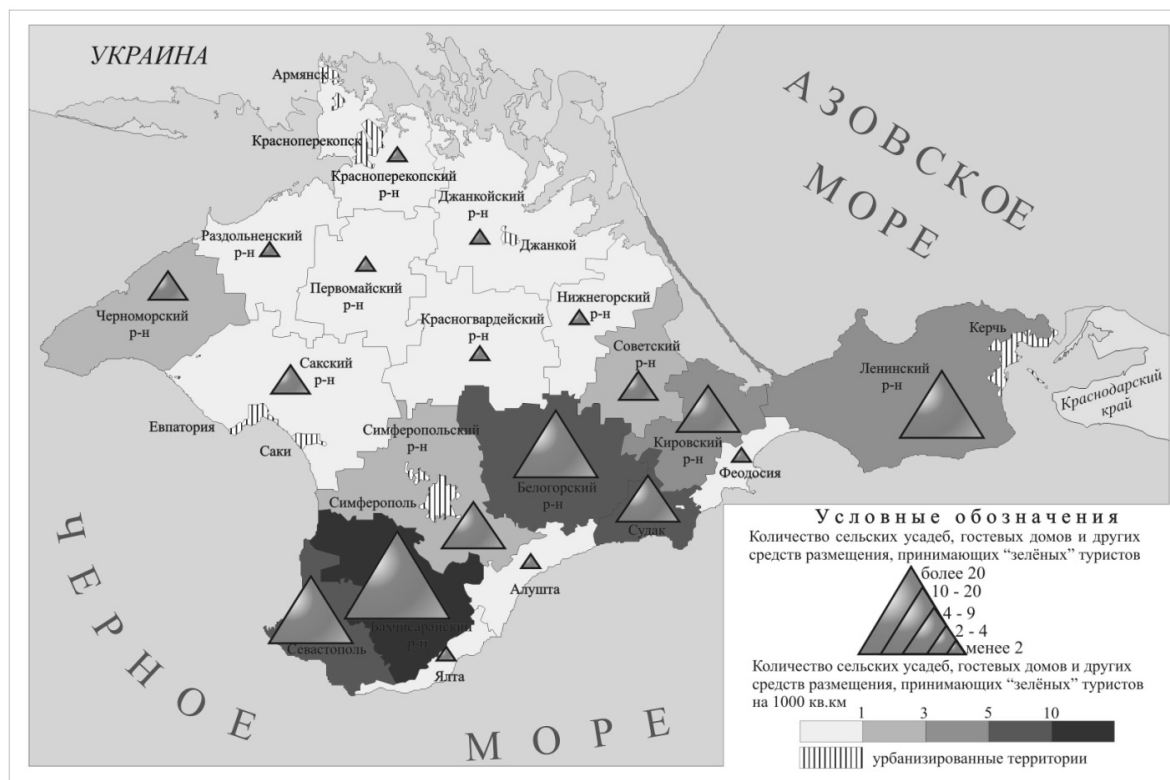

Рис. 2. Концентрация предприятий «сельского зеленого туризма» в административных районах Крымского региона (подрайонах СЗТ).

5. Район СЗТ (субрегиональная ТРС СЗТ) территориально соответствует той части рекреационного района, где развивается СЗТ. Так горнолесная зона Бахчисарайского, Белогорского, Симферопольского и Кировского района формируют Центральный район СЗТ. Данные муниципальные образования объединяют многие общие направления и особенности развития СЗТ, связанные с сходными физико-географическими условиями (размещением в пределах трех гряд Крыма) и, соответственно, ресурсной базой – преобладанием в структуре туристско-рекреационного ресурсного потенциала СЗТ – геоморфологических ресурсов.

6. Регион СЗТ (региональная ТРС СЗТ) представляет собой территориальную систему, генерирующую услуги СЗТ, имеет масштабы крупного административного образования (область, республика, край и др.). Функционирование таких территориальных систем координируют региональные ассоциации СЗТ. Регион СЗТ развивается в соответствии с ФЦП. Так Крымская региональная ТРС СЗТ развивается в согласовании с ФЦП «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2020 года» [14].

Крымская ТРС СЗТ включает, по нашим подсчётам, более 80 средств размещения, принимающих «зеленых» туристов. Размещены они довольно неравномерно. Наиболее эффективно СЗТ развивается в 9 муниципальных образованиях: Бахчисарайском, Ленинском, Белогорском, Кировском, Советском, Симферопольском, Черноморском районе, городском округе Судак, Севастополе (рис. 2). Лидером по развитию СЗТ в РК является Бахчисарайский район – 22 средства размещения района предлагают свои услуги в Интернете. Основным видом туристской деятельности СЗТ становится в Белогорском районе; важнейшими центрами СЗТ здесь являются пос. Ароматное, с. Холодная гора, с. Межгорье, с. Красноселовка, с. Ольховка. В Симферопольском районе наиболее перспективной зоной развития СЗТ является Салгирская долина, а в городе Севастополе – Байдарская долина. СЗТ востребован в горном Крыму круглогодично. Многие туристы отдают предпочтение походам в межсезонье, когда температура воздуха является наиболее благоприятной. В усадьбах предлагают услуги трекинга, скалолазания, конной езды, охоты и «мягкого туризма» – сбора грибов и ягод.

В целом по России, кроме Крымской ТРС СЗТ, благодаря поддержке региональных властей, активно развиваются Калининградская ТРС СЗТ, Ярославская ТРС СЗТ, Смоленская ТРС СЗТ, Карельская ТРС СЗТ, Краснодарская ТРС СЗТ и некоторые другие. Региональные ТРС СЗТ в России могут функционировать по принципам двух моделей СЗТ – «Малое семейное хозяйство» и «Национальная деревня». Реализация модели «Малое семейное хозяйство» требует создания сетей средств размещения на базе существующего в сельской местности жилищного фонда. Средства размещения должны быть сведены в единую информационную базу данных, обеспечены обученным персоналом, осуществляющим обслуживание по единым стандартам. Развитие СЗТ в форме стилизованных под национальную специфику «агротуристических деревень», «рыбацких деревень» и т. д. требует, прежде всего, инвестиционных ресурсов, а также поддержки соответствующих проектов на уровне региона. Так, например, в Северо-Западном регионе РФ в рамках проекта «Серебряное кольцо России» планируется построить сеть «национальных деревень», которая станет базисом региональной ТРС СЗТ.

7. Национальная ТРС СЗТ представляет собой ТРС СЗТ отдельного государства. Наиболее эффективные ТРС СЗТ сформировались в Италии, Франции, Австрии, Словакии, Германии, Чехии, Польше. Первое место в ЕС по развитию СЗТ занимает Итальянская ТРС СЗТ, ее прибыль в среднем составляет около 350 млн. евро в год [15].

Функции ТРС СЗТ разнообразны. Их развитие содействует системному решению проблемы воспроизводства трудового потенциала, формированию новых направлений производства и реализации продукции, повышению занятости населения сел, росту доходов, повышению уровня и качества жизни. Эволюция ТРС СЗТ является важным фактором устойчивого увеличения по-

ступлений в бюджет, активизации развития различных отраслей экономики (транспорт, связь, торговля, сельское хозяйство, строительство и т. д.). Благодаря сохранению этнической самобытности, СЗТ должен приобрести государственное значение прежде всего потому, что:

1. СЗТ дает импульс для возрождения и развития традиционной культуры (искусства, архитектуры, промыслов народов разных регионов России – всего, что составляет местный колорит и, наряду с природными туристскими ресурсами, является не менее привлекательным для рекреантов);

2. Горожане, проживающие в среде глобализирующейся массовой культуры могут познать истинные традиции и образ жизни народов России;

3. Этнокультура сельской местности привлекает зарубежных туристов.

По отдельным оценкам, СЗТ охватывает уже более 10% туристского рынка, а темпы роста превышают соответствующие темпы во всей индустрии туризма [8]. Период максимальной активности «сельских» туристов в различных регионах приходится на разное время года. Если в средней полосе России наиболее предпочтительное время «сельского» отдыха большинства туристов – лето, то на юге (Крым и Кубань) – и другие сезоны года.

Эффективность ТРС СЗТ напрямую связана с общественно-географическими условиями, развитостью инфраструктуры, аттрактивностью населенного пункта и дестинации, посещаемой различными категориями рекреантов. С одной стороны, город, как крупный транспортный узел, обладает гораздо большей аттрактивностью для туристов, чем небольшое село, находящееся вдали от транспортных магистралей. С другой стороны, если данный город к тому же оказывается единственным, расположенным вблизи от уникальных природных ресурсов, куда стремятся попасть рекреанты, то спрос на услуги размещения в гостевых домах в нем постоянно будет значительным.

ТС СЗТ играют роль катализатора структурной перестройки экономики сельских населенных пунктов, их развитие обеспечивает решение многих общественных проблем. Географам-обществоведам необходимо искать пути эффективного регионального, субрегионального и локального развития ТС СЗТ и детально изучать влияющие на него территориальные факторы.

Литература

1. Зырянов А.И. Сельско-лесной туризм и дачная рекреация в Пермском крае / А.И. Зырянов, И.О. Щепеткова // Актуальные проблемы развития сельского (аграрного) туризма в условиях современных геополитических и социально-экономических вызовов. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, 2017. Краснодар : Кубанский государственный университет. С. 11–17.

2. Биржаков М.Б. Организация сельского туризма: практическое пособие / М.Б. Биржаков, Л.И. Биткулова, Д.Н. Панова. Всевожск: ЕАГО, 2010. 120 с.

3. Бугаец Т. Г. Современное состояние и перспективы развития зелёного туризма в Крыму / Т.Г. Бугаец // Таврические студии. Серия: искусствоведение. 2016. №8 (22). С. 121–126.

4. Денисенко В. В. Современное состояние и перспективы развития агротуризма в Крыму / В.В. Денисенко // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. 2011. Том 24 (63). №1. С. 173–185.
5. Доможилкина Ж.В. Современное состояние и перспективы развития агротуризма в Белогорском районе Республики Крым / Ж.В. Доможилкина, М.Н. Халилова // Экономика и предпринимательство. 2017. № 4 (ч. 2). С. 340–346.
6. Егоров Ю.Н. Сельский туризм: опыт, проблемы, перспективы развития в России / Ю.Н. Егоров. М. : ООО «Столичная типография», 2008. 72 с.
7. Чернявая А. Л. Анализ современного состояния сельского зеленого туризма в АР Крым / А. Л. Чернявая // Економічний вісник Донбасу. 2012. № 1 (27). С. 63–66.
8. Дунец А.Н. Сельский туристский бизнес в Алтайском крае : учебное пособие / А.Н. Дунец, В.В. Исаев, Н.В. Биттер, Л.И. Донскова, В.С. Ревякин, В.С. Бовтун, Т.Г. Петракова, О.Ю. Герасимова, Е.Л. Панин, А.В. Косицына. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. 126 с.
9. Зима А.Г. Категориально-понятийные особенности экологического, зеленого, сельского туризма / А.Г. Зима, М.А. Голуб // Бизнес информ. 2015. №1. С. 241–245.
10. Пивоваров А.О. Термин экотуризм и его синонимы / А.О. Пивоваров Е.Н. Ливченко // Международный студенческий научный вестник. 2014. №4. С. 48.
11. Купер К., Флетчер Д., Гильберт Д., Ванхилл С, Богданов Е. Экономика туризма: теория и практика: Учебн. пос. СПб.: Омега, 1998. 380 с.
12. Стратегия социально-экономического развития Бахчисарайского района на период до 2030 года. Бахчисарай, 2016. 117 с.
13. Климов Н.Н. Формирование туристско-рекреационного кластера в Республике Крым / Н.Н. Климов, А.Е. Потапова, Я.В. Сайбель // Молодой ученый. 2016. №11. С. 778–780.
14. Федеральная целевая программа «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2020 года» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fcr.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcr.cgi/Fcr/ViewFcr/View/2015/429> (дата обращения: 28.11.2017).
15. Уланов Д.А. Туризм на сельских территориях: опыт, проблемы, перспективы / Д.А. Уланов // Молодой ученый. 2013. №6. С. 455–459.

УДК 332.1

Н. Н. Роготень¹, Т. А. Адашова², Т. Ф. Крейденко³
 N. N. Rogoten, T. A. Adashova, T. F. Krejdenko

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ РЕФОРМИРОВАНИЯ ОПК СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

SOCIO-ECONOMIC IMPACTS OF REFORMING THE DEFENSE INDUSTRY OF SIBERIA AND THE FAR EAST

Показана значимость создания оборонно-промышленного комплекса обширного региона Сибири и Дальнего Востока и его роль в поддержании и укреплении обороноспособности страны в разные периоды её исторического развития. Проанализирована происходившая трансформация ВПК и разрушительные последствия, вызванные распадом СССР. Рассмотрены позитивные изменения в сфере ОПК в настоящее время, сделан акцент на перспективах дальнейшего развития.

The authors have shown the importance of the military-industrial complex vast region of Siberia and the Far East and its role in maintaining and strengthening the defense capability of the country in different periods of its historical development. Analyzed the occurring transformation of the military-industrial complex and the devastating consequences of the collapse of the Soviet Union. Considered positive changes in the sector currently focus on the prospects for further development.

Ключевые слова: военно-промышленный комплекс, оборонно-промышленный комплекс, Сибирь, Российский Дальний Восток.

Key words: military-industrial complex, Siberia, the Russian Far East.

С момента включения Сибири и Дальнего Востока в состав Российского государства, данные территории традиционно рассматривались, с одной стороны, как сырьевые придатки, с другой – как тыловой опорный пункт (Сибирь) и военно-политический и внешнеэкономический форпост страны на Тихом океане (Дальний Восток). Огромные незаселенные и неосвоенные пространства, зачастую враждебное окружение, геополитические интересы других держав сделали объективной необходимостью постоянное военное присутствие в этих регионах. Военный фактор, так или иначе, более полутора столетий оказывал решающее влияние на их политическое, социально-экономическое и культурное развитие. Например, в Сибири теоретические предпосылки формирования стратегической базы выдвигались еще в период между русско-япон-

¹ **Роготень Наталья Николаевна**, кандидат географических наук, доцент, Московский государственный психолого-педагогический университет (МГППУ), Московский педагогический государственный университет (МПГУ).

² **Адашова Татьяна Алексеевна**, кандидат географических наук, доцент, доцент Российского университета дружбы народов (РУДН).

³ **Крейденко Татьяна Федоровна**, кандидат географических наук, доцент Российского университета дружбы народов (РУДН).

ской и Первой мировой войнами. В центральной широтной полосе Западной Сибири (к северу от Колпашево Томской области и до села Мужы в нижнем Приобье) предполагалось размещение крупного комплекса ультрасовременных, по тем временам, металлургических, химических, машиностроительных и лесоперерабатывающих производств, ориентированных на военное производство. В мирное время предполагалось производство гражданской продукции: горного оборудования, минеральных удобрений и др. Район должен был пересекаться планировавшейся к возведению железной дорогой Мурманск – Енисейск. Кроме того, с конца XIX века строился Обь – Енисейский канал – часть трансконтинентального внутреннего водного пути. За 13 лет было построено 150 км, потрачено 10 млн. руб. золотом, но Транссиб перечеркнул судьбу этого грандиозного проекта. В качестве рудной базы комплекса рассматривались Васюганское и Ангаро-Питское месторождение, а для лесохимической и топливной базы – обширные лесные угодья среднего и нижнего Приобья.

Тщательно продумывались этапы освоения района. Первоначально планировалось сельскохозяйственное освоение территории с одновременным созданием производственной и социальной инфраструктуры. Осуществлению проекта в таком виде помешала гражданская война. Но генеральная линия создания цитадели в глубине страны сохранилась.

В формировании и развитии военно-промышленного комплекса СССР и оборонно-промышленного комплекса современной России выделяется несколько этапов (табл. 1).

Как показывает табл. 1, наиболее важным, в плане формирования и развития в регионах оборонных производств, был период с 30-х годов и до распада СССР. Опыт Первой мировой и гражданской войн способствовали определенной автономизации экономики Дальнего Востока и показали, что в случае крупного военного конфликта в европейской части, у страны оставалась единственное окно для связи с внешним миром – через Владивосток. А в случае оккупации Дальнего Востока – враг мог двинуться через Сибирь к Уралу, парализовать главные промышленные районы и вынудить СССР воевать на два фронта.

Таким образом, было необходимо сохранить главное стратегическое значение дальневосточных территорий – обеспечение выхода СССР к Тихому океану. Ограниченная пропускная способность Транссиба вынуждала держать на Дальнем Востоке такую группировку войск, которая в случае необходимости могла бы вести боевые действия самостоятельно. В связи с этим начала складываться отраслевая и территориальная структура хозяйства региона. ВПК Хабаровского края нацеливался на обеспечение военных операций на Маньчжурском направлении и удержании границ в случае военного конфликта. К началу 1937 г. на Дальнем Востоке была сосредоточена четвертая часть всех сухопутных войск СССР. К 1939 г. общая численность войск на Дальнем Востоке составила 479 тыс. чел. [4].

Таблица 1. Этапы формирования и развития военно-промышленного комплекса страны

Годы	Содержание этапа	Итоги
1921–1930	Реформа вооруженных сил и военной промышленности. Создание специализированных заводов «кадра» («почтовых ящиков») и оборонных НИИ и КБ при ведущих военных заводах.	Концентрация военного производства на «номерных» заводах. Засекречивание сведений о количестве военных заводов, их местоположении, объемах производства, итогах финансово-хозяйственной деятельности.
1930–1936	Форсированная индустриализация, концентрация военного производства на заводах «кадра». Создание военно-политического опорного пункта на Дальнем Востоке. Обязательная военная экспертиза всех крупных хозяйственных объектов и проектов.	Наращивание угольно-металлургических мощностей в Кузбассе, завершение пусковых работ Норильского ГОКа, строительство авиационных заводов в Иркутске и Новосибирске, изыскательские работы трассы БАМ и др.
1936–1941	Концентрация военных заводов (перевод из «запаса» в «кадр»).	Создание 5 наркоматов по приоритетным направлениям военного производства.
1941–1945	Эвакуация промышленных предприятий на восток. Резэвакуация.	Создание в Сибири и на Дальнем Востоке индустриальной базы глубокого стратегического тыла.
1946 – конец 1950-х	Демилитаризация всех отраслей и появление новых военно-промышленных производств.	Сооружение секретных объектов («атомный архипелаг»). Путь «большой науки» на Восток.
начало 1960-х – 1991	Экономическая реформа 1965 г. Создание «оборонной девятки» министерств. Обострение «холодной войны» и наращивание мощи ВПК.	На оборону работало 60 тыс. предприятий (2100 из них осуществляли конечную сборку), 920 НИИ и КБ.
1992–2006	Реформирование ОПК. Сокращение государственного оборонного заказа.	Деградация армии и ВПК, «саморассекречивание» закрытых городков.
2007 – по н.в.	Формирование новой системы планирования и управления ОПК. Принятие Государственной программы вооружений на период 2007–2015 гг. Формирование 24 интегрированных структур в ОПК.	Обновление армии и флота. Восстановление позиций России на мировом рынке оружия. Формирование системы ВТС. Создание сводного реестра ОПК и 75 тыс. новых рабочих мест, в т.ч. на новых заводах.

Составлено авторами по: [1–3]

Пограничный край с крупными реками остро нуждался в собственном судостроении. Принимая во внимание сложную военно-политическую ситуацию и близость границ, было принято решение о строительстве военного завода почти в 400 км от Хабаровска вниз по течению Амура. В 1939 г. вошел в строй секретный объект № 126 – авиационный завод [5]. Единственный город-спутник Комсомольска – Амурск, возникший благодаря строительству первого в Дальневосточном регионе лесопромышленного комплекса. Вырабатываемая целлюлоза использовалась как основа для производства взрывчатых веществ. На амурском заводе «Вымпел» выпускался каждый третий патрон в стране. Со временем Амурск вышел на 3 место по размерам промышленного производства в крае [3].

Реализовывались и другие планы по развитию тяжелой промышленности Дальневосточного региона. В 1934 г. в Хабаровске возникли стационарные авиационные мастерские, осуществляющие ремонт самолетов и их двигателей. Уже после войны, в 1959 г., это предприятие получило название «12 Авиационный ремонтный завод». С 70-х г. завод освоил ремонт вертолетной техники. Примерно в эти же сроки началась история авиаремонтного завода № 116, ставшего позже Арсеньевской авиационной компанией «Прогресс» им. Н. Сазыкина.

В годы Великой Отечественной войны эвакуация промышленных предприятий завершила создание в Сибири и на Дальнем Востоке индустриальной базы глубокого стратегического тыла. Только в Новосибирскую область было эвакуировано более 100 предприятий (в т.ч. более 50 – в Новосибирск), в Кемеровскую область – 140 (в т.ч. более 40 – в Новокузнецк), в Омскую область – более 120 (в т.ч. 50 – в Омск), в Алтайский край – более 130 (в т.ч. 35 – в Барнаул) [6].

Резуэвакуация осуществлялась по двум направлениям: одни возвращались к месту прежнего базирования и переключались на выпуск гражданской продукции, другие оставались в сибирских городах без изменения профиля. Таким образом, за Сибирью окончательно закрепились роль «оружейного цеха» страны и к середине 80-х годов до 80-90% производственных мощностей шло на наращивание вооружений. В 3-х центрах региона – Новосибирске, Красноярске и Омске – трудилось до 70% всех работников сибирского ВПК (в Новосибирской области – это 173 тыс. чел. из почти 3-х миллионного населения) [7].

Несмотря на сложные проблемы послевоенного восстановления экономики, в начале 50-х годов Дальний Восток стал территорией интенсивного хозяйственного освоения. В числе базовых отраслей, наряду с лесной и рыбной промышленностью, стал ВПК, предопределивший последующие 30 лет развития региона. Тогда же были заложены основы атомно-оружейного и ракетно-космического комплексов. С этого времени география науки и ВПК практически совпадают. Превращение Сибири в «оружейный цех» страны требовало соответствующей научной поддержки. Путь «большой науки» на восток (создание региональных отделений) определялся не только логикой её развития и необходимостью научного обеспечения производственной базы районов нового освоения, но и соображениями стратегического характера. В 1970 г. началась история Дальневосточного научного центра АН СССР.

Максимальных масштабов милитаризация Сибири и Дальнего Востока достигла в период «холодной войны». Такие факторы как близость вероятных противников (общая граница и пограничные споры с Китаем, военные базы США в Японии и Южной Корее); приморское положение; необходимость создания эффективной системы ПВО для защиты границ и главной базы ТОФ делали необходимым содержание многочисленных воинских контингентов и развитой военной инфраструктуры. Вдоль сухопутной границы была создана сеть укрепрайонов, вокруг Владивостока и Находки (как вокруг республикан-

ских столиц и ряда других городов) были созданы глубоко эшелонированные комбинированные системы ПВО. Практически каждый 7-й житель региона был военнослужащим [4].

Военные историки и краеведы отмечают, что 1960-е годы были периодом наиболее значительного роста и строительства. Появление на флоте нового вида оружия – крылатых корабельных, береговых и других ракет с обычными и ядерными зарядами потребовало строительства соответствующих объектов: спецхранилищ, мастерских, пунктов специальной обработки и дезактивации, хранения отходов. Всё это было создано в необжитых таежных местах без дорог и без возможности подойти со стороны моря. Объекты инфраструктуры, созданные военными строителями (110 тыс. чел.) в течение 10 лет на побережье и прилегающих островах, отражены на рис. 1.

Самыми значительными проектами по созданию военной инфраструктуры на территории Приморья стало создание мощной военно-морской базы и благоустроенного военного гарнизона в пос. Промысловка (Шкотово–17/Фокино) и противоатомного убежища для АПЛ Тихоокеанского флота в Павловске. В общей сложности за 30 лет только для ТОФ было построено 75 военных городков [8]. Помимо них существовали ещё и «военные» поселки, обслуживавшие расположенные рядом гарнизоны и имевшие численность населения до нескольких тысяч человек. Военная сфера дополнительно стимулировала развитие и таких крупных городов как Артем, Спасск-Дальний, Дальнереченск, Лесозаводск, Магадан (база АПЛ).

Повышенное внимание уделялось самому крупному городу Приморья – Владивостоку. Самые последние оборонительные сооружения здесь были закончены в 1991 г., а сам город был закрыт для иностранных посещений. В разные периоды военные составляли 15–20% населения города.

Рис. 1. Объекты военной инфраструктуры Приморского края, созданные в 60-е годы, составлено автором

Условные обозначения:		Цифрами обозначены:	
☆	Базы надводных кораблей	1.	бухта Абрек
▲	Базы АПЛ	2.	Павловск, 3. бухта Улисс
○	Заводы ремонта и достройки АПЛ, ремонта кораблей	4.	бухта Чажма
●	Военные городки и военно-морские базы, береговые ракетные полки с жилыми городками	5.	Фокино, 6. Дунай, 7. Шкотово, 8. Славянка, 9. Смоляниново, 10. Романовка, 11. Барабаш

Составлено по: [4, 8–10]

Нужды ВМФ в регионе обеспечивали 35 промышленных предприятий. Большинство из них были градообразующими или играли важную роль в экономике и социальной сфере региона [10]. Только в Приморье численность военнослужащих составляла 140 тыс. чел., а численность занятых на военных производствах оценивалась в 45 тыс. чел. [4]. Когда регион сталкивался с острой нехваткой трудовых ресурсов, военные выполняли многие управленческие, политические, социальные и хозяйственные функции. На этом фоне гражданское население перенимало элементы военной субкультуры. Сохранившаяся еще с 30-х гг. традиция поддержания бдительности (через создание «бригад помощников») получила продолжение в оказании помощи при патрулировании границы и проверке документов. Особую значимость для жителей региона имеет празднование Дня пограничника. Названия городов и многих улиц в них, колхозов, железнодорожных станций, заводов, траулеров и т.д. были связаны с именами защитников дальневосточных государственных границ.

Кризисные явления, связанные с распадом Советского государства, очень тяжело отразились на состоянии вооруженных сил и военной промышленности. Кризис проявился в масштабных сокращениях государственного военного заказа и, соответственно, падении военного производства и обороноспособности государства, снижении жизненного уровня военнослужащих и работников ВПК, закрытии гарнизонов и разграблении их имущества. Кризис в «оборонке» отразился на социально-экономическом положении целых городов.

Оценивая социально-экономические последствия процессов реформирования ВПК в постсоветский период, необходимо отметить следующее.

1. Поскольку предприятия ОПК Сибири были градообразующими (помимо занятых непосредственно в оборонном производстве, часть населения работала на оборону косвенно – через такие секторы экономики как металлургия или академическая наука), неудивительно, что реформирование ОПК имело самые серьезные последствия для жителей региона. Среди негативных последствий: деиндустриализация и разграбление ряда оборонных предприятий, существенное снижение численности занятых и заработной платы в отраслях ОПК [7].

2. До настоящего времени значительная часть предприятий комплекса проводит политику выживания. Реализация средне- и долгосрочных стратегий развития требует обновления основных фондов, поскольку физический износ достигает 80%. Ещё выше показатели морального устаревания оборудования.

3. В Сибири представлены все отрасли оборонной промышленности [11]. Но отраслевая структура ОПК региона отличается от общероссийской (табл. 2). Практически совпадает только доля предприятий радиоэлектронного комплекса, но в стране в целом преобладают заводы радиопромышленности, а в Сибири – выше доля производств электронной отрасли и промышленности средств связи. Отрасли, занимающие 1 и 2 места в составе сибирского ОПК, считаются источником дополнительных проблем из-за кризисного

экономического состояния. Как отмечают специалисты, интерес к сибирским оборонным заводам определяется не объемами производства, а итогами деятельности отдельных предприятий, к их наработкам. Это относится к авиационным заводам в Новосибирске, Иркутске и Улан-Удэ, предприятиям ракетно-космической промышленности в Омске и Железногорске Красноярского края, комбинатам и заводам атомной промышленности в Северске, Новосибирске, Железногорске.

Таблица 2. Структура ОПК Сибири и РФ по количеству предприятий

Отрасли	РФ		Сибирь	
	%	место	%	место
Радиоэлектронный комплекс	31,2		30	
Авиастроение	17,1	1	11	3
Промышленность боеприпасов и спецхимии	8,3	7	19	1
Промышленность обычных вооружений	14	2	18	2
Атомная промышленность (не включается в состав ОПК)	4,1		6	

Составлено по: [7].

Для абсолютного большинства отраслей ОПК Сибири можно выделить регион концентрации. Например, в Омской области сосредоточено 46 % предприятий авиастроения и 36% – промышленности средств связи, в Красноярском крае – 43% ракетнокосмической, в Новосибирской области – 82% электронной промышленности, по 50% – атомной промышленности, промышленности боеприпасов и спецхимии, радиопромышленности и 44% – промышленности обычных вооружений. Равномерным размещением отличается только судостроение [7].

4. ОПК страны прошел через процесс акционирования. Доля государственных оборонных предприятий сохранилась на уровне около 1/3. В СФО этот показатель выше – 43%.

5. Наметились позитивные изменения в кадровом вопросе. Внимание со стороны государства переломило тенденции оттока и старения кадров. В ОПК стала приходиться молодежь; средний возраст занятых в комплексе начал снижаться.

6. Научные подразделения ОПК по ряду причин оказались более устойчивыми к рыночным преобразованиям, чем другие типы научных организаций. В них сосредоточено 59% научного персонала. Но спрос на научные результаты пока не восстановлен даже в прежних масштабах; стимулировать его может выполнение Государственной программы вооружений на 2011–2020 гг. (с продлением до 2027 г.). Цель программы – доведение доли новейших образцов военной техники в войсках до 70 %. Серьезные изменения на предприятиях ОПК в регионах связаны с освоением Арктической зоны РФ (АЗРФ). На территории Сибири и Дальнего Востока к ней относятся отдельные территории Республики Саха (Якутия), Красноярского края, Ямало-Ненецкого и

Чукотского автономных округов. Национальные интересы России в Арктике защищает Северный флот, в состав которого вошла новая военная структура – Объединенное стратегическое командование (зона ответственности – от Мурманска до Анадыря). До 2020 г. в состав Северного флота войдет более 40 новых боевых кораблей и судов, в т. ч. 6 многоцелевых атомных и неатомных подводных лодок. Оснащение новой военной техникой к 2020 году – до 85% [12].

7. Необходимость защиты геополитических интересов в арктическом секторе приводит к восстановлению социальной и военной инфраструктуры, утраченной после распада СССР и даже завершению проектов, начатых еще в советское время. Учитывая военно-стратегическую значимость АЗРФ, в регионе формируются соединения и воинские части. Военное строительство ведется на островах Котельный, Врангеля, Земля Александры, Новая Земля и на мысе Шмидта. На острове Врангеля основан первый пункт базирования ТОФ, открыт военный городок «Полярная звезда» и размещена одна из пяти строящихся в Арктике РЛС, которая обеспечит полный контроль воздушного пространства над российскими северными территориями.

Армейская авиация Восточного военного округа, дислоцированного в Хабаровском крае, приступила к несению дежурства в Арктической зоне ответственности округа. Экипажи участвуют в ротации военнослужащих и доставке грузов различного назначения в отдаленные гарнизоны [12].

К числу возрождаемых можно отнести проект по восстановлению масштабного железнодорожного проекта СССР «дорога 501» («Великий северный железнодорожный путь»). В новых условиях к военному назначению этой железной дороги добавляется ещё и экономическое. Освоение ресурсов Ямала требует надежной и современной железнодорожной магистрали. Проект известен как «Северный широтный ход» и включен в стратегию развития железнодорожного транспорта страны до 2030 г. Уже восстановлена часть старых путей, но необходимо проложить 700 км путей. Дорога соединит Урал с Ямалом, северо-западом и центром России и станет частью транспортного каркаса севера Сибири.

8. Особые перспективы развития Дальневосточного региона связаны с созданием эффективной транспортно-логистической инфраструктуры, встроенной в систему международных перевозок. С 2014 г. все дальневосточные порты открыты для захода иностранных судов. Десять из 22 портов ДФО относятся к субъектам южных приграничных дальневосточных районов Хабаровского края (Ванино, Де-Кастри, Советская Гавань, Николаевск-на-Амуре, Охотск) и Приморского края (Владивосток, Восточный Порт, Зарубино, Находка, Посьет). Они ориентированы на новую логистику по с производству экспортной продукции и импортозамещению.

Оборонные заводы региона освоили и продолжают осваивать гражданские виды продукции. Например, современная специализация судостроитель-

ного завода в Комсомольске-на-Амуре связана с созданием оснований платформ для добычи нефти и газа на шельфе Сахалина, строительством морских и береговых сооружений. На авиационном заводе (совместно с ОКБ Сухого) разработан легкий турбовинтовой самолет «Су–80» для пассажирских и грузовых перевозок на местных и региональных авиалиниях. Ещё один «конверсионный» вариант – легкий самолет-амфибия «Бе–103», способный приземляться на водную поверхность для забора воды и использовать ее при тушении пожаров. Разработка последних лет – ближнемагистральный пассажирский самолёт «Сухой Суперджет 100» (Sukhoi Superjet 100).

9. Предприятия ОПК по-прежнему вносят значительный вклад в совокупный объем промышленного производства регионов и влияют на формирование бюджета. Большинство оборонных заводов является градообразующими. Они сохранили на своем балансе многочисленные объекты социального сектора, но не получают никаких льгот на муниципальном или региональном уровне. Помимо государственных программ поддержки, предприятия ВПК пытаются выживать самостоятельно за счет кооперации, совместного планирования производства и его технологической унификации, участия в Союзах предприятий оборонных отраслей отдельных субъектов РФ.

Литература

1. Быстрова И.В. Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е годы) [Текст] / Рос. Акад. наук, Ин-т рос. Истории. М. : [ИРИ РАН], 2006. 704 с.
2. Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М.: РОССПЭН, 1996. 336 с.
3. Модернизация военно-экономической базы России: важнейшие аспекты и мировой опыт / Рук. проекта Р.А. Фарамазян, ред. В.К. Хазанкина. М. : ИМЭМО РАН, 2010. 109 с.
4. Колесниченко К.Ю. Военный фактор в развитии Дальнего Востока России (на примере Приморского края) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2012. № 3. С. 116–125.
5. Шумейко И. Ближний Дальний Восток. Предчувствие свободы. М. : Вече, 2012. 416 с.
6. Официальный сайт компании «Вертолеты России». URL : <http://www.russianhelicopters.aero/ru/hsc/> (дата обращения 29.01.2018).
7. Соколов А. В. Оборонно-промышленный комплекс Сибири: социально-экономические последствия реформирования / А. В. Соколов // ЭКО : экономика и организация промышленного производства. 2012. №2. С. 164–181.
8. Манойлин В.И. Базирование военно-морского флота СССР. СПб. : Издательский дом «Нева», 2004. 225 с.
9. Митичкин Н.С., Кулагин В.В., Муратов В.Н. Тихоокеанский флот России 1731–2006 гг. Исторический очерк (к 275-летию). Владивосток : Дальнаука, 2006. 280 с.
10. Безик И.В. Приморье: времена «оттепели» 1953–1964 гг. Книга первая. Владивосток. : Морской государственный университет, 2007. 189 с.

11. Приказ от 03.07.2015 г. №1828 Об утверждении перечня организаций, включенных в сводный реестр организаций оборонно-промышленного комплекса <http://minpromtorg.gov.ru/docs/#!36402> (дата обращения 25.04.2018)

12. Официальный сайт Центра анализа мировой торговли оружием (ЦАМТО). URL : <http://armstrade.org/includes/periodics/news/2018/0130/102045213/detail.shtml> (дата обращения 29.01.2018)

ДИСКУССИИ

УДК 91 (09)

В. Н. Бочарников¹
V. N. Vocharnikov

МЕТАФОРА ОЙКУМЕНЫ И КОНЦЕПТ ДИКОЙ ПРИРОДЫ: ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОСТИЖЕНИЕ И ВИЗУАЛИЗАЦИЯ СООТНОШЕНИЯ ЗНАНИЯ И НЕЗНАНИЯ

ECUMENE METAPHOR AND WILDERNESS CONCEPT: GEOGRAPHICAL COMPREHENSION AND VISUALIZATION OF KNOWLEDGE AND UNKNOWLEDGE

Обсуждаются особенности восприятия и интерпретации знания в контексте отображения историко-географической модели населенной части Земли – Ойкумены. Для практического осуществления данных задач предлагается образно-лингвистическое применение концептов «дикая природа» и «культурный ландшафт» в их мифологически-символической специфике дифференциации дихотомии ареалов визуализации географического знания.

Given a concise consideration of the historical and logical stages of ontological development of geographical science. Peculiarities of perception and interpretation of knowledge in the context of the display of the historical-geographical model populated part of the Earth – Ecumene are presented. For the practical implementation of the above objectives, it was proposed imagery and linguistic use of the concepts of “wilderness” and “cultural landscape” in their mythological and symbolic specificity of differentiation of areas of geographic knowledge.

Ключевые слова: географическое знание, онтология науки, гуманитарная реальность, восприятие, Ойкумена, дикая природа.

Key words: geographic knowledge, Ecumene, wilderness, ontology of science, human reality, perception.

Постановка проблемы. Двадцать пять лет назад результаты Первых сократических чтений по географии (Ростов Великий, 1993 г.) были опубликованы на желтой дешевой бумаге в тоненькой брошюрке с зеленой обложкой. Однако, название этого сборника: «Географическое пространство: соотношение знания и незнания», успешно исправляло издательскую небрежность, давало возможность понять насколько трудно, и одновременно очень важно, было поведать «о вечном». Посыл был настолько силен, что даже у малоис-

¹ **Бочарников Владимир Николаевич**, доктор биологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории экологии и охраны животных Тихоокеанского института географии ДВО РАН, г. Владивосток.

кушенного читателя возникало желание взять эту книжечку в руки, читать без отрыва, хотя и многожды останавливаясь на авторских инсайтах.

Генриэтта Алексеевна Приваловская, ответственный редактор работы, предваряя встречу с творческими находками, разностильно изложенными в статьях сборника, в предисловии замечает: «В рамках своего предмета участники Первых сократических чтений по географии попытались если не очертить границы областей знания и незнания, то по крайней мере распределить географические проблемы между этими областями, определить новые, достойные изучения аспекты казалось бы устоявшихся или даже устаревших областей знания и показать направления дальнейшей географической мысли» [1, с. 3].

География – уникальная наука, и только она с помощью многих своих методов и средств познания способна наглядно иллюстрировать любое явление, событие, среду или систему, существующую реально или абстрактно в пределах планеты Земля. Эта наука, по своей пространственной сути и в отличие от других, способна успешно выявлять границу между уже известным человечеству и неизвестным, обозначая некую условную линию, фиксируя фронт, маркируя границы и рубежи между знанием и незнанием. Не случайно, что широко «мигрирующий» из географии вопрос о географических границах (формах, видах и критериях их выделения) был и продолжает оставаться одним из наиболее часто обсуждаемых прикладных понятий во всей историко-философской традиции человечества.

Рациональность представляет «технологии мышления», но не содержательный смысл теоретических идей, позиций и установок. Логическое мышление – продукт культурной эволюции человека, но оно отвечает также за то, что человечество на протяжении своего существования накопило «вечные» или «проклятые» вопросы, на которые до сих пор не найдены оптимальные решения. И можно согласиться, что любому творческому коллективу географов и сейчас, и всегда было безусловно важно находить, характеризовать, сравнивать и интерпретировать в познавательном контексте природный или социальный феномен, событие, явление, ситуацию, закон.

География отвечает за пространственное изложение человеческой истории, в том числе и путем суммативного обобщения (Н.К. Мукиданов), за наглядное представление человеческих знаний, что возможно отметить и наглядно отобразить в картографических образах и описательных текстах. Географический детерминизм стал одним из первых широко распространенных научных подходов, оказавшимся способным выделить, проявить и убедительно показывать закономерности, связанные с пространственной дифференциацией природных объектов познания. Ныне обращение к проблеме человека становится важнейшей чертой практически любой современной науки.

Разум и мышление – один из главных общественных фокусов постиндустриальной цивилизации, в поле которого сформирована рационалистическая матрица познания и научный метод. Естествознание, география,

биология – это науки, в которых непрерывно совершенствуется методологическая основа исследований взаимодействия человека и природы. Актуальна и важна не только необходимость ведения свободного научного поиска как доказательного выражения целостного представления о неограниченной области действительности, но требуется ныне и системная необходимость осуществления гуманитарной экспертизы любых масштабных проектов развития науки [2, с. 8].

Познание постнеклассического периода включило в себя творчество, изобретательство (при допущении многих одновременных интерпретаций, конвенций), создание и усовершенствование идеальных моделей, никогда не сводимых лишь к диалектическому пониманию отражательной деятельности, но и предполагающих, интерпретирующих и конструирующих образность человеческого сознания [3]. И знание – эволюционирует; ныне не позволено быть «чистым» теоретиком, жесткая прагматика современной жизни требует сосредоточения внимания на известном, уподобляясь муравьям, разбирая его на фрагменты и собирая новые конструкции и изделия. Мы живем в эпоху технонауки, того сплава теоретических знаний и технологий, ценных прежде всего как инструмент для достижения более безопасной, долгой, благополучной жизни людей, представляющихся бесконечным процессом расширения коридора возможностей общества потребления [4, с. 7].

В объектной парадигме развития констатируется, что бытие мироздания осуществляется в бытие множества объектов (локальных миров), разделенных либо соединенных в пространстве и во времени разными способами реализации собственного и совместного бытия (со-бытия) [5, с. 143]. Здесь будет уместным вернуться к знаменитому тезису Карла Поппера: «Все люди философы» и продолжить его констатацией того, что в современную эпоху Земля стала «человекообразной системой», во множестве свидетельств подтвержденная тем, что встраивающиеся в ее процессы человеческие действия видоизменяют поле ее возможных состояний, демонстрируя признаки разумности и неразумности [6].

Каждая научная область приобретает свой собственный набор категорий, и именно термин является объединяющим объектом, структурирующим и направляющим вектор познавательной деятельности, формирующим в каждом случае особость рассматриваемой тематики или научный дискурс [7]. Широкое распространение получило понимание модели как «мысленно представляемой или материально реализованной системы, которая, отображая или воспроизводя объект исследования, способна замещать его так, что ее изучение дает нам новую информацию об объекте» [8].

Философская позиция релятивизма, как мировоззренческой установки XX века, выражалась формулой: «все относительно», но под «относительностью» имеют ввиду обычно изменяемость значения какого-либо свойства, состояния, характеристики в зависимости от определенных обстоятельств, а

также понимание самих характеристик объектов. В очерчивании динамично меняющейся границы между человеческим знанием и незнанием, полностью совпадающей с отображением все более усиливающейся экспансии планеты человеком, сущностно проявляется метафора Ойкумены. Последнее означает необходимость кардинальных перемен самой системы общепринятых взглядов, поскольку в нашей жизни есть настроенность на то, что любая статичность воспринимается в качестве угрозы для функционирования сознания.

Теория познания, все более превращающаяся в философию познания, фиксирует необходимость понимания познания с позиций «открытой рациональности», то есть предполагает выход в реальный, живой процесс познания: за пределы однозначных принципов, критериев, норм, правил или к признанию возможности их изменения. В этом случае допускаем, что гуманитарная реальность распознается как отношение к миру человека, а его интерпретация этого составляет деятельностьную основу общества, выражает характер взаимодействий индивидуума как с социумом, так и с природой, впрочем как и рефлексии происходящего, имманентно составляя объектную основу всех наук гуманитарного формата.

Проблемы релятивизма и сегодня по-прежнему актуальны не только потому, что они постоянно «возрождаются из пепла», но и по причине незавершенных потоков постмодернистских подходов, широко «растекшихся» по древу науки и философии. Вполне очевидно, что понимание знания как субъективного образа объективного мира не ограничивается простым принципом корреспонденции, оно наполняется человекоразмерным содержанием [9]. В то же время, современные требования социума к науке, дискуссии о роли и значимости научных результатов в современной жизни, критерии для определения оптимальности этой особой человеческой деятельности, споры о предназначении и функциях науки, как и другие сложные вопросы развития науки, не решают удовлетворительно проблему систематизации и использования знания [10].

География, по мнению Ю.Н. Гладкого, – это наука неустановленного возраста хотя бы вследствие того, что «накапливающиеся знания в древности концентрировались в рамках некоего «философского поля...» [11, с. 46]. Но что такое современная наука в рефлексии ее возможных путей и рубежей развития? Принципиальным моментом, на который необходимо обратить внимание, будет особое обстоятельство, что ныне не только естественнонаучное, но и гуманитарное знание технологизируется: ориентация на инновационное развитие и практическую востребованность любых результатов науки беспощадно «вымывает» прежний теоретический фундамент социальных, экономических, культурологических наук [12, с. 239–240].

Именно в этой связи, в рамках данной статьи обозначена проблема поиска и использования наглядного, достаточно простого и, при этом, объективного способа выявления соотношения знания и незнания. Одна из причин этого

состоит в том, что карта незнания, которую составляют или держат в сознании ученые, самым тесным образом связана с мыслительной деятельностью, с возможностью интенционально влиять на процессы взаимодействия человека и природы, управлять ими и, наконец, выделять в качестве социального заказа приоритеты научных исследований, ориентированные на основные угрозы, риски и возможности.

И если ретроспектива форматов познания, ориентированная в контексте суммативной концепции географии (Н.К. Мукитанов) позволяет убедительно отвечать на вопрос, как развивалась география, то следует вероятно обратиться к новому вопрошанию: а как и в чем современному человеку помогает география в постнеклассическую эпоху в обществе знания?

Становление метафоры науки, география, Ойкумена. Наука, как способ познания современности, не имеет конкурентов: ее осмысление взаимосвязи и зависимости общества от природы предстают насущной необходимостью постижения реальности. Географическая картина мира реализуется через смыслы либо объективные, либо субъективные, т.е. личностные, что вменяет в отношении к науке обязательность «прозрачных» и понятных «Другому» систем трансляции и доказательности вновь получаемого и сохраняемого знания.

География, как система знаний, позволяет, способна наглядным образом связывать результаты труда человека, природную среду, экономические и социальные интересы общества, дает представление «неочевидного» через свое выражение и опредмечивание физического мира. Но она вмещает ещё и то остающееся неизведанным, что находится за пределами нашего знания. Дикая природа – древний архетип неизвестного и пугающего человека, и до сих пор живущий в каждом из нас. Для человека немислимо такое положение дел, и дикая природа с самого начала существования человечества не оставалась без внимания: путешественники, купцы, воины, жрецы и ученые описывали, обобщали и раскрывали неизвестное ранее.

Дикая природа – это то сущее, для которого не имеется достоверных слов, объяснений, представлений, о таком мы мыслим нашими фантазиями, образами, мифами, преданиями. Научное познание от Канта до наших дней покоится на кантианском представлении о предмете как идеальной модели мира, который создан специфическими познавательными усилиями человека. Однако, задолго до возникновения классической науки было понято, что пространственными средствами географического познания можно выразить, представить, визуализировать категорию «ничто».

Определение границ человеческого познания, локализованного территорией и акваторией известной человеку, как и развитие эффективных форм познания, предстают остро-актуальными именно в современный период, когда присутствует избыточность информационного потока, оказывающего исключительное воздействие на всю жизнь и окружение человека [13]. Когда-то ввод категории «неизвестное» дал возможность разработки строгой дока-

зательной основы, сформировал математику; до сих пор в современной математической науке широко применяются такие подходы к познанию действительности как системный, структурный, функциональный, вероятностный, информационный.

По мере роста научного знания когнитивные границы науки постоянно расширяются, что изменяет представления об относительных и абсолютных ее пределах. Здесь следует учесть, что еще во времена классической науки (с ее физическими построениями, математическими доказательствами, интуитивным обобщением и натурными естественнонаучными экспериментами) родились и существуют поныне такие идеальные конструкты как точка, абсолютное пространство и время, движение и распространен редуцированный подход.

Здесь мы можем вспомнить, что уже с древнегреческих времен образно выделялась Ойкумена (Эйкумена) как конкретная населенная человечеством область земного шара, велась ее площадная идентификация, осуществлялась функционализация и ранжирование по степени освоения, что было всегда частью человеческого познания. Психологическая реальность – зрительный образ – представляет собой истолкованное изображение, которое наше сознание сопровождает словесной легендой.

Древние греки в абстрактно-геометрическом изображении Ойкумены нашли исходный принцип и сформулировали главную задачу – изображение реально существующей Земли (шара) на плоскости с системой меридианов и параллелей, позволяющей определять координаты точек на земной поверхности по Солнцу и звездам [14]. Человечество с тех пор, и поныне, перешло в «эпоху идей», и подтверждение этому мы находим в таких понятиях как «постиндустриальное общество», «информационное общество», «общество знания».

Но чем является для каждого из нас знание? Сформировалась иная познавательная схема, опирающаяся на дискурсивные рациональные комплексы и основания, ориентированные на объективное сущее. Любая серьезная проблема осознается и мыслится в обществе как проблема технологическая [15]. Одновременно, на смену инструментальному и прагматическому пониманию науки приходит возрождение интереса к метафизике и науке как способности понять мир [16].

В научной географии важно выделять конкретный объект; следовательно лишь в объективной реальности появляется возможность выявить, показать и объяснить характер отношений между объектами в пределах конкретной территории (Э. Алаев). Они конструируются субъектом в определенных целях, для удовлетворения конкретной жизненно-важной для человека потребности, в зависимости от способа и топологии бытия человека в природном и социальном мире. Атрибутами здесь является наличие определенной (хотя, видимо, и не всегда до конца познанной) упорядоченности в сочетаниях компонентов, задаваемой устойчивыми связями и сопряжениями.

Освоенную часть географической оболочки или Ойкумену советские географы, транслируя смысл античности, называли «географической средой», понимая ее как отображение множества необходимых проекций явлений, событий, предметов и процессов, происходящих в структуре географической оболочки [17]. Мы, таким образом, получаем абстрактно-образное представление, где графическая интеграция знаний составляет уникальную и важнейшую функцию образа. Именно в этой связи важнейшей функцией географии становится показ и прояснение взаимосвязей и факторов территориальной специфики, ориентированной на удовлетворение потребностей общества, что восстанавливает вновь, впрочем на совсем ином технологическом уровне, античную идею Ойкумены.

Современная география представляет собой обширную совокупность научных дисциплин, многие из которых располагают довольно развитыми теориями, четко отражающими внутреннюю специфику функционирования, закономерность и необходимость возникновения объектов своего исследования, объединенных понятиями – географическая оболочка, географическая среда, геосистемы, ландшафты и иные целостные корреляционные «матрицы», выражающие противоречивый характер взаимодействия человека и природы в пределах планеты Земля.

Главное свойство сей модели – это возможность представлять и замещать в исследовании сложный и часто недостижимый для чувственного познания объект. Но даже на очень известных, веками изучаемых территориях всегда в фокусе бывают реально или потенциально значимые для субъекта феномены и вещи, остальное сливается с общим «фоном»; именно поэтому в философии виртуальности, например, крайне важно учитывать фиксацию внимания субъекта на определенных элементах конкретной картины реальности [18]. И как правило, одухотворяемое, символизирующее нечто по отношению к воспринимающему, отождествляющим мысль и действительность, упразднение логики абсурда с его обязательностью многозначности, заменяется на логику тождества и непротиворечия.

Между тем современное, и очень явное преобладание предметно-технической установки, обуславливает все большее отчуждение человека от бытийственного смысла мира, от того, что не улавливается предметным представлением и, тем не менее, является его определяющим, постоянным человеческим, отраженным в истории, природе, человеке. Не случайно в современных естественных и общественных науках наметился явный парадигмальный сдвиг от статистической, механической картины мира (с ее линейными зависимостями, где господствует порядок, стабильность, устойчивость, равновесие) к плюралистическому меняющемуся миру, в котором главенствующую роль играют разнообразие, разноупорядоченность, самоорганизация, неустойчивость, неравновесность, нелинейные отношения. Одновременно появляется возможность связывания различающихся явлений, обозначения их знаками, которые

входят в состав бесчисленных инвариантов проявления одной и той же суперили над-системы «природа – общество – человек» [19].

Крымский учёный, академик Н.В. Багров, писал, что «реальность такова, что мы живем в мире, который, по выражению аналитиков сделался цифровым... такая пространственная логика расширяет охват, создает множественность глобальных индустриальных сетей, пересечения которых трансформируют само понятие размещения промышленности...уже большая часть операций совершается в технологическом, информационном, даже социальном мире в сжатом и деформированном пространственно-временном континууме, довольно часто с несуществующими реально ценностями и виртуальным капиталом...» [19, с. 22]. Активность познающего субъекта стала пониматься не как нахождение истины, а как ее активное «добывание», на пути конструирования различных «мыслеформ» «мысленных предметностей». Но логика научного исследования зачастую приводит к необходимости изучения круга проблем, которые выходят за рамки одной науки. В античной Греции возникли базовые, фундаментальные формы познавательной деятельности (систематическое доказательство, рациональное обоснование, логическая дедукция, идеализация), из которых начала развиваться научная абстракция. Можно констатировать, что в научно-географическом способе география изначально опиралась не только на персональные, но и на общественные представления, которые следует понимать как высшую форму процесса мышления, обрабатывающего результаты чувственного познания и интерпретируемые в виде наглядно-образного знания, формирующие индивидуальную и коллективную идентичность.

Было убедительно показано, что при использовании любого метода подразумевается, что объяснить явление, объект – это значит не только сделать его понятным, но и раскрыть его сущность, хотя с развитием науки данное объяснение становится все более сложным и, при этом, использование новейших технологий совсем не облегчает понимания. Полагаем, что здесь и был важен, даже принципиален объективизм географической фиксации, реализованный как показ освоенного человеком пространства – Ойкумены, и тех все более уменьшающихся «остатков» дикой природы.

Дикая природа – древний архетип неизвестного и пугающего человека, и до сих пор живущий в каждом из нас [20]. Рациональность и объективность, «прозрачность» доказательности – обязательные приметы позитивистской науки, где принято определять соотношение знания и незнания в современном «визуальном» обществе по состоянию такового в науке. С этих позиций в качестве предмета изучения географии выделяются «очеловеченно-географические процессы» как способ существования и развития сознательной деятельности людей в области изначального взаимодействия «слепых бессознательных сил географической природы» [17].

Визуализированное представление отличается от обычного зрительного образа тем, что в его основе лежит абстрактно-логическое знание, выражающее

некоторую идею, которую субъект познания считает главной, существенной, отражающей сущность. Главной целью визуализации является целенаправленно создаваемой конструкт, облаченный в чувственно воспринимаемую форму. Безусловно, таким образом представленная информация упорядочивает мир, противостоит хаосу, служит инструментом создания контроля окружающей человека среды.

Географическая карта (как модель) наиболее наглядно отражает географическую реальность, хотя и представленную с «преломлением» через субъективное восприятие, профессиональный опыт и понимание исследователя. Откорректированная в связи с геосистемными представлениями, таковая также обеспечивает фундаментальную базу как для понимания современных, так и прошлых, и будущих (прогнозных) состояний конкретных участков (регионов) географической оболочки. Ныне же для обозначения «маркеров» смены кадров восприятия при их интеграции, полагаю, должна быть создана возможность многоуровневого и разнообразного смыслового раскрытия познавательной дихотомии между изученным и неизвестным, что, на наш взгляд, требует выбора специальных геоконцептов, которые я обосновываю как «дикая природа» и «культурный (антропогенный) ландшафт» [10]. Соответственно, одна из наиболее актуальных задач современности (пути и способы определения соотношения знания и незнания) будет представлять собой фундаментальный и вневременной пример постановки междисциплинарной научной проблемы, решение которой может быть найдено лишь при условии рассмотрения научных возможностей познания, соприкасающихся в гуманитарной реальности с другими формами человеческого познания, такими как философия, религия, искусство, эзотерика и повседневность [21]. Полагаю, что только в результате этих усилий Ойкумена (общая территория обитания человечества), возможно, будет становиться все более известна и предсказуема.

Литература

1. Географическое пространство: соотношение знания и незнания // Первые сократические чтения по географии. Отв. ред. Г.А. Приваловская. М.: изд-во Российского открытого ун-та, 1993. 49 с.
2. Лекторский В.А., Касавин И.Т., Юдин Б.Г., Неретина С.С., Аванесов С.С., Смирнов С.А., Киселева М.С., Артемьева Т.В., Климова С.М., Мануильский М.А., Майданский А.Д., Попова О.В., Тульчинский Г.Л. Гуманитарные науки: вчера, сегодня, завтра (Материалы круглого стола) // Человек. 2015. № 2. С. 6–41.
3. Леонтьева Е.Ю. Когнитивная наука: от теории познания к разгадкам тайн «звездного неба мышления» // “Primo aspectu”. 2015. Т. 23. № 9. С. 5–8.
4. Ильин В.В. Философия и история науки. М.: Изд-во МГУ, 2005. 432 с.
5. Селиванов А. Развитие бытия. Наука управления будущим. М.: ООО «ГД Алгоритм», 2016. 848 с.
6. Степин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб., 2009. 672 с.

7. Смирнова А.А. Тематика научного дискурса как средство актуализации когнитивной модели научной терминологии // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2009. № 3. С. 181–187.
8. Зыкова Г.Н. Понятие «подход к познанию»: содержание и методологический смысл // Амурский научный вестник. 2009. № 2. С. 232–241.
9. Бочарников В.Н. Междисциплинарный подход к проблеме: «природа-общество-человек». Владивосток: Морской государственный университет им. Г.И. Невельского, 2014. 234 с.
10. Бочарников В.Н. Культурный ландшафты и дикая природа – рефлексия научного восприятия в культурной географии // Гуманитарный вектор Серия: Философия, культурология. 2016. Т. 11. Вып. 1. С. 116–126.
11. Гладкий Ю.Н. Гуманитарная география: научная экспликация. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2010. 664 с.
12. Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний. Пер. с нем. М.: ЛОГОС, 2010. 248 с.
13. Бочарников В.Н. Ценности в дикой природе для современного человека – новый актуальный фокус междисциплинарных исследований // Астраханский вестник экологического образования. 2012. № 4. С. 97–104.
14. Бочарников В.Н. Современные константы теории «человек-общество-природа» в гуманитарной географии // Природно-ресурсный потенциал регионального развития Азиатской России. Владивосток: Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, 2014. С. 12–17.
15. Малинецкий Г.Г. Теория самоорганизации. На пороге IV парадигмы // Компьютерные исследования и моделирование. 2013. Т. 5. № 3. С. 315–366.
16. Границы науки. Ред. Л.А. Маркова. М.: Институт философии РАН. 2000. 276 с. Данилова В.С., Кожевников Н.Н. Основание географической картины мира // Вестник Северо-Восточного федерального университета им М.К. Амосова, 2008. Т. 5. № 3. С. 68–72.
17. Мукитанов Н.К. От Страбона до наших дней: Эволюция географических представлений и идей. М.: Мысль, 1985. 237 с.
18. Гибелев И.В. Философский концепт границы: пространственный контекст // Фундаментальные исследования. 2013. № 11. С. 369–373.
19. Бочарников В. Н. География общая, экологическая, гуманитарная, информационная. . . взят социальный «Заказ» на природу! конспект. Часть 1 // Астраханский вестник экологического образования. 2016. № 4 (38). С. 18–42.
20. Бочарников В.Н. Ценности в дикой природе для современного человека – новый актуальный фокус междисциплинарных исследований // Астраханский вестник экологического образования. 2012. № 4. С. 97–104.
21. Динабург С.Р. Пересекая границы: очерк стратегий современного гуманитарного знания // Вестник ПНИПУ. 2013. № 8. С. 83–95.

УДК 910.1

Н. В. Гонтарь¹
N. Gontar**РЫНОЧНЫЕ МЕХАНИЗМЫ СГЛАЖИВАНИЯ
ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
АСИММЕТРИИ****MARKET MECHANISMS OF SMOOTHING
OF SPATIAL SOCIAL AND ECONOMIC ASYMMETRY**

Акцентируется проблематика пространственной социально-экономической асимметрии, проанализированы факторы её возникновения и инструментарий сглаживания в условиях взаимодействия государственно-административных и рыночных факторов развития.

Article considers a problem of spatial social and economic asymmetry, analyzes factors of her emergence and tools of smoothing in conditions of interaction of state and administrative and market factors of development.

Ключевые слова: пространственная асимметрия, региональная политика, территориальные системы, государственное регулирование, рынок.

Key word: spatial asymmetry, regional policy, territorial systems, state regulation, market.

Введение. Современные процессы пространственной организации общества характеризуются формированием и устойчивым сохранением значимых градиентов развития территориальных социально-экономических систем. Соответствующая пространственная дифференциация параметров экономики и уровня жизни населения обозначается как пространственная «асимметрия» и рассматривается как фактор замедления экономического роста и предпосылка территориальной дезинтеграции. Одновременно, пространственная асимметрия выступает объектом разномасштабной дифференцированной и затратной «региональной политики» (в широком её понимании, с учетом всех вариантов стимулирования или, напротив, препятствования росту тех или иных территорий), которая призвана управлять пространственными пропорциями внутри стран или на межстрановом уровне.

Вместе с тем, ограниченность ресурсов проведения масштабной региональной политики, одновременно со скромными результатами таковой (в том числе в ЕС и в РФ), сочетается с отсутствием сколь-либо устойчивой методологической базы реализации соответствующих мер. Как следствие, региональная политика характеризуется «рыскающим» характером (от ограничения роста территорий-лидеров к их стимулированию, от широкой распределительной политики к поиску локальных драйверов роста, и так далее), отсутствием

¹ **Гонтарь Николай Владимирович**, к.г.н, доцент, в.н.с. Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета, Ростов-на-Дону.

согласования мероприятий с макроэкономическими процессами и циклами конъюнктуры, подверженности решений в данной сфере влиянию региональных и страновых элит.

В статье предпринята попытка системного взгляда на природу пространственной асимметрии, увязанная с анализом факторов, источников и результативности государственного регулирования, частью которого является регулирование асимметрии. Обосновываются представления о двойственной (объективной и субъективной) природе пространственной асимметрии, объекте регулирования и возможности рыночной самоорганизации в сглаживании пространственной асимметрии.

Объективность пространственной асимметрии. Размещение населения и производства (в силу физической природы последних) согласуется с наличием или отсутствием физических условий и факторов, пригодных для жизни людей и организации производства. К важным параметрам, определяющим размещение населения, можно отнести наличие источников воды, температуру воздуха, рельеф, наличие плодородных участков суши, морские побережья, предоставляющие возможность занятия морской добычей и поддержания коммуникации. Для размещения производства важно наличие ресурсов в виде природного сырья, путей сообщения, рабочих рук, а также (в случае наукоемких производств) – наличие крупногородских форм расселения как ареалов формирования разнообразия, новых идей, концентрации образования и квалифицированного персонала. Как следствие, пространственная организация населения и производства отражает асимметрию естественно-географических условий и носит устойчивый и объективный характер.

Вторым (существенно более подвижным) кругом факторов формирования пространственной асимметрии являются хозяйственная специализация, рыночные обмены и экономико-географическое положение. Объективность данной составляющей пространственной организации основывается на характере размещения производства, отражающем наличие или отсутствие условий для своей организации и для обменов (что описывает теория экономико-географического положения). Критерием, определяющим размещение согласно данным факторам, является эффективность, оцениваемая с помощью рыночных цен на факторы производства (включая территорию, транспорт, труд, инвестиции) и результаты труда. Отражением влияния рыночных факторов на размещение является дифференциация видов деятельности на территории в зависимости от локализации ресурсов и требований отраслей к размещению.

Значимыми в рамках действия данного фактора [1] являются: издержки торговли, затраты производственных факторов и их мобильность, размер и доступность рынков, характеристики конкуренции на региональных рынках, качество и размер рынка труда, плотность экономической активности, уровень специализации и диверсификации экономики, пропорции отдачи на масштаб.

Рыночные механизмы могут обуславливать пространственную поляризацию. К этому ведет снижение издержек взаимодействия экономических агентов. Крупный рынок и сосредоточение производств разных секторов облегчают согласование спроса и предложения на труд, дают возможность создавать предприятия с очень узким рынком сбыта и увеличивают разнообразие товаров и услуг. Плотные связи между производителями способствуют ускорению диффузии информации и облегчают распространение нововведений, снижающих издержки. В результате запускается механизм положительных обратных связей, стимулируя дальнейшую концентрацию экономической активности [1]. Выгоды экстерналий, включающих эффекты агломерации и локализации, позволяют крупному городу быть местом циркуляции знаний и квалифицированных кадров, служить «инкубатором» для новых видов производств, способствуя самоподдерживающемуся механизму концентрации. Ограничителем концентрации выступает рост цен и дефицит немобильных факторов производства (например, городской земли) [2].

Пространственная концентрация является глобальным феноменом, отвечающим целям роста общей макроэкономической эффективности [1]. Эффективность, выступает своего рода аттрактором процессов пространственной дифференциации населения и экономики и является (наряду с дифференциацией природно-ресурсных условий и условий производства) объективной составляющей пространственной асимметрии.

Важно отметить нестатичность асимметрии, формируемой объективными факторами: подвижность её обусловлена как возможностью населения приспосабливаться к неблагоприятным условиям среды и изменениям рыночного спроса на труд, так и сменой, например, экономико-географического положения ввиду развития технологий производства, транспорта и связи. Так, можно упомянуть пример Шарм-эль-Шейха: как только опреснение воды стало достаточно дешево, возник плодоносящий ареал курортного бизнеса [3]. Новые технологии транспорта делали менее востребованными бывшие «шумные перекрестки»: экономический расцвет Нового Орлеана приходится на 1840 г., когда это был крупный порт предвоенного Юга. Но город терял население, начиная с 1960 г., поскольку меняющиеся технологии привели к тому, что фирмам больше не нужен был доступ к его порту. Однако важные для XIX в. преимущества в торговле по водным путям, выступавшим тогда инструментом глобализации, ускорили рост таких городов как Детройт, Нью-Йорк и Чикаго [4].

Смена топливных циклов значимо меняла позиции территорий на протяжении последних десятилетий, когда появление депрессивных ареалов на месте бывших развитых районов угледобычи в Европе (и, также, в России) сочеталось с экономическим ростом на бывших пустынных землях Аравийского полуострова с развитием здесь нефтедобычи и ростом цен на нефть. Столь же важным стало и внедрение Интернета и спутниковых каналов связи, кото-

рые значимо трансформировали качество коммуникаций, существенно снизив асимметрию в этой сфере и периферийность больших территорий.

Таким образом, географические и рыночные (проявляющиеся в поиске эффективности, в частности, посредством инноваций) «форматы» асимметрии выступают объективным отражением пространственной дифференциации природной среды и условий жизни и производства, формируя, согласно предлагаемой концепции, *естественный уровень пространственной асимметрии*. Такой уровень асимметрии в целом не нуждается в административном «сглаживании» и не должен являться объектом таковой. Доказательство последнего – тот факт, что бюрократические попытки переломить тренды, сформированные на основе данных факторов, либо обречены на провал, либо крайне затратны, а их результаты неустойчивы во времени и прекращаются с остановкой государственных субсидий: так, в ЕС в 2010-2011 гг. наиболее ярким примером отката (к уровням конца XX в.) стали регионы Греции, прежде базировавшей свой рост на субсидиях ЕС [5].

Естественный уровень пространственной асимметрии нетождественен для территориальных систем в силу различия последних в природном, ресурсном, демографическом, производственном отношении. Он подвижен во времени, индивидуален для территорий и не требует вмешательства путем регулирования или административного перенаправления ресурсов.

Однако, наряду с рассмотренным «форматом» асимметрии (формирующим её естественный градиент), можно указать на вторую её составляющую, формируемую деятельностью государственного перераспределительного механизма в виде совокупности административных и бюрократических мер и институтов.

Направления и механизмы трансформации пространственной асимметрии под действием субъективных (политических) факторов. Говоря о государственно-административном факторе формирования асимметрии, следует указать на его субъективную природу (в противоположность ранее рассмотренным обстоятельствам географической среды и рыночных законов). Основанием такого определения является качественно более узкий состав лиц, принимающих решения относительно аллокации ресурсов общества (в том числе в пространственном аспекте) и формирования правил и норм оценки территорий и активов в рамках процесса капитализации как навязанного оценочного алгоритма.

Субъективность административно-бюрократического фактора обусловлена нетождественностью системы управления обществу (которое теоретически представимо и составлено совокупностью индивидов). Государство также по умолчанию рассматривается в качестве самостоятельного «субъекта» социальных и экономических отношений (с присущими ему «целями», «видением» и проч.). Однако попытка конкретизировать видение государства позволяет говорить именно о личностном характере «государства» и принимаемых ре-

шений: таковые генерируются конкретными людьми и отвечают индивидуальным целям, большая часть которых не предполагает непосредственной связи с нуждами общества и оценивается самим бюрократическим аппаратом.

Принимаемые в рамках государственной корпоративной структуры решения часто скрыты; их открытости часто не способствуют даже конкурсные процедуры. Иллюстрируя важность и устойчивость неформального канала распределения в современной России, С.С. Артоболевский [6] упоминал о том, что уже первые попытки создания формализованной региональной политики в РФ натолкнулись на сильное сопротивление различных политических кругов. В итоге идеи развития региональной политики были отвергнуты, включая шаги по развитию кризисных территорий.

Как говорит об этом М. Ротбард [7], существование потока государственных субсидий открывает путь к богатству через установление личного или группового контроля над аппаратом государственного управления. Данный процесс описывается как «приватизация государства» [8] и, в целом, не зависит ни от формы организации власти, ни от экономической модели (различаются лишь степень и формы такой «приватизации»). Такие субъективные интересы реализуются собственно государственной бюрократией («частное соискание ренты бюрократией»), «группами специальных интересов» (промышленники той или иной отрасли, профсоюзы, фермеры, представители отдельных компаний, социальные группы). Так, в результате расширения государства всеобщего благосостояния во 2-й половине XX в. образовался его собственный электорат, представленный рядом групп интересов (например, лобби пенсионеров), которые готовы мобилизовать сопротивление отступлению от *status quo* «[9].

Действие субъективного начала применительно к территориальным процессам позволяет сделать вывод (наиболее ярко подтверждаемый на примере городов), что *политика и политические институты могут приводить к чрезмерной концентрации экономической активности и населения* [10]. Следствием такой концентрации выступает зеркальный процесс разрежения пространства вне ареала концентрации, что в общем случае обуславливает акселерацию процессов поляризации и формирование гипер-асимметрии, то есть такого уровня асимметрии, который не обусловлен объективными факторами (условиями среды либо рыночными обменами), что, в свою очередь, формирует социальный запрос на государственную политику «выравнивания». Одновременно уровень асимметрии, формируемый политическими процессами, отклоняет показатели концентрации населения и экономической активности от оптимальных, отвечающих критериям эффективности.

Такое влияние административно-бюрократического (политического) фактора обусловлено характерными позициями государства в обменах. Прежде всего речь идет о монополизации или концентрации ресурсов государством. Монополия государства на насилие порождает его способность фор-

мировать частные монополии и делает его главным источником ограничения конкуренции в экономике [7]. Монополизация власти ведет к росту пространственной концентрации.

Иная важная черта «работы» бюрократического аппарата – перераспределительный характер деятельности, перенаправление ресурсов общества, не связанное с их увеличением. Следствием процесса является отсутствие эффекта по Парето: если в условиях рынка рост в «центре» возможен без одновременного сокращения ресурсов/активов периферии, то распределение в рамках административно-бюрократического процесса не увеличивает активы, а именно перемещает их, что делает возможным не относительное, а абсолютное сокращение ресурсов периферии в условиях роста Центра. Причем то же возможно (как «положительная дискриминация») и в обратном направлении – в ситуации «разгрузки» столиц или крупнейших агломераций.

Среди механизмов субъективного (в рамках административного регулирования) наращивания асимметрии можно назвать и искусственное повышение капитализации как косвенное следствие принимаемых административных решений. Так, формирование обширных зон сохранения исторической застройки в Нью-Йорке привело к тому, что сохраняемые зоны становятся все более дорогими и недоступными; это ведет к тому, что люди, проживающие в исторических районах Манхэттена, в среднем почти на 74% богаче тех, кто живет вне таких районов, в том числе в силу сверхкапитализации недвижимости вследствие искусственного (административного) ограничения её предложения. На уровне штата, в округе Санта-Клара (Калифорния), где в 2001–2008 гг. активно ограничивалось строительство и было построено лишь 16 тыс. новых домов, то есть по одному новому дому на 50 акров территории, цены оказались на 40% выше, чем они могли бы быть в соответствии с данными жилищной статистики США [4].

В России подобная монополия выражается в том, что около 80% земель населенных пунктов находится в распоряжении местных администраций [11]; ограниченность предложения таких участков для застройки ведет к росту стоимости земли и строительства в российских городах.

На макроуровне к «политической» концентрации (в частности, в самом крупном, как правило, столичном городе) ведут не конкретные законодательные акты, а институциональная среда и формат управления в целом. Так, нестабильные режимы побуждают к концентрации возле центра власти; кроме того, диктатуры более свободны в эксплуатации богатств периферии (хинтерланда). В частности, Дж. Хендерсон [2] обнаружил, что концентрация государственных расходов и нефедеральное управление равно ведут к концентрации в ключевом городе.

Политика формирует чрезмерную концентрацию экономической активности и населения в крупных городах [2, 12–14], отклоняя асимметрию от оптимального уровня в силу того, что правительство, способствуя стягиванию

ресурсов в столицу, недоинвестирует в инфраструктуру периферии. В столице создаются особые условия для бизнеса; ограничения на производство, рынок капитала и торговлю, особенно внешнюю, легче как официально, так и незаконно обойти в столице. Близость к власти, в том числе и физическая, становится очень важной для бизнеса; столица превращается в крупный торговый и финансовый центр, но по политическим, а не по экономическим причинам. Часто даже представители власти с периферии проводят много времени в столице [15]. Характерно, что пример России с её концентрацией штаб-квартир крупного бизнеса в Москве – не исключение: число лоббистов в США в 2011 г. превышало 12,6 тыс. чел. [16], что связано с громоздкой и разветвленной системой государственного регулирования.

Значительная фискальная централизация формирует ресурс распределения средств консолидированного бюджета страны в пользу столицы. Согласно межстрановой статистике, уровень фискальной централизации напрямую связан с доминированием столичного города [12, 13]. Невозможность периферии привлекать достаточно ресурсов, чтобы поддерживать инфраструктуру и конкурировать со столицей за инвесторов и жителей, формирует самоподдерживающийся механизм концентрации бизнеса, элиты и доходов в столице. Население и политические игроки в столице имеют гораздо больше возможностей оказывать давление на власть, вынуждая ее в разной форме перераспределять ресурсы в пользу столицы и ее жителей [10].

В странах с демократическими режимами, которые позволяют и жителям периферии влиять на политическую ситуацию, концентрация ресурсов и населения в одном крупном городе не так выражена [15]. Анализ межстрановой статистики показывает, что уровень демократизации сильно коррелирует со степенью фискальной децентрализации [10].

Важно подчеркнуть влияние политической концентрации на развитие экономик стран в целом. Оптимальный уровень концентрации городского населения в одном городе максимально благоприятствует росту продуктивности экономики и экономическому росту, а отклонения от него тормозят подобный рост [13]. Издержки избыточной концентрации — это отрицательный эффект масштаба в городе-гиганте, вызванный чрезмерной скученностью, потерями рабочего времени при поездках на работу, повышенными затратами на инфраструктуру и жилье. Такая концентрация обуславливает снижение привлекательности страны для иностранных инвесторов: развивать новые производства в столице слишком дорого, а на периферии нет достаточной инфраструктуры [12].

Сегодня в России существуют специфические условия, благоприятные для развития фаворитизма в пользу столицы: слабое развитие демократических институтов и зависимость экономики от экспорта «точечных» природных ресурсов (например, в 2009 г. Москва осуществляла половину российского экс-

порта ресурсов), зависимость власти, в том числе региональной, от политических процессов, происходящих в столице [10].

Механизмы политической концентрации – это также присвоение права *оценивать* активы, что формирует полюсы их капитализации. После этого мобильность ресурсов обуславливает перетекание активов туда, где их стоимость максимальна. В частности, перемещение специалистов из периферии в центр автоматически повышает стоимость рабочей силы. Выведение ценных бумаг эмитента на основные фондовые биржи мира, как правило, ведет к росту цены актива [17]. Как следствие, генерация и трансляция правил выступают инструментами доминирования в современном мире.

Значимая пространственная асимметрия является поводом реализации региональной политики, которой присущи те же характеристики, что и административно-бюрократической деятельности в целом. Региональная политика – часть субъективной системы принятия решений (что подразумевает закрытость и необъективность). Наиболее лаконично соответствующую практику, сложившуюся в России, характеризует Н. В. Зубаревич: «распределение субсидий субъективно, коррупционно, риски велики» [18]. Согласно А. Швецова, в РФ вместо региональной политики сложилась практика кулуарно принимаемых разрозненных решений, облакаемых в разные формы («межбюджетных трансфертов», «приоритетных национальных проектов», «федеральных нелепых программ», «государственных капитальных вложений»). Соответствующая практика сложилась еще в 1990-е годы как практика «адресных» указов и правительственных постановлений в отношении регионов, которые выбирались без четких критериев, прозрачных процедур или с целью обеспечения лояльности региональных элит [19].

Столь же характерным для региональной политики (как в целом для распределения) является отсутствие общесистемного эффекта. Теоретически такой эффект мог бы выражаться в достижении некоего «целевого» уровня асимметрии. В общем случае такой уровень можно определить как уровень, формируемый дифференциацией, которая адекватна локализации природных условий и ресурсов и рыночным условиям размещения производства (поиск точного количественного выражения такого уровня асимметрии мог бы стать самостоятельной исследовательской задачей).

Существуя в административном поле (где потребитель услуг – не население, а сам аппарат), система распределения ресурсов в рамках региональной политики оперирует искусственной системой индикаторов вроде ВРП, что выдает её формальность и методологическую необоснованность (так, применительно к ВВП РФ отмечалось, что латентная форма доходов составляет от 23 до 40–50 % [20]). На уровне стран аналогичные суждения (по душевому ВВП) также мало пригодны для реальной оценки асимметрии ввиду значительного по масштабам сектора скрытой (нефиксированной) экономики в странах Африки, Азии и Латинской Америки.

Говоря о широко реализуемых мерах поддержки городов США, Э. Глезер [4] отмечает: сегодня под угрозой города́ конца XIX в.; попавшие в бедственное положение горожане нуждаются в поддержке; но люди переехали в Солнечный пояс США не без причины и нет оснований, по которым страна в целом должна пытаться восстановить наибольшее население Детройта за всю его историю, составлявшее 1,85 млн чел. (*сегодня в городе проживает 0,68 млн чел. – Н.Г.*). Национальное правительство должно пытаться уменьшить страдания людей, но не должно мешать самому преобразованию города. Напор изменений слишком силен, чтобы его можно было сдержать, да и нет причин делать это. Помощь бедным людям – это вопрос справедливости, но помощь бедным местам оправдать гораздо сложнее. Почему правительство должно, по существу, подкупать людей, чтобы они жили в депрессивных регионах? Почему растущие регионы должны страдать от того, что людей удерживают в старых городах? [4].

Серьезной методологической проблемой является также тот факт, что региональная политика «работает» с переменными, которые не имеют отношения к действительному снижению асимметрии. Обычно это доходы (бюджета или населения). Действительно, следует признать, что уровень жизни является ключевым ориентиром политики государства. Однако также следует отметить, что асимметрия доходов (её состояние и тренды) является *индикатором*, но не причиной асимметрии, поскольку лишь отражает действия факторов объективной и субъективной природы. Именно таковые (факторы) и должны являться объектом управления асимметрией. Попытка же «выровнять» доходы превращается в «заливание деньгами», что влечет их переток в центр согласно правилам капитализации ресурсов. В российских условиях это также выливается в формирование местных элит, которые (путем родственных связей и административных манипуляций) замыкают на себе потоки федеральных средств, выравнивающих, таким образом, асимметрию в уровне жизни населения лишь на бумаге.

Отметим, что перечисленные выше проблемы вовсе не исчерпывают полный список причин, по которым региональная политика не может реализовать задачу снижения пространственной асимметрии. Иллюстрацией же сказанного является обзор итогов соответствующей политики в ЕС [5]: за 2007–2012 гг. с помощью средств политики сплочения ЕС было создано 594 тыс. рабочих мест, поддержано 77,8 тыс. стартапов и 61 тыс. исследовательских проектов, построено 1208 км автодорог и 1495 км железных дорог в рамках Трансъевропейской транспортной сети, около 5 млн. человек получили доступ к сети Интернет, а для 3,2 млн. человек были модернизированы системы водоснабжения. Однако на практике это означает, что занятостью благодаря региональной политике были обеспечены немногим более 2% безработных, а мероприятия по обеспечению качественного доступа к информационным сетям коснулись 1% населения ЕС. Успехи же некоторых отсталых регионов ЕС в 1990–2000-е гг.

нельзя отнести только на счет политики сплочения, пример чего – Ирландия. Инвестиции из структурных фондов ЕС, безусловно, содействовали её экономическому успеху, но они стали дополнением к знанию местным населением английского языка, что привлекало инвесторов из США и других государств, стремившихся войти на общий рынок ЕС через страну с низкими трудовыми издержками и комфортной бизнес-средой [5].

В России специальные расчеты динамики асимметрии проводились неоднократно. Так, предпринятый в [1] расчет характеристик пространственной концентрации сразу по нескольким алгоритмам (индекс Тейла, индекс Херфиндаля – Хиршмана и коэффициент вариации) по таким индикаторам как ВРП, численность населения и число занятых (с 1995 по 2011 г.) показал, что, несмотря на присутствие отдельных лет, когда неоднородность территорий снижалась, все индексы и все характеристики экономической активности говорят об отчетливой тенденции роста пространственной концентрации в России. Причем продолжение пространственной концентрации ресурсов и результатов экономической активности и рост межрегиональных различий следует ожидать и в будущем. Из расчетов также следует, что меры региональной политики не имеют значимого сдерживающего влияния на процессы пространственной концентрации. Корреляция трансфертов и государственных федеральных инвестиций с ВРП отрицательна, причем результат подтверждается для спецификаций с различной глубиной лага. Эффективность государственной поддержки оказывается под сомнением, она не позволяет улучшить позиции регионов, рыночные силы вымывают эффекты межбюджетных перераспределений и государственных инвестиций [1], так что механизмы и инициативы как федерального, так и регионального уровня, создающие преимущества отстающим регионам в виде снижения издержек и государственных инвестиций, подавлялись и не оказали значимого компенсирующего влияния [21].

Предпринятый нами оценочный расчет асимметрии по двум группам индикаторов (для регионов и населения) был призван оценить динамику процесса расхождения для индикаторов, более тесно связанных с уровнем жизни населения. Расчеты по каждому из индикаторов показывают разницу (частное) средних показателей для групп регионов-лидеров и регионов-аутсайдеров (группы были составлены из 5 регионов из верхней и нижней части списка; для каждой группы были предварительно рассчитаны средние показатели по каждому индикатору). Усреднение позволило смягчить фактор случайного «всплеска» или провала индикаторов в единичном регионе в конкретный год (таблица).

Итогом расчетов можно назвать факт весьма малой связи флуктуаций параметров асимметрии с межрегиональными перераспределениями средств. В 2005–2010 гг. по всем индикаторам наблюдался существенный спад асимметрии в силу распределения по экономике рентных доходов от экспорта сырья (среднегодовые цены на нефть в 2008 г. достигли исторического максимума).

В 2010–2016 гг. снижение асимметрии в основном было символическим, несмотря на продолжение межрегиональных перераспределений. Более того, по душевым индикаторам уровня безвозмездных перечислений и ввода жилья асимметрия существенно возросла (что говорит о «провале» ряда регионов, потребовавшем активизации перераспределений и о сохранении высоких доходов, достаточных для создания спроса на жилье лишь в части регионов).

Таблица. Динамика дифференциации регионов РФ по душевым параметрам доходов и расходов (разница групп лидеров и аутсайдеров, раз)

Индикатор	2005 г.	2010 г.	2016 г.
Параметры бюджетов			
Собственные доходы бюджета	47,5	21,5	20,4
Безвозмездные перечисления	58,3	14,2	27,3
Параметры уровня жизни			
Среднемесячные денежные доходы	7,5	4,3	4,0
Оборот розничной торговли	8,6	4,9	3,8
Ввод общей площади жилых домов	43,6	13,1	17,3

Подходы к объективизации управления пространственной асимметрией. Анализ факторов и закономерностей формирования пространственной социально-экономической асимметрии позволяет сформулировать подходы к объективизации целеполагания и реализации процесса её смягчения.

Так, в качестве предварительной цели объективизации уровня асимметрии может быть названо выявление естественного уровня асимметрии, не снижающего уровень эффективности использования ресурсов общества. Объектом «коррекции» может в этой связи быть названа не асимметрия как таковая, а её отклонение от *естественного* уровня.

Ключевым инструментом достижения оптимального уровня асимметрии служит ограничение масштабов и глубины проявления субъективного (политического) фактора, деформирующего пространственную организацию в процессе «погони за рентой» в виде соискания административной ренты бюрократией и деятельности «групп интересов». Это, в свою очередь, требует изменений на макроуровне в виде децентрализации (в частности, в РФ важнейшей здесь можно назвать фискальную сферу) и дерегулирования. Условиями фискальной децентрализации служат [10]: федеративное государственное устройство, выборность глав регионов и муниципалитетов; широта полномочий местных властей, их возможности пополнять свои бюджеты и противостоять давлению Центра.

Существенным фактором является работа рыночных (ценовых и инновационных) механизмов, поскольку, в частности, новые технологии помогают качественно сгладить асимметрию в уровне жизни: например, коммуникационные приложения, такие как Skype или Google, демонетизировали рынок видеоконференций и международной телефонной связи. Amazon демонетизировал книжную розницу, iTunes – индустрию звукозаписи. Во многих отноше-

ниях демонетизации подвергалось образование: большая часть информации, которую вы могли бы изучить в институте, уже доступна бесплатно онлайн. Coursera, Khan Academy, Гарвард, МГТ и Стэнфорд предлагают тысячи часов качественного образования онлайн [22]. Напротив, экономическая периферия формируется странами, практически (не на словах) не ставящими в качестве своей стратегической цели ускоренное развитие наукоемких производств. Эти страны останутся в роли поставщика ресурсов в Центр [23]. А. Н. Пилясов [24] в этой связи говорит о периферийности как об отрезанности от важнейших каналов информации, новых знаний.

Что касается ценового механизма сглаживания различий, то устранение всякого рода искажения, привносимого государством в механизм цен (выполнение им информационной и управляющей функции) способно обеспечить тот спонтанный порядок Ф. Хайека, в рамках которого взаимодействие многих отдельных целей и действий может привести к упорядоченному результату, отвечающему интересам максимального числа индивидов. Государственное регулирование искажает систему цен, внося ошибки в размещение факторов производства, в соотношение инвестиций и потребления, искажая деятельность рынков и распространяя калькуляционный хаос [25]. В данном случае речь идет о сокращении регулирования со стороны бюрократического аппарата, что позволит вернуть ценам их функцию индикатора потребностей. Важно, что пространственная дифференциация цен является индикатором спроса, насыщение которого ведет к снижению цен и сглаживанию, таким образом, пространственного ценового градиента.

Однако устранение избыточного регулирования не является достаточной мерой: оно должно с необходимостью замещаться самоорганизацией. Важность таковой обусловлена тем, что самоорганизация в ходе поиска решений генерирует их образцы, которые наиболее адекватно могут применяться для управления системой: в рамках самоорганизации возникают стохастические управляющие центры, которые осуществляют воздействие на систему и исчезают, сменяя друг друга или действуя одновременно (как солисты в джазе или автомобили при перестроении). Стохастические организации «ищут» новые решения, лучшие из которых закрепляются в стандартах поведения персистентных систем. Управление и самоорганизация образуют «слоёный пирог»; все сложные системы, включая социальные и территориальные, сочетают в себе стохастизм (самоорганизацию) и персистентное управление, так что управление является частным случаем самоорганизации и отличается наличием персистентного центра управления [26].

Передача больших полномочий с уровня административного управления на уровень самоорганизации реализуется, например, в ходе сокращения бюрократии в Германии [27], или – в практике прямого самоуправления в виде формирования «гражданских бюджетов». Примером последнего являются бразильский Порту-Алегри (где механизм был изобретен в 1989 году), города

Испании, США, Великобритании, Польши. Суть механизма состоит в расходовании части бюджета согласно предложениям самих граждан: предложения проходят экспертизу на предмет технической исполнимости, затем за предложения голосует местное сообщество, и одобренные большинством проекты реализуются мэрией.

Механизмы самоорганизации в мировых масштабах применяются рядом неправительственных организаций (пример - GiveDirectly), которые оказывают помощь беднейшим представителям населения, например африканских стран, прямым зачислением денежных средств на персональные счета граждан (93% пожертвований попадают непосредственно в руки реципиентов) без привлечения бюрократического распределительного аппарата ООН, что позволяет жителям улучшать условия жизни, начинать свое дело, освобождать детей от функции работников (давая им возможность начать обучение) [28]. Согласно исследованию МГТ, денежные субсидии GiveDirectly стимулируют длительный рост доходов (до 38% по сравнению с доходами до получения грантов), приобретение недвижимости и домашнего скота (до 58%), одновременно уменьшая число дней, когда детям нечего есть, на 42%. К 2010 г. такие программы охватили более 110 млн. семей в 45 странах. Данные программы опираются на потенциал рынка (пожертвования Google и проч.).

Приведенные примеры в целом говорят о потенциале рыночных инструментов и самоорганизации в снижении пространственной асимметрии вне процедур административного распределения по такому ключевому показателю как уровень жизни населения.

Заключение. Пространственная социально-экономическая асимметрия может составлять реальное препятствие развитию и нести угрозу дезинтеграции, в связи с чем представляется существенным вывод о реальной возможности приведения её к естественному, не угрожающему развитию уровню, посредством методологически выверенных подходов и задействования потенциала самоорганизации.

Литература

1. Коломак Е.А. Тенденции и факторы пространственной концентрации экономической активности в России // Пространственная экономика. 2014. № 4. С. 82–99.
2. Henderson V. Cities and Development. Draft, Prepared for 50th Anniversary Issue of Journal of Regional Science. 2009.
3. Глазычев В.А. Капитализация пространства // Эксперт. 2004. № 1.
4. Глейзер Э. Триумф города. М.: Изд-во Ин-та Гайдара. 2014. 432 с.
5. Региональная политика: зарубежный опыт и российские реалии / Под ред. А.В. Кузнецова, О.В. Кузнецовой. М.: ИМЭМО РАН, 2015. 137 с.
6. Артоболевский С.С. Точка зрения: российская региональная политика: модернизация или деформация пространства // Современные производительные силы. 2012.
7. Ротбард М. Власть и рынок. Челябинск: Социум, 2010. 418 с.

8. Мельников М.В. Приватизация государства: понятие и феномен // Теория и практика общественного развития. 2015. № 14. С. 33–36.
9. Сидорина Т.Ю. Институты самоорганизации граждан и развитие теории государства всеобщего благосостояния // Общественные науки и современность. 2010. № 5.
10. Мишуря А.В. Причины доминирования столиц. Случай Москвы // Вопросы экономики. 2013. № 2. С. 151–160.
11. Полиди Т.Д. Влияние государственного регулирования жилищного строительства на рынки жилой недвижимости в городах России // XIII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. В 4 кн. Кн. 3. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012.
12. Henderson V. Urbanization in Developing Countries // The World Bank Observer. 2002. Vol. 17. №. 1. P. 89–112.
13. Davis J.C., Henderson J. V. Evidence on the Political Economy of the Urbanization Process // Journal of Urban Economics. 2003. Vol. 53. P. 98–125.
14. Henderson J.V., Wang H.G. Urbanization and City Growth: The Role of Institutions // Regional Science and Urban Economics. 2007. Vol. 37. P. 283–313.
15. Alberto F., Gleaser E. Trade and Circuses: Explaining Urban Giants Ades // The Quarterly Journal of Economics, Volume 110, Issue 1 (Feb., 1995), 195–227.
16. Каневский П. С. Российские лобби в Европейском Союзе и США: проблемы и перспективы // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2012. № 4. С. 137–153.
17. Княгинин В. Капитализация регионов. URL: http://www.csr-nw.ru/files/csr/file_category_1089.pdf.
18. Зубаревич Н. Ручное управление регионами // Прямые инвестиции. 2013. № 3.
19. Швецов А. Н. Государственная региональная политика: хронические проблемы и актуальные задачи системной модернизации // Российский экономический журнал. 2007. № 11–12. С. 20–61.
20. Леонтьев Р.Г., Сокотов И.В., Сырцев Г.Н. Латентная составляющая развития регионов через призму экономической географии. География азиатской части России на рубеже веков. Иркутск, 2001.
21. Коломак Е. А. Межрегиональное неравенство в России: экономический и социальный аспекты // Пространственная Экономика.
22. Диамантис П. Как «технологический социализм» может демонетизировать нашу жизнь // Свой бизнес. 2013. №5.
23. Овакимян Б.Р. Экономические центры и периферия – а где Россия // Российское предпринимательство. 2009. № 9(1).
24. Пилясов А. Н. И последние станут первыми: Северная периферия на пути к экономике знания. М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ. 2009. 544 с.
25. Кэллахан Дж. Экономика для обычных людей. Челябинск: Социум, 2006. 422 с.
26. Попов В.П., Крайнюченко И.В. Теория самоорганизации социальных систем // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2008. № 3. С. 368–370.
27. Капогузов Е.А. Сокращение бюрократии: методологические аспекты и немецкий опыт // Вестник Омского университета. Экономика. 2009. № 4.
28. Брегман Р. Почему следует раздавать всем бесплатные деньги // <https://news.mail.ru/society/32276655/>.

СЛОВО МОЛОДЫМ УЧЁНЫМ

УДК 913(43)

А. П. Васильев¹
A. Vasilyev

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ЭВОЛЮЦИИ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ДЕЛЕНИЯ ХОРВАТИИ

EVOLUTION OF CROATIAN ADMINISTRATIVE DIVISION: SPATIAL PATTERNS

Изучена эволюция административно-территориального деления (АТД) Хорватии за XX – начало XXI вв. Проанализированы причины реформ АТД и выявлены 4 ряда иерархии политико-территориальных ячеек, ставших основой для большинства уровней АТД. Рассмотрена устойчивость рядов и их административно-территориальных ячеек.

The article shows the evolution of the administrative division of Croatia in XX – begging of XXI centuries. It analyzes factors of reforms of the administrative division and it was revealed 4 hierarchic ranks of political-territorial cells, which became the basis for most of levels of the administrative division. The article examines stability of ranks and political-territorial cells.

Ключевые слова: административно-территориальное деление, Хорватия, политико-территориальная ячейка, ряд иерархии, устойчивость.

Keywords: administrative division, Croatia, political-territorial cell, hierarchic rank, stability.

В современном мире сложилось множество различных систем административно-территориального деления (АТД), строение которых различается по своей структуре, размерам, числу единиц, и уровней иерархии и зависит от государственного устройства страны (унитарное или федеративное), от их размера и истории их образования и развития. Структуры АТД стран мира представляют очень сложную в пространственном отношении и динамично развивающуюся систему, требующую детального научного изучения.

В работах В.А. Колосова, Р.Ф. Туровского, С.А. Тархова и др. административно-территориальное деление понимается как разделение территории государства (страны, региона) на административно-территориальные единицы с целью территориальной организации региональной и локальной власти. АТД создается исключительно в целях управления территорией и не зависит от экономического районирования. АТД консервативно, и любое его изменение вызывает широкие дебаты в обществе, так как оно затрагивает полити-

¹ **Васильев Алексей Павлович**, аспирант, Географический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва

ческие, экономические, социальные и культурные аспекты развития регионов страны [1–3].

В этой статье анализируется эволюция сети всех рангов АТД Хорватии за XX – начало XXI вв. В работе ставятся задачи оценить характер изменчивости сетки АТД страны и выявить устойчивость административных единиц.

Проблематика АТД в общественно-географических исследованиях в Хорватии. Изучение АТД в общественно-географических исследованиях в Хорватии и бывшей Югославии можно подразделить на два этапа: социалистический и современный. Во время социалистического этапа основной упор делался на анализе сложившегося в Югославии административно-экономического деления и обсуждения факторов, влиявших его изменение. В книге Ю. Хрженяка и И. Перко-Шепарович «Организация территории и самоуправление» подробно рассмотрено становление АТД республик бывшей Югославии с XVIII в и до 1980-х гг. Среди причин, влиявших на реформирование АТД, авторы в первую очередь выделяют внутривластные, связанные с попеременной регионализацией и централизацией страны и стремлением властей подавить региональный сепаратизм [4]. И. Лешко обращает внимание на то, что при реформах локальных единиц в Социалистической Югославии власти хотели создать экономические самостоятельные единицы, отвечавшие требованиям развития плановой экономики [5].

После провозглашения независимости Хорватии и образования жупаний начался новый этап в изучении проблематики АТД страны. В 1996 г. вышла книга «Хорватские жупании через столетия», написанная коллективом историков и политико-географов и посвященная истории становления и развития жупаний со Средневековья и до наших дней. В этой книге утверждается новый взгляд на АТД страны, в котором жупании представляются историческими АТЕ Хорватии, выделяющие ее на фоне других постюгославских стран [6].

После экономического кризиса 2008 г., сильно увеличившего дефицит бюджета страны и расходы локальных администраций, было опубликовано немало работ, посвященных возможному повышению работоспособности местных властей и реформированию АТД. В статьях И. Коприча, Ж. Павича и А. Тоскича подчеркивается, что администрации многих малонаселенных общин ввиду их слабых финансовых и демографических возможностей неспособны выполнять многочисленные функции, приписанные им законом. В результате этого ухудшается социально-экономическое развитие общин и снижается работоспособность общественных служб, что влияет на качество жизни населения. Ученые предлагают укрупнить жупании и общины, чтобы они обладали достаточным демографическим и экономическим потенциалом для решения вопросов регионального и местного характера [7–10].

Рассмотрим теперь эволюцию АТД Хорватии в XX в. и выявим пространственные закономерности этого процесса.

Эволюция административно-территориального деления Хорватии в XX – начале XXI вв. В начале XX в. территория современной Хорватии входила в состав габсбургской Австро-Венгрии и разделялась на две земли: королевство Хорватия и Славония, состоявшее из 6 жупаний и 4 городов, и королевство Далмация, подразделявшееся на 14 округов [4, 11–13].

Начавшаяся в 1914 г. Первая Мировая война обострила внутренние национальные противоречия в Австро-Венгрии, вследствие которых осенью 1918 г. империя Габсбургов распалась на несколько государств. В декабре 1918 г. хорватские территории вместе с другими южнославянскими землями образовали единое королевство Сербов, Хорватов и Словенцев со столицей в Белграде. Однако сильные различия в социально-экономической жизни, в структуре управления, в числе уровней и размеров АТЕ между землями привели к централизации страны и образованию 33 областей (из них 6 в Хорватии) [4, 6, 11, 12].

В 1929–1934 гг. после обострения национального вопроса королевство было переименовано в Югославию, что должно было способствовать сплочению народов в «югославскую нацию». Прежние области были заменены 9 новыми большими областями – бановинами (хорв. *banovina*), названными по французской модели в честь рек и приморского положения. Разделение было проведено таким образом, чтобы новые единицы не учитывали национально-территориальные различия и не соответствовали историческим регионам. На территории Хорватии были созданы Савская бановина, частично совпадавшая с прежней землей Хорватия и Славония, и Приморская бановина, объединившая Далмацию и Герцеговину. Зетская бановина, образованная на территории Черногории, включила в себя Дубровник [4, 6, 11, 12].

В конце 1930-х гг. после ослабления централизации была образована отдельная Хорватская бановина, которая объединила прежние Савскую и Приморскую бановины, а также включила хорватские районы соседних бановин. Хорватской бановине была предоставлена широкая автономия в области самоуправления [4, 6, 11, 12].

В апреле 1941 г. после вторжения войск Германии и ее союзников Югославия капитулировала и распалась. В Хорватии и Боснии и Герцеговине было создано Независимое Государство Хорватия (НГХ), разделенное на 22 больших жупании, районы и общины. Подчеркивая историческую преемственность, единицы верхнего ранга АТД были названы большими жупаниями, которые были выделены таким образом, чтобы стереть прежнюю границу между Хорватией и Боснией и Герцеговиной, поскольку власти нового государства стремились показать, что Босния и Герцеговина – «неотъемлемая часть» Хорватии [4, 6, 11, 12].

Тем временем в 1943 г. Антифашистское вече Народного освобождения Югославии провозгласило создание Югославии как федерации пяти народов и шести республик. Это отражало стремления народов страны (в первую

очередь хорватов и сербов) обладать большей самостоятельностью и иметь свои политико-территориальные образования. После победы над фашизмом конституция 1946 г. утвердила построение социалистического государства и образование 6 народных республик (НР): Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговины, Сербии, Черногории, Македонии [4, 6, 11, 12].

Несмотря на то, что система 6 республик просуществовала без изменений вплоть до распада Югославии в 1991 г., послевоенное развитие средних и нижних рангов АТД страны характеризуется частым изменением состава и числа АТЕ. Можно выделить 4 ключевых этапа изменения локальных единиц.

Первым этапом стало закрепление конституцией 1946 г. территориальной организации страны, сложившейся во время народно-освободительной войны. На верхнем уровне были сформированы две области (Славония и Далмация), делившиеся на округа, районы (хорв. kotar) и 4,4 тыс. местных народных отборков (МНО), представлявших мельчайшие ячейки локального самоуправления и включавших несколько маленьких сел или один город [4–6].

В 1947 г. с усилением централизации округа были упразднены, поскольку они были оценены как избыточные АТЕ и как помеха дальнейшему развитию местных органов власти и контролю над ними. Эта реформа привела к уменьшению числа районов и МНО, расширению их территории и полномочий администраций [4–6].

Второй этап в развитии АТД начался в 1949 г. с введением 6 областей как региональных политико-территориальных единиц, формирование которых оправдывалось децентрализацией страны и увеличением роли локальных органов, так как области должны были помочь администрациям районов и МНО приступить к выполнению новых задач, включавших социалистическое преобразование общества и коллективизацию деревни [4–6].

В 1951 г. области были упразднены. Ликвидация областей оправдывалась тем, что районные и локальные администрации развились настолько, что сами могут справляться с поставленными перед ними задачами [4–6].

Третий период в развитии АТД начался в 1952 г. с упразднением МНО и введением общин как единиц местного самоуправления. Главными функциями общин, территория которых представляла собой единое экономическое целое, стало регулирование социально-экономической жизни и развитие материальной базы нового социалистического общества [4–6].

Четвертый этап в развитии АТД Югославии начался в 1955 г. с приданием общинам и районам новых статусов. Община формировалась как основная единица административного деления и основная территориальная форма выражения социально-экономического деления общества. Район – единица среднего уровня, выделяемая на территории, представляющей собой единое природное и экономическое целое. В две волны районы и общины были укрупнены для того, чтобы повысить их демографические и финансовые возможности

и чтобы сделать эти АТЕ экономически самостоятельными для развития плановой экономики [4–6].

В 1967 г. районы были упразднены, они были оценены как помеха дальнейшему развитию местного самоуправления и социально-экономических отношений на уровне общин. В Югославии сложилась двухзвенная система АТД: республика – община (в автономных краях Косово и Воеводина – трехзвенная) [4–6].

С ликвидацией районов сотрудничество между общинами оказалось затруднительным, а республиканские и местные власти не смогли справиться с задачами регионального характера. В 1968–1974 гг. были образованы ассоциации общин (хорв. *Zajednice općina*) для проведения общей политики общин и осуществления сотрудничества по вопросам, имеющим региональное значение [4, 6].

В 1974–1991 гг. АТД Югославии оставалось устойчивым. Число общин изменялось незначительно, стабильность объясняется достижением работоспособного уровня функционирования и развития социально-экономических связей. Де-юре существовала двухзвенная система (республика – община), де-факто – трехзвенная (включая ассоциации общин) [4, 6, 12].

В 1991–1992 гг. из-за обострения противоречий между народами и возникновения вооруженных конфликтов Югославия распалась. Хорватия провозгласила независимость и стала проводить собственную политику в области административного деления. В 1992 г. были воссозданы 21 жупания как исторические АТЕ. Территории компактного проживания сербов были разделены таким образом, чтобы в каждой жупании преобладали хорваты [6, 8, 12].

Число общин было увеличено в 5 раз, чтобы ликвидировать самостоятельность общин в экономическом плане, и сделать каждую единицу зависимой от жупаний и центральных властей. В результате кардинальных экономических изменений общины перестали быть единицами административно-экономического деления [6, 8, 12].

В 2017 г. Хорватия состояла из 21 жупании и 556 общин [14].

Общие закономерности эволюции административно-территориального деления Хорватии. Главной особенностью АТД Хорватии является неустойчивость системы ее территориальных единиц. На протяжении XX–XXI вв. произошло 12 крупных административно-территориальных реформ, которые вносили резкие изменения в структуру и число единиц, вводили и упраздняли уровни АТД. В XX в. число единиц первого ранга колебалось от 2 до 113, а уровней – от одного до четырех.

Составим общую таблицу изменения состава АТД страны в конце XIX – начале XXI вв.

В табл. 1 представлено АТД королевства Хорватия и Славония (1886, 1910), земли Хорватия и Славония (1920), Хорватской бановины (1939), Неза-

висимого Государства Хорватия (1941), Социалистической Республики Хорватия (1946–1991), Республики Хорватия (1992–2016).

Таблица 1. Изменение состава АТД Хорватии
в конце XIX – начале XXI вв.*

Дата (год)	Число жупаний**	Число округов***	Число районов****	Число общин и городов
1886	12	–	87	376
1910	12	–	89	561
1920	12	–	93	н.д.
1.01.1939	–	–	99	736
1941	22	–	141	1036
28.05.1946	2*****	12	133	4399*****
1.07.1947	2*****	–	110	2401*****
9.06.1949	6*****	–	113	2329*****
9.04.1952	–	–	95	697
20.06.1955	–	–	27	299
1.01.1961	–	–	27	244
1.01.1963	–	–	9	111
1.01.1971	–	–	–	105
1.01.1991	–	–	–	102
31.12.1992	21	–	2	489
31.12.1997	21	–	–	538
31.12.2016	21	–	–	556

* Составлено по: [4, 5, 13–18]

** включая города на правах жупаний; *** включая города на правах округа;
**** включая города на правах района; ***** число областей; ***** число местных
народных отборов

Периодизация процесса эволюции АТД Хорватии свидетельствует о наличии пульсации – попеременных волн укрупнения и разукрупнения единиц АТД. **Разукрупнение** единиц происходило в 1887–1910 гг., 1953–1954 гг., 1992–1999 гг.; а **укрупнение** – в 1886 гг., 1946–1952 гг., 1955–1967 гг. Во второй половине XX в. этапы укрупнения и размельчения разделяются фазами устойчивого равновесия в 1968–1991 гг. и с 2000 г. по настоящее время. Также табл. 1 показывает несколько резких изменений в структуре АТД в 1920 г., 1941 г., 1946–1967 гг. и 1992 г. происходивших, главным образом, из-за кардинальной перестройки политической организации страны.

Устойчивость территориальных ячеек и иерархических рядов. Из табл. 1 видно, что число районов в 1947–1954 гг. сопоставимо с числом общин в 1963–1991 гг., число районов в 1955–1962 гг. – с числом современных жупаний, а число областей в 1949–1951 гг. – с числом районов в 1963–1967 гг. Медианные значения площади и числа соседей, а также минимальные и максимальные значения этих показателей для сеток районов 1955–1962 гг. и современных жупаний варьируют в небольших диапазонах (табл. 2 и 3). Аналогично, значения этих показателей сопоставимы для сеток областей в 1949–1951 гг.

и районов в 1963–1967 гг., а также для сеток районов в 1947–1954 гг. и общин в 1963–1991 гг.

Таблица 2. Изменение площади единиц 1 ранга АТД Хорватии*

Год	Число единиц	Максимальная площадь (тыс. км ²)	Минимальная площадь (тыс. км ²)	Медианная площадь (тыс. км ²)
1949	6	11,76	6,33	9,89
1951	113	н.д.	н.д.	0,50**
1954	96	1,34	0,03	0,58
1960	27	5,24	0,73	1,58
1965	9	11,76	1,95	4,42
1991	102	1,67	0,05	0,51
2016	21	5,35	0,64	2,73

*Составлено по: [17, 18]

** Указана средняя арифметическая площадь

Таблица 3. Индекс соседства единиц 1 ранга АТД Хорватии*

Год	Число единиц	Максимальное число соседей	Минимальное число соседей	Медианное число соседей
1949	6	1	3	2
1951	113	0	7	4
1954	96	0	7	4
1960	27	1	6	4
1965	9	1	4	2
1991	102	0	8	4
2016	21	1	7	3

*Составлено по расчетам автора

На эти закономерности обращает внимание хорватский политико-географ Младен Клеменчич в своей статье «Изменения административно-территориального состава Хорватии в 1918–1992 гг.» [6]. Для того чтобы лучше понять причины выявленных совпадений, он предлагает составить таблицу (табл. 4) изменений АТД в XX в. не в границах Хорватии на тот или иной период, а на современной территории страны. Таким образом, таблица учтет изменения АТД только в результате внутренних реформ и без влияния потерь или приобретений территорий. С учетом того, что в XX в. все территории Хорватии входили в состав одного государства (кроме Истрии и Риеки в 1919–1945 гг.) и частных реформ АТД, этот подход можно назвать обоснованным [6].

Расставим в 4 ряда существовавшие и существующие на территории Хорватии уровни АТД в зависимости от их размера и ранга, а также значения их центров. В первом ряду будут единицы, соответствующие крупным регионам страны, во втором – единицы, соответствующие мелким регионам, в третьем – единицы, соответствующие районам и в четвертом – локальные единицы. В этой статье приводится авторская таблица, составленная с опорой на таблицу М. Клеменчича.

По табл. 4 можно констатировать, что за XX в. число единиц первого ряда колебалось от 6 до 9, второго – от 21 до 27, третьего – от 87 до 126, а четвертого – от 489 до 700. Такая вариация объясняется тем, что на территории Хорватии сложилась определенная структура административно-хозяйственных связей, системы расселения, отношений центр-периферия и выделилась четкая иерархия подчинения малых центров крупным. Сетка 6–9 крупных региональных центров и их зон влияния образуют I ряд единиц АТД, 21–27 малых региональных центров – II ряд, 87–125 районных центров – III ряд, 500–700 локальных центров – IV ряд.

Таблица 4. Эволюция сетки АТД на современной территории Хорватии*

Период (год)	I ряд	II ряд	III ряд	IV ряд
1910	8 жупаний, 1 земля	–	126 районов	650-700 общин
1920**	8 округов, 1 земля	–	115 районов	н.д.
1921-1929**	6 областей	–	87 районов	650-700 общин
1929-1941**	–	–	87 районов	650-700 общин
1947-1949	–	–	87-88 районов	–
1949-1951	6 областей	–	88-89 районов	–
1952-1954	–	–	88-89 районов	637-678 общин
1955-1962	–	27 районов	–	–
1963-1967	8-9 районов	–	111 общин	–
1968-1974	–	–	104-105 общин	–
1974-1991	9 ассоциаций общин	–	102-113 общин	–
1992-наст. вр.	–	21 жупания	–	489-556 общин
предложение А. Тоскича и Д. Ньегача	5 регионов	–	123 городские общины	–

* Составлено по: [4, 5, 10, 13–18]

** Без Истрии и Риеки

Анализ карт сеток АТД одного ряда за разные периоды выявляет неизменность многих административно-территориальных ячеек, различающихся только названиями. Например, АТЕ III ряда, несуществующие сейчас, являются наиболее устойчивыми. Под названием районов и общин они сохранялись 96 лет в 1886–1954 гг. и 1963–1991 гг. 51 административно-территориальная ячейка (40–60% всех ячеек) и 75 центров (60–85% всех центров) оставались неизменными за все время существования этого ряда (табл. 5). Наиболее устойчивые ячейки располагаются в Славонии, Северной Хорватии и Истрии, что, связано с устоявшейся пространственной структурой расселения, административно-хозяйственных связей и зон влияния городов (рис. 1). Наименее устойчивые ячейки находятся в центре страны и в Далмации, что, вероятно, объясняется значительным ростом населения в этих регионах в XX в. и появлением новых городов III ранга.

Таблица 5. Устойчивость административно-территориальных ячеек и центров I, II, III рядов в 1886–2017 гг.*

Ряд	I ряд	II ряд	III ряд
Период существования	1886-1929 гг. 1946-1951 гг. 1963-1967 гг.	1955-1962 гг. 1992 - наст вр.	1886-1955 гг. 1963-1991 гг.
Общее число административно-территориальных ячеек	6-9	21-27	87-126
Число устойчивых административно-территориальных ячеек	1	9	51
Из них: число устойчивых административно-территориальных ячеек, обладавших неизменными центрами	1	7	50
Число устойчивых центров	3	18	75

* Составлено по расчетам автора

Рис. 1. Устойчивость административно-территориальных ячеек и центров III ряда в Хорватии в 1900–1955 и 1963–1991 гг.

Интересно, что наименее устойчивым является II ряд, существовавший в 1955–1962 гг. и с 1992 г. по настоящее время. 9 административно-территориальных ячеек (30–40% всех ячеек) и 18 центров (70–90% всех центров) оставались неизменными за непродолжительное время существования этого ряда (табл. 5 и рис. 2). Наиболее устойчивые ячейки II ряда располагаются в крайних точ-

ках территории страны: на севере (Карпина, Вараждин, Чаковец), на востоке (Вуковар), на западе (Истрия, и Риекская область) и на самом юге (Дубровник), что объясняется природными особенностями и географическим прохождением границ Хорватии, вследствие чего создание других конфигураций было затруднительным. Неустойчивость ячеек II ряда, находящихся в центре страны и вдоль границ с Боснией и Герцеговиной, вызвана, в первую очередь, политическими причинами: меньшим числом жупаний и тем, что их территории были выделены в 1992 г. таким образом, чтобы разделить районы компактного проживания сербов. В результате этого территории 12 современных жупаний не совпадают с районами 1955–1962 гг.

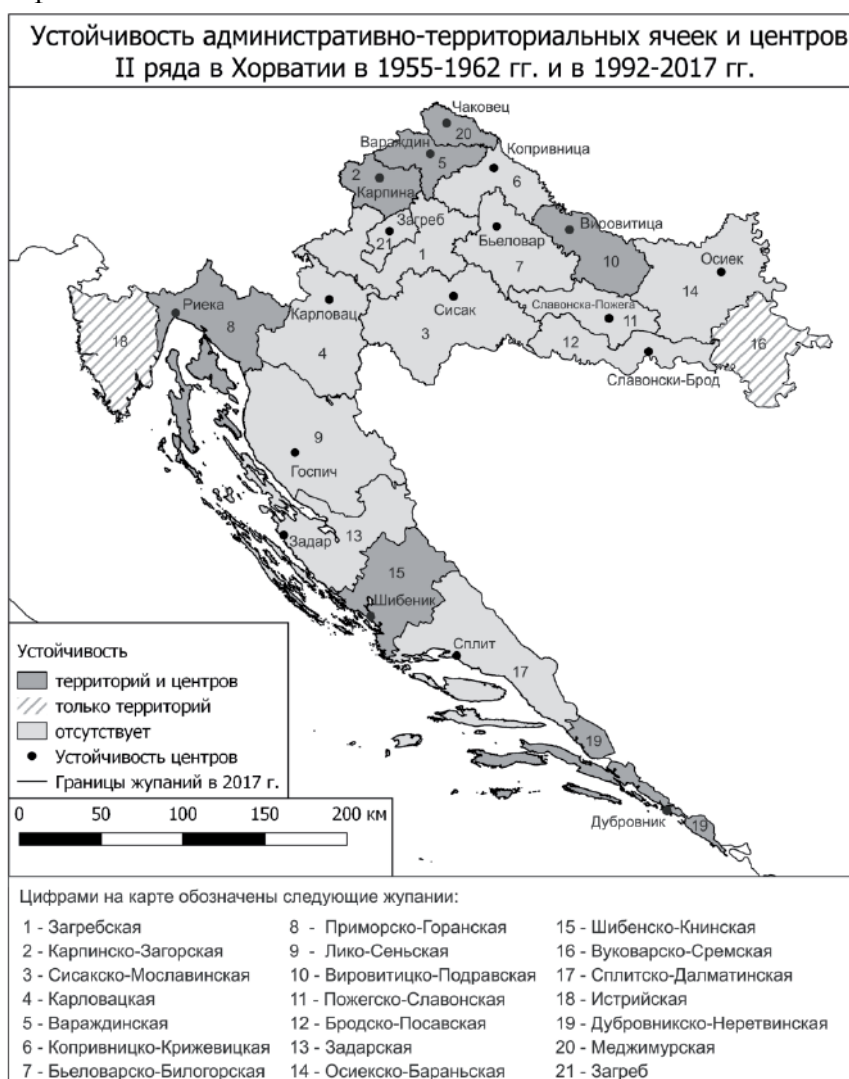

Рис. 2. Устойчивость административно-территориальных ячеек и центров II ряда в Хорватии в 1955–1962 гг. и 1992–2017 гг.

I ряд отличается тем, что после 1929 г. его единицы существовали короткие периоды времени, и только 3 центра (Сплит, Загреб и Осиек) оставались устойчивыми в XX в. В то же время некоторые единицы этого ряда, такие как Далмация и Славония, сохранялись длительный период времени. Далмация

существовала как отдельная единица с 1730-х гг. по 1921 гг., в 1945–1951 гг., 1962–1967 гг. и в качестве ассоциации общин в 1970–1991 гг., а Славония – с 1740-х гг. по 1868 г., в 1921–1929 гг., 1945–1947 гг., 1949–1951 гг., 1962–1967 гг. и в качестве ассоциации общин в 1970–1991 гг. [4, 12]. Физико-географическая, экономико-географическая, а также культурная обособленность этих регионов способствовала их длительной устойчивости. Сейчас это крупные историко-культурные регионы Хорватии.

По табл. 4 четко прослеживается эволюция районов: с начала XX в. и до 1954 г. они были единицей III ряда, в 1955–1962 гг. – II ряда, в 1963–1967 гг. – I ряда. В 1963 г. общины заняли место районов в III ряду.

Анализ реформ выявляет два разнонаправленных процесса: централизации и регионализации страны. С образованием единиц I ряда в 1886 г., 1946 г., 1949 г., 1963 г., 1968–1974 гг. происходила децентрализация страны, власти выделяли крупные регионы для решения региональных проблем и контроля деятельности администраций более мелких АТЕ. С упразднением этих единиц в 1947 г., 1951 г. и 1967 г. наблюдалась обратная централизация страны и усиление власти центрального правительства, а единицами первого уровня становились маленькие и зависимые от центральных властей единицы III ряда.

Переходной стадией является образование единиц II ряда. Выделение этих единиц также можно назвать регионализацией, поскольку они соответствуют мелким регионам страны. Однако они не могут считаться полноценными регионами ввиду небольшого размера и небольшой численности населения.

Таким образом, главным фактором при реформах АТД являлся учет сложившейся структуры административно-хозяйственных связей, системы расселения и зон влияния городов, что позволяло наиболее эффективным способом выделить новые АТЕ. Поэтому во время реформ ранги АТД просто переходили с одного ряда на другой, и АТД вписывалось в эту «матрицу», почти не выходя за ее пределы. Исключением является только существование местных народных отборов в 1946–1952 гг. и 200–300 эфемерных общин в 1955–1962 гг.

В контексте сложившейся структуры административно-хозяйственных связей и иерархии городов хорватские географы Александр Госкич и Дражен Ньегач предлагают реформировать АТД, основываясь на выделении крупных регионов и крупных общин. Центрами регионов должны стать крупные региональные города – Загреб, Осиек, Риека и Сплит. По предложению географов Осиек стал бы центром Славонии, Риека – Западной Хорватии, Сплит – Далмации, Загреб – Средней Хорватии, а Загребская агломерация выделялась бы в отдельный регион. На втором уровне АТД предлагается образовать 123 крупные общины на основе сложившихся районных центров, выделяемых с учетом маятниковых миграций и центр-периферийной модели [10].

Предложение А.Госкича и Д.Ньегача четко вписывается в сложившуюся структуру административно-хозяйственных связей и системы расселения. Вместо использования городов II и IV рядов в качестве основы единиц АТД,

географы предлагают взять города I и III рядов. Действительно, города I ряда продолжают выделяться на фоне городов II ряда численностью населения, размером ВРП, культурной значимостью и сферой влияния. Но юридически города I ряда являются такими же центрами жупаний, как и города II ряда. Аналогичная ситуация в соотношении городов III и IV рядов, являющихся центрами общин.

Однако это предложение вызывает серьезную критику. Некоторые города, ранее являвшиеся центрами единиц I ряда (Карловац и др.), а также города, развившиеся за вторую половину XX в. (Задар), не хотят подчиняться более крупным центрам. Местные власти опасаются, что в случае реформы АТД их мелкие регионы лишатся инвестиций и внимания правительства. Желание местных политиков сохранить сложившуюся структуру местной власти и свои посты также играет роль в консервации АТД.

В будущем любые новые предложения по изменению АТД будут учитывать эту сложившуюся структуру административно-хозяйственных связей и системы расселения. Любой отход от неё нерационален и нелогичен.

Заключение

При реформах АТД Хорватии выделилось 4 ряда иерархии административно-территориальных ячеек, устойчивость которых приводила к тому, что уровни АТД четко соответствовали этим 4 рядам, а при административно-территориальных реформах единицы просто переходили с одного ряда на другой.

Подобная неизменность АТЕ схожа с ситуацией в России. Например, области европейской части страны, выделившиеся в XIX в., были укрупнены в 1920-х гг. и вновь восстановлены в 1930-40-х гг. Большинство районов, образованных в 1930-х гг. устойчиво существуют до нашего времени, несмотря на волну укрупнения и разукрупнения в 1960-х гг. Это позволяет сделать вывод о том, что в каждой стране складывается своя устойчивая система расселения, административно-хозяйственных связей и зон влияния городов, определяющая структуру АТД.

Благодарности. Материалы для настоящей статьи собраны во время стажировки автора в университете Загреба в январе – апреле 2017 г. Автор выражает благодарность зав. кафедрой социально-экономической географии зарубежных стран Географического факультета МГУ к.г.н. А.С. Наумову и профессору отдела Географии факультета Наук университета Загреба д-ру Лауре Шакайе за организацию этой стажировки.

Литература

1. Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. М.: Аспект-Пресс, 2005. 479 с.
2. Туровский Р.Ф. Политическая география. Учебное пособие. М. – Смоленск: Изд-во СГУ, 1999.
3. Социально-экономическая география: понятия и термины. Словарь-справочник. / Отв. ред. А.П. Горкин. Смоленск: Ойкумена, 2013. 328 с.
4. Hrženjak J., Perko-Šeparović I. Organizacija teritorija i samoupravljanije. Zagreb: Informator, 1982.

5. Leško I. Stabilizacija politiko-teritorijane podjele i organizacije u SFR Jugoslaviji. // Geografski glasnik. 1975. No 36/37. S. 87–95.
6. Klemenčić M. Promjene upravno-teritorijalnog ustoja Hrvatske 1918–1992. // Hrvatske županije kroz stoljeća. Zagreb: Školska knjiga, 1996. S. 123–148.
7. Koprić I. Teritorijalna organizacija Hrvatske: prema novom uređenju // Nova upravno-teritorijalna organizacija Hrvatske. Zagreb: Hrvatska Akademija Znatnosti i Umjetnosti, 2015. S. 21–46.
8. Koprić I. Teritorijalna organizacija Hrvatske: stanje, kriteriji za prosudbu racionalnosti i prijedlog novog sustava // Nova hrvatska lokalna i regionalna samouprava. Zagreb: Hrvatska Akademija Znatnosti i Umjetnosti, 2010. S. 109–143.
9. Pavić Ž. Koliko je važna veličina lokalnih jedinica – eurposki primjeri i hrvatski uvjeti // Nova hrvatska lokalna i regionalna samouprava. Zagreb: Hrvatska Akademija Znatnosti i Umjetnosti, 2010. S. 85–108.
10. Toskić A., Njegač D. Urbani sustav kao osnova nove upravno-teritorijalne podjele Hrvatske // Nova upravno-teritorijalna organizacija Hrvatske. Zagreb: Hrvatska Akademija Znatnosti i Umjetnosti, 2015. S. 47–64.
11. Фрейдзон В.И. История Хорватии: Краткий очерк с древнейших времен до образования республики (1991 г.). СПб.: Алетея, 2001. 318 с.
12. Srkulj S., Lučić J. Hrvatska povijest u dvadeset pet karata. Zagreb: TRSAT, 1996.
13. Statistički atlas. Kraljevina Hrvatske i Slavonije. 1875–1915. Zagreb: Kr. Zem. Statistički Ured u Zagrebu, 1915.
14. Статистический департамент Хорватии. URL: <http://www.dzs.hr/>
15. Statističkije godišnjaki. Kraljevina Hrvatske i Slavonije. 1905–1910. Zagreb: Kr. Zem. Statistički Ured u Zagrebu, 1913–1917.
16. Statističkije godišnjaki. Annuaire statistiques. Kraljevina Jugoslavija. 1929–1939. Beograd: Opšta državna statistika, 1932–1939.
17. Statističkije godišnjaki SFR Jugoslavije. 1954–1991. Beograd: Savezni zavod za statistiku, 1954–1991.
18. Statističkije ljetopisi Republike Hrvatske. Statistical Yearbooks of the Republic of Croatia. 2002–2016. Zagreb: Zavod za statistiku Republike Hrvatske, 2003–2016.

УДК 911.3

В. Ю. Кузин¹
V. Yu. Kuzin

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛЯРИЗАЦИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ: НЕКОТОРЫЕ ТРЕНДЫ

THE ECONOMIC AND SOCIAL POLARIZATION OF THE REGIONS RUSSIA: SOME TRENDS

В статье анализируется поляризация как крайняя степень неравномерности развития. Рассматриваются её теоретические основы – дефиниция, базис и свойства. Охарактеризованы два наиболее выраженных вида поляризации – экономическая и социальная.

¹ **Кузин Вадим Юрьевич**, кандидат географических наук, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Якутск

The article analyzes the polarization as an extreme degree of uneven development. We consider its theoretical basis - definition, basis and properties. The two most pronounced types of polarization are analyzed economic and social.

Ключевые слова: поляризация, пространство, регион, региональное развитие, экономика, социум, конкурентоспособность, тренды.

Key words: polarization, space, region, regional development, economy, society, competitiveness, trends.

Введение. Региональное развитие имело и имеет разнонаправленную динамику. С течением времени происходит ослабление силы влияний одних факторов по сравнению с другими, однако общий тренд фактически неизменен – территориальное неравенство является объективной реальностью для Ойкумены. Подобный факт обуславливает интерес к изучению данного тренда со стороны как географов-обществоведов, так и региональных экономистов, отмечающих, при этом, что неравномерность развития территорий может характеризоваться целым спектром процессов. Среди них – дифференциация, выравнивание, асимметрия, поляризация. На последнем из них следует остановиться подробнее – как в силу крайней степени неравномерности развития страны [1], так и в превращение в один из важнейший трендов постсоветского развития России [2–4].

Базис поляризации: дефиниция и свойства. Термин «поляризация» интродуцирован в общественную географию из физики, где укоренён давно и прочно [5]. Иными словами – это характеристика разделения процессов в пространстве, притом разделения – строгого, разграничивающего процессы и явления по определённым параметрам. Подобная дихотомия применима и для характеристики пространственного развития. В связи с важностью и, в то же время, сложностью, существует целый спектр дефиниций «поляризации» [1, 6–10]. В данной статье применяется следующее определение: поляризация – процесс крайней дифференциации, когда формируются «полюса» с положительными (наиболее благоприятными) и отрицательными (наименее благоприятными) значениями при одновременном «истончении» средних показателей [11].

Необходимо отметить, что данный процесс – не уникальное российское явление, он проявляет себя в глобальном масштабе, притом, независимо от уровня развития стран. К примеру, в странах ОЭСР 4% регионов дают 1/3 общего экономического роста [12]; 40 «мегарегионов» (по терминологии Р.Флорида) производят 2/3 мирового ВВП, концентрируя 18% глобального населения и 86% патентов; мегарегион Большой Мехико производит более 50% ВВП страны, Сан-Паоло-Рио-де-Женайро – 40%, Бостон-Нью-Йорк-Вашингтон – 15% (что по величине больше экономик Франции или Великобритании) [13]. Обостряется не только межстрановая, но и внутривострановая

конкуренция, катализирующая поляризацию; именно рост неравенства внутри стран является главным фактором глобального неравенства [14].

Необходимо отметить, что вопросы, связанные с поляризацией, исследуются и зарубежными учёными. Особенно хотелось бы отметить исследования Института региональной географии Лейбница, Лейпциг, ФРГ. Среди изучаемых специалистами института вопросов можно отметить: отношения центров и периферий различных стран, перспективы инновационной деятельности бизнеса в периферийных районах (с выделением триггеров и факторов успеха), проблемы регионального развития периферийных территорий и пути их решения [15–17].

Значимое место занимает исследование региональных различий между «центром» и «периферией» и возможных ответов на них посредством политических и социально-экономических решений [18], исследование процесса периферизации в широком смысле [19, 20]. Влияние глобализации на региональное развитие через современную «экономику знаний» и особенности распространения знаний и инноваций также находятся в фокусе внимания зарубежных исследователей [21, 22]. Также анализируются экономические, социальные, политические процессы, составляющие региональной поляризации, подходы к борьбе с последствиями периферизации, что требует применение системного и многовекторного подхода к исследованию регионального развития [23], сопряженного анализа концепций поляризации и конвергенции [24].

К свойствам поляризации можно отнести:

1) полимасштабный характер проявления; безусловно, факторы формирования и градиенты показателей на каждом из уровней будут отличны, однако это не сглаживает поляризационный процесс;

2) неопределённая длительность функционирования и устойчивый характер;

3) формирование взаимодействующих центров («ядер») и антицентров («периферии»), различающихся как в количественном, так и в качественном отношении. Нельзя не отметить, что это разделение непреодолимо – периферия может стать ядром, хотя это довольно трудный процесс, в силу, как инертности пространства, так и непредсказуемости инновационного процесса (который может создать стимулы для экономического развития ранее периферийных территорий). Количественные различия этих функционально-противоположных зон измеримы и либо велики, либо крайне-велики (примеры методик – [8, 11, 25]), формируя качественные различия – возможности территорий предоставлять своим жителям социальные блага и предпочтения;

4) функциональное взаимодействие центров между собой, периферий между собой, центров и периферий;

5) превалирование центростремительных процессов над центробежными, то есть стягивание ресурсов и человеческого потенциала в центры – не только обеспечивает их устойчивый характер функционирования, но и «замы-

кает» их. Несмотря на возросшую мобильность жителей страны, демографический потенциал концентрируется в крупнейших агломерациях, формируя, тем самым, безвозвратную миграцию [26]. Централизация, присущая России в течение всей её истории, превращает центростремительные социально-экономические процессы (и их конечный результат – поляризацию) в «вековечную» данность [27] отечественного развития. Центробежные процессы, в таких условиях, неизбежно будут тормозиться, притом весьма сильно;

б) несводимость всей пространственной дифференциации к поляризации; пространство всегда дифференцировано, однако изменения в его развитии нельзя считать только лишь поляризацией;

7) комплексный характер; в силу взаимосвязей экономических, социальных, экистических и т.д. процессов, поляризационный процесс проявляет себя в их комплексе. Определить абсолютно точно границы в этом случае трудно, а по сути – и невозможно. Однако можно выделить определённые виды поляризации, такие как: экономическая, социальная, демографическая, транспортная, бюджетная, инвестиционная, инновационная, технологическая и т.д. Не ставя под сомнение важность каждого из видов крайней дифференциации, остановимся на первых двух – экономической и социальной.

Экономическая поляризация. Экономическое развитие в пространстве всегда неравномерно. Концентрация/дисперсия экономической активности возникает в силу целого ряда причин, зависящих от конкретной исторической эпохи, уровня технологий, унаследованного развития, институциональной среды и целого ряда других факторов. Они, в конечном итоге, формируют конкурентоспособность или неконкурентоспособность региона. Под конкурентоспособностью региона понимается готовность функционировать и отвечать на вызовы рыночной среды, а также быстро адаптироваться к её изменениям, обеспечивая и поддерживая региональный потенциал, основанный на локальных преимуществах территории [28, 29]. К локальным преимуществам территории относятся факторы, относящиеся к одним локалитетам (дешёвый труд, богатый природно-ресурсный потенциал, благоприятные климатические условия, развитая инфраструктура, уровень образования населения и т.п.) в сравнении с локалитетами, их не имеющими [30]. Данные преимущества позволяют снижать издержки экономической активности. Стоит обратить внимание на динамический характер факторов конкурентоспособности — факторы, являющиеся такими в настоящий момент, не обязательно останутся ими даже в ближайшем будущем. В ходе развития создаются и возникают новые конкурентные условия, которые изменяют общий вектор конкуренции [26]. Интеграция на одной территории традиционных и инновационных преимуществ даёт положительный эффект, усиливая её конкурентоспособность в современных экономических условиях [31].

Необходимо отметить, что для России свойственна сильная инерционность в изменении конкурентных преимуществ [32]. Результатом этого является

фрагментаризация экономической активности. Одновременно сосуществуют в едином пространстве страны центры не просто разного уровня, а разной направленности развития – от ориентации на глобальный рынок до фактически натурального хозяйства. Регионы, таким образом, функционируют в разной временной динамике, реагируя на различные изменения с разным временным лагом. В таком парцеллированном экономическом пространстве (на которое ещё и накладывается неустойчивость межрегиональных экономических связей) инерция конкурентных преимуществ не может, выражено, не проявлять себя. Это, в свою очередь, затрудняет управление таким разнородным пространством [33], снижая возможности прогнозирования его развития.

В связи с выраженными конкурентными преимуществами возникает неравномерность экономического развития, крайней формой которого является экономическая поляризация. Её формирование обусловлено сложным процессом взаимодействия объективных экономико-географических факторов, инклюзивных и экстративных институтов (инклюзивные – направленные на стимулирование участия больших групп населения в экономической активности, экстративные – направленные на максимизацию доходов узкой группой населения [34]), рыночной среды, глобальной экономической системы. Их совокупный результат – такая пространственная дифференциация, при которой возникающие немногие центры концентрируют максимальное количество всевозможных ресурсов и лучший человеческий капитал, в то время как формируются малоконкурентные зоны оттока ресурсов и населения. При этом происходящая концентрация существенно «размывает» медианные группы – среднеразвитые территории, с большой долей вероятности становящиеся либо центрами, либо перифериями. Подобная дихотомия ярко характеризует процесс экономической поляризации, обладающей всеми свойствами поляризации. В этой связи крайне сложно «сгладить», «выравнивать» уровни экономического развития – ведь они формируются в силу протекания объективных процессов, «развернуть» или ограничить которые либо чрезвычайно затратно, или вообще невозможно. В то же время средствами региональной политики можно снизить градиенты в уровнях экономического развития разных территорий. Это особенно важно, поскольку экономическая поляризация всегда сопровождается социальной поляризацией [11, 33].

Социальная поляризация. Неравномерность социального развития, присущая любому социуму, в случае осложнения экономической поляризации катализирует социальную поляризацию. Под ней понимается разделение общества на ряд слоев или групп, конфликтующих между собой и различающихся материальным положением, ценностными позициями, интересами, установками, особенностями поведения [35]. Её базисом выступают дисбалансы экономического развития, которые прямо или косвенно влияют на социальную сферу. В результате происходит «искажение» социального пространства. Процессы, протекающие в нём, должны обеспечивать членам общества

не только доступ к социальным благам, ресурсам, предпочтениям, но и к разнокачественному уровню их потребления. Однако возможности подобного доступа лимитируются экономическими причинами, расширяя/сужая такие возможности под влиянием объективных факторов.

При существующей экономической поляризации крайняя неравномерность развития проецируется на социум. Формируется не просто разный доступ к услугам, социальному обеспечению и защите, а неравная доступность образования, здравоохранения; складываются разные условия жизни. В результате этого общество значительно стратифицируется, что лимитирует не только возможности людей, но и возможности территорий предоставлять своим жителям социальные блага и предпочтения [11].

Современные условия глобализации и постиндустриальной экономики ведут к усложнению отношений внутри общества, возрастает их интенсивность и многообразие. Социальные условия жизни приобретают значимость экономическую, особенно для наукоёмких производств [22, 36, 37].

В этих условиях социальная поляризация регионов России возрастает [38], трансформируя пространство страны во всё более поляризованную структуру. Происходит формирование зон социальной модернизации и деградации человеческого капитала, усиливающийся миграционным и депопуляционным факторами [3]. Фактически, формируются разные «социальные пространства» с разной величиной и направленностью уровня доходов, потребления, социальной мобильности, миграций, уровнями образования и здравоохранения. В конечном итоге – с разным уровнем, качеством и образом жизни. Иными словами, поляризация социальная также фрагментизирует социальное пространство, как экономическая поляризация – экономическое. При этом возможности смягчения социальной поляризации в современных российских реалиях ограничиваются дефицитом финансовых ресурсов, «вязким» (для модернизации) инерционным характером пространства, не всегда эффективным инструментарием государственной политики [39].

Поляризация как тренд регионального развития постсоветской России. Неоднократно отмечалось, что поляризация пространства – важнейший тренд пространственного развития постсоветской России [2–4, 40]. Не повторяя их основные положения, хотелось бы отразить показатели, характеризующие поляризацию российского пространства. Для генерализации они выделены за периоды, отражающие специфику социально-экономического развития страны:

- постсоветского трансформационного спада (1992–2000 гг.);
- экономического развития на фоне роста мировых цен на энергоносители (2001–2008 гг.);
- мирового финансово-экономического кризиса (2009–2013 гг.);
- геополитического обострения (с 2014 года).

Все показатели усреднялись за соответствующие периоды (таблица).

Таблица. Показатели поляризации пространства России

	1992-2000	2001-2008	2009-2013	2014-2016
Доля населения, проживающего в городах с населением более 500 тыс. чел., %	25,67	28,89	30,10	31,17
Средняя урожайность зерновых и зернобобовых, ц/га	15,46	20,01	21,66	24,67
Посевная площадь сельскохозяйственных культур, млн. га	99,34	79,26	76,82	79,07
Индекс Джини	0,384	0,409	0,420	0,414

Из данных таблицы виден устойчивый тренд поляризации – происходит стягивание населения в крупные города при одновременной интенсификации использования земли. При этом хозяйственная деятельность также стягивается, о чём говорит резкое сокращение посевных площадей (несмотря на небольшой рост в последнем периоде). Всё это сопровождается возрастающим социальным расслоением. Иными словами – нарастающая экономическая и социальная поляризация характеризует региональное развитие постсоветской России. В свою очередь, поляризованное развитие страны имеет свои особенности. Его выраженной особенностью стало резкое доминирование одного центра – Москвы. Не сдерживаемая искусственно миграция населения, приток иностранных инвестиций, «вход» на отечественный рынок глобальных ТНК через столицу, выраженный агломерационный эффект вкупе со сформировавшейся бюджетной и региональной политикой привёл к закреплению «московскости». И без того поляризованное российское пространство ещё более поляризуется центростремительным притоком человеческого капитала, инвестиций, технологий, направленных именно в столицу. В настоящее время доля Москвы в общероссийских показателях достигает (данные – на 2016 г.): населения – 8,4%; ВРП – 21,7% (2014 г.); основные фонды в экономике – 18,7%; объём импорта – 43%; объём экспорта – 43,4%; затраты на научные исследования – 35,3%; выданных патентов – 27,5% (2015 г.) [41].

Локализуя $\frac{3}{4}$ крупнейших по объёму продукции компаний страны [42], объём ВРП Москвы в расчете на одного человека сопоставим с болгарским и превышает, к примеру, мексиканский и бразильский (данные за 2015 г. по [43]), а размер среднемесячной зарплаты выше общероссийского показателя в 2 раза. Фактически, в среднем, житель Москвы «имеет доход от собственности в 12,5 раза больше, чем “прочий” россиянин» [44, с. 23]. Таким образом, в силу совокупного сочетания новых (привлечение иностранных инвестиций, новейших технологий, возросший статусный фактор, «замыкание» бюджетных ресурсов) и унаследованных (высокий приток человеческого капитала, столичный статус, агломерационные связи) трендов развития произошло формирование гипертрофированного полюса развития – Москвы. Являясь статусным и объективным лидером, столица втягивает в орбиту своего влияния не только Московскую область, но и все соседние регионы, «фиксируя», тем самым,

существующий статус-кво, ведущий к сильной периферизации и деградации удалённых от столицы регионов.

Заключение. Современный процесс глобализации не устранил диспаритеты социально-экономического развития [38, 45, 46], и именно он стал важнейшим трендом для современной России, сформировав не только условия для разноскоростной и разновременной динамики «входа» в глобальную систему разных регионов, но и создав условия для дальнейшего развития страны. В условиях «избирательного» характера глобализации, ускорение поляризационного процесса не стало нелогичным трендом. Немногие центры, «встраиваясь» в наднациональные структуры, кроме очевидных выгод получили и зависимость от глобальной конъюнктуры, определяемую зарубежными структурами [2, 42]. Наряду с вхождением в общемировую систему немногих центров (правда, не всегда и не во всём на равных), большая часть страны превратилась в периферию (до 85% территории) [47]. Глобализация и сопутствующий ей рост информационной доступности высвечивает экономические и социальные градиенты разных локалитетов (городских и сельских территорий в первую очередь) [4].

Следствием такого развития становится поляризация, включая и регионополизацию [48] – «стягивание» населения, экономических мощностей, инвестиций, миграционных потоков в региональный центр [49]. Это, в свою очередь, катализирует процесс метрополизации – установление практики экономического, социально-культурного, политического доминирования ведущего пространственного ареала региона; при этом выстраивается жесткая зависимость этого ареала (центра) от его периферии [44].

Закрепление поляризационных тенденций в пространстве России во многом детерминирует как социально-экономическое развитие страны в целом, так и регионов, муниципальных районов и городских округов, создавая барьеры и коридоры возможностей для их развития [40]. Таким образом, поляризация является реальностью современного российского развития, что делает необходимым изучение её теоретического базиса и пространственного проявления.

Литература

1. Губанова Е.С., Клещ В.С. Методологические аспекты анализа уровня неравномерности социально-экономического развития регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Том 10. № 1. С. 58–75.
2. Пространство современной России: возможности и барьеры развития (размышления географов-обществоведов) / отв.ред. А.Г. Дружинин, В.А. Колосов, В.Е. Шувалов. М.: Вузовская книга, 2012. 336 с.
3. Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики, 2010. 160 с.
4. Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования. М.: Эслан, 2010 г. 428 с.

5. Физическая энциклопедия. Гл. ред. А.М.Прохоров. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. 704 с.
6. Кетова Н.П., Овчинников В.Н. Региональная экономика: универсальный учебный экономический словарь. Ростов н/Д.: Феникс, 2006. 247 с.
7. Файрушин А.Ф. Особенности пространственной поляризации в современной России // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 2. С. 126–128.
8. Леонов С.Н. Эмпирический анализ поляризованного развития субъекта Российской Федерации // Региональная экономика: теория и практика. 2017. Т. 15. Вып. 3. С. 449–458.
9. Родоман Б.Б. Территориальные ареалы и сети – очерки теоретической географии. Смоленск: Ойкумена, 1999. 256 с.
10. Гатауллин Р.Ф., Каримов А.Г., Аслаева С.Ш. Сущность, специфика и основные факторы поляризации территориальных систем // Фундаментальные исследования. 2017. № 4 (часть 2). С. 339–343.
11. Кузин В.Ю. Социально-географическая поляризация в системе расселения Воронежской области // Дис. ...к.геогр.н.: 25.00.24. Санкт-Петербург, 2013. 228 с.
12. Promoting Growth in All Regions. OECD, 06 December, 2012. 280 p.
13. Richard Florida. Megaregions: The Importance of Place // <https://hbr.org/2008/03/megaregions-the-importance-of-place>.
14. Beugelsdijk S., Brakman S., Garretsen J.H., van Marrewijk C. International Economics and Business. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2013. 410 p.
15. van Hulst M., Yanow D. From Policy “Frames” to “Framing” Theorizing a More Dynamic, Political Approach // The American Review of Public Administration. 2014. Vol. 46(1). P. 92–112.
16. Relationale Perspektiven auf Innovationsaktivitäten von Unternehmen in peripheren Regionen // https://www.ifl-leipzig.de/de/forschung/projekt/detail/die_bedeutung_betrieblicher_innovationen_fuer_die_entwicklung_peripherer_und_strukturschwacher_regionen_in_ostdeutschland_und_estland.html.
17. Neue Perspektiven der Regionalentwicklung in Sachsen und Europa in Fachforum diskutiert // <http://www.landesentwicklung.sachsen.de/29275.htm>.
18. RegPol² – Research on the development of peripheral regions // <http://www.sustainableplaceshaping.net/regpol-research-on-the-development-of-peripheral-regions/>.
19. Lang, T. Shrinkage, Metropolization and Peripheralization in East Germany // European Planning Studies. 2012. Vol. 20. Iss. 10. P. 1747–1754.
20. Nang E. // Hungarian geographical bulletin. 2015. Vol. 64. No 3. P. 167–170. DOI 10.15201/hungeobull.64.3.1.
21. Bathelt, H., Henn, S. The geographies of knowledge transfers over distance: Toward a typology // Environment and Planning A. 2014. Vol. 46. Iss. 6. P. 1403–1424.
22. Egedy, T., Redmond, D., Ehrlich, K. Urban Regeneration and Housing as Potential Tools for Enhancing the Creative Economy // Place-making and Policies for Competitive Cities, 2013. P. 127–147.
23. Lang, T. Socio-economic and political responses to regional polarisation and socio-spatial peripheralisation in Central and Eastern Europe: a research agenda // Hungarian geographical bulletin. 2015. Vol. 64. No 3. P. 171–185. DOI 10.15201/hungeobull.64.3.2.
24. Benedek J., Moldovan A. Economic convergence and polarisation: towards a multi-dimensional approach // Hungarian geographical bulletin. 2015. Vol. 64., No 3. P. 187–203. DOI 10.15201/hungeobull.64.3.3.
25. Трунин С.Н., Урманов Д.В. Пространственная поляризация регионов России как условие обострения социальных интересов и возможностей общества // Региональные исследования. 2011. № 4 (34). С. 67–72.

26. Дягтерев П.А. Возможно ли развитие периферийных территорий России в условиях постиндустриальной трансформации негативного типа? // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2013. № 2. С. 49–59.
27. Гладкий Ю.Н. Региональная социально-экономическая асимметрия – «вековечный удел» России? // Проблемы и пути социально-экономического развития: город, регион, страна, мир. Сборник статей. – Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2017. 228 с. С. 98–102.
28. Ощепков В.М., Кузьмина Ю.Д. Конкурентоспособность регионов: сущность, современные факторы повышения // Вестник Пермского университета. Сер. Экономика. 2012. № 3.1. С. 6–12.
29. Чайникова Л.Н. Конкурентная среда как элемент системы управления конкурентоспособностью региона // Управленческие науки. 2012. № 4. С. 60–65.
30. Кузин В.Ю. Факторы конкурентоспособности Республики Саха (Якутия) согласно концепции «новая экономическая география» // Псковский регионологический журнал. 2017. № 1 (29). С. 13–19.
31. Трофимов А.М., Рубцов В.А., Шарыгин М.Д., Комарова В.Н., Рожко М.В. Позиционирование и конкурентоспособность регионов в процессе социально-экономического развития // Географический вестник. 2009. № 2. С. 68–77.
32. Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики, 2010. 160 с.
33. Нефедова Т.Г. Поляризация пространства России: ареалы роста и «черные дыры» / Т.Г. Нефедова // ЭНСР. 2009. № 1 (44). С. 62–77.
34. Робинсон Дж.А., Аджемоглу Д. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ, 2015. 695 с.
35. Грицанов А.А. и др. Новейший социологический словарь. Минск: Книжный дом, 2010. 1312 с.
36. Анохин А.А., Житин Д.В., Краснов А.И., Лачининский С.С. Социально-экономическая география: традиции и современность // Вестник СПбГУ. Серия 7: Геология. География. 2015. № 1. С. 75–85.
37. Анохин А.А. Особенности глобализации и регионализации в современном мире // Региональная экология. 2003. № 3–4. С. 15–22.
38. Вопросы географии. Сборник 141. Проблемы регионального развития России / Отв. ред. В.М. Котляков, В.Н. Стрелецкий, О.Б. Глезер, С.Г. Сафронов. М.: Издательский дом «Кодекс», 2016. 640 с.
39. Зубаревич Н.В. Социальное пространство России // Отечественные записки. 2008. Т. 44. № 5. С. 172–194.
40. Кузин В.Ю. Процесс трансформации пространства современной России: поляризационный аспект // Вестник СВФУ. Серия: Науки о Земле. 2016. № 2. С. 15–20.
41. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: Стат. сб. М.: Росстат, 2016. 1326 с.
42. Социально-экономическая география – 2011: теория и практика: материалы международной научной конференции «Социально-экономическая география: фундаментальные и прикладные исследования» / под ред. А. Г. Дружинина, Г. М. Федорова, В. Е. Шувалова. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2011. 299 с.
43. GDP per capita, PPP (current international \$) // <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD>.
44. Дружинин А.Г. Метрополии и метрополизация в современной России: концептуальные подходы в политико-географическом контексте // Известия РАН. Серия географическая. 2014. № 1. С. 19–27.

45. Трейвиш А.И. Сжатие социального геопространства: между реальностью и утопией // Демоскоп Weekly. 2012. № 507–508. С. 1–27.

46. Анохин А.А. Геополитические риски и конкурентоспособность России // Современные проблемы теории и практики общественной географии: Сб. науч. трудов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. С. 28–38.

47. Дружинин А.Г. Полизависимость в центрo-периферийной стратификации территориальной организации общества: основы концепции // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2014. № 3. С. 29–40.

48. Алаев Э.Б. Социально-экономическая география: понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль, 1983. 350 с.

49. Ридевский Г.В. Регионополитизация территориальной структуры хозяйства и расселения Республики Беларусь / Г.В. Ридевский // Северо-западная Россия: проблемы экологии и социально-экономического развития. Псков, 2004. С. 304–306.

ХРОНИКА, ИНФОРМАЦИЯ

А. Г. Дружинин

Азербайджано-российская конференция географов-обществоведов «Общественная география в Азербайджане и России: приоритеты развития в XXI столетии» (10–14 мая 2018 г., Баку, Азербайджан)

В мае 2018 года в городе Баку состоялась азербайджано-российская международная научная конференция «Общественная география в Азербайджане и России: приоритеты развития в XXI столетии». Данный научный форум организован по инициативе АРГО и Географического общества Республики Азербайджан; весомый вклад в его успешное проведение внёс коллектив Института географии НАН Азербайджана. В конференции (её работа проходила также на «площадке» Академии государственного управления при Президенте Республики Азербайджан) приняли участие не только представители научно-образовательных структур Азербайджана и России, но и Белоруссии, Китая, Республики Сербской, Турции. «Российская составляющая» участников конференции оказалась наиболее многочисленной – в Баку прибыли и выступили с докладами 53 российских географа-обществоведа (в их числе 15 докторов наук) из Белгорода, Владикавказа, Волгограда, Ижевска, Иркутска, Казани, Калининграда, Москвы, Назрани, Оренбурга, Ростова-на-Дону, Санкт-Петербурга, Смоленска, Якутска.

К участникам конференции с приветственными словами обратились Президент Географического общества Азербайджана, директор Института географии АН Республики Азербайджан академик Рамиз Мамедов, Президент Ассоциации российских географов-обществоведов профессор А.Г. Дружинин. Президент Географического общества Республики Сербской профессор Райко Гнято, а также профессора Дунь Явень (Китайская Народная Республика), Исмаилов Чингиз Ниязи оглу (Азербайджан), Ибрагимов Айдын (Турция).

На пленарных заседаниях участники конференции с большим вниманием заслушали доклады А.И. Трейвиша (Россия), Р. Мамедова (Азербайджан), М. Гасанова (Азербайджан), Ч. Исмаилова (Азербайджан), А.Г. Дружинина (Россия), З. Эминова (Азербайджан), А.И. Чистобаева (Россия), Н. Эюбова (Азербайджан), М. Трифуновича и Р. Гнято (Республика Сербская), В.Н. Стрелецкого (Россия), Т. Гасанова и М. Бабаева (Азербайджан), В.А. Шупера (Россия), Т.Г. Нефёдовой (Россия), Т.И. Герасименко и Б.Б. Родомана (Россия), Р. Керимова (Азербайджан), В.Л. Мартынова (Россия), В.А. Рубцова (Россия), Т.И. Заборцевой (Россия), Э. Бадалова (Азербайджан), Н.В. Каледина (Россия), В.А. Горбанёва (Россия), Т.И. Потоцкой (Россия), М.Д. Горячко (Россия).

Помимо пленарных заседаний, в рамках конференции была организована продуктивная работа четырёх «круглых столов» по следующей тематике:

- Азербайджан и Россия в современных геополитических, геоэкономических, геодемографических и геокультурных процессах;
- развитие регионов Азербайджанской Республики и Российской Федерации в постсоветский период;
- динамика общественно-географических систем и пространственное планирование;
- общественно-географические аспекты экологической безопасности; феномен ландшафта в современных общественно-географических процессах.

При подведении итогов конференции был констатирован высокий уровень докладов и выступлений её участников, а также необходимость дальнейшего поступательного развития контактов российских и азербайджанских географов-обществоведов с акцентом на совместные исследовательские проекты, публикации, академическую мобильность.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Статьи, направляемые для публикации, должны содержать наиболее существенные, завершённые и ранее не опубликованные результаты научных исследований.

Материалы предоставляются в редакционную коллегию в электронном виде. Объём статьи не должен превышать 35 тысяч знаков, включая пробелы (или 20 страниц текста, шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5). К тексту прилагается информация об авторе (фамилия, имя, отчество, учёная степень, учёное звание, место работы, почтовый и электронный адрес). В статьях перед текстом помещается (на русском и английском языках): инициалы и фамилия автора(ов), название статьи, аннотация (не более 500 знаков с пробелами), а также ключевые слова. Статьи должны быть снабжены индексом УДК. Использованная литература размещается в конце статьи в виде пронумерованного списка; нумерация – в порядке её упоминания в тексте; номера источников в тексте – в квадратных скобках. Сокращения (кроме общепринятых) не допускаются. Иллюстрации предоставляются как в основном тексте, так и в дополнительных файлах (картосхемы и картограммы – в черно-белом изображении в формате JPG, графики и диаграммы – Excel). Материалы просьба высылать по адресу alexdru9@mail.ru